

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (6) 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Агаджанян А.К. Пространственная структура позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии	2
Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия)	20
Монсель М.-Е. Среднепалеолитические комплексы с пластинами в Юго-Восточной Франции. Разнообразие техники расщепления камня в среднем палеолите и его значение	37
Адовизио Дж.М., Соффер О., Хиланд Д.С., Иллингворт Дж.С., Клима Б., Свобода И. Производство изделий из недолговечных материалов в Долни Вестонице I: Новый взгляд на природу и происхождение граветта	48
Васильев С.А. Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии каменного века	66
Кашин В.А. Неолитическое захоронение детей на средней Колыме	78
Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Северная Месопотамия в свете исследований Российской экспедиции	82
Ронен А., Адлер Д. Магические защитные сооружения Иерихона	97

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Богданов Е.С., Кузнецов Д.В. Ордосские художественные бронзы	104
Байпаков К.М., Ефстифеев Ю.Г., Кок Б., Пачикин К.М., Савельева Т.В. Эколого-археологические исследования в Южном Прибалхашье (Северо-Восточное Семиречье)	112

ЭТНОГРАФИЯ

Бауло А.В. Богатырь и невеста (серебряное блюдо с реки Сыня)	123
---	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Габуния Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д. Новые находки костных остатков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия)	128
Шпакова Е.Г. Антропологическая характеристика детского погребения позднепалеолитического времени со стоянки Каменка II	140

ПЕРСОНАЛИИ

Дмитрий Глебович Савинов	154
---------------------------------	-----

НОВЫЕ КНИГИ	156
--------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

УДК 551.89.569.3

А.К. Агаджанян

Палеонтологический институт РАН
ул. Профсоюзная, 123, Москва, В-868, 117868, Россия
E-mail: aagadj@paleo.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ФАУНЫ МЛЕКОПИТАЮЩИХ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ*

Экологическое и зоогеографическое своеобразие позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии было показано еще в конце прошлого века [Nehring, 1890]. Впоследствии удалось установить, что она занимала обширный ареал от Атлантики до Тихого океана и от побережья Ледовитого океана до обрамляющих равнины континента гор — Альп, Карпат, Кавказа, Памира, Алтая, Саян. На этом огромном пространстве в ее структуре выделяются региональные особенности, выявлению которых посвящена настоящая статья. В ее основу положен анализ позднеплейстоценовых сообществ млекопитающих в ключевых регионах Северной Азии. В качестве отправной рассматривается территория Северо-Западного Алтая, в частности, наиболее изученная ее центральная часть — бассейн р. Ануй. В пределах этой территории основные фаунистические материалы получены при изучении археологических памятников, которое проводится под руководством акад. А.П. Деревянко [Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко, Молодин, 1994; Оводов, Ивлева, 1990; Ивлева, 1990; Жермонпре, 1993; Васильев, Гребнев, 1994; Агаджанян, 1998].

Северо-Западный и Центральный Алтай

К настоящему времени известны материалы по многим палеолитическим памятникам Северо-Западного Алтая [Ивлева, 1990; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Оводов, Ивлева, 1990; Шуньков, 1990; Архео-

логия и палеоэкология..., 1990; Деревянко, 1997; Деревянко, Николаев, Петрин, 1997; Проблемы..., 1998; Археология, геология..., 1998; Дупал, 1998]. Среди мелких млекопитающих из этих местонахождений рукокрылые иногда встречаются в отложениях палеолитических памятников; они отмечены для пещер Окладникова, Денисовой, Малояломанской и Страшной (см. таблицу). Редко встречается еж. Землеройки, напротив, присутствуют везде, они не отмечены лишь в Усть-Канской пещере. Белозубка *Crocedura* отмечена в пещерах Окладникова, Разбойничьей, Малояломанской и Страшной, но численность ее везде низка. Достаточно редка кутора *Neomys fodiens*. Обычен и повсеместно встречается крот *Asioscalops altaica*. Во всех изученных фаунах присутствуют суслик *Spermophilus undulatus* и сурок *Marmota*. Почти на всех стоянках, правда в малом количестве, найдены останки древесных беличьих: летяги *Pteromys volans*, белки *Sciurus vulgaris*, бурундука *Eutamias*. Только в Разбойничьей пещере найден дикобраз *Hystrix*. Бобр отмечен лишь в пещерах Окладникова и Денисовой. Останки лесных мышей *Apodemus* (*Alsomys*) sp. найдены в очень малых количествах в пещерах Окладникова, Денисовой, Каминной, Малояломанской и Страшной. Хомяк обыкновенный *Cricetus cricetus* достаточно редок. Хомячок *Crictulus barabensis* и неопределенные, точнее, мелкие хомячки представлены в пещерах Окладникова, Денисовой, Разбойничьей и на стоянке Усть-Каракол-1. Хомяк Эверсмана *Allocricetus evermanni* установлен для Денисовой пещеры. Мышовка *Sicista* sp. обнаружена в Денисовой и Каминной пещерах и на стоянке Усть-Каракол-1. Достаточно редок тушканчик

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 99-04-48636.

Встречаемость мелких позвоночных в отложениях пещер и палеолитических памятников
Северо-Западного и Центрального Алтая

Таксоны	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Chiroptera	+	+	+			+		+	+
<i>Erinaceus</i> sp.	+	+							
<i>Sorex roboratus</i>		+	+	+					
<i>Sorex minutus</i>		+	+	+		+			
<i>Sorex araneus</i>		+	+	+		+			
<i>Sorex</i> sp.	+				+	+		+	+
<i>Crocidura</i> sp.	+					+		+	+
<i>Neomys fodiens</i>		+				+			
<i>Asioscalops altaica</i>	+	+	+	+	+	+		+	+
<i>Sciurus vulgaris</i>		+	+	+					
<i>Pteromys volans</i>	+	+						+	
<i>Eutamias sibiricus</i>		+		+	+				
<i>Spermophilus undulatus</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Marmota</i> sp.	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Hystrix</i> cf. <i>leucura</i>						+			
<i>Castor</i> sp.	+	+							
<i>Apodemus (Alsomys) sp.</i>	+	+	+		+			+	+
<i>Cricetus cricetus</i>	+	+		+	+	+		+	+
<i>Cricetulus barabensis</i>	+	+	+	+		+			
<i>Allocrietus eversmanni</i>		+	+						
<i>Sicista</i> sp.		+		+	+				
<i>Allactaga</i> sp.	+	+		+					+
<i>Ellobius</i> sp.	+	+	+	+	+	+			
<i>Clethrionomys rutilus</i>	+	+	+	+	+	+		+	
<i>Clethrionomys rufocanus</i>	+	+	+	+	+	+		+	
<i>Clethrionomys</i> sp.	+	+	+		+	+			+
<i>Alticola strelzovi</i>		+	+	+	+				
<i>Alticola macrotis</i>		+	+		+				
<i>Alticola</i> sp.	+	+	+		+	+		+	+
<i>Lagurus lagurus</i>	+	+	+	+	+	+		+	
<i>Lagurus</i> sp.		+	+	+					
<i>Eolagurus</i>	+					+			
<i>Dicrostonyx</i> sp.		+							
Lemmini		+	+	+					
<i>Stenocranius gregalis</i>	+	+	+	+	+	+		+	
<i>Microtus oeconomus</i>	+	+	+	+	+	+		+	
<i>Microtus hyperboreus</i>		+	+	+				+	
<i>Microtus agrestis</i>	+	+	+	+		+		+	
<i>Microtus arvalis</i>		+	+		+	+		+	
<i>Microtus</i> sp.	+	+	+		+		+	+	+
<i>Arvicola</i> sp.	+	+	+	+	+	+		+	+
<i>Myospalax myospalax</i>	+	+	+	+	+	+		+	+
Arvicolidae gen.		+	+	+					

Таксоны	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Ochotona hyperborea</i>		+	+			+		+	+
<i>Ochotona pusilla</i>		+	+			+			
<i>Ochotona</i> sp.	+	+	+	+	+				
<i>Lepus</i> sp.	+	+	+		+				
<i>Lepus timidus</i>	+					+		+	+
<i>Lepus tolai</i>	+	+			+	+	+	+	
<i>Mustela</i> sp.	+	+	+	+					
Aves	+	+	+	+			+		
Reptilia		+	+	+					
Amphibia		+	+						
Pisces		+	+	+					

 землерои

 лесные виды

 степные виды

 виды сухих степей и полупустынь

 нивальные виды

 присутствие таксона в местонахождении

 виды высокогорных лугов

 луговые виды

 тундровые виды

 бореальные виды

 околотовные виды

1 – пещера Окладникова
2 – Денисова пещера, сектор 4
3 – Денисова пещера, сектор 3
4 – стоянка Усть-Каракол-1
5 – пещера Каминная
6 – пещера Разбойничья
7 – Усть-Канская пещера
8 – Малояломанская пещера
9 – пещера Страшная

Allactaga sp.: его останки зафиксированы только в пещерах Окладникова, Денисовой, Страшной и на стоянке Усть-Каракол-1. Во всех фаунах в значительном количестве присутствуют рыжие полевки *Clethrionomys* и азиатские скальные полевки *Alticola*. В осадках большинства описываемых памятников представлены пеструшки рода *Lagurus*, правда по количеству они уступают двум названным выше полевым. Обычна, но всюду редка слепушонка *Ellobius*. Только в Денисовой пещере отмечен копытный лемминг *Dicrostonyx*. Представители *Lemmini* встречаются значительно чаще: их останки найдены в осадках Денисовой и Каминной пещер и стоянки Усть-Каракол-1. В Каминной пещере, правда, костные остатки лемминга *Myopus*, по определению Т.А. Дупал, найдены лишь в горизонте А слоя 11 [Археология, геология..., 1998]. Во всех изученных фаунах присутствуют в большом количестве кости полевки рода *Microtus*. Среди них наибольшая часть принадлежит узкочерепной полевке *Stenocranius gregalis*. В меньших количествах, но повсеместно регистрируется полевка-экономка *Microtus oeconomus*. Для большинства местонахождений, кроме пещер Каминной, Усть-Канской и Страшной, отмечена пашенная полевка *Microtus agrestis*, хотя ее численность везде низка. То же относится и к обыкновенной полевке *Microtus arvalis*. Во всех изученных фаунах в довольно большом количестве присутствует цокор *Myospalax*

myospalax. Повсеместно отмечена, но всюду редка водяная полевка *Arvicola* sp. Почти на всех памятниках найдены останки пищух и зайцев. При этом алтайская пищуха *Ochotona hyperborea* встречается чаще, чем степная, а толай *Lepus tolai* – чаще, чем беляк *Lepus timidus*. Толай – типичный обитатель сухих степей и полупустынь, а заяц-беляк представляет лесную и тундровую зоны.

Как показывают данные таблицы, закономерности в соотношении различных видов мелких млекопитающих, установленные по материалам Денисовой пещеры, сохраняются и на остальных памятниках Центрального и Северо-Западного Алтая. Столь же интересно сопоставление крупных млекопитающих с местонахождений этого региона, выполненное по опубликованным данным [Цейтлин, 1974; Ивлева, 1990; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Оводов, Ивлева, 1990; Шуньков, 1990; Археология и палеоэкология..., 1990; Деревянко и др., 1997; Деревянко, Николаев, Петрин, 1997; Агаджанян, 1998; Барышников, 1998; Археология, геология..., 1998; Дупал, 1998]. Эти материалы свидетельствуют, что в отложениях почти всех палеолитических памятников Горного Алтая присутствует лисица и волк, обычен корсак *Vulpes corsak*. Встречается красный волк *Canis alpinus*. Песец *Alopex lagopus* отмечен только в Денисовой пещере. Медведи присутствуют повсеместно. Они не отмечены только на памятнике Логово Гиены

на р. Чарыш. Соболь *Martes zibellina* представлен только в пещерах Окладникова, Денисовой и Разбойничьей (две последние расположены в наиболее облесенной части Северо-Западного Алтая). Костные остатки росомахи *Gulo gulo* найдены всего на двух стоянках. Барсук *Meles meles* довольно редок, его немногочисленные останки обнаружены в пещере Окладникова, Разбойничьей, Усть-Канской и Страшной. Пещерная гиена отмечена на всех палеолитических памятниках Горного Алтая. Это самый массовый крупный хищник позднего плейстоцена данного региона. Среди всех “пещерных” видов (лев, гиена, медведь) *Crocota spelaea*, по-видимому, была теснее других связана в своей экологии с карстовыми полостями. Снежный барс *Uncia uncia* зафиксирован лишь в Малояломанской пещере, т.е. в самой южной и наименее удаленной от высокогорной части Алтая. Останки рыси отмечены только в пещерах Окладникова и Денисовой. Пещерный лев довольно обычен, но отсутствует в пещерах Центрального Алтая.

Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis* – один из самых характерных и довольно многочисленных крупных травоядных данного района. Лошади присутствуют везде, кроме Разбойничьей пещеры, и в заметном количестве. Лось *Alces alces* отмечен лишь в пещере Страшная, т.е. в области, пограничной с равнинами Прииртышья. Костные остатки косули *Capreolus pygargus* есть на всех памятниках – от пещеры Окладникова до Каминной, но отсутствуют в южных местонахождениях. Большерогий олень *Megaloceros giganteus* представлен только на открытой стоянке Усть-Каракол-1. Марал *Cervus elaphus* отмечен повсеместно в бассейне Ануя, но не зафиксирован в южных местонахождениях. Останки северного оленя *Rangifer tarandus* найдены только в пещере Окладникова. Як *Poephagus* sp. отмечен на большинстве памятников в бассейне Ануя, но отсутствует в пещере Окладникова и на стоянках по Чарышу. *Bison* обычен в пещерах Окладникова, Денисовой, Каминной, отмечен в Страшной пещере, но не зафиксирован в районах сильно рассеченного рельефа и остепненных ландшафтов. Костные остатки дзерена *Procapra gutturosa* и сайги *Saiga tatarica* имеются в осадках в Денисовой пещере и на стоянке Усть-Каракол-1, в пещерах Усть-Канская и Страшная. Сибирский козел *Capra sibirica* представлен везде, за исключением стоянок по Чарышу. Вероятно, это был один из наиболее обычных объектов добычи палеолитического человека. То же самое можно сказать об архаре *Ovis ammon*, останки которого найдены везде, за исключением Малояломанской пещеры.

Мамонт отмечен в пещерах Окладникова, Денисовой, Каминной и Страшной. Однако в Денисовой пещере найдено лишь несколько десятков мелких фрагментов эмали его коренных зубов. В верхних сло-

ях встречены небольшие украшения, выполненные из мамонтового бивня. Других обломков, которые можно было бы отнести к *M. primigenius*, в исследованной коллекции нет. В работах, посвященных изучению Каминной пещеры, мамонт указывался лишь для слоя 12, однако в книге “Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая” [1998] он вообще отсутствует в списке фауны. Невелико количество останков мамонта в пещерах Окладникова и Страшная, которые расположены по периферии низкорельефных районов. Можно утверждать, что в Горном Алтае устойчивых популяций мамонта на протяжении плейстоцена не существовало. Нельзя исключить редкие заходы этих животных в межгорные долины в периоды кочевков. Но во всех случаях это не оказывало существенного влияния на структуру плейстоценовой биоты.

Приведенные данные вместе с материалами по седиментологии и палинологии Е.М. Малаевой, С.В. Николаева, В.А. Ульянова и др. [Археология, геология..., 1998; Проблемы палеоэкологии..., 1998; Деревянко, Ульянов, Шуньков, 1999] позволяют выявить основные особенности природной обстановки Северо-Западного и Центрального Алтая в плейстоцене. Они показывают, что на протяжении позднего плейстоцена тектонические движения и процессы осадконакопления носили равномерный и ритмичный характер без каких-либо катастрофических нарушений. Наличие в плейстоценовой фауне Алтая крота, слепушонки и цокора не позволяет предполагать развитие крупных долинных ледников на протяжении позднего плейстоцена.

Очень низкая численность представителей трибы *Lemmini* во всех известных местонахождениях и практически полное отсутствие копытного лемминга *Dicrostonyx*, а также редкость песка и северного оленя свидетельствуют о том, что типичные тундровые сообщества не имели широкого распространения по всему Северо-Западному и Центральному Алтаю. Этот вывод противопоставляет Горный Алтай равнинам Западной Сибири.

Во всех плейстоценовых местонахождениях присутствуют виды, характерные для современной алтайской тайги: полевки рода *Clethrionomys*, марал, постоянно встречаются белка, летяга, бурундук. На всех памятниках, исследованных палинологически, отмечен широкий спектр пыльцы древесных пород, в том числе и широколиственных. Последние, по данным Е.М. Малаевой, только в материалах Денисовой пещеры и стоянки Кара-Бом включают около десятка таксонов, среди которых *Corylus*, *Ulmus*, *Tilia*, *Acer*, *Quercus*, *Juglans*, *Carpinus* [Археология, геология..., 1998; Проблемы палеоэкологии..., 1998; Малаева, 1999]. На всех памятниках отложения содержат пыльцу сосны, ели, пихты, кедра. Это предполагает

существование биоценозов южной тайги в низкогорье и среднегорье Алтая на всем протяжении плейстоцена. Площади, занимаемые лесами, варьировали во времени, но сохранялись постоянно.

Важную роль в составе плейстоценовых сообществ изученного района играли степные компоненты. На всех местонахождениях в заметном количестве отмечены маревые, полыни, злаки, среди мелких млекопитающих – степная пеструшка, сурок, суслик, тушканчик. Среди крупных млекопитающих обычны лошадь, кулан, сайга, дзюрен. Это свидетельствует о постоянном существовании в позднем плейстоцене на территории Центрального и Северо-Западного Алтая степных сообществ.

Значительную долю среди потребителей растительной массы составляли шерстистый носорог, кося, марал, бизон. Это предполагает широкое распространение кустарниковых ассоциаций по склонам гор и в долинах рек. Примечательно, что в плейстоцене на равнинах Северной Евразии кося *Capreolus capreolus* и олень *Cervus elaphus* являются показателями интергляциалов. На Алтае же останки этих животных устойчиво встречаются в отложениях как холодных, так и теплых эпох, что указывает на монотонность климатической и ландшафтной динамики во второй половине плейстоцена, отсутствие резких колебаний температуры, влажности и биотопических условий.

Ведущим компонентом биоты Алтая на протяжении позднего плейстоцена являлись виды нивального пояса, например, азиатские скальные полевки рода *Alticola*, которые в заметных количествах (10 – 30%) присутствуют во всех перечисленных выше местонахождениях. Другой представитель нивального пояса – алтайская пищуха *Ochotona hyperborea*, отмечена для большинства местонаждений. Еще один обитатель щебнистых склонов – сибирский козёл *Capra sibirica*. Его костные остатки найдены почти на всех палеолитических стоянках Алтая, как пещерных, так и открытых.

Своеобразным элементом биоценозов позднего плейстоцена Горного Алтая были луговые степи с разреженным травостоем и рыхлой дерновиной. Их индикатором является узкочерепная полевка *Stenocranius gregalis*. Останки *Stenocranius gregalis* найдены на всех палеолитических стоянках Алтая.

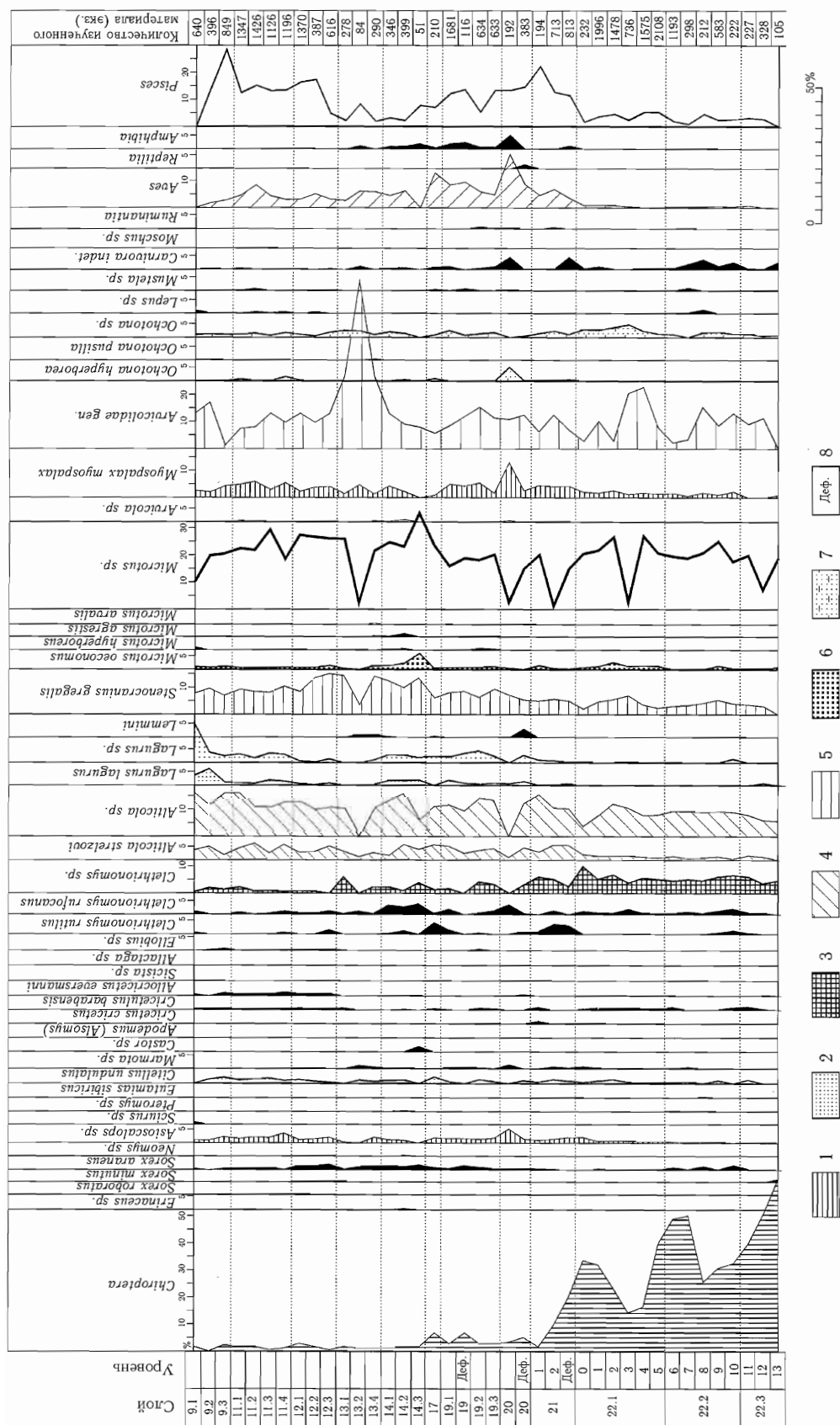
Бассейн Ануя

Наибольший объем информации получен в ходе изучения мелких млекопитающих из отложений Денисовой пещеры в 1995 и 1996 гг. Определенных костей насчитывается 27 584 экз. Возраст фауны млекопитающих определяется эволюционным уровнем таких групп полевок, как *Stenocranius gregalis*, *Lagurus*, *Alticola* и др. По своей морфологии они близки, но не

тождественны современным популяциям и отличаются большей эволюционной продвинутой от популяций среднего неоплейстоцена. Нижняя толща осадков (слой 22), которая по данным мелких млекопитающих накапливалась в условиях большей обледененности территории и большей гумидности климата, сопоставляется нами с казанцевским межледниковьем. Слои 20 – 9, содержащие фауну млекопитающих более холодного и сухого климата, отвечают второй половине позднего плейстоцена, т.е. ермаковскому, каргинскому и сартанскому времени. Слои 8 – 1 относятся к голоцену и не рассматриваются в данной работе. Список таксонов, установленных для плейстоценовых слоев Денисовой пещеры, включает более 40 названий. При общей однородности сообществ позвоночных плейстоценовых отложений хорошо выражена динамика количественного соотношения таксонов (см. рисунок).

Плейстоценовая фауна бассейна Ануя существенно отличается от современной. В ней присутствуют характерные элементы степных сообществ: сурок, слепушонка *Ellobius* и степная пеструшка *Lagurus lagurus*. В современной фауне их нет. Не отмечен в районе Денисовой пещеры хомяк Эверсмана, останки которого выявлены в плейстоценовых осадках пещеры. То же относится к леммингам. Виды, общие для ископаемого и современного сообществ, представлены в совершенно иных количественных соотношениях. В плейстоценовой фауне преобладали узкочерепная (*Stenocranius gregalis*) и азиатская горная (*Alticola strelzovi*) полевки, обитатели степей, тундр, высокогорных плато и каменистых склонов. В современной фауне бассейна Ануя преобладают полевки рода *Clethrionomys* – типичные индикаторы таежных условий. В современной фауне велика роль азиатских лесных мышей *Apodemus* – представителей подзоны южной тайги. В плейстоценовых слоях пещеры эти виды крайне редки. В современной фауне ведущее место занимают полевки подрода *Microtus*. В осадках плейстоцена они составляют не более 5%. Пищуха *Ochotona*, обычная в ископаемом состоянии, сейчас в окрестностях Денисовой пещеры малочисленна и имеет локальное распространение.

В целом изменение состава мелких млекопитающих на рубеже плейстоцена и голоцена выразилось в сокращении нивальных и степных элементов и росте численности таежных видов. Масштабы этих преобразований, однако, не следует преувеличивать. И в ископаемой, и в современной фаунах устойчиво сохраняются эндемичные формы Алтая – крот и цокор. И в современной биоте, и в ископаемом состоянии встречается несколько характерных восточносибирских видов: длиннохвостый суслик, бурундук, сибирская красная полевка, плоскочерепная полевка, даурский хомячок и др. Господство степных и нивальных

Количественное соотношение остатков мелких млекопитающих в плейстоценовых отложениях Денисовой пещеры. 1 – виды, ведущие подземный образ жизни; 2 – степные виды; 3 – лесные виды; 4 – нивальные виды; 5 – виды, заселяющие луга с рыхлой дерновиной; 6 – виды пойменных лугов и низовых болот; 7 – виды каменных россыпей и курумов; 8 – деформация.

сообществ не было постоянным и полным. Через все плейстоценовые слои пещеры проходят остатки полевки *Clethrionomys rutilus*, присутствуют бурундук, белка и летяга, что свидетельствует о существовании древесной растительности. Участки лесов сохранялись на протяжении всего позднего плейстоцена. Это означает, что изменения сообществ протекали на фоне стабильной в целом зоогеографической обстановки. Структура населения менялась преимущественно за счет мобилизации внутренних таксономических ресурсов Горного Алтая.

Наличие почти во всех горизонтах полевки-эконки свидетельствует о постоянном существовании злаково-осоковых ассоциаций, приуроченных, как и в настоящее время, к пойме Ануя. Это предполагает, что в период существования археологических памятников в этом районе гидрологический режим реки менялся мало. Данный вывод подтверждается стабильно низкой численностью в осадках пещеры водяной полевки *Arvicola*. Важным показателем природных условий являются костные остатки крота и цокора, которые не могли бы сохраниться при глубоком и длительном промерзании почвы. Их наличие – признак отсутствия долинных ледников в этом районе в позднем плейстоцене.

Судя по нарастанию количества и разнообразия степных форм снизу вверх по разрезу плейстоценовых отложений Денисовой пещеры, можно предполагать постепенное увеличение в долине Ануя площади открытых биотопов. Наибольшей выраженности эта тенденция достигает на уровнях 9.2 и 9.1. Распространение остатков фауны по разрезу заставляет предполагать, что отложения фазы максимального остепнения в Денисовой пещере не сохранились. Подтверждают это материалы по Каминной пещере [Деревянко и др., 1998], в позднелепистоценовых отложениях которой пеструшки составляют до 26,7% от общего количества остатков. В то время как в отложениях Денисовой пещеры их количество, неуклонно нарастая кверху, не достигает 12%.

Параллельно с увеличением численности степных происходило сокращение лесных видов, прежде всего *Clethrionomys*. Наибольшее количество и разнообразие лесных видов млекопитающих приходится на нижние слои Денисовой пещеры, а их максимум – на уровне 7 – 5 слоя 22. Это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период наблюдалось наибольшее облесение территории.

Показательно численное соотношение даурского хомячка и хомяка Эверсмана. Первый из них селится в степи или лесостепи, по опушкам, в сосновых борах и лиственничных лесах [Виноградов, Громов, 1952], второй является обитателем сухих степей и полупустынь. В отложениях Денисовой пещеры численность обоих видов колеблется от слоя к слою в противопо-

ложных фазах, отражая увеличение и уменьшение степных или луговых биотопов. Примечательно, что из бореальных видов *Lemmus* в небольшом количестве проходит через все уровни плейстоценовых слоев, а *Dicrostonyx* отмечен только в слое 19 и на уровне 12.1 и подтверждает вывод об общем ухудшении биотопической обстановки в позднем плейстоцене.

Можно констатировать, что на протяжении плейстоценовой истории биоценоотические комплексы Горного Алтая отличались сложной структурой и высокой мозаичностью. Здесь одновременно сосуществовали хвойно-широколиственные леса, участки мелколистной и черневой тайги, сухие степи и лугово-степные ассоциации; рядом с ними были расположены нивальные биотопы. В противоположность этой пространственной пестроте и мозаичности биоты ее параметры во времени изменялись незначительно. Лесные, степные и нивальные элементы как в растительности, так и в животном населении представлены на всех уровнях плейстоценового разреза. Меняется лишь их относительное количество. От среднего плейстоцена к голоцену, по данным Е.М. Малаевой, во флоре постепенно выпадают широколиственные породы деревьев [Археология, геология..., 1998; Проблемы палеоэкологии..., 1998], в составе животного населения несколько возрастает доля степных видов. С началом голоцена эта динамика принимает обратную тенденцию: численность лесных видов возрастает, а нивальных и особенно степных уменьшается. Однако резких и принципиальных изменений биоценоотическая система Горного Алтая не претерпевала на протяжении позднего плейстоцена и голоцена. Изложенные факты интересно сопоставить с материалами по другим районам Северной Евразии.

Монголия

Палеогеографические данные по Монголии и Алтаю дают в целом сходную картину. Судя по пыльцевому анализу аллювиальных отложений р. Халхин-Гол, резких изменений в характере растительности для цикла “оледенение – межледниковье” в среднем плейстоцене не было [Девяткин, Малаева, Мурзаева, 1986]. Анализ осадков Тамцагской впадины на северо-востоке Монголии указывает на близость средне-, позднелепистоценовой и современной растительности Большого Хингана, который обрамляет Тамцагскую впадину с юго-востока. Данные по пыльце предполагают существование фаз увлажнения в среднем и, возможно, начале позднего плейстоцена [Сырнев и др., 1986]. Примечательно, что и в настоящее время на склонах Большого Хингана горно-таежные леса соседствуют с березово-лиственничными, в древостое которых встречается клен, липа, лещина. Подобные ассоциации реконструируются Е.М. Малаевой для

позднего плейстоцена долины Ануя [Археология, геология..., 1998; Проблемы палеоэкологии..., 1998]. Современная фауна Большого Хингана сочетает в себе таежные, степные и нивальные виды, т.е. современные биоценозы этого региона являются некоторым аналогом плейстоценовых биоценозов Горного Алтая. Равнины Северной Монголии были освоены мамонтом. Он проникал также на восток Китая [Jin, Xu, Zheng, 1998].

Кузнецкая котловина

Кузнецкая котловина занимает пограничное положение между Западной и Восточной Сибирью. Ее осевую часть занимает долина р. Томь. Здесь выделяются четыре надпойменные террасы, осадки которых содержат палеонтологический материал [Галкина, Форонова, 1980; Зудин и др., 1982]. По составу фауны и биотопической обстановке во второй половине плейстоцена Кузнецкая котловина напоминала Западный и Центральный Алтай. В плейстоценовых местонахождениях обычны степные виды (лошадь, сайга, суслик, степная пеструшка) и виды сухих степей и полупустынь (кулан, желтая пеструшка, тушканчик). Обычны лесные и лесостепные виды (благородный олень, лось, полевки рода *Clethrionomys*), а для раннего и среднего плейстоцена – *Terricola*, постоянно присутствует цокор. Регулярно встречался шерстистый носорог. Можно предполагать сходство ландшафтной обстановки в позднем плейстоцене здесь и в Горном Алтае. Есть, однако, и некоторые различия. Для Кузнецкой котловины эпохи плейстоцена был обычен мамонт, что объясняется связью этой территории с равнинами бассейна Оби. В раннем плейстоцене регистрируется северный олень, а в позднем – копытный лемминг. В отличие от Алтая здесь не зафиксированы нивальные виды. Эти выводы подтверждаются данными спорово-пыльцевого анализа [Архипов, Вотах, Левина, 1973; Зудин и др., 1982].

В позднем плейстоцене для Кузнецкой котловины в эпохи потеплений были характерны таежные биоценозы, но без участия широколиственных пород. В холодные эпохи получали распространение биоценозы открытых пространств, при незначительном участии тундровых элементов и сохранении хвойно-мелколиственных лесов. Это предполагает, что контрасты между ландшафтами холодных и теплых эпох в позднем плейстоцене в регионе были более резкими, чем в Горном Алтае, но менее заметными, чем в Приангарье или на равнинах Приобья.

Верхний Енисей

По палеогеографической ситуации Западный Саян напоминает Горный Алтай. В составе фауны млекопита-

ющих гвота Двуглазка, который расположен в 50 км к северо-западу от Абакана, присутствуют: пещерный лев, гиена, медведь, росомаха. Среди травоядных в верхнем слое (4) гвота преобладает аргали *Ovis ammon*, крайне редко, как и в нижележащих слоях, встречаются мамонт и северный олень [Абрамова, 1989]. В слоях 5 и 6 преобладают лошадь и кулан. Второе место по обилию занимает шерстистый носорог, много костей *Bison priscus* и *Ovis ammon*, меньше – *Cervus elaphus*. Встречена сайга. В слое 7 видовой состав тафоценоза такой же, но преобладает *Bison priscus*. Фауна гвота Двуглазка очень близка сообществам Северо-Западного Алтая, особенно фауне пещеры Окладникова. Это сходство, очевидно, обусловлено тем, что оба памятника расположены по периферии горных сооружений.

К отложениям II надпойменной террасы Енисея приурочены культурные горизонты Майнинской стоянки [Васильев, 1996]. Пыльцевой анализ показывает, что в период формирования II террасы ландшафтная обстановка была близка современной: господствовали смешанные леса из сосны, реже кедра, березы с примесью карликовой березы и ольхи. Одновременно существовали степные участки с полыньями, маревыми, разнотравьем. В составе фауны сочетаются лесные, степные, лесостепные и нивальные виды: *Equus caballus*, *E.hemionus*, *Bison priscus*, *Ovis ammon*, *Capra sibirica*, *Cervus elaphus*, *Alces alces*, *Capreolus capreolus pigargus*. Присутствует сурок, длиннохвостый суслик, различные хищники. Обстановка ритмически менялась то в сторону некоторой суровости, то смягчения климата [Там же]. Примечательно отсутствие мамонта.

Минусинская котловина

На палеолитических стоянках в Минусинской котловине, в отличие от Горного Алтая, преобладал северный олень *Rangifer tarandus*, был обычен мамонт, регулярно встречался баран *Ovis ammon*; на стоянке Кокорево III самую массовую группу представляет заяц-беляк *Lepus timidus* [Абрамова, 1989]. Все это свидетельствует об ином, по сравнению с Горным Алтаем, облике плейстоценовой биоты. Ее основу составляли тундровые и степные виды. Лесные и лесостепные виды были достаточно редки. Постоянно обитали, но были малочисленны животные сухих степей: сайга и кулан.

Таким образом, равнинные районы Южной Сибири по составу растительных млекопитающих в позднем плейстоцене отличались от горных районов. Виды лесостепного ландшафта сменялись видами тундростепного ландшафта. Данные пыльцевого анализа показывают, что в сартанское время березовая лесостепь с участием карликовой березы сменилась холодной злаково-полынной степью [Там же].

Средняя (Приенисейская) Сибирь

Плейстоценовая фауна Средней Сибири многие годы подробно изучается Н.Д. Оводовым [1992]. Установлены ее состав и динамика изменений во времени. Показано, что биоценозы Средней Сибири претерпевали сложные преобразования на протяжении позднего плейстоцена и голоцена. Таежные массивы чередовались во времени и пространстве с участками степей, тундр и нивальных сообществ. Однако типичные тундры и тундростепные биоценозы, по-видимому, никогда не имели преобладающего значения.

Интересные материалы были получены при изучении пещер Тоннельная и Еленева (левый берег Енисея в районе Красноярска), осадки которых соответствуют интервалу 13 – 9 тыс. лет [Оводов и др., 1992]. Показано, что за это время биоценозы менялись от горно-тундровых до горно-таежных. На протяжении всего периода осадконакопления численность лесных полевок *Clethrionomys rutilus* и *Cl. rufocanus* не опускалась ниже 18% и иногда достигала 34%. Численность *Lemmini* колебалась от 1,7 до 8,5%, полевки *Alticola* sp. – от 1,1 до 4,1%. Степные и тундровые виды были достаточно редки и представлены только в пещере Тоннельной: *Lagurus lagurus* – 0,9%, *Dicrostonyx torquatus* – 0,65%.

Костные остатки крупных млекопитающих из пещеры Тоннельной принадлежат снежному барану *Ovis nivicola* и лосю *Alces*. Первый из них – обитатель горных лугов Восточной Сибири, второй – приурочен к долинам, поросшим лесом. Пищухи представлены двумя видами – степным (*Ochotona pusilla*) и альпийским (*Ochotona alpina*). Суслик в составе тафоценоза соседствует с соболем. Все это свидетельствует о мозаичности позднелейстоценового ландшафта, в котором сочетались таежные и степные элементы биоценозов, при некотором участии тундровых и нивальных видов и напоминает структуру биоценозов Горного Алтая и Западного Саяна, однако роль представителей нивальной биоты здесь была значительно слабее, а тундровых больше.

Южное Приангарье

По облику ландшафтов Южное Приангарье, судя по материалам разреза Игетей на правобережье Ангары, отличалось от Горного Алтая. Верхнелейстоценовые осадки здесь представлены лессовидными суглинками, песками, погребенными почвами, делювиальными отложениями [Воробьева, 1990]. В состав фауны Игетейского разреза входят: северный олень, благородный олень, “бык”, лошадь, лисица. Материалы по мелким млекопитающим, которые были получены “на контакте позднелейстоценовых и раннекаргинских отложений”, содержат в своем составе *Microtus*

(*Stenocranius*) *gregalis* (2,6%), *Dicrostonyx* cf. *simplicior* (3,2%), *Lagurus* (86,7%) [Хензыхенова, 1992]. Данное сообщество представляет собой классический пример тундростепной фауны. Правда, в отличие от более северных и северо-западных регионов, здесь характерные тундровые виды присутствуют в значительно меньшем количестве, чем степные. Как справедливо указывает Ф.И. Хензыхенова [Там же], ландшафты, окружавшие палеолитическую стоянку Игетей, можно характеризовать как холодные степи с локальными участками тундрового типа. В Приангарье хорошо известен и целый ряд фаун крупных млекопитающих, останки которых обнаружены на палеолитических памятниках. Один из них – Красный Яр на правом берегу Ангары в 200 км ниже Иркутска. Обломки костей, по заключению Н.М. Ермоловой [1978], принадлежат лошади, северному оленю, зубру, зайцу-беляку, бурому медведю, полевке, белой куропатке, тайменю. Нижние слои памятника имеют возраст 24 – 23 тыс. лет, верхние – 18 – 16 тыс. лет [Абрамова, 1989]. Другой подобный памятник – Мальта на р. Белой в бассейне Ангары. Здесь наиболее широко представлен северный олень, очень обычен песец. Значительно реже встречаются останки шерстистого носорога и мамонта. Кости лошади, зубра, барана, пещерного льва, волка, лисицы, россомахи, зайца единичны [Ермолова, 1978]. Возрастным аналогом Мальты является стоянка Буреть на правом берегу Ангары. На ее территории найдены кости мамонта, шерстистого носорога, зубра, северного оленя, лошади, кулана, песца [Арембовский, 1958]. Такое же сочетание степных и тундровых животных характерно и для палеолитической стоянки Военный Госпиталь на правом берегу Ангары [Воробьева, Инешин, Медведев, 1990]. К наиболее поздним палеолитическим памятникам Приангарья принадлежит стоянка Федяево, расположенная в 150 км ниже Иркутска на левом берегу Ангары. Здесь определены лошадь, северный олень, марал, лось, бизон, заяц, куропатка [Ермолова, 1978]. Причем преобладают костные остатки северного оленя. Значительный временной интервал фиксируется по материалам многослойной стоянки Соновый Бор в Усольском р-не Иркутской обл. Фауна IV культурного горизонта, который соответствует заключительной фазе позднего плейстоцена, включает марала и косулю [Абрамова, 1989], что свидетельствует об увеличении роли таежных и лесостепных видов. Подобная тенденция прослеживается и по другим, более поздним стоянкам Приангарья [Ермолова, 1978].

Эти материалы предполагают, что в холодные периоды позднего плейстоцена фауна крупных млекопитающих Приангарья состояла преимущественно из тундровых, степных и полупустынных видов. Ведущее место в ней занимали северный олень и лошадь. Важную роль играл мамонт. Шерстистый носорог был

распространен повсеместно, но численность его была низкой. Значительно меньшее значение имели лесостепные виды. Среди крупных хищников нигде не отмечена гиена. Практически полностью отсутствовали лесные виды. Переход к голоцену был ознаменован резкой сменой состава сообщества, появлением лесных и лесостепных видов. В Южном Приангарье, в отличие от горных районов Южной Сибири, влияние таежной и горной биот ощущается значительно меньше. И в этом смысле природные условия позднего плейстоцена Приангарья напоминали больше равнины Западной Сибири и Восточной Европы.

Западно-Сибирская равнина

Для большинства палеолитических памятников Западной Сибири очень характерен мамонт [Абрамова, 1989]. Его останки, отмеченные повсеместно, как правило, преобладают. Шерстистый носорог, напротив, достаточно редок. Обычными являются бизон и лошадь. Реже встречаются костные остатки лося, северного оленя, сайги. Нигде не зафиксированы олень *Cervus elaphus* и косуля.

На Западно-Сибирской равнине позднелепистоценовая фауна была значительно более однородной, чем в горных районах юга Сибири. Здесь полностью отсутствуют нивальные и полупустынные элементы, нет и форм широколиственных лесов. Достаточно редки таежные виды. Основной облик сообществ определялся лесостепными видами животных. Сходство по составу и динамике развития плейстоценовых фаун крупных млекопитающих юго-востока Западной Сибири и других частей севера Евразии подчеркивала Э.В. Алексеева [1980]. Сравнение фауны мелких млекопитающих позднего плейстоцена Северо-Западного Алтая, Кузнецкой котловины и Приобского плато также выявило меньшее видовое разнообразие комплекса грызунов на равнинах, по сравнению с горными районами Алтая [Дупал, 1998]. Все это говорит о значительно меньшей мозаичности биотопов равнин Западной Сибири, о преобладании монотонных лесостепных и степных ландшафтов.

К аналогичным выводам пришла В.С. Волкова [1966] на основании анализа палинологических материалов с низовьев Иртыша. Ею показано, что в межледниковья на этой территории господствовали березово-сосновые леса с участием темнохвойных и широколиственных пород. В холодные эпохи плейстоцена были характерны тундростепи и березовые редколесья с травянистыми злаково-разнотравными ассоциациями. Сходные выводы сделал В.А. Зубаков [1972], изучавший преимущественно северную часть Западной Сибири. Для бассейна Енисея ниже устья Подкаменной Тунгуски в казанцевское межледниковье им реконструируется пихтово-березовая тайга южного

типа с участием широколиственных пород. В ньяпанскую холодную стадию, которая соответствует интервалу 25 000 – 21 000 лет, напротив, зона тайги практически исчезла, лесотундра смыкалась с холодной степью на 57 – 58° с.ш., а сдвиг границы тундровой зоны на юг составлял не менее 1 тыс. км. С.А. Архиповым и В.С. Волковой [1994] показано, что в Западной Сибири на протяжении плейстоцена ландшафтная обстановка неоднократно и резко менялась при переходе от теплых эпох к холодным. Так, в казанцевское межледниковье климат был влажнее и теплее современного. На севере Западной Сибири постепенно исчезала тундра и лесотундра. Для Ямала и низовьев Енисея была характерна лесная растительность. Сосново-березовые и пихтово-еловые леса с участием кедра и широколиственных пород распространялись от Тобола, Барабинской степи и Чулыма на север за 60° с.ш., до низовьев Иртыша и Подкаменной Тунгуски.

Совершенно иная природная обстановка соответствовала холодным эпохам. В максимальной стадии самаровского и тазовского оледенений растительные зоны резко отличались от современных [Там же]. Господствовали тундровые ландшафты. Зона лесов отсутствовала; она располагалась в Тургае и Приаралье. В сартанское время климат отличался суровостью и резкой континентальностью, среднегодовая температура была на 8 – 10 °С ниже современной [Там же]. В разрезах, расположенных на периферии моренных отложений, состав и содержание пыльцы растений отражают условия арктической пустыни. На средней Оби существовали тундровые ландшафты с преобладанием злаков и маревых, присутствием полыней и разнотравья. Граница тундровой зоны в это время проходила южнее широты Омск – Новосибирск. На правобережье Иртыша у Павлодара доминировали лесотундровые ландшафты. Все это свидетельствует о том, что на равнинах Западной Сибири в течение плейстоцена при смене теплых эпох холодными происходили резкие колебания природных условий. В теплые периоды здесь существовала зональная структура лесных биомов, в холодные – преобладали однородные тундровые, тундростепные ландшафты.

Средний Урал

Еще более контрастной была смена биоценозов в районах, примыкающих к Уралу. Фауна палеолитических памятников этого времени, благодаря усилиям Н.Г. Смирнова и его коллег, достаточно хорошо изучена [Кузьмина, 1971, 1975, 1982; Смирнов, 1988, 1993; Историческая экология..., 1990; Косинцев, 1988, 1992, 1997]. В качестве примера рассмотрим фауну мелких млекопитающих грота Бобылек, который расположен на юге Свердловской обл. в современной

зоне контакта леса и островной лесостепи. Верхние слои грота Бобылек соответствуют сартанскому времени, нижние слои – казанцевскому. Всего фаунистически охарактеризовано семь слоев. При переходе от более древних, казанцевских, слоев к более поздним, сартанским, происходит резкое изменение количественного соотношения основных групп мелких млекопитающих. В 2 – 3 раза снижается численность рыжих полевок *Clethrionomys*, полностью исчезают лесные мыши и белка, примерно в 2 раза падает численность полевки-экономки и водяной полевки *Arvicola*. Одновременно более чем вдвое возрастает численность узкочерепной полевки *Stenocranius gregalis*, появляется степная пеструшка *Lagurus lagurus* – 20%, наконец, в составе биоты очень весомую роль играет копытный лемминг *Dicrostonyx*. Его максимальная доля (в слое 2а) составляет 14,5%. Приведенные нами и другие материалы наглядно показывают, что на Урале в позднем плейстоцене биоценозы казанцевского времени резко отличались от сартанских. Если в казанцевское (микулинское) время господствовали леса, вероятно со значительной примесью широколиственных пород, перемежавшиеся с пойменными лугами и болотами, то в сартане их сменили сухие степи, местами с элементами полупустынь, чередовавшиеся с кустарничковой тундрой. Кроме того, и “ледниковый”, и “межледниковый” этапы отличались довольно низким разнообразием доминантных видов, что свидетельствует о низком уровне разнообразия биотопов, об их однородности.

Средняя и Восточная Европа

Палеогеография плейстоцена Центральной и Восточной Европы достаточно хорошо изучена. Существует множество работ, посвященных этой проблеме [Марков, Лазуков, Николаев, 1965; Марков, Величко, 1967; Величко, 1973; Гричук, 1951]. Они позволяют нарисовать общую картину развития биотопической и природной обстановки в Центральной и Восточной Европе.

Как известно, на протяжении плейстоцена северная часть Европы подвергалась многократным оледенениям, центром которых была Скандинавия. Меньший по размерам ледниковый щит формировался одновременно на Северном Урале. Остальная часть Евразии не испытывала покровных оледенений. Однако похолодание климата приводило к горным оледенениям внутриконтинентальных поднятий. Кроме того, север Азиатского континента испытывал мощное “подземное оледенение”, которое приводило к образованию вечномёрзлых пород вплоть до широты Байкала. Западная часть Евроазиатского континента – Русская равнина, Великопольская низменность, Северогерманская низменность – в эпохи оледенений

претерпевала крупные пространственные и структурные перестройки природной среды. Принципиально менялось соотношение климатических параметров, ландшафтов, биоценозов. Это приводило к резкому контрасту природной среды межледниковых и ледниковых периодов. В позднем плейстоцене эта контрастность достигала максимума.

Для межледниковий, в том числе последнего, характерно образование хорошо выраженной лесной зоны. Ее основными компонентами были пихта, ель, сосна, широколиственные породы: *Corylus*, *Quercus*, *Tilia*, *Ulmus*, *Carpinus* и др. В это время возникают лесные формации, близкие современной неморальной флоре Западной Европы. Совершенно иной облик имела растительность в холодные эпохи плейстоцена. От Северогерманской низменности до восточных окраин Русской равнины и далее на Южном Урале и равнинах Западной Сибири происходила деградация лесной зоны, которая распадалась на отдельные пятна рефугиумов. Для последней валдайской холодной эпохи на периферии ледникового щита реконструируются березовые и лиственничные редколесья, среди которых “располагались участки тундровых группировок, а также ксерофильные и галофильные травянистые ассоциации степного облика” [Гричук, 1969]. Доля древесной растительности, например, по материалам изучения пыльцы со стоянки Хотылево II, не превышала 30%. В ее составе были лишь *Picea*, *Pinus*, *Larix*, *Betula*, *Salix* [Зеликсон, Монозон, 1974].

Такой же резкой была и смена животного населения, особенно мелких млекопитающих, при переходе от межледниковья к ледниковой эпохе. Процесс этот хорошо изучен по материалам палеолитических стоянок. Для Русской равнины это было впервые показано И.Г. Пидопличко [1951, 1954]. Лесные ассоциации с участием рыжих полевок *Clethrionomys*, мышей *Apodemus*, сонь *Glis*, *Muscardinus* и др. сменяли тундровые и степные ассоциации. В их составе преобладали копытный лемминг *Dicrostonyx*, серый лемминг *Lemmus*, узкочерепная полевка *Stenocranius gregalis*. Остатки леммингов, в том числе копытного, были найдены в Альпах, Татрах, Судетах, на Карпатах [Janossy, 1954; Friant, 1960; Kowalski, 1958, 1961, 1995; Kowalski, et al., 1965, 1967; Kozłowski, Kubiak, Welj, 1970; Chmielewski et al., 1967; Chaline, 1972; Terzea, 1972, 1995].

Перигляциальная фауна позднего плейстоцена с участием копытного лемминга и северного оленя известна по местонахождению Маастрихт-Бельведер-5 на территории Голландии [Kolfshoten, 1985, 1990]. Здесь найдены также останки позднеледникового тушканчика *Allactaga major*, суслика, серого хомячка *Cricetulus migratorius*, северного оленя, овцебыка [Kolfshoten, 1995]. Перигляциальные фаунистические комплексы с участием леммингов и

мамонта хорошо известны на территории Германии. Впервые они были подробно описаны еще в конце прошлого века [Nehring, 1878, 1889, 1902]. Позднее был открыт целый ряд подобных комплексов [Brünner, 1933, 1936, 1939; Agadjanian, Koenigswald, 1977; Storch, 1992]. Костные остатки северного оленя, песца, леммингов обнаружены в Молдавии и Подолии [Раскатов, 1953; Татаринов, 1966, 1977; Агаджанян, 1982]. По материалам палеолитических стоянок в Крыму, Венгрии, Германии, Франции известен северный олень; в Средней Европе повсеместно представлены песец и овцебык [Toepfer, 1963; Kahlke H.-D., 1969, 1975; Janossy, 1976; Kolfschoten, 1995; Markova et al., 1997].

Очень интересные материалы приведены для Австрии [Dörps, Rabeder, 1997]. Показано, что большинство представителей сообщества “мамонтовой степи” в эпоху позднего плейстоцена проникло в бассейн Дуная. Здесь отмечены песец, пещерный лев, гиена, пещерный медведь, лемминги, степная пеструшка, северный олень, мамонт, шерстистый носорог. Находки мамонта обычны лишь в Нижней Австрии, в долине Дуная. В Штирии и Каринтии останки животного зафиксированы только в двух местах по долинам рек. Вероятно, мамонт проникал в долины Альп с венгерских равнин. Это соответствует картине, наблюдаемой на Алтае и в Сибири. Пещерный медведь и пещерный лев, напротив, обычны в Верхней Австрии, Каринтии и Тироле, т.е. в центральной части Альп. Судя по имеющимся данным, достаточно далеко в горы проникал северный олень. Большерогий олень *Megaloceros giganteus* был приурочен преимущественно к долинам.

В холодные эпохи позднего плейстоцена ареал сайги охватывал большую часть Северной Евразии, включая Балканы, Центральную Европу, Францию, юг Англии. Костные остатки сайги отмечены в Вестфалии и около Фрейбурга в Центральной Германии, а также в Комб-Греналь и Абри Суар во Франции [Kahlke, 1992]. Примерно такой же ареал имел овцебык. Правда, в противоположность сайге, он не отмечен на Балканах и в Прикаспии. Овцебык не проникал на Апеннины, но пересек Пиренеи, хотя не смог расселиться по всему Иберийскому полуострову [Cregut-Bonnouze, 1992]. Столь же велик был ареал северного оленя, с той лишь разницей, что на востоке континента он достигал Приморья и Сахалина, где не отмечен овцебык. На западе и северный олень, и мамонт были распространены вплоть до Атлантического побережья и обитали в непосредственной близости от края скандинавского ледника [Aaris-Sorensen, 1992]. Очень далеко на юг расселялся песец: до Причерноморья, Альп, северного склона Пиренеев и островов Великобритании [Kahlke, 1994]. Перечисленные виды не смогли преодолеть лишь барьер Пиренеев и заселить Иберийский полуостров [Augusti, Moya-Sola, 1992].

В целом ареалы тундровых видов в холодные эпохи позднего плейстоцена сдвигались к югу на 1,5 – 2 тыс. км. Одновременно на север расширялись ареалы степных видов – сусликов, степных пеструшек *Lagurus*, тушканчиков *Allactaga*. Лесная зона, распадаясь на отдельные пятна небольших массивов, вероятно, расположенных преимущественно по долинам рек, исчезала. Это приводило к продвижению элементов степной биоты не только на север, но и далеко на запад. В валдайскую ледниковую эпоху степная пеструшка, суслик, сайга распространялись через Центральную Европу [Heinrich, Janossy, 1973] вплоть до Атлантического побережья и даже проникали на острова Великобритании [Sutcliffe, Kowalski, 1976; Kahlke, 1994].

Все это свидетельствует о том, что на западе Евразии в холодные эпохи плейстоцена сложную зональную структуру ландшафтов с участием подзоны хвойно-широколиственных лесов сменяла обширная и однородная тундростепь, “гиперзона” [Величко, 1973], в которой сочетались компоненты тундровых и степных растительных сообществ [Zagwijn, 1992]. Иначе, по сравнению с межледниковьями, характеризовалась климатическая обстановка: более резкими были температурные градиенты, ниже среднегодовые температуры [Величко и др., 1974]. Так, для стоянки Хотылево II среднегодовые температуры составляли $-0,4^{\circ}$, в то время как современные – $+4,5^{\circ}$ [Зеликсон, Монозон, 1974]. Все верхнепалеолитические стоянки на территории Русской равнины включают такие виды млекопитающих, как песец и северный олень [Бадер, 1974]. Контрастность природных условий отмечается и для стоянок в Крыму [Векилова, 1974].

Таким образом, для Русской равнины, Центральной и Западной Европы была характерна резкая смена ландшафтной обстановки при переходе от теплых эпох плейстоцена к холодным. Лишь для территории Пиренейского полуострова, Апеннин и Балканского полуострова не отмечается столь масштабных изменений [Cardoso, 1996; Augusti, Moya-Sola, 1992; Storch, 1975; Tsoukala, 1992].

Кавказ

На Кавказе в позднем плейстоцене не было резких изменений температурных и ландшафтных условий. Так, на территории Армении, по данным пыльцевого анализа отложений мустьерской стоянки Ереван-1, на протяжении всего позднего плейстоцена существовала лесная растительность [Абрамян, Ерицян, 1974]. Обширные материалы накоплены по динамике природной среды палеолита Большого Кавказа [Любин, 1974]. Для ашельских слоев Кударо I реконструируются широколиственные леса с участием *Carpinus* sp., *Castanea* sp., *Quercus* sp., *Ulmus* sp.,

Fagus sp., *Tilia* sp., *Acer* sp., *Morus* sp., *Pterocarya* sp., *Juglans* sp., сходные с современными влажными субтропическими лесами Колхиды [Любин и др., 1978]. Накопление мустьерских слоев происходило при господстве темнохвойной тайги и обилии водно-болотной растительности [Там же].

В разрезе пещеры Кударо III получена более полная характеристика верхов ашельских отложений и всех последующих слоев. Динамика развития растительности, по данным Г.М. Левковской, была достаточно сложной. Древнейшая часть ашельского слоя накапливалась при отсутствии лесных ценозов, когда основные площади занимали сообщества травянисто-кустарничковых или споровых растений. Средняя часть ашельской толщи соответствует расцвету западноколхидских елово-пихтовых лесов (пыльца *Abies* sp. + *Picea* sp. до 50%, встречается пыльца широколиственных древесных пород). Примерно в таких же условиях шло накопление нижней части мустьерских слоев пещеры. Верхняя часть мустьерских слоев, датируемых вюрмом II, характеризуется распространением субальпийских березняков с зарослями *Corylus* sp. и мезофильного разнотравья при небольшом участии темнохвойных и широколиственных пород [Там же].

В целом эти данные говорят об изменении природной среды Кавказа на протяжении второй половины неоплейстоцена. Леса субтропического типа сменялись темнохвойными. В эпоху наибольшего похолодания они уступали место березнякам с участием лещины и травянистых сообществ.

Изучение фауны млекопитающих показывает, что крупных растительноядов Кавказа на протяжении среднего и позднего неоплейстоцена представлял благородный олень *Cervus elaphus* [Любин, 1977; Векилова и др., 1978; Барышников, 1994]. В палеолите по численности он значительно превосходил всех других копытных [Верещагин, Барышников, 1980а, б]. Второе место занимали косуля и бизон. Примерно такую же часть добычи первобытного человека составляли кавказский козел *Capra caucasica* и баран *Ovis ammon*. Подобное соотношение травоядных сохраняется на всех изученных палеолитических памятниках Кавказа. Среди хищных млекопитающих следует отметить присутствие лесных видов: леопарда, рыси, лесного кота.

Степные виды в эпоху палеолита на Кавказе были редки. Единственный представитель степной биоты, лошадь, отмечена лишь в двух случаях.

Мамонт в регионе эпохи позднего плейстоцена не зарегистрирован. Очень редок был носорог. Причем единственная находка связана с представителем рода *Dicerorhinus*, характерным для межледниковий Европы, т.е. обитавшему в гумидных условиях.

Экологический состав мелких млекопитающих от ашельских слоев к позднепалеолитическим и голо-

ценовым также менялся не очень сильно. Через все плейстоценовые слои Кударо I проходят лесные виды: подземная полевка *Terricola* ex gr. *majori*, лесная мышь *Apodemus silvaticus*, сони *Glis* и *Dryomys* [Громов, Фоканов, 1980]. Последние являются специализированными семеноядами широколиственных лесов. Обычны степные виды *Cricetulus migratorius* Pallas и *Mesocricetus raddei* cf. *planicola* Argyporulo. В ашельских слоях Кударо I отмечен сурок, в слое 2 (конец мустье) – тушканчик *Allactaga*. Во всех горизонтах встречается снеговая полевка *Microtus* (*Chionomys*) – обитатель нивальной зоны. Во всех слоях Кударо I найдены костные остатки крота и прометеевой полевки, что свидетельствует об отсутствии глубокого промерзания грунтов в эпоху их накопления. Эти факты показывают, что изменения природной обстановки на территории Кавказа в плейстоцене были сравнительно небольшие. Они выражались лишь в некотором расширении или отступании нивальных ландшафтов, в увеличении или уменьшении доли степных элементов.

Таким образом, на протяжении второй половины неоплейстоцена основные изменения биоты Кавказа сводились к смене широколиственных лесов хвойно-широколиственными и в редких случаях мелколиственными лесами с участием широколиственных пород. Увеличение открытых ландшафтов было связано с расширением площади субальпийских лугов. Как следует из сравнения состава крупных млекопитающих Кавказа и Горного Алтая, в плейстоценовой фауне первого региона было больше лесостепных и лесных видов, а второго – видов сухих степей, таких как кулан, дзерен, сайга, корсак. Для фауны Алтая характерно присутствие тундровых видов. В фауне Кавказа они полностью отсутствуют. В фауне Алтая ясно проступают черты Центральноазиатской зоогеографической области, в фауне Кавказа – Средиземноморской.

В целом амплитуда изменений природной среды Горного Алтая и Кавказа в позднем плейстоцене была меньше, чем на равнинах Евразии. И на Алтае, и на Кавказе переход от теплых периодов к холодным выражался в расширении нивальных и степных элементов ландшафта, в сокращении площади лесов. Переход к межледниковью характеризовался обратным процессом. Причем если на Кавказе горно-степные и горно-луговые биотопы сменялись широколиственными лесами, иногда субтропического типа, то на Алтае горно-степная растительность сменялась преимущественно хвойными лесами с участием широколиственных пород, обилие и разнообразие которых было значительно ниже, чем на Кавказе. Однако в любом случае и Кавказ, и Горный Алтай и, по-видимому, все горные районы Южной Сибири, являлись рефугиальными областями, в которых на протяжении

плейстоцена не прерывалась череда биоценологических сукцессий. Последнее относится также к горным системам, обрамляющим с юга равнины Средней Азии. Так, по данным изучения позднепалеолитической стоянки Шугноу на Памире, в ксеротермическую эпоху при минимальном облесении на склонах произрастали арча и другие хвойные, а вдоль русел рек росли платан, ясень, орех, лох, тополь. В более прохладный период позднего плейстоцена площади, занятые арчей и широколиственными, значительно расширились. В древостое, кроме того, появлялась береза, а вдоль рек – ольховые заросли с тополями и ивами [Никонов и др., 1974].

Заключение

Изложенные материалы позволяют нарисовать общую картину соотношения основных типов ландшафтов и их развития на территории Северной Евразии на протяжении позднего плейстоцена. На равнинах в это время переходы от теплых эпох к холодным были отмечены резкой сменой природной обстановки. Сложная структура тундровой, лесной, лесостепной и степной зон сменялась более однородной структурой гиперзоны. Ландшафты Северной Евразии представляли собой холодные тундростепи с рефугиальными пятнами лесов. Облик фауны крупных млекопитающих определяли мамонт, бизон, лошадь, отчасти, северный олень. В состав этих сообществ входили также шерстистый носорог, большерогий олень, овцебык. На южной периферии тундростепной зоны были обычны сайга, а в Сибири – кулан. Среди крупных хищников чаще других встречался пещерный лев, значительно реже – гиена. Состав населения мелких млекопитающих в бассейнах Рейна, Вислы, Оки, Уфы, низовьев Иртыша, среднего течения Оби, Ангары и далее на восток по среднему течению Лены вплоть до Якутии и Чукотки определяли копытный лемминг, лемминги рода *Lemmus*, узкочерепная полевка, отчасти северосибирская полевка, суслики [Агаджанян, 1972, 1980; Агаджанян и др., 1973]. В средней части и на южной окраине этой зоны к ним добавлялись степная и желтая пеструшки, тушканчик, сурок, степная пищуха. Их ареал охватывал почти весь континент в пределах тундростепной зоны. Лишь в бассейн Алдана не проникли степные пеструшки. При наступлении очередного, голоценового, потепления из рефугиальных пятен древесной растительности возродилась лесная зона. Это поставило на грань вымирания большинство крупных травоядных млекопитающих. Северный олень, овцебык, песец и лемминги отступили в высокие широты, где по-прежнему сохранились пространства моховой и кустарничковой тундры. Ареалы лошади, антилоп, степных пеструшек и сусликов сдвинулись к югу, в зону степей и полупустынь. Такие вет-

ко- и листояды, как бизон и косуля, могли еще сохраняться в лесостепи и на южной окраине лесной зоны. Полностью были лишены эволюционной перспективы разобщенные популяции мамонтов. Существенно изменились условия охоты и возможности хозяйственной деятельности для человека.

Принципиально иначе протекало развитие природных комплексов в горах Карпат, Кавказа, Тянь-Шаня, Алтая, Саян. Эти горные системы, расположенные на более низких широтах, подвергались значительно меньшим оледенениям. Особенно ярко это прослеживается в горах Средней Азии и Южной Сибири, где отмечена большая сухость внутриконтинентального климата. Переход от теплых эпох плейстоцена к холодным, а затем от холодных к теплым, в том числе и к голоцену, не вызывал серьезных изменений в составе биоты. Изменения климатических параметров, которые сами по себе были не очень значительными, приводили лишь к изменению доли участия различных типов сообществ в общей структуре биоценологической системы. Преобладание сосново-березовых лесов с примесью широколиственных пород сменялось преобладанием темнохвойных лесов при сохранении некоторых широколиственных пород. Преимущественно луговые и степные травянистые ассоциации уступали место ассоциациям нивального пояса и сухих степей. Очередное потепление определяло расширение сосново-березовых лесов за счет темнохвойных, восстановление разнообразия широколиственных пород, увеличение площади луговых ассоциаций и отступление нивальных. Если на равнинах Северной Евразии колебания климата стали причиной деградации лесной растительности, то в горах Кавказа, Тянь-Шаня, Алтая, Саян этого не произошло. Здесь, правда, несколько изменялся состав древесных насаждений и, вероятно, менялась их приуроченность к склонам разной экспозиции. Данные по Кавказу и Алтаю показывают, что в холодные эпохи нивальные и альпийские сообщества, тесня пояс древесной растительности, опускались по склонам до более низких абсолютных отметок. От одного климатического ритма к другому менялся флористический состав сообществ. Из него постепенно выпадали реликты миоцена и плиоцена. Примерно то же происходило с населением млекопитающих. На Алтае постепенно вымерли пещерный медведь, шерстистый носорог, гигантский олень, исчезли гиена, песец, копытный лемминг. За пределы региона отступили як, сайга, кулан, слепушонка, степная пеструшка. Под напором хозяйственной деятельности человека исчезли лошадь и бизон. Однако такие ведущие компоненты фауны, как марал, сибирский горный козел, аргали, а на Кавказе – благородный олень и бизон, сохраняли свою численность практически еще до конца прошлого века. Из этого следует, что на Кавказе и в горах Южной Сибири

основная охотничья база палеолитического человека сохранилась до настоящего времени. Можно утверждать, что природные условия на протяжении плейстоцена в среднегорье Южной Сибири были значительно более стабильными, чем на равнинах Северной Евразии.

Таким образом, структура позднеплейстоценовой фауны равнин Евразии отличалась пространственной однородностью и резкими перестройками при смене климатических условий. В горах Южной Сибири и Кавказа, напротив, временные изменения фауны не были столь значительными, но сами сообщества отличались пространственной мозаичностью и пестротой экологического состава.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С. 145 – 254.
- Абрамян Г.С., Ерицян Б.Г.** Природная среда и культура палеолита в Армении // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюз. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 180 – 183.
- Агаджанян А.К.** Грызуны из плейстоценовых отложений Мамонтовой горы // Териофауна плейстоцена. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 24 – 69.
- Агаджанян А.К.** Фауна мелких млекопитающих плейстоцена Чукотки и основные этапы ее формирования // Новейшие отложения и палеогеография плейстоцена Чукотки. – М.: Наука, 1980. – С. 256 – 268.
- Агаджанян А.К.** Мелкие млекопитающие из разреза стоянки Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1982. – С. 154 – 173.
- Агаджанян А.К.** Фауна мелких млекопитающих Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 34 – 41.
- Агаджанян А.К., Боярская Т.Д., Глушанкова Н.И., Судакова Н.Г.** Разрез новейших отложений Мамонтовой горы. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 197 с.
- Алексеева Э.В.** Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири. – М.: Наука, 1980. – 186 с.
- Арембовский И.В.** Стратиграфия четвертичных отложений юга Восточной Сибири // Тр. Иркут. гос. ун-та. – 1958. – Т. 14, вып. 2. – С. 34 – 42.
- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая /** А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Л.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденеева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 173 с.
- Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая /** А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачева, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 156 с.
- Архипов С.А., Вотах М.Р., Левина Т.П.** Палинологическая характеристика рисс-вюрмских (казанцевских) и нижне-средневюрмских отложений долины средней Оби // Плейстоцен Сибири и смежных областей. – Новосибирск: Наука, 1973. – С. 143 – 150.
- Архипов С.А., Волкова В.С.** Геологическая история, ландшафты и климат плейстоцена Западной Сибири // Тр. ОИГГМ СО РАН. – Новосибирск, 1994. – Вып. 823. – 104 с.
- Бадер О.Н.** Человек, его культура и природная среда северного края европейской Ойкумены в верхнем палеолите // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюз. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 117 – 125.
- Барышников Г.Ф.** Остатки позвоночных из Баракаевской мустьерской стоянки // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 69 – 76.
- Барышников Г.Ф.** Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 43 – 49.
- Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 224 с.
- Васильев С.К., Гребнев И.Е.** Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: ВО "Наука", Сиб. издат. фирма, 1994. – Ч. 1. – С. 167 – 181.
- Векилова Е.А.** Природные условия и человек в палеолите Крыма // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюз. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 160 – 165.
- Векилова Е.А., Гричук В.П., Губонина З.Л., Ермолова А.М., Зубов А.А., Муратов В.М., Фриденберг Э.О.** Ахштырская пещера // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. – М.: Наука, 1978. – С. 37 – 48.
- Величко А.А.** Природный процесс в плейстоцене. – М.: Наука, 1973. – 254 с.
- Величко А.А., Бердников В.В., Грехова Л.В., Губонина З.П., Маркова А.К., Ударцев В.П.** Палеогеография палеолитической стоянки Тимановка II // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюз. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 133 – 137.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. – М.: Изд-во ИГА РАН и ГИМ, 1997. – 187 с.
- Верещагин Н.К., Барышников Г.Ф.** Ареалы копытных фауны СССР в антропогене // Млекопитающие Восточной Европы в антропогене. – Л.: Изд-во ЗИН, 1980а. – С. 3 – 20. – (Тр. ЗИН АН СССР; Т. 93).
- Верещагин Н.К., Барышников Г.Ф.** Млекопитающие предгорного Северного Крыма в эпоху палеолита // Млекопитающие Восточной Европы в антропогене. – Л.: Изд-во ЗИН, 1980б. – С. 26 – 49. – (Тр. ЗИН АН СССР; Т. 93).
- Верещагин Н.К., Барышников Г.Ф.** Остатки млекопитающих в восточной галерее пещеры Кударо I // Кударские пещерные стоянки в Юго-Осетии. – М.: Наука, 1980в. – С. 51 – 62.
- Виноградов Б.С., Громов И.М.** Грызуны фауны СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 296 с.

Волкова В.С. Четвертичные отложения низовьев Иртыша и их биостратиграфическая характеристика. – Новосибирск: Наука, 1966. – 172 с.

Воробьева Г.А. Южное Приангарье // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 20 – 32.

Воробьева Г.А., Инешин Е.М., Медведев Г.И. Палеолитическая стоянка Военный Госпиталь // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 64 – 67.

Галкина Л.И., Форонова И.В. Антропогенная териофауна Бачатского карьера Кузнецкой котловины (Кузбасс) // Фауна и экология позвоночных Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 176 – 188.

Гричук В.П. Исторические этапы эволюции растительного покрова юго-востока Европейской части СССР в четвертичное время // Материалы по геоморфол. и палеогеогр. СССР. – 1951. – С. 5 – 74. – (Тр. Ин-та географии АН СССР; Вып. 50).

Гричук В.П. Растительность на Русской равнине в позднем палеолите // Природа и развитие первобытного общества. – М.: Наука, 1969. – С. 58 – 67.

Громов И.М., Фоканов В.А. Об остатках позднечетвертичных грызунов из пещеры Кударо I // Кударские пещерные стоянки в Юго-Осетии. – М.: Наука, 1980. – С. 79 – 89.

Деяткин Е.В., Малаева Е.М., Мурзаева В.Э. Стратиграфия и палеогеография антропогена долины р. Халхин-Гол // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1986. – № 55. – С. 27 – 34.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: ВО "Наука", Сиб. издат. фирма, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Гричук В.П. Ископаемые флоры как палеонтологическая основа стратиграфии четвертичных отложений // Рельеф и стратиграфия четвертичных отложений северо-запада Русской равнины. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 25 – 67.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Ефремов С.А., Цынерт И.И. Междисциплинарные исследования плейстоценовых осадков в пещере Каминная (Горный Алтай) в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 48 – 51.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Дупал Т.А., Поздняков А.А., Ефремов С.А., Николаев С.В. Пещера Каминная: стратиграфия, палеогеография и культура древнего человека эпохи плейстоцена (по материалам работ 1994 – 1996 гг.) // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 59 – 80.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. – С. 13 – 28.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Палеоэкологические аспекты существования человека в Еловской межгорной котловине Горного Алтая в позднем плейстоцене (на примере многослойного памятника Кара-Бом) //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 58 – 63.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. Акад. наук. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842 – 846.

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Основные черты геоморфологического строения долины реки Ануй в плейстоцене (Северо-Западный Алтай) // Экология древних и современных сообществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – С. 3 – 6.

Дупал Т.А. Грызуны позднего плейстоцена юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 185 – 190.

Ермолова Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. – Новосибирск: Наука, 1978. – 220 с.

Жермонпре М. Предварительные результаты тафономии Денисовой пещеры (по материалам раскопок 1992 г.) // Altaica. – 1993. – № 2. – С. 11 – 16.

Зеликсон Э.М., Монозон М.Х. Условия обитания человека на стоянке Хотылево II по палинологическим данным // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюзн. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 137 – 143.

Зубаков В.А. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоцене и плиоцене. – Л.: Наука, 1972. – 196 с.

Зудин А.Н., Николаев С.Н., Галкина Л.И., Буткеева О.Ю., Ефимов Л.И., Паньчев В.А., Пономарева Е.А. Обоснование стратиграфической схемы неогеновых и четвертичных отложений Кузнецкой котловины // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 133 – 149.

Ивлева Н.Г. Микротериологические материалы из пещеры им. Окладникова и Денисова на Алтае // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна Ануя. – Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1990. – С. 82 – 101.

Историческая экология животных гор Южного Урала / Н.Г. Смирнов, В.Н. Большаков, П.А. Косинцев, Н.К. Панова, Ю.И. Коробейников, В.Н. Ольшванг, Н.Г. Ерохин, Г.В. Быкова. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1990. – 242 с.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. – С. 32 – 51.

Косинцев П.А. Костные остатки копытных из пещер Южного Урала // История современной фауны Южного Урала. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1992. – С. 44 – 50.

Косинцев П.А. Крупные млекопитающие и охота населения севера таежной зоны Западной Сибири в голоцене // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. – Челябинск: Изд-во Ин-та экологии растений и животных УрО РАН, 1997. – С. 165 – 176.

Кузьмина И.Е. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Тр. ЗИН АН СССР. – 1971. – Т. 49. – С. 44 – 122.

Кузьмина И.Е. Некоторые данные о млекопитающих Среднего Урала в позднем плейстоцене // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1975. – Вып. 43. – С. 63 – 77.

Кузьмина И.Е. Видовой состав и относительная численность млекопитающих Среднего Урала в позднем плейстоцене // Тр. ЗИН АН СССР. – 1982. – Т. 111. – С. 44 – 48.

Любин В.П. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюз. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 169 – 177.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 222 с.

Любин В.П., Ренгартен Н.В., Черняховский Г.Ф., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М. Пещера Кударо I // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. – М.: Наука, 1978. – С. 76 – 87.

Любин В.П., Селиванова Н.Б., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М. Пещера Кударо III // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. – М.: Наука, 1978. – С. 87 – 95.

Малаева Е.М. Палинология плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 163 – 168.

Марков К.К., Величко А.А. Четвертичный период. – М.: Недра, 1967. – Т. 3. – 438 с.

Марков К.К., Лазуков Г.И., Николаев В.А. Четвертичный период. – М.: Изд-во МГУ, 1965. – Т. 1. – 367 с.; Т. 2. – 431 с.

Никонов А.А., Пахомова М.М., Ранов В.А., Ренгартен Н.В. Природная обстановка времени обитания верхнепалеолитической стоянки Шугноу и вопросы первоначального заселения Памира // Первобытный человек и природная среда: Материалы Всесоюз. симп. – М.: Изд-во Ин-та географии АН СССР, 1974. – С. 190 – 197.

Оводов Н.Д. Состав антропогенной дикой териофауны юга Приенисейской Сибири // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – С. 190 – 197.

Оводов Н.Д., Ивлева Н.Г. Фауна позвоночных Денисовой пещеры // Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая. – Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1990. – 158 с.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Поздняков А.А., Орлова Л.А. Млекопитающие и птицы в окрестностях Красноярска на рубеже плейстоцена – голоцена // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – С. 197 – 200.

Пидопличко И.Г. О ледниковом периоде. – Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1951. – Т. 2. – 262 с.; 1954. – Т. 3. – 218 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Л.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденеева, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

Раскатов Г.И. К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1953. – № 18. – С. 64 – 75.

Смирнов Н.Г. Археологический метод в изучении плейстоценовых млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. – С. 5 – 20.

Смирнов Н.Г. Мелкие млекопитающие Среднего Урала в позднем плейстоцене и голоцене. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 61 с.

Сырнев И.П., Малаева Е.М., Крамаренко Г.С., Лефлат О.Н. К палеогеографии Тамцагской впадины на востоке МНР в среднем плейстоцене // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1986. – № 55. – С. 35 – 44.

Татаринов К.А. Плейстоценовые позвоночные Подолия и Прикарпатья // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1966. – № 32. – С. 51 – 62.

Татаринов К.А. Фауна позвоночных стоянки Кормань IV // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. – М.: Наука, 1977. – С. 112 – 118.

Хензыхенова Ф.И. Особенности Игетейской фауны грызунов // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – С. 240 – 243.

Цейтлин С.М. Геология пещерных палеолитических стоянок Алтая (бассейн р. Чарыш) // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1974. – № 42. – С. 108 – 115.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 158 с.

Aaris-Sorensen K. Deglaciation chronology and reimmigration of large mammals. A south Scandinavian example from late Weichselian – early Flandrien // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. – 1992. – V. 153. – P. 143 – 149.

Agadjanian A.K., Koenigswald W. v. Merkmalsveränderung an den oberen Molaren von *Dicrostonyx* (Rodentia, Mammalia) // Neues Jahrbuch Geol. Palaeont. – 1977. – Bd 153, N 1. – S. 33 – 49.

Augusti J., Moya-Sola S. Mammalian dispersal events in the Spanish Pleistocene // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. – 1992. – V. 153. – P. 69 – 78.

Brünner G. Eine präglaciale Fauna aus dem Windloch bei Sackdilling (Oberpfalz) // Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Paläontologie. – 1933. – 71, Abt. B, H. 2. – S. 303 – 328.

Brünner G. Das Osterloch bei Wurmbach // Abh. Naturhist. Gesellsch. Nürnberg. – 1936. – Bd 26, H. 2. – S. 1 – 24.

Brünner G. Die Hirtenweberhöhle bei Neukirchen (Sulzbach Obf.) // Zeitschrift Deutsch. geol. Gesellsch. – Berlin, 1939. – Jb. 91. – S. 432 – 449.

Cardoso J.L. Les grands mammifères du Pleistocene supérieur du Portugal. Essai de synthèse // GEOBIOS. – 1996. – V. 29, N 2. – P. 235 – 250.

Chaline J. Les rongeurs du Pleistocene moyen et supérieur de France. – P.: Edition du Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. – 395 p.

Chmielewski W., Kowalski K., Madeyska-Niklowska T., Sych L. Wyniki badań osadów Jaskini Koziarni w Saspowie, pow. Olkusz // Folia Quaternaria. – 1967. – V. 26. – P. 1 – 69.

Cregut-Bonnoure E. Dynamics of bovid migration in West Europe during the middle and late Upper Pleistocene // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. – 1992. – V. 153. – P. 177 – 186.

- Döpfs D., Rabeder G.** Pliozäne und pleistozäne Faunen Österreichs // Mitteil. Kommiss. Quartärforsch. Österreich. Akad. Wissensch. – 1997. – Bd 10. – 411 S.
- Friant M.** Le *Dicrostonyx henseli* Hint. Lemming du Pleistocene, sa repartition dans le tampa et dans l'espace // Soc. geol. Noerd. – 1960. – T. 80. – P. 11 – 14.
- Heinrich W.-D., Janossy D.** *Lagurus lagurus* (Pallas, 1773) (Rodentia, Mammalia) aus dem Jungpleistozän von Burgtonna (Bezirk Erfurt) // Z. geol. Wissenschaft. – 1973. – Bd 1, N 5. – S. 587 – 592.
- Janossy D.** Fossile Microtinen aus dem Karpatenbecken. I. Lemmingen // Ann. Hist.-Nat. Mus. Hung. – 1954. – N 5. – S. 39 – 48.
- Janossy D.** Die Revision jungmittelpleistozäner Vertebratenfaunen in Ungran // Fragm. Min. Pal. – 1976. – V. 7. – S. 29 – 54.
- Jin C., Xu Q., Zheng J.** On the dispersal events of *Mammuthus* during the Late Pleistocene // Vertebrata Palasiatica. – 1998. – V. 36, N 1. – P. 47 – 53.
- Kahlke H.-D.** Die *Ovibos*-Reste aus Kiesen von Süßenborn bei Weimar // Paläontol. Abhand., Abt. A, Paläozool. – 1969. – Bd 3, H. 3/4. – S. 521 – 529.
- Kahlke H.-D.** Die Cerviden Reste von Weimar-Ehringsdorf // Abhand. zentr. geol. Institut, Paläontol. Abh. – 1975. – H. 23. – S. 201 – 241.
- Kahlke R.-D.** Repeated immigration of Saiga into Europe // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. – 1992. – V. 153. – P. 187 – 196.
- Kahlke R.-D.** Die Entstehungs-, Entwicklungs- und Verbreitungsgeschichte des oberpleistozänen *Mammuthus-Coelodonta*-Faunenkomplexes in Eurasien (Großsäuger) // Abh. Senckenberg. Naturforsch. Gesellsch. – 1994. – Bd 546.
- Kolfschoten T. v.** The Middle Pleistocene (Saalian) and Late Pleistocene (Weichselian) mammal faunas from Maastricht-Belvédère, (Southern Limburg, the Netherlands) // Mededelingen Rijks Geol. Dienst. – 1985. – V. 39, N 1. – P. 45 – 74.
- Kolfschoten T. v.** The evolution of the mammal fauna in the Netherlands and the Middle Rhine area (Western Germany) during the late Middle Pleistocene // Mededelingen Rijks Geol. Dienst. – 1990. – V. 43-3. – P. 3 – 69.
- Kolfschoten T. v.** On the application of fossil mammals to the reconstruction of the palaeoenvironment of northwestern Europe // Acta zool. cracov. – 1995. – V. 38, N 1. – P. 73 – 84.
- Kowalski K.** Plejstocenskie Microtinae (Rodentia, Mammalia) z jaskini w Dziadowej Skale // Acta zool. cracov. – 1958. – T. 11, N 32. – P. 23 – 36.
- Kowalski K.** Plejstocenskie gryzonie Jaskini Nietoperzowej w Polsce // Folia Quaternaria. – 1961. – V. 5. – P. 1 – 22.
- Kowalski K.** Lemmings (Mammalia, Rodentia) as indicators of temperature and humidity in the European Quaternary // Acta zool. cracov. – 1995. – V. 38, N 1. – P. 85 – 108.
- Kowalski K., Kozłowski J.K., Kryszowska M., Wiktor A.** Badania osadów schroniska w Puchaczkiej Skale w Prodniku Czajłowskim, powiat Olkusz // Folia Quaternaria. – 1965. – V. 20. – P. 1 – 44.
- Kowalski K., Kozłowski J.K., Kryszowska-Iwaszkiewicz M., Pawlikowa B., Wiktor A.** Badania osadów schroniska podskalnego w Żytniej Skale (Benbło, pow. Kraków) // Folia Quaternaria. – 1967. – V. 25. – P. 1 – 48.
- Kozłowski J., Kubiak H., Welj A.** A paleolithic site with mammals remains at Nowa Huta // Folia Quaternaria. – 1970. – V. 36.
- Markova A., Smirnov N.G., Kozharinov A.V., Kazantseva N.E., Simakova A.N., Kitaev L.M.** Late Pleistocene distribution and diversity of mammals in Northern Eurasia // Paleontologia i evolutio. – 1997. – T. 28/29. – P. 5 – 143.
- Nehring A.** Die Quartarneuren Faunen von Thiede und Westeregeln. Spuren des Vorgeschichtlichen Menschen // Archiv für Anthropologie. – 1878. – Bd 10. – S. 359 – 388.
- Nehring A.** Über den Charakter der Quartarfauna von Thiede bei Braunschweig // Neuen Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Palaeontologie. – 1889. – Bd 1. – S. 165 – 172.
- Nehring A.** Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna. – Berlin, 1890. – 146 S.
- Nehring A.** Die kleinen Wirbeltiere vom Schweizerbild bei Schaffhausen. Neue Denkschriften Schweizerische Naturfreunde Gesellschaft. – 1902. – Bd 35. – S. 161 – 197.
- Storch G.** Eine mittelpleistozäne Naqar-Fauna von der Insel Chios, Agais // Senckenbergiana biol. – 1975. – Bd 56, N 4/6. – S. 165 – 189.
- Storch G.** Local differentiation of faunal change at the Pleistocene-Holocene boundary // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. – 1992. – V. 153. – P. 135 – 142.
- Sutcliffe A., Kowalski K.** Pleistocene rodents of the British Isles // Bull. Brit. Mus. (Nat. Hist.). – 1976. – V. 27, N 2. – P. 31 – 147.
- Terzea E.** Sur la presence du genre *Lemmus* (Rodentia, Mammalia) dans la Pleistocene de la Roumanie // Folia Quaternaria. – 1972. – V. 36. – P. 57 – 65.
- Terzea E.** Mammalian events in the Quaternary of Roumania and correlation with the climatic chronology of Western Europe // Acta zool. cracov. – 1995. – V. 38, N 1. – P. 109 – 120.
- Toepfer V.** Tierwelt des Eiszeitalters. – Leipzig: Akademische Verlagsgesellschaft Geest & Portig K.-G., 1963. – 198 S.
- Tsoukala E.** Quaternary faunas of Greece // Courier Forschungsinstitut Senckenberg. – 1992. – Bd 153. – S. 79 – 92.
- Zagwijn W.H.** Migration of vegetation during the Quaternary in Europe // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. – 1992. – V. 153. – P. 9 – 20.

Материал поступил в редколлегию 28.02.2000 г.

УДК 903.211.1

**А.П. Деревянко¹, В.Т. Петрин¹, С.А. Гладышев¹,
А.Н. Зенин¹, Ж.К. Таймагамбетов²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shapkin@paleoarchaeology.nsc.ru

²Казахский государственный национальный университет им. Аль-Фараби,
пр. Достык, 44, Алматы, 480100, Казахстан

АШЕЛЬСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МУГОДЖАРСКИХ ГОР (СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АЗИЯ)

За время изучения аридной зоны Евразии Российско-монгольской историко-культурной, Российско-монгольско-американской, Российско-казахской археологическими экспедициями накоплен огромный объем совершенно новой информации по каменному веку и особенно по его ранним стадиям [Деревянко, Дорж, Васильевский и др., 1990; Деревянко, Олсен, Цэвэндорж и др., 1996, 1998, 2000; Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 2000]. Тем более приятным и давно ожидаемым событием явилось открытие промышленных комплексов ашельского времени с большим количеством бифасов в Мугоджарских горах.

Цель данной публикации – введение в научный оборот совершенно новой и крайне интересной информации, проливающей свет на многие глобальные проблемы ранних этапов освоения человеком пространств Азии.

Мугоджары представляют собой южную оконечность Уральской складчатой системы, простираясь до 47° с.ш. [Казахстан..., 1950, с. 109]. От Уральского хребта они отделены понижением широтного направления, по которому проходит долина р. Урал (рис. 1).

Мугоджары являются частью Мугоджарского синклинория [Гвоздецкий, Николаев..., 1971, с. 133]. Средняя высота горных вершин 500 – 600 м, относительное возвышение низкогогорья над окружающими равнинами составляет всего 150 – 200 м. Наиболее высокая часть – группа Берчогур – имеет относительную отметку 536 м, а массив Айран – 639 м. Самая высокая гора Боктыбай 657 м. В целом ландшафт Мугоджар воспринимается как волнистый с округлыми формами, но на вершинах наблюдаются скальные

выходы. Реки в пределах гор имеют хорошо выработанные долины до 20 – 30 м, которые по мере удаления от гор меандрируют по равнинам [Суслов, 1954, с. 620]. Мугоджары делятся на две части: северную и южную. Южные Мугоджары состоят из двух крыльев: западного и восточного. Западное крыло – собственно Мугоджарский хребет, оно резко ограничено с запада Подуральским плато.

В хронологических пределах от позднего мезозоя до позднего плиоцена (акчагыла) устанавливается существование четырех уровней выравнивания, что напрямую связано с количеством импульсов поднятия и периодов относительного покоя.

Мугоджарские горы и их обрамление площадью в 1054 км² покрыты рыхлыми отложениями четвертичного периода различного генезиса: элювиальными, элювиально-делювиальными, делювиальными, пролювиальными, аллювиальными, озерно-аллювиальными и эоловыми. Имеются также отложения такыров, солончаков и соров. Стратиграфически четко дифференцируются аллювиальные, озерно-аллювиальные, озерные и пролювиальные отложения [Талпалов, 1966].

В гидрологическом отношении Мугоджары относятся к Урало-Мугоджарской складчатой области [Сотников, 1960]. Древние палеозойские и допалеозойские отложения, залегающие на поверхности, сильно дислоцированы, образуют складки, имеют многочисленные тектонические нарушения.

Видимо, из ключей, связанных с трещинными водами, берет свое начало р. Эмба. В условиях аридной зоны, к которой относятся Мугоджары, водные ресурсы и

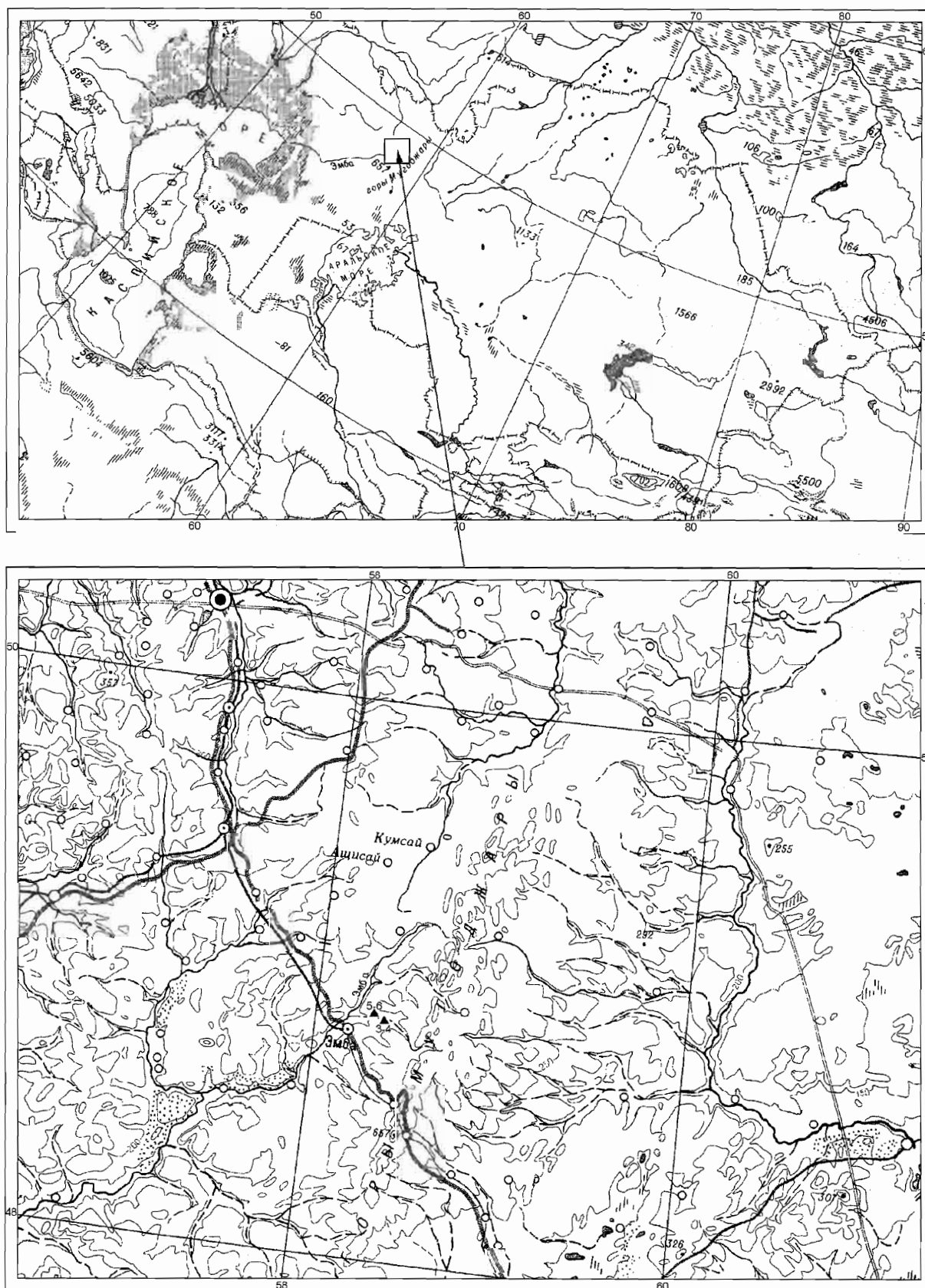

Рис. 1. Карта Казахстана и расположение памятников Мугоджары-3 – 6.

Рис. 2. Западный склон Южных Мугоджар в верховьях р. Эмба.

Рис. 3. Местонахождение Мугоджары-3, стационарный макронуклеус.

Рис. 4. Вид на Мугоджары-4 с юга.

обилие легко доступных кремнистых пород, в первую очередь кварцитовых песчаников, – определяющие факторы благоприятной среды обитания древнего человека. Именно в районе верховьев р. Эмба в 1999 – 2000 гг. Совместной российско-казахской экспедицией по изучению каменного века аридной зоны Азии найдены десятки местонахождений различного типа эпохи палеолита (рис. 1, 2).

Прежде чем перейти к обсуждению результатов анализа материалов памятников ашельского времени Мугоджарских гор, остановимся на основных методических установках, которые были выработаны нами при обработке коллекций из аридной зоны Евразии.

На большинстве палеолитических памятников аридной зоны культурные остатки представлены лишь каменными изделиями, лежащими на поверхности, что резко снижает информационные возможности источника. Поскольку одна и та же поверхность на протяжении десятков, а то и сотен тысячелетий являлась уровнем обитания, произошло смешивание разновременных культурных остатков. Такие ситуации, с нашей точки зрения, понятие “поверхностный культурный горизонт” или “поверхностное залегание артефактов” объясняет более адекватно, чем “памятники с разрушенным культурным слоем” [Коробков, 1971]. Отличительные признаки “поверхностного культурного горизонта”: 1) залегание культурных остатков вне рыхлых отложений; 2) смешанность, диахронность культурных остатков; 3) каменные артефакты (ведущий компонент).

Вторым принципиально важным моментом является дифференциация памятников с поверхностным залеганием артефактов по типу человеческой деятельности. В палеолите Монголии можно выделить: поселения-мастерские, поселения, стоянки и мастерские [Деревянко, Петрин, Цэвэндорж и др., 2000].

О значении геоморфологических данных при установлении возраста археологических объектов в аридной зоне писали многие исследователи [Медоев, 1982; Аубекеров, 1992]. Интересные результаты получаются, если учитывать сразу два фактора: геоморфологическую позицию памятника и степень сохранности поверхности артефактов, найденных на нем.

Сохранность поверхности каменных артефактов играет определяющую роль при изучении и относительной датировке смешанных комплексов. Процесс дезинтеграции горных пород носит многофакторный характер [Тимофеев, 1977]. Среди факторов можно выделить: 1) *экзогенные* (механическая эрозия, или физическое воздействие) – температурные изменения, морозное разрушение, дефляция и коррозия; 2) *эндогенные* (биологическая деструкция) – воздействие водорослей, мхов и корней растений, а также жизнедеятельность червей и животных; 3) *химическую эрозию* – растворение, известкование, гидроокисление, гидратация.

Описание памятников Мугоджары-3 – 6

Мугоджары привлекают внимание, возвышаясь среди ровной степи. Разведочный маршрут 1999 г. был намечен таким образом: долина р. Иргиз от пос. Иргиз до пос. Карабутах, затем долина р. Орз от пос. Богетсай до пос. Кумсай, далее пересечение Мугоджар до пос. Алтынды и обследование западного склона Мугоджарских гор до пос. Эмба.

Мугоджары-3 располагается в 15 км к востоку от пос. Эмба, южнее дороги, ведущей из пос. Эмба в пос. Алтынды. Координаты: 48°53'05,3" с.ш., 58°26'33,8" в.д. Коллекция собрана на вершинах холмов с выходами окремненных песчаников. Здесь встречены уникальные стационарные макронуклеусы (рис. 3). Находки располагались на коре выветривания.

Всего в коллекции 85 артефактов. Основная масса находок из крупнозернистого кварцевого песчаника светло-серого и розоватого цвета. По степени сохранности комплекс делится на три серии: сильнодефлированную – 11 экз., среднедефлированную – 70 и слабодефлированную – 4 экз. Первая состоит из семи сколов, среди которых один пластинчатый, двух бифасиальных изделий и двух скребел. Вторая включает три преформы, пять нуклеусов, четыре нуклевидные формы, пять сколов с нуклеусом, сегментовидный скол, 26 отщепов без вторичной обработки, 14 орудий из отщепов и 12 из плитки. Слабодефлированная серия малочисленна. Сюда входят два вертикальных скола с нуклеуса, зубчато-выемчатое орудие, обломок с негативами снятий.

Следует отметить, что коллекция разновременная. Типологически наиболее близки сильно- и среднедефлированные изделия. Сходство между данными сериями подтверждается несколькими факторами: это общая сырьевая основа, первичное расщепление, типы орудий. Большой процент орудийного набора в коллекции указывает на поселенческий характер комплекса, где ведущими типами орудий являются бифасиальные изделия и скребла. По технологическим и типологическим показателям инвентарь в хронологи-

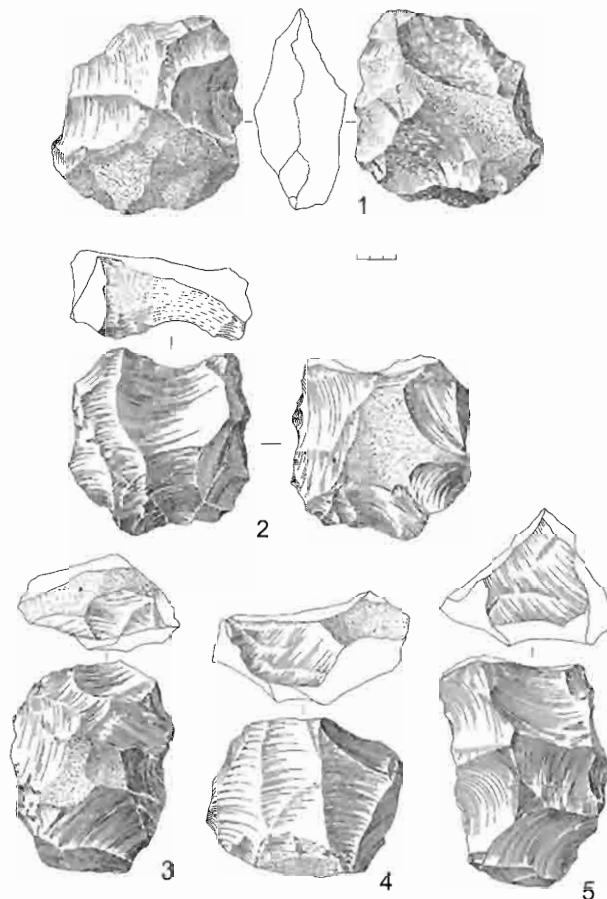

Рис. 5. Сильнодефлированные нуклеусы. Мугоджары-4.

ческом плане наиболее близок к индустриям домус-терьской эпохи.

Малочисленность слабодефлированной серии не позволяет провести систематический анализ, но небольшие размеры находок и степень дефляции указывают на то, что эта группа изделий более поздняя относительно основной части артефактов.

Мугоджары-4 расположен на террасовидном мысу правого берега р. Аулие, правого притока р. Эмба. Координаты: 48°52'45,2" с.ш., 58°25'45,3" в.д. Находки были локализованы на площади 100 × 70 м (рис. 4).

Всего собрано 298 артефактов из темно-бордового, красного и желтого песчаника. Подавляющая часть коллекции сильно дефлирована – 205 экз., значительно меньше среднедефлированных изделий – 82 экз. и очень мало слабодефлированных – 11 экз.

Сильнодефлированная серия (на плоскостях отщепления наблюдаются каверны) представлена нуклевидными формами – 7 экз., нуклеусами (рис. 5) – 10, двусторонне обработанными изделиями и бифасиальными (рис. 6) – 8, скреблами – 46, массивными скреблами – 7, зубчато-выемчатыми орудиями (рис. 7, 6 – 8) – 66, орудиями с носиком (рис. 7, 1 – 3) – 17,

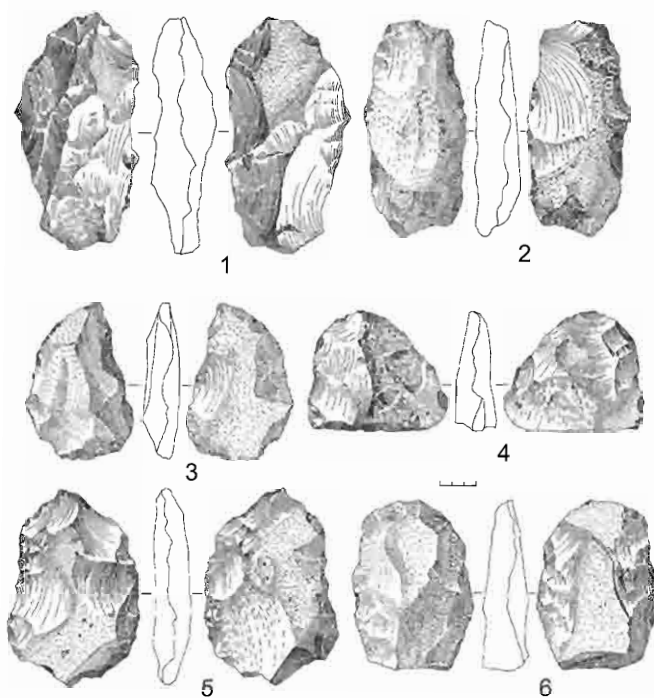

Рис. 6. Сильнодефлированные бифасы. Мугоджары-4.

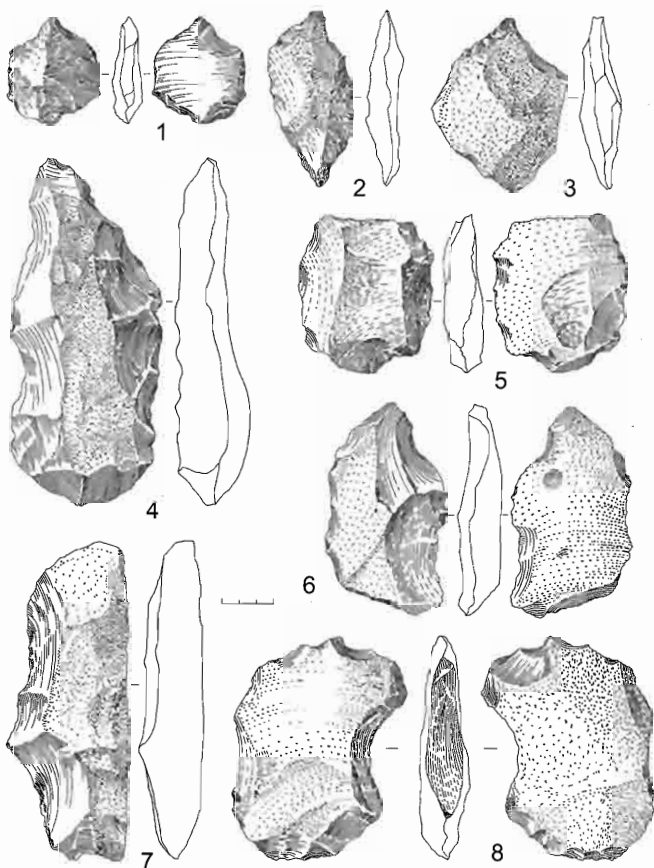

Рис. 7. Сильнодефлированная серия. Мугоджары-4.
1 – 3 – орудия с носиком; 4, 5 – пластины с ретушью;
6 – 8 – зубчато-выемчатые орудия.

пластинами с ретушью (рис. 7, 4, 5) – 11, плитками и сколами с эпизодической ретушью – 25, отщепами – 8 экз.

Преобладание среди типологически хорошо выраженных нуклеусов ядрищ для получения черепаховидных отщепов, видимо, объективно отражает доминанту первичного расщепления. Так, среди сильнодефлированных артефактов встречено 15 черепаховидных сколов (рис. 8, 1 – 4). Они сильно варьируют по размеру. Пластин встречено всего 11, и большинство из них укороченные. Следует отметить, что 37 артефактов изготовлено из плиток и некрупных естественных желваков. Остальная группа изделий – отщепы, свидетельствующие о том, что в первичном расщеплении широко представлена леваллуазская технология получения заготовок.

Орудийный набор включает несколько основных компонентов: бифасы и двусторонне обработанные изделия, скребла, скребки, зубчато-выемчатые орудия, орудия с носиком и ретушированные пластины. Вторичная обработка бифасов в основном производилась крупными сколами, встречается очень редко подтеска, в частности, на скреблах. Крупная ретушь наносилась с дорсальной стороны и только у зубчато-выемчатых изделий довольно часто и с вентральной.

Среднедефлированная серия (82 экз.) состоит из нуклевидной формы, двух преформ, девяти нуклеусов, 21 экз. двусторонне обработанных изделий и бифасов (рис. 9), односторонне обработанного изделия, 13 скребел (см. рис. 7, 5 – 7), скребка, 27 зубчато-выемчатых изделий, четырех пластин с ретушью и трех отщепов.

Характеризуя систему первичного расщепления среднедефлированных изделий, следует отметить, что в целом она является леваллуазской. По сути дела, выводы, сделанные на основании анализа сильнодефлированных нуклеусов, в полной мере приложимы и к материалам среднедефлированной серии, поскольку эти две группы представляют единое целое, о чем свидетельствует типологическое сходство орудийных наборов.

Из этого комплекса, видимо, выпадают изделия со слабой степенью дефляции поверхности.

Безусловно, памятник Мугоджары-4 по характеру каменного инвентаря может быть определен как поселение-мастерская на выходах сырья. На это указывает относительно небольшое количество нуклевидных форм и нуклеусов и значительное количество орудий.

Данный комплекс, по нашему мнению, относится к апельскому времени, видимо, не самой его поздней стадии.

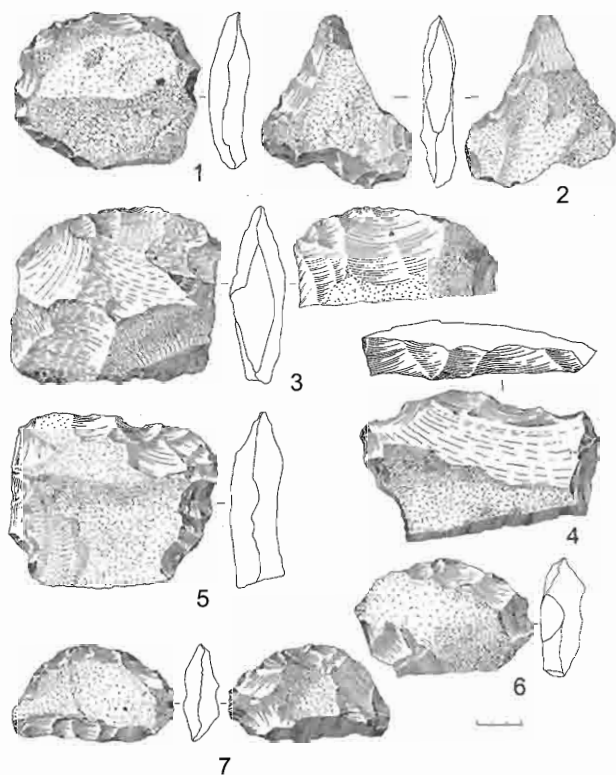

Рис. 8. Сильнодефлированные (1 – 4) и среднедефлированные (5 – 7) скребла. Мугоджары-4.

Мугоджары-5 расположен в 12 км к северу от дороги Алтынды – Эмба на делювиальном шлейфе. Координаты: 48°52'34,8" с.ш., 58°23'17,4" в.д. На площади 200 × 100 м собран 151 предмет из серого и желтоватого кремнистого песчаника.

Сборы производились на месте получения балласта для дорожного полотна, и многие изделия лежали не на поверхности, а в рыхлых отложениях, возможно, поэтому степень дефляции поверхности артефактов средняя и слабая. По этой причине коллекция рассматривается в целом, без выделения серий в зависимости от характера деструкции поверхности.

Коллекция представлена нуклеидными формами – 11 экз., нуклеусами (рис. 10) – 24, двусторонне обработанными изделиями (рис. 11, 1, 2) и бифасами (рис. 12) – 25, унифасами – 2, скреблами (рис. 11, 3 – 6) – 24, зубчато-выемчатыми орудиями (рис. 11, 7 – 9) – 27, орудием с носиком (рис. 11, 10), целыми и сломанными пластинами – 12 и отщепами – 25 экз.

В целом, оценивая первичное расщепление, можно заключить, что основным способом получения вторичных сколов служили в основном леваллуазские нуклеусы для получения черепаховидных отщепов и пластин различного характера. К этому следует добавить, что в коллекции присутствует восемь леваллуазских отщепов и 12 целых и сломанных пластин.

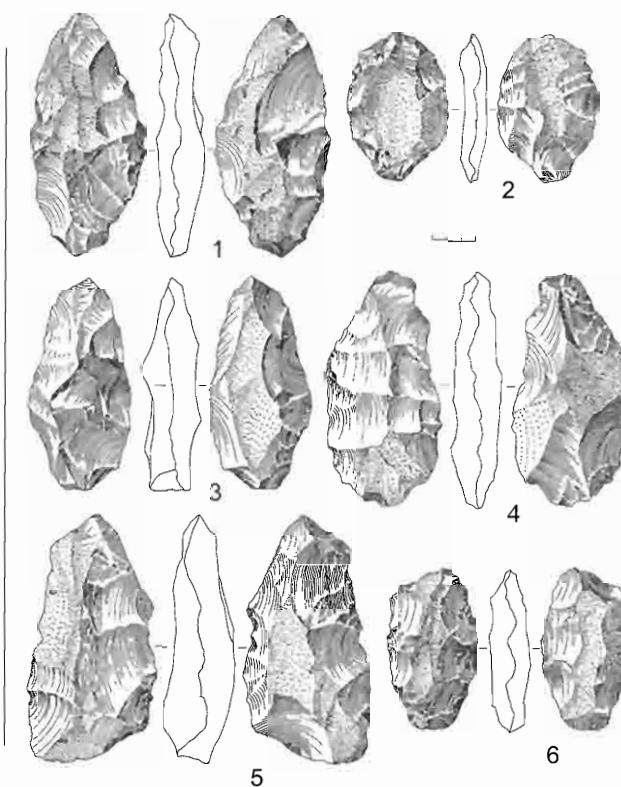

Рис. 9. Среднедефлированные бифасы. Мугоджары-4.

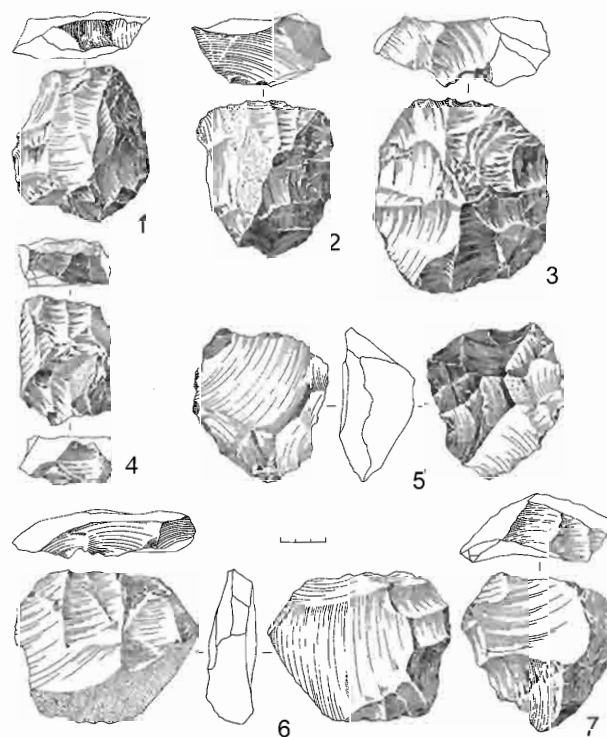

Рис. 10. Леваллуазские нуклеусы (1 – 4, 6, 7) и нуклеус параллельного принципа расщепления (5). Мугоджары-5.

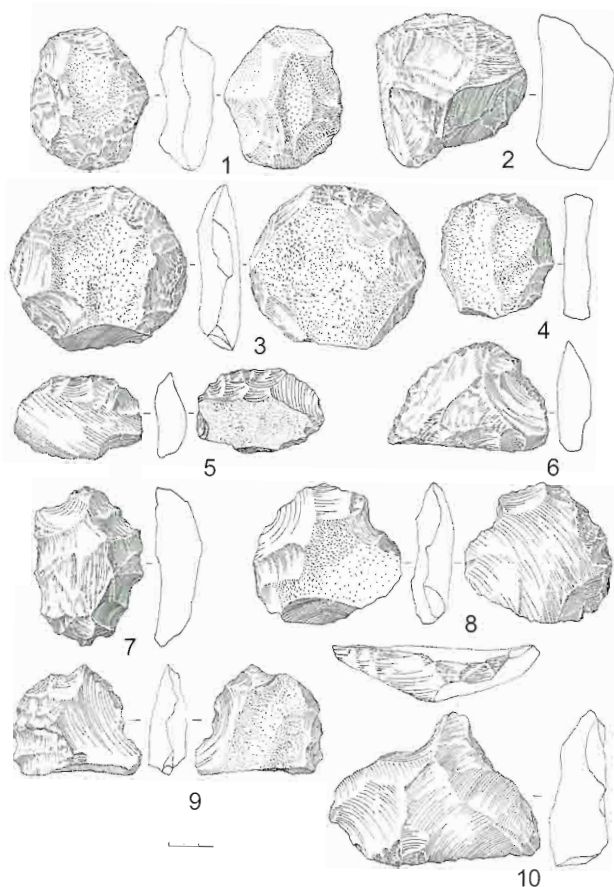

Рис. 11. Каменные орудия. Мугоджары-5.
1, 2 – орудия с двусторонней обработкой; 3 – 6 – скребла;
7 – 9 – зубчато-выемчатые орудия; 10 – орудие с носиком.

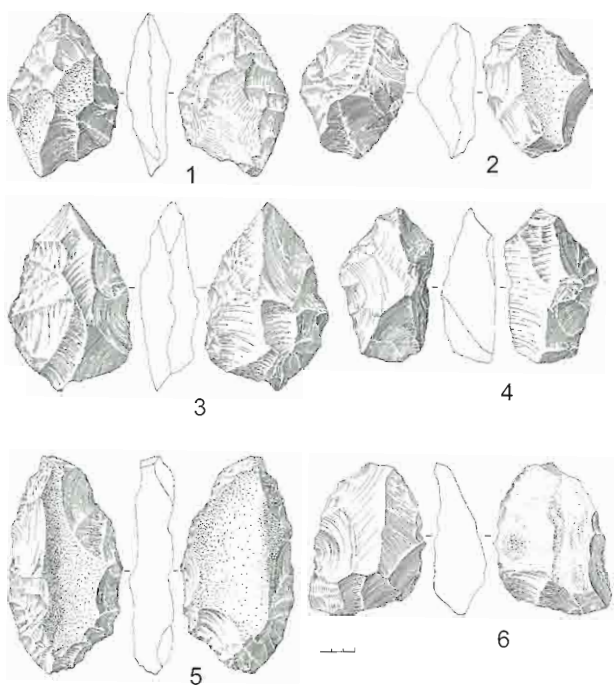

Рис. 12. Бифасы. Мугоджары-5.

Рис. 13. Характер залегания каменных артефактов
на местонахождении Мугоджары-6.

В качестве исходной заготовки использовались плитки и желваки – 28 экз.

В целом орудия комплекса дают вполне определенный спектр инструментария – бифасы и двусторонне обработанные изделия, скребла, зубчато-выемчатые орудия, пластины с ретушью. Этим самым устанавливается сходство слабо- и среднедефлированных серий.

Памятник Мугоджары-5 может быть определен как мастерская с элементами стоянки.

Если говорить о времени существования комплекса, то принадлежность к ашелю не вызывает особых сомнений, следует только заметить, что он более поздний по сравнению с комплексом Мугоджар-4. Это устанавливается как по степени сохранности поверхности, так и по технико-типологическому облику индустрии в целом, вырастает доля скребел, пластин, уменьшается – зубчато-выемчатых изделий и орудий с носиком. Хотя в целом система первичного расщепления меняется мало, в ее основе леваллуазские нуклеусы для снятия черепаховидных сколов.

Мугоджары-6 расположен с северной стороны возвышенности, на которой найдено местонахождение Мугоджары-5. Координаты: 48°52'55,5" с.ш.,

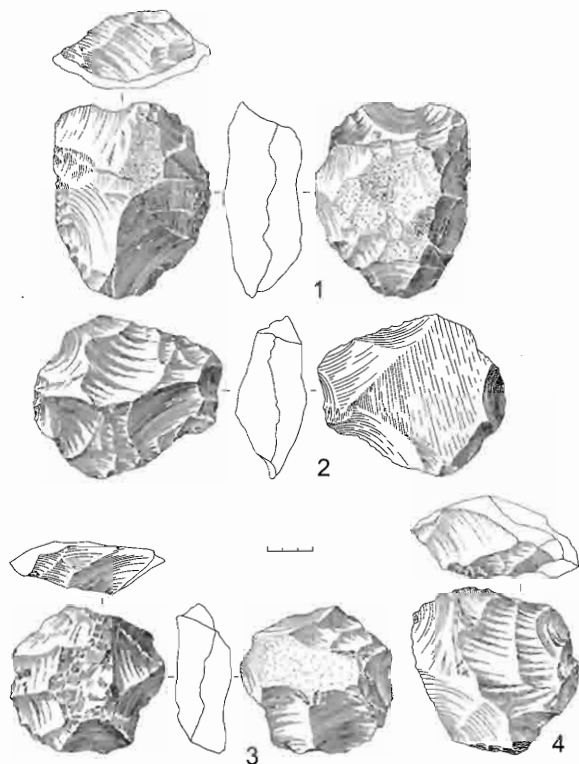

Рис. 14. Леваллуазские нуклеусы. Мугоджары-6.

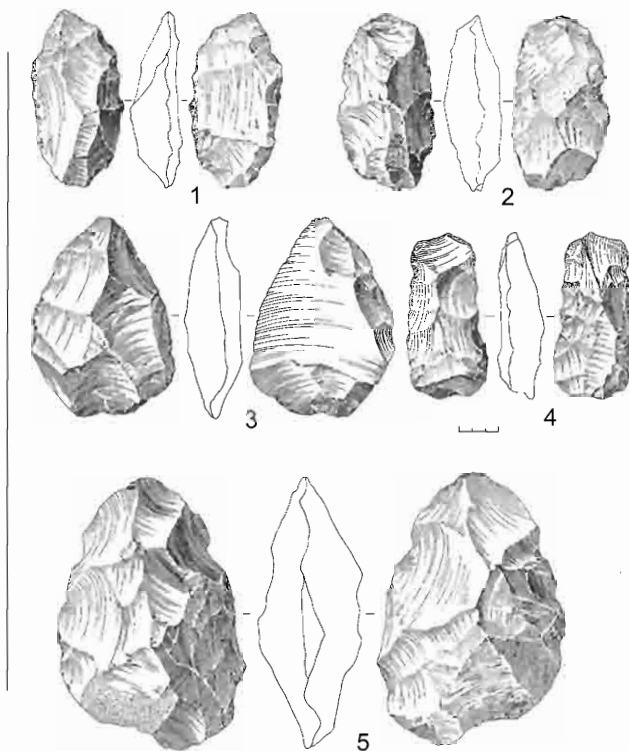

Рис. 15. Бифасы. Мугоджары-6.

58°22'43,3" в.д. Коллекция собрана на делювиальном шлейфе (рис. 13) на площади 50 × 50 м. Найдено 69 артефактов из того же кремнистого песчаника, что и на местонахождении Мугоджары-5. Степень дефляции поверхности изделий от сильной до средней, и их сложно разделить по данному признаку, поэтому материалы рассматриваются вместе.

Коллекция каменных изделий состоит из нуклеусов (рис. 14) – 8 экз., целых и сломанных бифасов (рис. 15) и двусторонне обработанных изделий (рис. 16, 1) – 21, пикообразных орудий (рис. 16, 6, 7) – 3, скребел (рис. 16, 2, 4) – 8, зубчато-выемчатых орудий (рис. 16, 5) – 11, пластин – 10, сколов без обработки – 8 экз.

Наблюдается сочетание леваллуазских нуклеусов, с которых скалывались черепаховидные отщепы, и пластин.

Отметим, что в коллекции присутствуют восемь черепаховидных сколов и десять крупных пластин, 15 изделий выполнено непосредственно из плиток и желваков песчаника.

Орудийный набор памятника Мугоджары-6 очень выразителен и находит прямые аналогии в материалах Мугоджар-5. Следует предполагать близость этих памятников как в технико-типологическом и хронологическом отношениях, так и по функциональной сущности. Мугоджары-6 – мастерская-стоянка на выходах сырья.

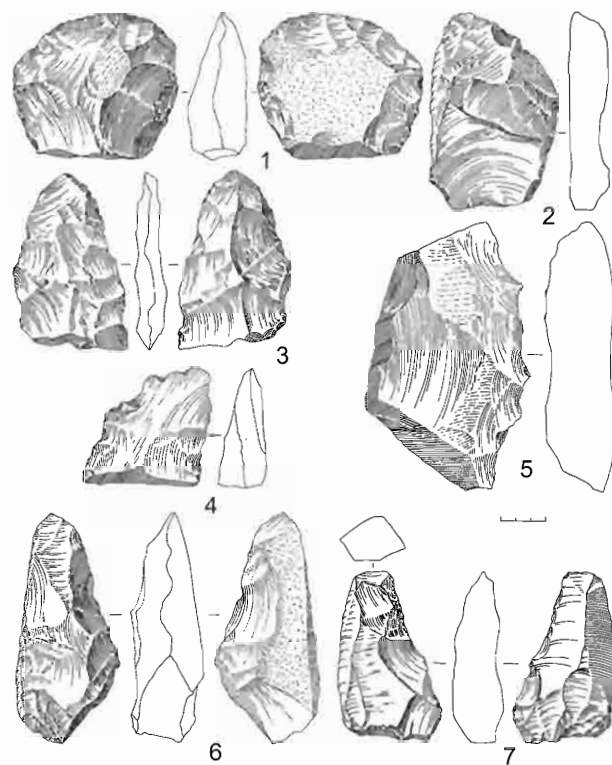

Рис. 16. Каменные орудия. Мугоджары-6.

1 – орудие с двусторонней обработкой; 2, 4 – скребла;
3 – обломок бифаса; 5 – зубчато-выемчатое орудие;
6, 7 – пикообразные орудия.

Анализ индустриальных комплексов

Безусловно, представленные комплексы Мугоджар-3 – 6 репрезентативны для получения информации об основных компонентах мугоджарских ашельских памятников.

Если говорить о региональных особенностях мугоджарского ашеля с бифасами, занимающих заметное место в комплексах, то они сводятся к следующему.

Вся анализируемая коллекция каменной индустрии с памятников Мугоджары-3 – 6 состоит из 603 экз., из них с первичным расщеплением связаны 86 (преформы, нуклеидные формы и нуклеусы), остальные относятся к артефактам, не имеющим вторичной обработки (табл. 1). Понятно присутствие в комплексах преформ и нуклеидных форм, поскольку здесь происходил отбор сырья и его апробирование.

Среди нуклеусов преобладают леваллуазские для получения черепашковидных сколов. Они находятся на разных стадиях технологической цепочки использования. Несколько меньше леваллуазских нуклеусов параллельного и субпараллельного принципов скалывания (табл. 2).

Орудийный набор памятников Мугоджары-3 – 6 состоит из 404 экз. (табл. 3), из них 85 – это бифасы и двусторонне обработанные изделия. Среди бифасов преобладают листовидные (миндалевидные) и овальные (табл. 4), что объясняется обилием сырья различной исходной формы (плитки, желваки) и использованием крупных изделий. Несколько меньше сердцевидных бифасов. Подпрямоугольные, в виде “запятой”, с усеченным концом, неправильной формы и некоторые другие представлены единичными экземплярами. Довольно много сломанных бифасов.

Технология изготовления бифасов устойчивая – это снятие крупных сколов субпараллельного направления нанесением ударов от краев к центру. Практически отсутствует дополнительная подработка более мелкими сколами. В продольном сечении бифасы симметричны и обычно не толще 2 – 3 см. Аккомодационная подработка наблюдается только по длинной стороне бифасов с обушком.

Обращают на себя внимание двусторонне обработанные изделия, хотя их немного, но они встречаются на трех памятниках – Мугоджары-4 – 6 и напоминают дисковидные орудия.

Односторонне обработанные изделия не характерны для данных комплексов, однако орудия типа *ris* здесь вполне закономерно сочетаются с бифасами.

Самые многочисленные в сводной коллекции зубчато-выемчатые орудия и различные скребла. Остальные типы изделий представлены небольшим количеством экземпляров и в целом не определяют лицо индустрии. Таковы основные технико-типологические

составляющие индустрии ашельских мугоджарских комплексов.

Совершенно ясно, что после открытия этой индустрии территория Мугоджар должна быть включена в зону распространения ашеля с бифасами (*Sensu Strictu*).

Если говорить об относительной периодизации комплексов Мугоджары-3 – 6, то думается, что генерализованная линия развития логически последовательно идет от индустрии Мугоджар-4 к комплексам Мугоджар-3, 5, 6. В совокупности они дают в целом представление об индустриальном облике ашеля данной территории.

Местонахождения ашельского времени в Мугоджарских горах могут быть на уровне бифасов сопоставлены с памятниками, в комплексах которых представлены единичные бифасы. В частности, таким объектом со сложной стратиграфией является стоянка Мысовая на Южном Урале [Бадер, Матюшин, 1973; Матюшин, 1990; Цейтлин, 1975]. Находки раннего времени залегали здесь под мезолитическим слоем и были выделены из коллекции артефактов, происходящих из него, на основании типологии и глубокой патины на поверхности. Первоначально эта в общем-то небольшая коллекция была отнесена к мустье, позднее разделена на два комплекса: ашельский и мустьерский.

Другой памятник, в каменном инвентаре которого были бифасы, исследован В.С. Волошиным в Центральном Казахстане в верховьях р. Ишима. Исходя из геоморфологической позиции местонахождения, предполагается, что его нижний хронологический рубеж миндель – рисс [Волошин, 1988]. Всего найдено 10 бифасов, наблюдается значительная вариабельность форм: подтреугольные, эллипсоидные, удлиненно-овальные.

Чуть далее на восток бифасы были обнаружены на памятниках с поверхностным залеганием артефактов на побережье оз. Кудайколь в Прииртышье [Медоев, 1982], в комплексах Семизбугу [Деревянко, Аубекеров, Петрин и др., 1993] и в районе пос. Саяк [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, Зенин и др., 1999б, в] в Северном Прибалхашье. Следуя далее в восточном направлении, можно назвать комплекс Торгалык в Туве [Астахов, 1980] и памятники “Дно Гоби” и Ярх в Монголии [Окладников, 1983]. Следует заметить, что если при сопоставлении бифасов Мугоджар-3 – 6 с подобными изделиями из Центрального Казахстана (Вишневка-3), Северного Прибалхашья (Семизбугу, Саяк) и Прииртышья (Кудайколь) обнаруживается известное сходство, то бифасы с памятников Торгалык, Ярх и “Дно Гоби” имеют совершенно другую морфологию и вряд ли пригодны в качестве аналогов.

Комплексы раннего палеолита с бифасами известны и юго-западнее Мугоджар. Они найдены в Северном

Таблица 1. Первичное расщепление и отходы производства

Тип изделия	Мугоджары-3			Мугоджары-4			Мугоджары-5	Мугоджары-6	Всего
	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Средне-и слабо-дефлированные	Сильно-и средне-дефлированные	
Преформы		3			2	1			6
Нуклевидные формы		4		7	1	1	11		24
Нуклеусы		5		10	9		24	8	56
Сколы с нуклеусов	7	5	2						14
Сегментовидный скол		1							1
Обломок с негативами снятий			1						1
Пластины							12	10	22
Отщепы		26		8	3	5	25		67
Сколы								8	8
<i>Итого</i>	7	44	3	25	15	7	72	26	199

Таблица 2. Типы нуклеусов

Тип изделия	Мугоджары-3			Мугоджары-4			Мугоджары-5	Мугоджары-6	Всего
	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Средне-и слабо-дефлированные	Сильно-и средне-дефлированные	
Леваллуазские для черепаховидных отщепов		1		9	1		13	5	29
Леваллуазские параллельного принципа расщепления							11	2	13
Двухплощадочные монофронтальные		2							2
Одноплощадочные монофронтальные				1					1
Субпараллельного принципа скалывания					7				7
Дисковидный					1				1
Разные		2							2
Торцовый								1	1
<i>Итого</i>		5		10	9		24	8	56

Таблица 3. Орудийный набор

Тип изделия	Мугоджары-3			Мугоджары-4			Мугоджары-5	Мугоджары-6	Всего
	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Средне-и слабо-дефлированные	Сильно-и средне-дефлированные	
Бифасы и двусторонне обработанные изделия	2	6		8	21	2	25	21	85
Односторонне обработанные изделия					1		2		3
Скребла	2	8		46	13		24	8	101
Скребки		1			1	2			4
Пикообразные орудия		1						3	4
Зубчато-выемчатые орудия		1	1	66	27		27	11	133
Массивные скребла				7					7
Орудие с носиком				17			1		18
Орудие с шипом		3							3
Пластины с ретушью				11	4				15
Отщепы с ретушью		4							4
Плитки и сколы с эпизодической ретушью				25					25
Комбинированное орудие		1							1
Орудие с обушком		1							1
<i>Итого</i>	4	26	1	180	67	4	79	43	404

Таблица 4. Типы бифасов

Тип изделия	Мугоджары-3			Мугоджары-4			Мугоджары-5	Мугоджары-6	Всего
	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Сильно-дефлированные	Средне-дефлированные	Слабо-дефлированные	Средне-дефлированные	Сильно-и средне-дефлированные	
Сердцевидные				2	4		2	2	10
Листовидные	2			2	9		1	4	18
Овальные		4			2		8	8	22
Подпрямоугольные		1							1
В виде запятой				1					1
Типа "Les Pendus"				1					1
С усеченным концом				1					1
Близкий к типу кливеров					1				1
С обушком					2			2	6
Неправильной формы							2		2
Обломки		1		1	3		5	3	13
<i>Итого</i>	2	6		8	21		20	19	76

Приаралье [Деревянко, Таймагамбетов, Петрин и др., 1999б], Мангышлаке [Медоев, 1982; Деревянко, Таймагамбетов, Петрин и др., 1999а, б], а также далее на юг на Краснодарском плато. Первые находки обнаружены там (39 – 41 км железной дороги Краснодарск – Ашхабад) еще в 1950-х гг. А.П. Окладниковым, позднее поблизости были открыты такие комплексы, как Янгаджа, Кара-Тенгир [Любин, 1984; Вишняцкий, 1996].

Наименее удаленные от мугоджарских памятники с бифасами в большинстве своем найдены на Кавказе, где на сегодня известно более 150 археологических объектов различного типа, относящихся к ашельскому времени. Они расположены на Западном Кавказе и на юге Кавказского хребта [Замятнин, 1937, 1961; Паничкина, 1950; Соловьев, 1971; Гусейнов, 1985; Кулаков, 1991; Любин, 1998].

Ашельские комплексы Кавказа датированы на основании корреляции со стратифицированными многослойными пещерными памятниками методами био-стратиграфии и геохронологии [Любин, Куликов, 1991; Любин, 1993, 1998]. Для стоянки Дманиси, давшей наряду с каменными изделиями остатки архантропа [Gabunia, Jöris, Justus et al., 1999], определена палеомагнитная дата $1,8 \pm 0,1$ млн л.н. Позднетираспольский комплекс слоя 7а в Треугольной пещере датирован методом электронно-парамагнитного резонанса 538 ± 25 тыс., а слой 5б – 393 ± 27 тыс. л.н. В пещере Кударо III слой 8а (вторая половина кромера) имеет РТЛ-дату 560 ± 112 тыс. л.н., в пещере Кударо I слой 5в – 360 ± 90 тыс. л.н. (РТЛ-379), а слой, перекрывающий ашельский уровень 5а, б, – 350 ± 70 тыс. л.н. (РТЛ-373) [Любин, Куликов, 1991, с. 6 – 7].

Как можно видеть, кроме Дманиси, имеющей очень древний возраст, ашельские комплексы Кавказа датируются в пределах 550 – 350 тыс. л.н., т.е. наиболее ранние ашельские индустрии относятся к началу среднего плейстоцена (вторая половина кромера).

Более поздние комплексы ашеля с бифасами датируются временем минделя и минделя – рисса. Надо полагать, что памятники с поверхностным залеганием каменных артефактов (Яштух, Сатани-Дар и др.) на Кавказе относятся к этому же времени. Предположение основывается на их технико-типологическом сопоставлении с комплексами стратифицированных пещерных памятников.

Наши материалы с Мугоджарских гор на уровне технико-типологического сравнения и даже по типу памятников вполне сопоставимы с кавказскими, что дает возможность в самом общем виде определить хронологическую позицию ашеля с Мугоджар (без уточнения нижней границы) как соответствующую таковой ашеля с Кавказа.

Но вряд ли правильно рассматривать территорию Восточного Прикаспия, Приаралья и Мугоджар как зону, куда в ашельское время по южному побережью Каспия через Копетдагские ворота пришли люди с Кавказа [Вишняцкий, 1996]. Для этого нет никаких объективных оснований.

Если принять точку зрения И. Коробкова [1978] о связи ашельских памятников Кавказа, на примере причерноморских (Яштух), с убейдийско-латамнской традицией, то также вполне обоснованно выглядит предположение В. Любина о широких и разнообразных контактах в эпоху ашеля культур переднеазиатских нагорий и Кавказа [1998, с. 172]. При этом надо иметь в виду, что зона контактов могла не ограничиваться только территорией Кавказа, а охватывала уже указанные районы Восточного Прикаспия, Приаралья и Мугоджар, тем более что Каспий не был таким уж непроходимым барьером в древности, как это представляется сегодня. Многочисленные трансгрессии, регрессии значительно меняли конфигурацию берегов Каспия. Достаточно вспомнить регрессии нижнего плейстоцена между верхнебакинским (урунджикские слои) и нижнехазарским (сингильские слои)

временем. Надо полагать, сокращения и расширения акватории Каспия имели место и раньше [Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977; Туголесов, 1948; Федоров, 1957]. Вполне справедливо предположить, что распространение ашеля с территории Леванта не ограничивалось лишь пределами Кавказа, а шло значительно дальше на восток.

Региональные особенности культуры Мугоджар на фоне палеолита сопредельных территорий

Яркие впечатляющие материалы ашельской индустрии с Мугоджар позволяют по-новому рассмотреть ряд глобальных проблем раннего палеолита северо-западной части Азии, куда входит Средняя Азия и Казахстан. Это в первую очередь индустриально-технический облик комплексов раннего палеолита. К сожалению, источниковая база недостаточна, но тем не менее можно попытаться наметить основные контуры на основе имеющихся вариантов периодизации предшественников.

К разработке схемы развития раннепалеолитических индустрий на территории Казахстана приложили свои усилия многие исследователи [Алпысбаев, 1979; Артюхова, 1998; Аубекеров, 1992; Вишняцкий, 1996; Волошин, 1990; Медоев, 1982; Таймагамбетов, 1998]. Слабость предложенных схем отметил Л.Б. Вишняцкий [1996]. Она имела объективную основу: отсутствие стратифицированных памятников в условиях аридной зоны Евразии, где доминируют комплексы поверхностного залегания, а также известная условность в выделении таких подразделений, как “арыстанды” или “актасты”, и датировке их олдовайским временем. Впрочем, с другими единицами эволюционной схемы также были свои трудности.

Много по периодизации палеолита Средней Азии и Казахстана сделал В.А. Ранов. Располагая первоклассными археологическими источниками в лессовых разрезах (мощность до 200 м) Афгано-Таджикской депрессии с хорошо выраженными педокомплексами, которые датированы методами ПМ и РТЛ, он создал первую достоверную хронологически обоснованную периодизацию.

В.А. Ранов в понимании развития культур каменного века Средней Азии является последователем концепции А.П. Окладникова о сосуществовании в Средней Азии двух культурных зон, одна из которых связана с западом (Передняя Азия), другая – с востоком (Восточная Азия). Данная концепция опирается на теорию Х. Мовиуса о двух мирах в раннем палеолите.

Мир “ручных рубил” и восточный по отношению к нему мир “чопперов и чоппингов” разделяется промежуточной полосой, в северную часть которой входит территория Средней Азии и Казахстана [Movius,

1944, fig. 44, p. 103]. Промежуточный характер этих территорий подчеркивали В.А. Ранов, в связи с рассмотрением взаимоотношения галечных культур Средней Азии и соана [1982, 1992], и ряд других исследователей [Борисковский, 1971; Вишняцкий, 1996; Окладников, 1956, 1966].

Заслуга В.А. Ранова в том, что в этой контактной зоне между двумя культурно-историческими образованиями он выделил две линии развития [1962]: для одной (А) на первоначальной стадии характерны рубила, для другой (Б) – галечные изделия (чопперы, чоппинги). Первая своим происхождением была обязана культурам Передней Азии, а вторая – культурам восточноазиатского облика. Этот тезис отстаивался и в более поздних работах [Ранов, Шефер, 2000].

Таким образом, указанные основные периодизационные схемы по палеолиту Средней Азии и Казахстана хотя и имеют противоречия между собой, неточности и другие недостатки, тем не менее приводят нас к очевидному выводу, что все признают наличие стадии раннего палеолита.

На наш взгляд, сейчас появилась возможность более детально рассмотреть намеченную проблему на базе всей имеющейся информации по стадии раннего палеолита и создать первоначальную схему упорядочивания эмпирических материалов. По нашему мнению, благодаря исследованиям последних десятилетий возможно провести группировку имеющихся памятников, используя понятие “линия развития”. Для территории Средней Азии и Казахстана можно наметить следующие линии развития: а) каратауская галечная (Оби-Мазар-6, Каратау, Лахути); б) микроиндустриальная (Кульдара, Кошкурман, Шоктас); в) зубчато-выемчатая (Кульбулак, Сельбунгур); г) мугоджарский ашель с бифасами (Мугоджары, Шахбагата, Танирказган, Борыказган) (рис. 17). Вполне вероятно, что последняя включает в себя несколько вариантов и в дальнейшем могут быть выделены, в частности, памятники типа Танирказган и Борыказган в связи с очень небольшим количеством бифасов, комплексы Семизбугу, Мангышлак. Но есть одно общее для всех этих памятников – леваллуазская система первичного расщепления.

Каратауская галечная линия развития. Самые ранние стратифицированные и датированные комплексы раннего палеолита в Средней Азии исследованы в лессах Таджикистана (Афгано-Таджикская депрессия) [Ранов, Шефер, 2000]. Остановимся на характеристике каратауской галечной индустрии (линия развития Б) на примере наиболее раннего комплекса Оби-Мазар-6 и комплекса Лахути, возраст которого более 500 тыс. лет [Ранов, Шефер, 2000; Schäfer, Sosin, Ranov, 1998]. Для данной индустрии характерна начальная степень оформления нуклеусов (многоплощадочные, кубовидные), хотя присутствуют одноплощадочные,

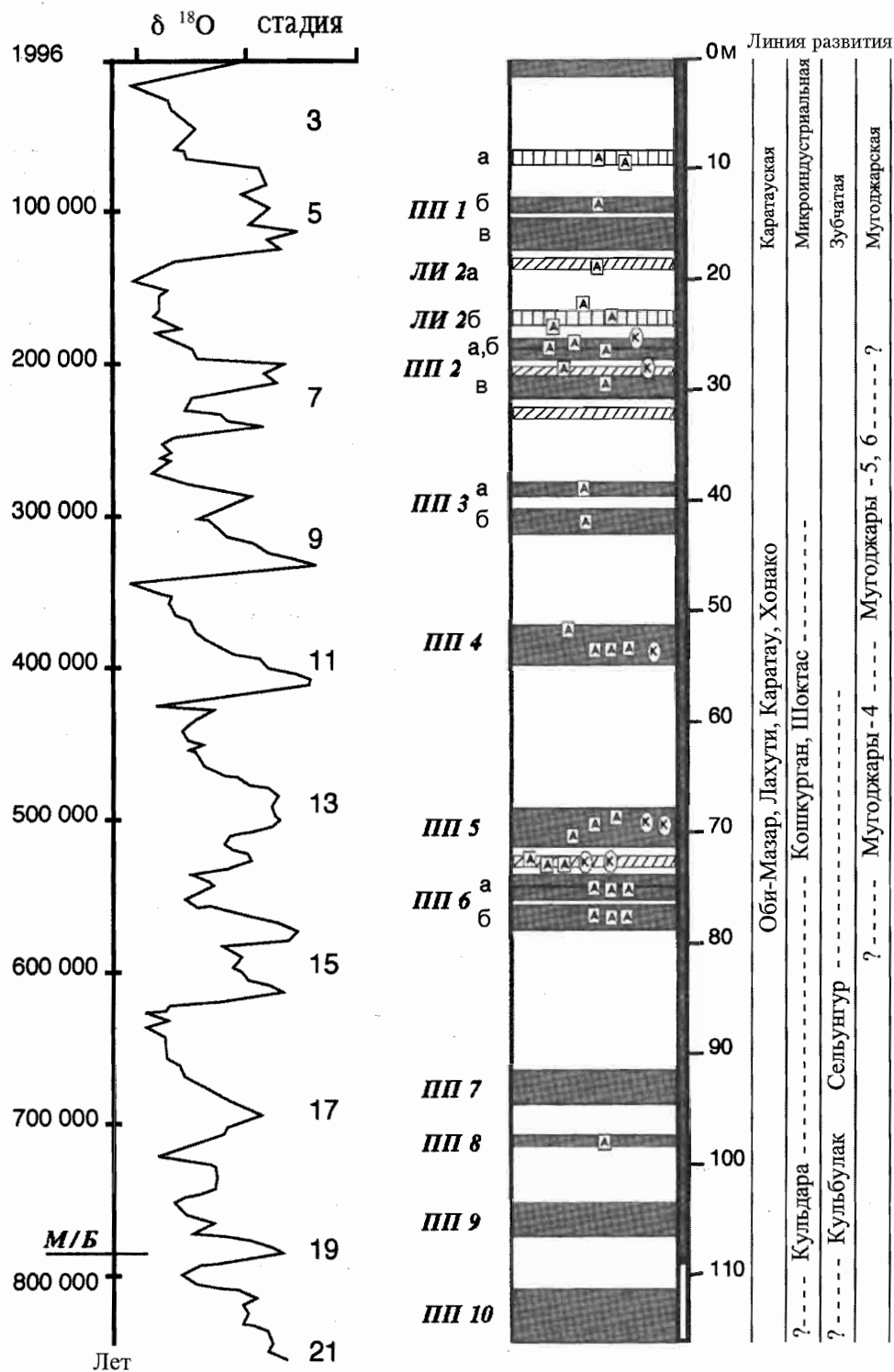

Рис. 17. Стратиграфия лессовых разрезов в Ховалингском районе Таджикистана, корреляция с кислородно-изотопной кривой (по: [Ранов, Шефер, 2000]) и распределение памятников раннего палеолита Средней Азии и Казахстана.
ПП – палеопочвы, ЛИ – интерстадиалы в лессе.

основной тип – галечный нуклеус, существует технология долечных и клиновидных сколов, появляются пирамидальные нуклеусы. В коллекции Оби-Мазар-6 имеется чоппер и чоппинг, а также скребла, отщепы с ретушью. В Лахути появляются нуклеусы леваллуазского облика. Наблюдается плавная эволюция внутри каратауской культуры от индустрии Оби-Мазар-6 к индустрии Лахути. Аналогии можно усмотреть в памятниках Китая (Ланьтянь, Кэхэ и нижние слои Чжоукоудянь) [Ранов, 1999] и, возможно, в нижних слоях Убейдии на Ближнем Востоке.

Микроиндустриальная линия развития. Микроиндустриальные комплексы датируются в широком хронологическом диапазоне от 200 тыс. до 1 млн л.н. Самыми известными в Европе являются памятники Бильцингслебен в Германии, Вертешсёлэш в Венгрии, Изерния ла Пинета в Италии. На Ближнем Востоке, в Израиле три года назад открыта стоянка Бизат-Рухама. В Средней Азии расположены Кульдара, Кошкурбан, Шоктас. В Китае наиболее известны Дунгута и Сяочанлянь.

Рассмотрим микроиндустриальные комплексы Кошкурбана и Шоктаса. Ведущими типами нуклеусов являются леваллуазские. Технические индексы обеих коллекций следующие: леваллуа (IL) для Кошкурбана-1 равен 0,8, Шоктаса-1 – 0,4; подправки ударных площадок (общий, IF_{large}) – соответственно 21 и 16,3; тонкой подправки ударных площадок (IF_{strict}) – 18,6 и 13,5; пластин (I_{lam}) – 7,2 и 3,6. Обращает на себя внимание очень низкий индекс леваллуа, несмотря на высокий удельный вес леваллуазских нуклеусов. Отметим, что на обоих памятниках в большом количестве представлены укороченные заготовки. Для изготовления орудий часто использовались гальки.

Коллекции Кошкурбана-1 и Шоктаса-1 дают исчерпывающую информацию о технико-типологических особенностях одной из основных линий развития индустрии на протяжении раннего палеолита не только Средней Азии, но и Евразийского континента в целом. По образцам, взятым из отложений, в Институте геологии Республики Казахстан (г. Алматы) методом ЭПР было получено шесть дат: 500 ± 75 , 430 ± 20 , 320 ± 90 , 300 ± 90 , 250 ± 75 , 40 ± 12 тыс. л.н. В Институте химической кинетики и горения СО РАН (г. Новосибирск) методом ЭПР были датированы четыре образца костей из линзы песка – 501 ± 23 , 487 ± 20 , 470 ± 35 , 427 ± 48 тыс. л.н., что хорошо согласуется с датой, полученной ранее по палеонтологическим материалам кошкурбанского фаунистического комплекса – аналога раннеплейстоценового тираспольского фаунистического комплекса Восточной Европы.

Устанавливается соответствие индустрии кошкурбан-шоктасского облика с небольшой, но достаточно выразительной коллекцией артефактов из 11-го и 12-го педокомплексов Кульдары (40 экз.).

Открытие памятников Кошкурбан, Шоктас с полным микроиндустриальным набором каменного инвентаря и стоянки Кульдара соединяет в территориальное целое микроиндустриальные комплексы Европы (Вертешсёлэш, Бильцингслебен, Изерния ла Пинета), Западной (Бизат-Рухама), Центральной (Кошкурбан, Шоктас, Кульдара) и Восточной (Сяочанлянь, Дунгута) Азии. Налицо евразийское единство микроиндустрий раннего палеолита.

Расположение наиболее древних комплексов (Сяочанлянь, Дунгута – около 1 млн лет) на востоке Азии и относительно более поздних комплексов в центре Азии (Кульдара – 0,8 млн лет), Западной Азии (Рухама – 0,75 млн лет) и в Европе (Изерния ла Пинета – 0,74 млн лет) предполагает движение с востока на запад, если придерживаться моноцентристской точки зрения на происхождение индустрий [Деревянко, Петрин, Цзэвндорж и др., 2000; Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 2000].

Зубчато-выемчатая линия развития. М. Касымов на стоянке открытого типа Кульбулак к ашельскому времени отнес слои начиная с самого нижнего (45-го), лежащего на глубине около 19 м от поверхности [1990]. В. Ранов и С. Несмеянов [1973], основываясь на стратиграфии памятника, считают, что толща в 19 м могла накопиться в пределах позднего плейстоцена. Вероятно, интерпретация М. Касимова может быть принята с известными оговорками. Ашельские слои относятся к раннему плейстоцену (нанайское время) и частично к среднечетвертичному периоду (начало ташкентского времени). Культурные остатки обнаружены в основном в слоях, имеющих русловый, озерный, пойменный, луговой характер. Климатические условия этого времени характеризуются как субтропические, перемененно влажные; наблюдается трансформация климата от жаркого влажного к перемененно влажному холодному и даже к умеренно теплomu, засушливому. Фауна представлена следующими видами: *Equus* sp., *Ovis ammon* L., *Cervus elaphus* L., *Bos primigenius* Bojanus, *Capra sibirica* Pall [Касымов, Годин, 1984; Касымов и др., 1985].

В каменной индустрии из 45 – 24-го ашельских слоев Кульбулака наблюдается четкая преемственность, отражающая принадлежность всех комплексов инвентаря к единой линии развития без явных нарушений.

Очень сложен вопрос датировки отложений Кульбулака, поскольку есть палеомагнитная датировка лишь для 31-го слоя, устанавливающая существование здесь границы Брюнес – Матуяма [Тойчиев, 1982].

Функциональная сущность Кульбулака совершенно ясна – это долговременное место обитания в удобном месте, возле ключа с пресной водой, вблизи мощных выходов кремня, расстояние до которых около 3 км.

Из памятников раннего палеолита Средней Азии к кульбулакской (зубчатой) линии развития, на наш взгляд, близка индустрия, найденная в отложениях пещеры Сельунгур, которая расположена в Ферганской долине в Киргизии. Этот многослойный памятник содержит пять культурных слоев, относящихся, по мнению У. Исламова и А. Крахмалю [1995], к ашелью в его галечном варианте. Индустриальный комплекс состоит из чопперов, чоппингов, одинарных скребел с прямым и выпуклым рабочими краями, выемчато-зубчатых изделий, немногочисленных лимасов и кливеров [Исламов, Крахмаль, 1995, с. 180 – 181]. Есть абсолютная дата, полученная торий-иониевым методом, – 126 ± 5 тыс. л.н. (ЛУ-936).

Линия развития мугоджарского ашеля с рубилами была подробно описана выше. Тезисно повторим основные положения: первичное расщепление леваллуазское – нуклеусы черепаховидные и параллельного принципа расщепления, наличие бифасов, много скребел и зубчато-выемчатых орудий.

К сожалению, большинство памятников не датировано или датировано лишь предположительно.

Оценивая ситуацию с индустриальными комплексами раннего палеолита Средней Азии и Казахстана, должны признать ее крайне сложной. Она тесно связана с периодизацией индустрий раннепалеолитических памятников Передней Азии (Убейдия, Латамна). Последние испытывали влияние культур Африки, которое наслаивалось на более древнюю основу с азиатскими техническими традициями. Это в полной мере можно отнести и к материалам Дманиси [Dzavaridze et al., 1989; Gabunia et al., 1999]. Следует признать, что африканское влияние, которое фиксируется уже 1,5 млн л.н. (Убейдия), видимо, не выходило далеко за пределы Западной Азии.

Следует иметь в виду коллекции каменных изделий из разреза Риват в Пакистане, возраст которых около 2 млн лет [Dennell, Rendell, Hailwood, 1988; The Palaeolithic Cultures..., 1997], а также целый ряд памятников в Аравии [Амирханов, 1991] и Китае (Нихэвань), датированных около 2 млн л.н. [Ю Юйчжу, Тан Инцзюнь, Ли И, 1980]. С указанных территорий также возможно распространение раннепалеолитической индустрии в пределы Средней Азии и Казахстана. Еще раз подчеркнем, что данная территория является переходной зоной, где в материалах индустриальных комплексов отражено влияние как Востока, так и Запада.

Список литературы

- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 207 с.
- Амирханов Х.А. Палеолит Южной Аравии. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
- Артюхова О.А. Корреляция мустьерских изделий Казахстана // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. – Туркестан: Мирас, 1998. – С. 31 – 48.
- Астахов С.Н. Открытие древнего палеолита в Туве // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – С. 40 – 43.
- Аубекеров Б.Ж. Континентальные четвертичные отложения Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра геол.-мин. наук. – Алма-Ата, 1992. – 35 с.
- Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. – 1973. – № 4. – С. 135 – 142.
- Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. – Л.: Наука, 1971. – 172 с.
- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – 213 с.
- Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. – 1988. – № 4. – С. 199 – 203.
- Волошин В.С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – С. 99 – 106.
- Гвоздецкий Н.А., Николаев В.А. Казахстан. – М.: Мысль, 1971. – 295 с.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку: Элм, 1985. – 72 с. + 21 рис.
- Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья: Семизбугу, пункт 2, ранний – поздний палеолит. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – С. 114.
- Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 644 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Мыльников В.П., Кривошапкин А.И., Риве Р.У., Брантингхэм П.Д., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997 – 1998 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 383 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Риве Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 343 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Риве Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 326 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Феномен микроиндустриальных комплексов Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 2 – 18.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолитические комплексы поверхностного залегания Мугоджарских гор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999а. – С. 50 – 55.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Археологические разведки памятников эпохи палеолита в Восточном и Северном Прибалхашье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999б. – С. 67 – 70.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Планиграфическое изучение палеолитических комплексов открытого типа в Северном Прибалхашье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999в. – С. 71 – 76.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Исабеков З.К., Рыбалко А.Г., Отт М. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 300 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолит и неолит северного побережья Долины озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 438 с.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999а. – С. 42 – 45.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999б. – С. 46 – 49.

Замятин С.Н. Палеолит Абхазии. – Сухуми: Груз. филиал Ин-та абхаз. культуры, 1937. – 120 с. – (Тр. Груз. филиала Ин-та абхазской культуры; Вып. 10).

Замятин С.Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 67 – 118.

Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 1995. – 219 с.

Казахстан: общая физико-географическая характеристика. – М.; Л.: Наука, 1950. – 492 с.

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 48 с.

Касымов М.Р., Годин М.Х. Важнейшие результаты исследования многослойной стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980 – 1982 гг.) // История материальной культуры Узбекистана. – 1984. – Вып. 19. – С. 3 – 18.

Касымов М.Р., Тетюхин Г.Ф., Годин М.Х., Хусанбаев Д.И. К вопросу о комплексном исследовании многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане // КСИА. – 1985. – Вып. 181. – С. 101 – 109.

Коробков И.И. К проблеме нижнепалеолитических поселений открытого типа // МИА. – 1971. – № 173. – С. 61 – 99.

Коробков И.И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л.: Наука, 1978. – С. 9 – 101.

Кулаков С.А. Нижнепалеолитический материал Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1991. – 15 с.

Леонтьев О.К., Маев Е.Г., Рычагов Г.И. Геоморфология берегов и дна Каспийского моря. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 209 с.

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26 – 45.

Любин В.П. Хроностратиграфия палеолита Кавказа // РА. – 1993. – № 2. – С. 5 – 14.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. – 187 с.

Любин В.П., Куликов О.А. О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа // РА. – 1991. – № 4. – С. 5 – 8.

Матюшин Г.Н. Основные этапы развития палеолита Урала // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – С. 226 – 230.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 54 с. + 12 табл.

Окладников А.П. Палеолитическое время на Тянь-Шане и Енисее // История Киргизии. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1956. – Т. 1. – С. 33 – 65.

Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 11 – 75.

Окладников А.П. Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 8 – 21.

Паничкина М.З. Палеолит Армении. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 108 с.

Ранов В.А. О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1962. – С. 35 – 58.

Ранов В.А. Соанская культура: миф или действительность? // Древняя Индия. – М.: Наука, 1982. – С. 267 – 296.

Ранов В.А. Палеолит в предгорьях Гималаев // Раннепалеолитические комплексы Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 28 – 49.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая. – М.: Б.и., 1999. – 110 с.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1973. – 160 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20 – 32.

Соловьев Л.И. Первобытное общество на территории Абхазии. – Сухуми: Алашара, 1971. – 81 с. + 1 табл.

Сотников А.В. Гидрологическое районирование Западного Казахстана // Материалы по геологии и полезным ископаемым Западного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1960. – С. 225 – 231.

Суслов П.Н. Физическая география СССР: Азиатская часть. – М.: Учпедгиз, 1954. – 710 с.

Таймагамбетов Ж.К. Периодизация, хронология и корреляция палеолитических индустрий Казахстана с индустриями сопредельных территорий // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы: Наука КазССР, 1998. – С. 111 – 128.

Тапалов Г.Д. Четвертичные отложения Южных Мугоджар и их обрамление // Материалы по геологии и полезным ископаемым Западного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 225 – 231.

Тимофеев Д.А. Терминология аридного и эолового рельефообразования. – М.: Наука, 1977. – 163 с.

Тойчиев Х. Сводный палеомагнитный разрез четвертичных отложений Узбекистана // Узбекский геологический журнал. – 1982. – № 3. – С. 6 – 8.

Туголесов Д.А. О причинах трансгрессий и регрессий Каспийского моря // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1948. – № 6. – С. 131 – 139.

Федоров П.В. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 187 с. – (Тр. Геол. ин-та АН СССР; Вып. 10).

Цейтлин С.М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука, 1975. – С. 27 – 41.

Ю Юйчжу, Тан Инцзюнь, Ли И. Нихэвань-цзу цзю-щици дэ фасянь (Палеолитические открытия в комплексе Нихэвань) // Чжунго дисыцзи яньцзюй. – 1980. – Т. 5, № 1. – С. 78 – 91 (на кит. яз.).

Dennell R.W., Rendell H., Hailwood E. Early Tool-making in Asia: Two-million-year-old artefacts in Pakistan // Antiquity. – 1988. – Vol. 62. – P. 98 – 106.

Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianisvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotskaya N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Majsuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenisvili E., Schmincke H.-U., Sologasvili D., Tusabramisvili D., Tvalcrelidze M., Vekua A. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. – 1989. – Bd. 36. – S. 67 – 116.

Gabunia L., Jöris O., Justus A., Lordkipanidze D., Muschelišvili A., Nioradze M., Swisher C.C. III, Vekua A. Neue Hominidenfunde des altpaläolithischen Fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) im Kontext aktueller Grabungsergebnisse // Archäologisches Korrespondenzblatt. – 1999. – N 29, H. 4. – S. 451 – 488.

Movius H.L. Early man and Pleistocene stratigraphy in southern and eastern Asia. – Cambridge: Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, 1944. – 125 p. – (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology; Vol. 19, N 3).

Schäfer J., Sosin P.M., Ranov V.A. Neue untersuchungen zum Losspaläolithikum am Obi-Mazar, Tadshikistan // Archäologisches Korrespondenzblatt. – 1998. – N 26, H. 2. – S. 97 – 109.

The Palaeolithic Cultures of Potwar with Special Reference to the Lower Palaeolithic. – Rawalpindi: Sohail Altaf Printer, 1997. – 285 p.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2001 г.

УДК 903.2

М.-Е. Монсель

*Национальный музей естественной истории,
Лаборатория древнейшей истории, Институт палеонтологии человека
1 rue René Panhard, 75013 Paris, France
E-mail: moncel@mnhn.fr*

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ С ПЛАСТИНАМИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ФРАНЦИИ. РАЗНООБРАЗИЕ ТЕХНИКИ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Введение

Комплексы с пластинами редки на юге Франции, возраст большинства из них соответствует стадиям 4 и 3 эталонной океанической изотопно-кислородной шкалы SPECMAP. Обычно пластины скалывали с леваллуазских ядрищ, используя униполярный и биполярный методы расщепления. Пластины оформлены в различные орудия с помощью более или менее интенсивной ретуши. Однако никаких особенных взаимосвязей между пластинчатой заготовкой и какими-либо типами орудий прослежено не было, как и связей между такого рода артефактами и фаунистическими остатками или какой-то определенной деятельностью. Гипотезы о традициях или потребностях и их зависимости от времени или места остаются без ответа. Взаимосвязь со степными условиями в период первой половины последнего ледникового периода также проблематична, так как пластины обнаруживают и на севере Европы, и на Ближнем Востоке в более древних контекстах. На примере некоторых памятников можно рассмотреть и обсудить вариабельность стоянок, содержащих пластинчатые индустрии, на юго-востоке Франции и на севере Италии.

Пластины в Европе и на Ближнем Востоке

На северо-западе Европы были собраны коллекции орудий, выполненных неандертальским человеком или его предками. Они датируются временем, соответ-

ствующим стадии 8 океанической изотопно-кислородной шкалы. В этих комплексах содержались технические совершенные пластины (пластина — это заготовка, у которой длина вдвое превышает ширину), составляющие более 10% всей коллекции. На многих стоянках пластины являются побочными продуктами расщепления. Иногда сложно однозначно определить происхождение мелких пластин, а именно: являются ли они отходами оформления орудий (массивных скребков или резцов) или заготовками, снятыми со специальных ядрищ?

В период, соотносимый с изотопными стадиями 8 – 6 шкалы SPECMAP, пластины чаще всего снимали с леваллуазских нуклеусов (одно- и биполярным методом) [Les industries laminaeres..., 1994; Revillion, 1995]. Некоторые пластины получены с призматических нуклеусов, скалывание с которых производилось с нескольких рабочих поверхностей (“верхнепалеолитические нуклеусы” торцового принципа скалывания и реберчатые пластины). Начиная с 120 тыс. л.н. стоянок с пластинами фиксируется больше (Рьенкур-ле-Бапом, Секлен, Сэн-Жермен-де-Во, Рендален, Риссори во Франции, Бельгии и Германии). В каждой коллекции этого периода представлено несколько техник расщепления. Для производства отщепов применялась одна техника (очень часто леваллуа), а для получения пластин — другая (разные методы расщепления с использованием всего объема ядрища) [Revillion, 1995]. В большинстве случаев пластины не ретушированы. Трассологический анализ орудий со стоянки Рьенкур-ле-Бапом на севере Франции указывает, что

такие пластины использовали при разделке мяса, хотя в других коллекциях следы работ по разделке мяса обычно наблюдаются на отщепах [Les industries laminaeres..., 1994]. Следовательно, реальные причины присутствия пластин (разных форм) в коллекциях древних орудий со стоянок открытого типа в Северной Европе пока не известны, так как заготовки определенной разновидности могли использоваться для различных видов хозяйственной деятельности.

На Украине и в Крыму такие местонахождения, как Кабази, Шайтан-Коба, Холодная Балка, Молодова и Королево, дали значительное количество технических совершенных пластин. Эти находки относятся к периоду, начало которого соотносится с изотопной стадией 8 шкалы СПЕСМАР, и в основном связаны с леваллуазской системой расщепления [Les industries laminaeres..., 1994]. Материалы Богуницы (Центральная Европа), датируемые концом среднего палеолита и, возможно, началом верхнего палеолита, представляют собой смесь леваллуазской стратегии расщепления и торцово-концевой системы производства пластин, как, например, в коллекциях Рокур, Секлин или Рейндален, возраст которых соответствует стадиям 4 и 3 океанической изотопно-кислородной шкалы [Otte, 1994b].

Такая же тенденция смещения технологий наблюдается и на Ближнем Востоке в комплексах, хронологически соотносимых с изотопной стадией 8: Амуд, Хаммал [Les industries laminaeres..., 1994]. В индустриях этого региона пластины могли получаться посредством леваллуазской и “верхнепалеолитической” технологий [Mercier et al., 1995].

Сегодня невозможно сказать определенно, связано ли производство удлиненных заготовок с изменениями климата, которые заставляли человеческие сообщества адаптироваться к новому образу жизни (необходимость иметь орудия на деревянных ручках или с длинными режущими кромками), или это развитие технологических традиций расщепления горных пород. В Северной Европе материалы, полученные со многих памятников и содержащие пластины, датируемые временем, соответствующим изотопным стадиям 5, 4 шкалы СПЕСМАР, позволяют предположить существование природного кризиса, что может служить объяснением предпочтительного производства орудий из удлиненных заготовок [Otte, 1994a, 6].

В настоящее время можно уверенно говорить о том, что производство пластин было освоено в Европе и на Ближнем Востоке начиная с периода, соотносимого со стадией 8 океанической изотопно-кислородной шкалы, пластины встречаются в коллекциях, относящихся к среднему палеолиту (задолго до верхнего палеолита). Время, соответствующее изотопным стадиям 9 и 8, считается периодом зарожде-

ния технической традиции, называемой “среднепалеолитической”, которая характеризуется контролируемой последовательностью операций расщепления камня.

Напротив, некоторые типы нуклеусов демонстрируют технические приемы первого снятия и обработки нуклеусов, аналогичные верхнепалеолитическим. Такие коллекции каменных артефактов не имеют хронологических привязок, и разделение на нижне- и среднепалеолитическую, как и на средне- и верхнепалеолитическую технологии представляется все менее обоснованным. В период среднего палеолита использовались разнообразные технологические приемы, еще больше технологического разнообразия наблюдается в материалах верхнего палеолита, за исключением обработки кости.

В Южной Европе, на юге Франции, в Испании или Италии, пластинчатое расщепление является (в соответствии с современным уровнем знания) более редким и более поздним (хронологически соотносится с изотопными стадиями 4 и 3 шкалы СПЕСМАР) и связано с неандертальцами (до появления человека современного типа). На большинстве стоянок пластины составляют меньше 5%, а иногда и 1%; часто они представляют собой случайный продукт, как в более ранние периоды. Однако коллекции с некоторых местонахождений содержат до 10% и более пластин, в особенности это относится к памятникам юго-востока Франции и итальянской Лигурии. Анализ системы расщепления камня позволяет говорить о преднамеренном производстве пластин. В качестве примера были выбраны следующие стоянки: Шан-Гран, Марас, Бо-де-л’Обезье, Турналь во Франции, пещера Принц, Моши, Сан-Франческо, Санта-Лючия и Мадонна-дель-Арма в Италии близ границы с Францией (рис. 1). На основании свидетельств этих памятников Южную Европу можно рассматривать как особый культурный район, противоположный районам на севере Европы, что можно объяснить географическим фактором.

Юго-восток Франции и Лигурия: географический контекст

Рельеф юга Европы – это небольшие равнины и впадины, плато и долины, соединенные между собой коридорами, в отличие от северной части, которую занимает огромная Восточно-Европейская равнина. Эти две части Европы представляли собой как бы два разных мира, которые характеризовались различными климатическими и природными условиями и животным миром в период, соответствующий стадиям 8 – 3 океанической изотопно-кислородной шкалы. Южная Европа была заселена даже в периоды наибольших похолоданий.

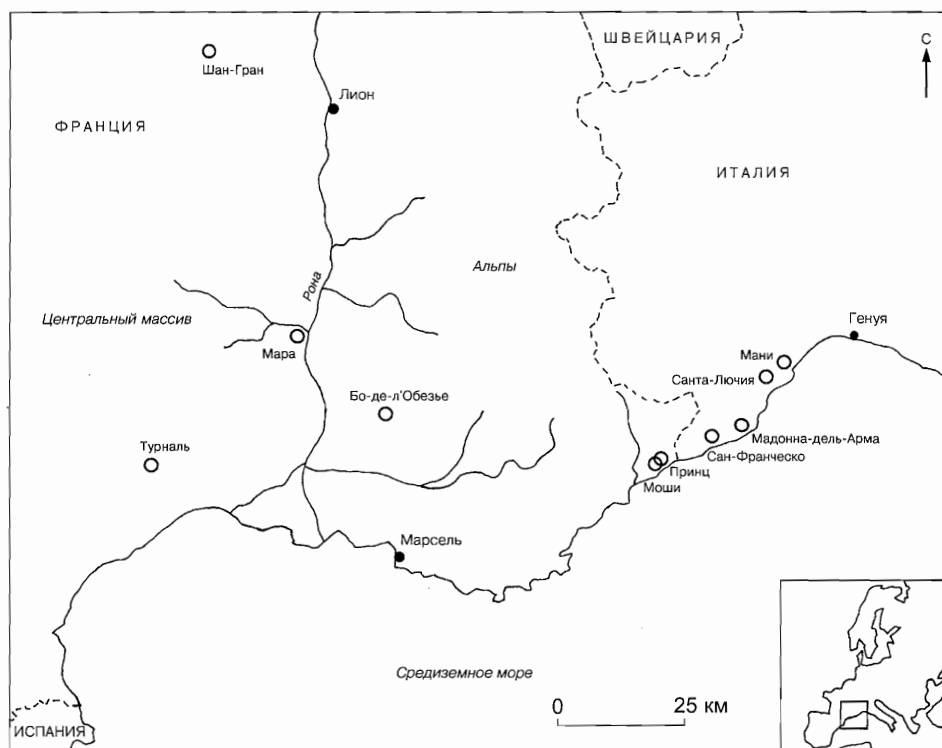

Рис. 1. Расположение среднепалеолитических стоянок с пластинами на юго-востоке Франции и севере Италии.

Юго-восток Франции представляет собой географическую общность, состоящую из двух горных массивов, окружающих плато; Альпы находятся в западной части, а Центральный массив – в восточной. Начиная от г. Лиона, эти две горные области разделены долиной р. Роны, от 1 до 2 км шириной, где расположены два района – Ардеш и Дром. Далее долина расширяется и ведет к Средиземному морю (Лангедок, Воклюз, Гар, Прованс), достигая Лазурного побережья и Лигурии в Южных Альпах.

Этот район богат сырьем, особенно кремнем – наиболее популярным материалом. Берега рек покрыты галькой различных пород. Анализ сырья показал, что люди в первую очередь собирали камни, находящиеся в своем районе. Иногда они приносили сырье издалека либо по причине его отсутствия в районе проживания, либо в силу особого (неутилитарного?) отношения к “экзотическим” горным породам. Большинство стоянок пещерные, материалы которых, возможно, отражают определенные виды деятельности, например, позволяют предположить, что это была краткосрочная стоянка во время охоты на животных в окрестностях пещеры. Мы не можем утверждать, что такие коллекции артефактов отражают все виды поселений неандертальского человека, равно как и все аспекты его жизнедеятельности.

Все недавние исследования показали большое разнообразие собранных коллекций, большинство из ко-

торых можно отнести к типичному мустье или мустье типа феррасси, имеющим много общего, а также иногда к мустье типа кина, по классификации Ф. Борда.

Пластинчатые индустрии

Леваллуазские комплексы

Абри-дю-Мара (Ардеш, Франция). В коллекции артефактов, собранных с трех верхних уровней обитания, пластин 5 – 10%. Несмотря на достаточно низкий удельный вес преднамеренный характер производства пластин не вызывает сомнения.

Стоянка расположена на берегу р. Ардеш, в средней части долины Роны. Раскопки проведены Р. Жилем и Ж. Комбье в 1950-х гг. Отложения отнесены к W_{II} , W_{II-III} и к началу W_{III} [Combier, 1967]. Osteологическая коллекция из нижней части разреза содержит наибольшее число костей *Cervus elaphus*, в средней части обнаружены костные остатки *Rangifer rangifer*, количество которых возросло в вышележащих отложениях. Следовательно, во время накопления отложений трех верхних уровней климат становился более холодным и сухим. Первые попытки датирования ториево-урановым методом (U/Th) позволили установить, что накопление средней части разреза происходило в период, соответствующий началу изотопной стадии 4 шкалы SPECMAP [Moncel, Michel, 2000].

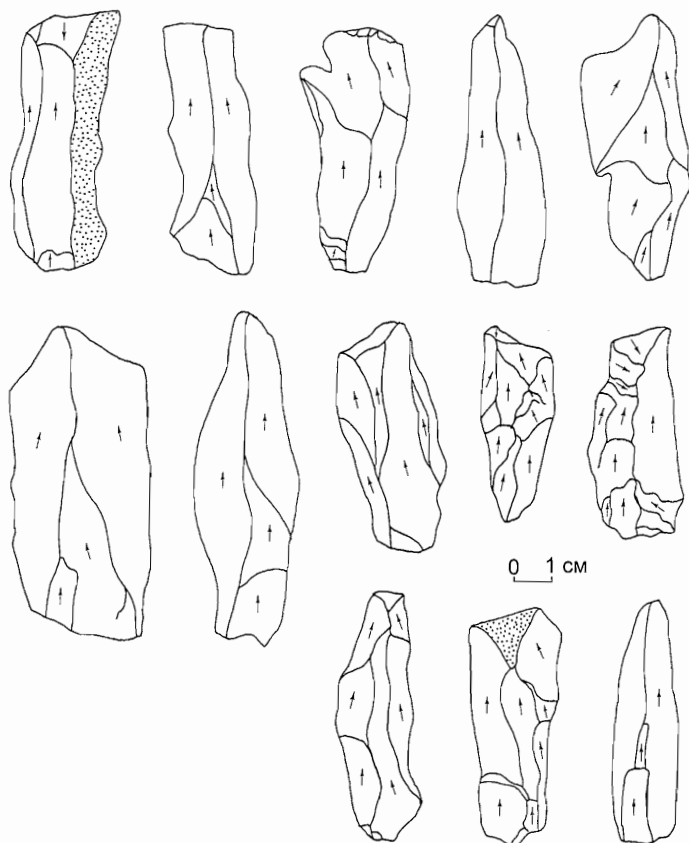

Рис. 2. Пластины с верхних уровней отложений пещеры Мара (Ардеш, Франция) [Moncel, 1996б].

Комплексы уровней 8 – 4 были отнесены к мустье типа ферраси, что типично для этой части Франции. Коллекции трех верхних стратиграфических подразделений существенно отличаются по количеству пластин: 3-й уровень – 5%, 2-й – 10 и 1-й – 18% [Moncel, 1994, 1996а, б]. Самая представительная коллекция из более чем 3000 артефактов была собрана на уровне 1.

Сырьем служил кремнь – гальки и плоские фрагменты породы, собранные на равнине и по берегам Роны. Видимо, на стоянку приносили целые куски кремня или большие фрагменты.

Коллекции с трех верхних уровней показали, что производились две основные группы заготовок: отщепы, которых в коллекции наибольшее количество, и пластины, в том числе и мелкие (рис. 2, 3). Были выделены три типа нуклеусов, отражающие три основные системы расщепления: 1) ядрища для производства отщепов редуцировались по леваллуазской системе посредством центростремительных снятий; 2) нуклеусы для производства пластин и вторичных сколов по одно- и биполярной системе; 3) образцы, демонстрирующие “произвольную” систему расщепления, использующую естественную выпуклость гальки для производства первичных и вторичных

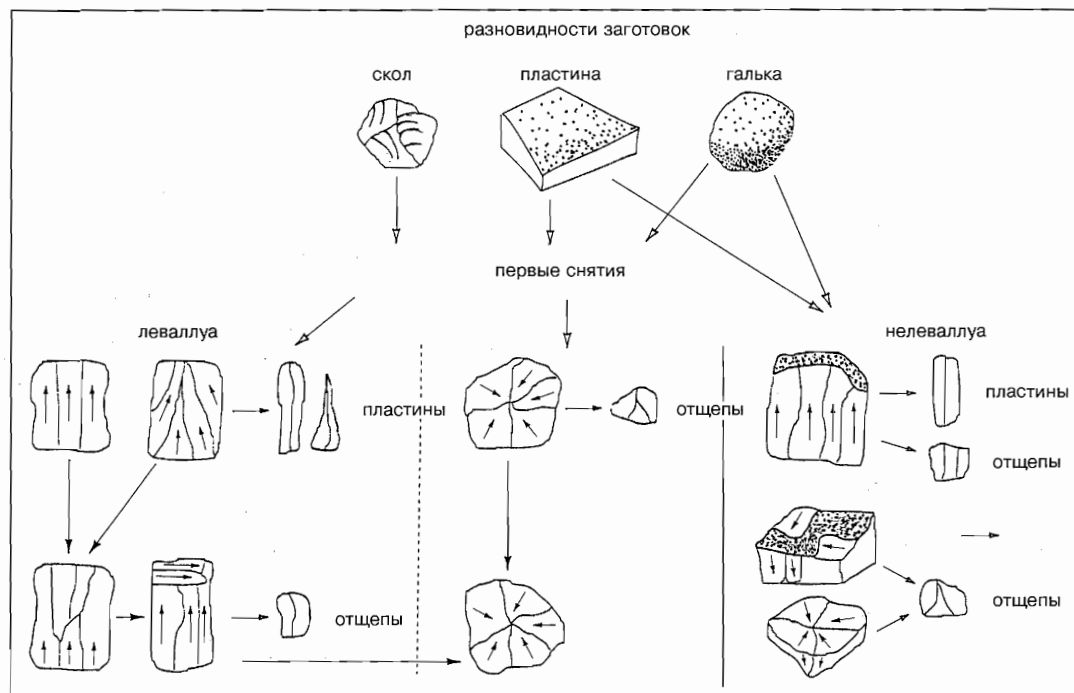

Рис. 3. Предполагаемая схема расщепления камня при производстве пластин в пещере Мара (Ардеш, Франция) [Moncel, 1996б].

пластинчатых заготовок (“прямое” расщепление). Можно выделить и четвертую модель расщепления: снятия с рабочей поверхности небольших и коротких отщепов. Негативы на фронтальной поверхности оставлены не только пластинчатыми снятиями. Длина пластин 40 – 80 мм, что гораздо больше, чем размеры большинства нуклеусов. Следовательно, пластины, возможно, получали на первых стадиях редукции нуклеусов, особенно леваллуазских и галечных. 60% пластин демонстрируют одно-, биполярную и конвергентную однополярную огранку лицевых плоскостей. Латерали нуклеусов использовались редко. Коллекции пластин содержат экземпляры различных форм, которые часто более похожи на пластинчатые отщепы, чем на настоящие пластины.

Несмотря на разнообразие нуклеусов в комплексах, однополярные леваллуазские ядрища доминируют, и пластинчатое расщепление не может быть случайным, даже если этот тип и не является систематическим. Коллекции с трех верхних уровней обитания содержат несколько видов продуктов расщепления, назначение которых неизвестно.

Такие леваллуазские комплексы широко представлены на юго-востоке Франции, особенно часто встречаются продукты леваллуазской технологии в коллекциях, отнесенных к изотопным фазам 4 и 3. Иногда (в зависимости от традиции или вида деятельности) технология леваллуа (некоторых ее разновидностей) используется для производства удлинённых заготовок. В таком случае пластины редко ретушируются, тогда как отщепы, как леваллуазского облика, так и нелеваллуазские, посредством ретуши трансформируются в скребла, вторичные выемчатые, зубчатые орудия, а также в орудия с плоской поверхностью, отделанной тонкой ретушью.

Система расщепления совершенно не похожа на то, что мы можем наблюдать в коллекциях верхнего палеолита Франции. Следовательно, у нас нет данных, свидетельствующих о технологиях расщепления камня на начальных стадиях верхнего палеолита [Moncel, 1996].

Бо-де-л’Обезье (Воклюз, Франция). Мощная пачка отложений была вскрыта в процессе последовательных раскопок. Верхняя ее часть содержала несколько уровней обитания периода среднего палеолита (Lebel, см.: [Le Paléolithique moyen..., 1994]). Отложения датированы ранним вюрмом. Костные остатки *Bos primigenius* и *Equus caballus* часто встречаются в верхних слоях отложений, что позволяет предположить умеренный климат. Присутствие костей *Rangifer tarandus*, *Rupicapra rupicapra*, *Capra ibex* и *Ursus arctos* свидетельствует о других климатических условиях, без сомнения, более холодных, несмотря на палинологические данные, характерные для верхних слоев стратиграфической последовательности.

В коллекциях артефактов из верхних слоев значительно количество пластин, ножей и других верхнепалеолитических орудий. Все эти индустрии классифицируются как позднее типичное мустье. Коллекции пещеры, относящиеся к более поздним периодам, содержат большее количество пластин, в чем исследователи усматривают переход к верхнепалеолитическим технологическим традициям. Тем не менее технология леваллуа присутствует, и большая часть пластин снята посредством леваллуазской техники с использованием одно- и биполярного методов. Значительная часть пластин ретуширована. Скребла с утонченной и широкой рельефной ретушью многочисленны. Также значительно количество верхнепалеолитических орудий (краевые скребки, резцы, ножи и т.д.).

Пещера Турналь (Од, Франция). Раскопки этой пещеры производились в 1970 – 1980-х гг. А. Тавозо [Tavoso, 1988]. Были выделены пять среднепалеолитических горизонтов, датируемых периодом 48 – 34 тыс. л.н. и считающихся молодыми (изотопная фаза 3). Пещера посещалась людьми и медведями. Она была сезонной стоянкой, люди заселяли пещеру в конце лета, в начале зимы и весной. Наибольшее количество костных остатков принадлежит лошадям (в зависимости от сезона люди предпочитали молодых особей, самок или самцов) [Patou-Mathis, 1992]. Животных разделяли за пределами пещеры. Климат был холодный и сухой, ландшафты – открытые.

А. Тавозо определил коллекции как мустьерские с множеством зубчатых форм, что, по его мнению, является основанием для отнесения данной культуры к среднепалеолитическим. Самая богатая коллекция, более 3000 артефактов, была собрана в пределах слоя ПБ.

Сырье получали преимущественно с берега реки около пещеры, оно представлено кварцевой галькой. Незначительное количество кремня было принесено издалека.

Некоторые гальки были оформлены в чопперы и чоппинги. Расщепление камня производилось внутри пещеры. Нуклеусы (100 экз.) четырех типов: 1) леваллуа, с которых производилось последнее снятие больших размеров; 2) дисковидные (самые многочисленные), которые, видимо, представляют собой последнюю стадию леваллуазского расщепления (центростремительные снятия на одной поверхности); 3) призматические (редкие), демонстрирующие несколько снятий; 4) шаровидные (еще более редкие).

Большинство заготовок – отщепы (овальной, прямоугольной формы, длиной от 30 до 130 мм). Пластины составляют около 10% всей коллекции.

Отщепы и пластины соответствуют негативам на поверхностях имеющихся нуклеусов. Некоторые пластины с частично сохранившейся коркой или естественной спинкой, возможно, представляют первичные стадии редукции нуклеусов. Вся система расщепления

направлена на производство отщепов, необходимость получения пластин неочевидна. Тем не менее значительная доля пластин в коллекции не может игнорироваться.

Орудия составляют 10% всех артефактов. Ретушированные заготовки часто имеют участки, покрытые естественной коркой, и являются самыми крупными экземплярами. На пластинах ретушь наблюдается реже, чем на отщепах. Ретушь в основном одинарная. Скребла, зубчатые и выемчатые орудия наиболее многочисленны.

Пещера Принц (пещеры Гримальди). Эта пещера относится к широко известной группе памятников, расположенных в известняковых скалах на французской границе. В некоторых пещерах были обнаружены захоронения периода верхнего палеолита, например, в Гроуте Младенцев.

Раскопки были начаты в 1871 г. и продолжались в течение XIX и XX вв. [Lumley de, Barral, 1976]. Осадкакопление происходило в хронологическом интервале М – R – W_{III}.

Отложения времени W_I дали наиболее многочисленную коллекцию артефактов. В обнаруженных кострищах найдены костные остатки *Equus caballus*, *Cervus elaphus*, *Elephas*, *Rhinoceros*, а также хищников [Lumley de, 1969; Moullé, 1996]. Комплекс артефактов был определен как типичное мустье. Коллекция, собранная вокруг кострища E, является самой многочисленной и содержит изделия из кварцита, кремня и известняка. Преобладает леваллуазская техника расщепления, группа пластинчатых заготовок составляет почти 20% общего количества артефактов.

На большинстве пластин негативы, свидетельствующие об одно- и биполярных снятиях. Поперечное сечение треугольное или трапецевидное. Ударные площадки обычно фасетированы. Боковые края параллельные или конвергентные. Некоторые участки сохраняют естественную поверхность.

Все пластины могли быть получены в технике леваллуа. Анализ нуклеусов не позволил выделить стадии расщепления. Однако поскольку все отщепы также демонстрируют одно- и биполярные снятия, некоторая часть пластин могла быть получена при использовании технологии, известной по стоянке Абри-дю-Мара. Очевидно, что пластины не могут считаться случайным продуктом, особенно из-за их значительного количества. Скребла и асимметричные острия составляют 70% всех орудий. Ретушь одинарная, односторонняя, иногда крутая, в основном наблюдается на нелеваллуазских заготовках.

Коллекция, собранная вокруг кострища D, аналогична вышеописанной. Доля пластин, однако, больше – примерно 40%. Это может быть результатом преднамеренной сортировки находок при раскопках, когда исследователями инвентаризировались лишь

удлиненные заготовки, а другие разновидности сколов выбрасывались.

Абри Моши (пещеры Гримальди). Раскопки в этой пещере велись несколькими исследователями с 1938 по 1949 г. Отложения датируются W_{II} и W_{IV}, радиометрических датировок нет. Отложения времени W_{II} (мощностью 4 м) содержали несколько среднепалеолитических горизонтов [Lebreton, 1997]. Коллекции из нижних слоев были описаны как типичное мустье, верхние – как зубчатое мустье [Lumley de, 1969; Lumley de, Barral, 1976]. Остеологические свидетельства указывают на холодный климат (лошади и горные бараны), аналогично верхним горизонтам пещеры Принц.

Метод расщепления базируется на технологии леваллуа (одно- и биполярный). Доля пластин составляет 15% от общего количества заготовок. Скребла и зубчатые орудия многочисленны, двусторонней ретуши не наблюдается. Скребла обычно одинарные или комбинированы с концевыми скребками. Ретушь встречается в двух вариантах: широкая рельефная и утонченная.

Пещера Мани – Арма-делла-Мани (Лигурия, Италия). Исследования пещеры начались в 1962 г., отложения содержали большое количество костей *Cervus elaphus*. Присутствие данного вида позволяет отнести отложения к W_I. Коллекция артефактов определена как типичное мустье [Lumley de, 1969]. Использованное сырье – кварцит и вторичный кремнь или кварц. Отщепы леваллуа не очень многочисленны (примерно 17%). Пластины составляют 10% артефактов, получены по технологии леваллуа. Ретушь наблюдается на 25% отщепов. Скребла составляют наиболее многочисленную категорию, следом идут острия и краевые скребки. Ретушь широкая рельефная.

Пещера Санта-Лючия (Лигурия, Италия). Пещера известна с 1963 г. Горизонты от E до C датированы W_I, горизонт B можно отнести к началу W_{II} [Lumley de, 1969]. Последний содержал многочисленные костные остатки животных, наиболее представлены виды – *Ursus spelaeus* (см. ниже), *Capra ibex*, *Bos/Bison* и *Rupicapra rupicapra* [Rapport..., 1999]. Анализ остеологических материалов показал, что горные животные были предметом охоты древнего человека и употреблялись в пищу.

Орудия изготовлены из местного сырья, включая кремнь, кремнистый сланец, кварцит, кварц и песчаник. Стратегия использования камня изменялась в зависимости от качества сырья. К сожалению, в настоящее время известны только результаты общего технологического анализа. Мы можем лишь сказать, что коллекция верхнего горизонта иллюстрирует леваллуазскую технику расщепления. Ситуация с коллекциями из нижних горизонтов противоположная: они содержат дисковидные или переоформленные леваллуазские ядрища.

Рис. 4. Пластины и нуклеусы для снятия пластин из Шан-Гран (Луара, Франция) (по: [Slimak, 1999]).

Наиболее древний горизонт дал наибольшее количество пластин, изготовленных из сырья хорошего качества. Вверх по разрезу процент пластин снижается: горизонт D – 21%, C – 18, B – 14%. Огранка пластин в основном однополярная, в поперечном сечении они трапециевидные. Огранка отщепов более похожа на конвергентную.

Встречаются и ретушированные, и неретушированные пластины. Наиболее многочисленные типы орудий – скребла, мустьерские острия и асимметричные острия. Преобладает утонченная ретушь. Тенденция к уменьшению количества пластин сопровождается увеличением доли скребел.

Мадонна-дель-Арма (Лигурия, Италия). Эта пещера была открыта в прошлом веке недалеко от г. Сан-Ремо. Отложения датируются в интервале от последнего интергляциала до W_1 [Lumley de, 1996]. Исследования, направленные на реконструкцию палеосреды, позволяют установить умеренный влажный климат с большими лесами. Среди костных остатков были идентифицированы следующие виды: *Cervus elaphus*, *Equus caballus*, *Bos primigenius* и *Ursus spelaeus*. Люди использовали мясо и шкуры животных [Rapport..., 1999].

Было выделено шесть археологических горизонтов, самый древний отнесен к типичному мустье, са-

мый молодой определен как типичное мустье, обогащенное скреблами.

Один из наиболее древних среднепалеолитических горизонтов (горизонт Q) дал коллекцию артефактов леваллуа, в которой доля пластин составляет 15%. Она также содержит несколько дисковидных нуклеусов с несколькими ортогональными рабочими поверхностями. Значительная часть отщепов имеют обушки. Леваллуазские отщепы в основном не ретушировались. Скребла на отщепах являются доминирующим типом орудий.

Со временем процентное содержание пластин увеличивается, как и доля неретушированных отщепов. Связано ли это с особым видом деятельности, имевшей место в период последнего заселения пещеры человеком и требующей использования пластин с длинными режущими краями, или это свидетельство присутствия носителей другой культуры?

*Коллекции, демонстрирующие
разные стратегии расщепления камня
и содержащие пластины, изготовленные
различными методами*

Шан-Гран (Луара, Франция). Это стоянка открытого типа в ущелье Луары. Раскопки велись с 1965

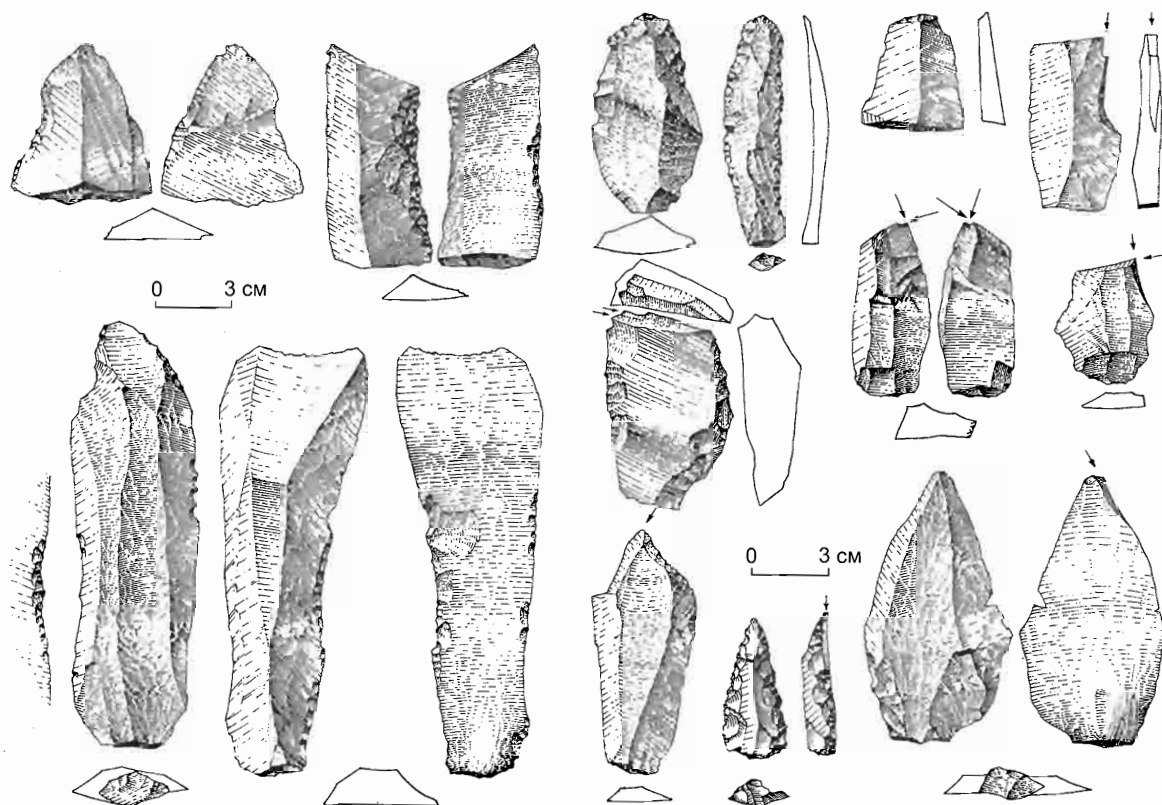

Рис. 5. Пластины и отщепы из Сан-Франческо (Италия)
(по: [Lumley de, 1969]).

по 1975 г. до строительства водохранилища, которое уничтожило памятник. Отсутствие фаунистических остатков не позволило датировать стоянку. В одном из двух выделенных горизонтов была собрана коллекция артефактов с небольшим количеством пластинчатых элементов (пластины и мелкие пластинки). Производство орудий было основано на расщеплении дисковидных нуклеусов, что позволило отнести коллекцию к мустье типа Кина с множеством обработанных галек.

Вне зависимости от доли пластинчатых форм (меньше 500 экз. на 30 000 артефактов) коллекция очень показательна, так как нуклеусы, изготовленные из местного кремня, демонстрируют одно- и двупольную торцовую стратегию расщепления. Удары наносились с одной или двух ударных площадок. Скалывание производилось с нескольких непересекающихся рабочих поверхностей (одно- и биполярные снятия) [Slimak, 1999] (рис. 4). Такого рода нуклеусы редко встречаются в этой части Европы.

Пластины скалывались с овальных блоков, больших отщепов или краев дисковидных нуклеусов. Реберчатые пластины и пластины с естественной коркой многочисленны. Побочные продукты расщепления укороченные. Со временем рабочая поверхность становилась плоской, и для продолжения работы оформлялась посредством скола оживления (tablet)

другая ударная площадка. Иногда использовались две противоположные ударные площадки. Случайные сколы часты. Последним снятием обычно был отщеп. По размерам нуклеусы можно разделить на две группы: 1) от 40 до 60 мм – для производства пластин (12 экз.), 2) менее 40 мм – для производства мелких пластин (13 экз.).

Большинство пластин имеют коэффициент удлиненности 2 – 3 (10 – 40 мм в длину). Форма различна. Пластинки более однородны и имеют коэффициент удлиненности 4 – 5 (5 – 15 мм). Площадки гладкие или фасетированные. 31% всех пластин модифицированы с помощью ретуши в концевые скребки, резцы или уплощены с помощью костенковской ретуши (ножи с обухами). Только 11% пластинок имеют краевую ретушь.

К сожалению, в отсутствие фаунистических остатков невозможно определить, с какой целью производились пластины, которых в коллекции не так много.

Сан-Франческо (Сан-Ремо, Лигурия, Италия). В этой пещере в 1960 г. было открыто уникальное археологическое поселение. Среди фаунистических остатков доминируют *Cervus elaphus* и *Equus caballus*, что позволяет определить возраст данного горизонта в пределах конца W_{II} или межстадиала W_{II-III} . Коллекция состоит из 6 000 артефактов и относится к

зубчатому мустье, аналогично комплексу из пещеры Турналь [Tavoso, 1988].

Орудия изготавливались из местного сырья: кремня, кварцита и известняка, – собираемого у реки возле пещеры.

Среди нуклеусов самая большая группа – радиальные, вторая по численности – призматические. Нуклеусы леваллуа не очень многочисленны, но ряд ядрищ радиальной огранки могли сначала использоваться как леваллуазские. На некоторых ядрищах негативы пластинчатых сколов, снятых по одно- и биполярной схеме. Таким образом, нуклеусы демонстрируют две различные системы расщепления.

Почти 35% заготовок составляют пластины. Такое высокое процентное содержание необычно для этой части Европы. Размеры пластин – от 8 до 15 см, иногда 20 – 22 см (рис. 5). На основании анализа негативов можно выделить три различные системы расщепления. Пластины с сохранившимися участками естественной корки, несколько пластин с естественным обушком, а также пластины без естественной корки могли быть получены с нуклеусов леваллуа или при расщеплении вторичных ядрищ, в качестве которых использовались плоские отщепы. Некоторые треугольные в сечении пластины, возможно, снимались с имеющихся “верхнепалеолитических” призматических ядрищ.

10% отщепов и пластин ретушированы. Леваллуазские отщепы и пластины ретушированы частично. Зубчатые орудия, скребла и острия наиболее многочисленны, следующие по количеству экземпляров категории – концевые скребки и резцы. Ретушь обычная (ординарная). 4% орудий оформлены плоской ретушью, которая делает отщеп более тонким.

Интерпретация комплексов с пластинами в позднем среднем палеолите на юго-востоке Франции и в Южной Европе

На современном уровне развития науки высокая частота встречаемости пластин связывается только с изотопными фазами 4 и 3 и никогда с более ранними периодами. Аналогичные свидетельства имеются и на юго-западе Франции, например, на стоянках Пешдель-Азе Ib или Комб-Греналь (верхние слои). Такая же ситуация наблюдается в Испании и Италии. Встречаются пластины разных форм, более или менее удлиненные, с параллельными или конвергентными краями. Большинство из них получены с одной плоскости расщепления (леваллуа или галька с плоской поверхностью). Однако имеются свидетельства и других способов производства пластин (например, система снятия отщепов по всей поверхности), хотя такие случаи редки (Шан-Гран, Сан-Франческо).

Почему пластины производились только в периоды изотопных фаз 4 и 3?

Любая коллекция отражает три момента: что человеку нужно, что он был в состоянии сделать и что он мог произвести из имеющегося материала.

Заключается ли проблема в сырьевом материале, особенно кремне, который в Северной Европе встречается действительно большими кусками, что позволяет применять особые способы редукции нуклеусов для производства пластин, которые всегда делались из этого вида камня? Являются ли пластины доказательством существования во времени и пространстве разных традиций, противопоставляющих север и юг Европы и связанных с различными природными условиями, двумя мирами? Производство пластин в большинстве случаев происходило в жилой зоне. Следовательно, пластины не являются свидетельством обмена между различными группами людей, а представляют собой продукты расщепления камня одним из многих методов.

Есть ли у нас свидетельства об особом виде хозяйственной деятельности, для осуществления которого требуются длинные инструменты с длинными режущими краями? Анализ микроповреждений поверхности орудий показал, что все типы артефактов могли быть использованы для осуществления одного и того же действия (при работе с деревом, мясом, шкурами, растениями). Судя по коллекциям, человек выбрасывал как пластины без ретуши и следов использования, так и оформленные орудия.

Определяющим оказывается вид деятельности. Очевидно, человек выбирал из различных технических навыков те, которые отвечали стоящим перед ним потребностям. Пластины могут отражать оригинальные традиции, специфические для времени и места. Они не зафиксированы на юге Европы ранее последнего периода оледенения. Невозможно установить связь с окружающей природой. Большинство коллекций с пластинами, взятых для примера в этой статье, были собраны в контексте с костными остатками крупных травоядных животных, таких как *Equus caballus*, *Cervus elaphus* или *Bos*, т.е. промысловых, на которых обычно охотились люди и которые, без сомнения, являлись наиболее многочисленными вокруг мест их проживания в тех климатических условиях и обитали как на открытых пространствах, так и в лесах (см. таблицу).

Предположения о тенденции к увеличению со временем количества пластин в конце среднего палеолита и начале верхнего, как об очевидном явлении, особенно для юга Европы, высказывались некоторыми учеными в течение нескольких лет. Однако сравнительные исследования стратегий производства пластин в среднем палеолите и, например, в шательпероне (45 – 40 тыс. л.н.) пока развиты недостаточно.

Среднепалеолитические стоянки с пластинами на юго-востоке Франции и севере Италии

Стоянка	Датировка	Сырье	Доля пластин, %	Метод расщепления	Ретушь на пластинах	Индустрия	Фауна
Абри-дю-Мара	W _{II}	Кремень	10	Леваллуа на гальке	Нет	Ферраси	<i>Rangifer, Cervus</i>
Бо-де-л'Обезье	Изотопные стадии 4 и 3	»	>15	Леваллуа	Ретушь	Типичное мустье	<i>Bos prim., Equus</i>
Пещера Турналь	48 – 34 тыс. л.н., W _{II-III}	Кварцит, кварц	10	Леваллуа, призматический	Легкая	Зубчатая	<i>Equus</i>
Пещера Принц	W _I	Кварцит, кремень, известняк	20	Леваллуа	Модифицирующая	Типичное мустье	<i>Equus, Cervus, Rhinoceros</i>
Абри Моши	W _{II}	Кремень	15	»	»	Типичное мустье, зубчатая	<i>Equus, Bouquetin</i>
Мани	W _I	Кварцит, кремень, кварц	10	»	Локальная прерывистая	Типичное мустье	<i>Cervus</i>
Санта-Лючия	W _{I-II}	Кремень, сланец, кварцит	14 – 21	Леваллуа, дисковидный	Модифицирующая	То же	<i>Capra ibex, Bos/Bison, Rupicapra</i>
Мадонна-дель-Арма	W _I	Кремень, кварцит	15	Леваллуа	Нет	»	<i>Cervus, Equus, Bos. prim.</i>
Шан-Гран	?	Кремень	Мало	Бессистемное раскалывание	?	Кина	–
Сан-Франческо	W _{II-III}	Кремень, кварцит, известняк	35	Дисковидный, призматический, леваллуазский	Модифицирующая	Зубчатая	<i>Cervus, Equus</i>

Тем не менее очевидно, что эти две системы значительно отличаются от методов, типичных для ориньяка [Kozlowski, Otte, 2000].

Значение таких памятников, как Шательперон, пока не окончательно изучено. Представляют ли свидетельства Шательперона традицию, которая показывает высокое техническое развитие среднепалеолитических человеческих сообществ, или отражают проникновение человека современного физического типа в Европу [Errico et al., 1998]? Являются ли они доказательством скрещивания между неандертальцем и человеком современного типа, который пришел с востока примерно 40 тыс. л.н. [Otte, 1994a]? Самые древние даты, полученные для ориньяка, показывают, что эта культура могла появиться в Средней Азии [Ibid].

Сегодня мы знаем, что способности неандертальского человека и его предшественников периода 300 – 40 тыс. л.н. в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке (т.е. периода, когда стадии систем расщепления камня контролировались человеком) были одинаковы. Среди их разнообразных навыков было и умение получать пластины различными способами. Неандертальцы и первые люди современного типа могли развивать эту способность независимо друг от друга, а наибольшее число стоянок с пластинами в период, соответствующий изотопным стадиям 5 и 4 шкалы SPECMAP, в Европе может быть объяснено наибольшим количеством стоянок вообще.

Но в чем причина отсутствия пластин в Европе в период ранее изотопной фазы 4? Нельзя отбрасывать

взаимосвязь между наличием пластин и степными природными условиями. Судя по датам, человек современного физического типа, без сомнения, пришел в Европу из Азии, где жил в степных природных условиях [Ibid]. Значительное развитие технологии производства пластин в верхнем палеолите может быть связано с такими географическими условиями, какие, например, вполне возможно, существовали в Северной Европе в течение нескольких периодов в древности и в Южной Европе, защищенном климатическом районе, только в период большого оледенения более позднего времени.

Равнина на севере могла быть окраинной территорией обитания в течение долгого времени. Образ жизни людей в Европе мог значительно отличаться от такового в Средней Азии периода верхнего палеолита, где он был адаптирован к условиям открытого пространства. Южная Европа могла быть более консервативной, чем ее север, так как она находилась вне зоны распространения новых моделей поведения, была заселена человеком непрерывно, и места обитания были различны (пещеры, открытые пространства).

В период, соответствующий стадиям 9, 8 океанической изотопно-кислородной шкалы, существовали две системы расщепления камня: плоскостное расщепление подготовленного участка поверхности и расщепление с использованием всей поверхности нуклеуса. Во времена, соотносимые с изотопными стадиями 5 и 4, в Северной Европе и в ориньякской

культуре пластины прежде всего получали по второй системе расщепления, возможно, это было ответом на специфические природные условия. В Южной Европе пластины связывают преимущественно с леваллуазской системой расщепления на протяжении всей истории развития.

Список литературы

- Cabaj V., Sittlivj V.** The blade component in the Middle Palaeolithic of Ukraine: origin and evolution // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. – P.: CNRS, 1994. – P. 161 – 179. – (Dossier de Documentation archéologique, N 18).
- Combier J.** Le Paléolithique de l'Ardèche dans son cadre paléoclimatique. – Bordeaux: Mémoire de l'Université de Bordeaux, 1967. – 462 p.
- Errico F. de, Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pellegrin J.** Neanderthal Acculturation in Western Europe? A critical review of the Evidence and its Interpretation // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39. – P. 1 – 22.
- Kozłowski J.K., Otte M.** La formation de l'Aurignacien en Europe // L'Anthropologie. – P., 2000. – Vol. 104, N 1. – P. 3 – 15.
- Lebreton V.** Etudes palynologiques des remplissages Pleistocène supérieur de l'Abri Mochi (Baoussse Rousse, Grimaldi, Ligurie italienne) et de la grotte de Kalamakia (Aeropolis, Grèce): Diplôme d'Etudes Appliquées report. – P.: National Natural History Museum, 1997. – 60 p.
- Le Paléolithique** moyen en Vaucluse / Ed by J. Buisson-Catil. – Avignon, 1994. – 143 p. – (Notices d'Archéologie vauclusienne; N 3).
- Les industries** laminaires au Paléolithique moyen / Eds. S. Révillion, A. Tuffreau. – P.: CNRS, 1994. – 192 p. – (Dossier de Documentation archéologique; N 18).
- Lumley H. de.** Le Paléolithique inférieur et moyen du midi méditerranéen dans son cadre géologique. – P.: CNRS, 1969. – 900 p.
- Lumley H. de, Barral L.** Sites paléolithiques de la région de Nice et les grottes de Grimaldi. – Livret-Guide Congrès de l'Union International des Sciences Préhistoriques et Proto-historiques, 1976. – 175 p.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.-L.** TL Dates of Burned Flint Jelinek's Excavations at Tabun and their Implications // Journal of Archaeological Science. – 1995. – Vol. 22. – P. 495 – 509.
- Moncel M.-H.** L'industrie lithique des trois niveaux supérieurs de l'abri du Maras (Ardèche), Actes de la Table-Ronde: les industries laminaires au Paléolithique moyen // Dossier de Documentation archéologique. – P.: CNRS, 1994. – N 18. – P. 118 – 123.
- Moncel M.-H.** L'abri du Maras (Ardèche, France): une industrie lithique "laminaire" du Paléolithique moyen. L'exemple du niveau 1 // Colloque "Nature et Culture", Liège, 1993. – Liège: Université de Liège, 1996a. – P. 233 – 247. – (Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège; N 68).
- Moncel M.-H.** L'industrie lithique du Paléolithique moyen de l'abri du Maras (Ardèche). Fouilles R. Gilles, J. Combier. La question des Moustériens tardifs et du débitage laminaire au Paléolithique moyen // Gallia Préhistoire. – P.: CNRS, 1996b. – T. 38. – P. 1 – 41.
- Moncel M.-H., Michel V.** Première tentative de datation d'un des niveaux du Paléolithique moyen de l'abri du Maras (Ardèche, France) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. – 2000. – T. 97, N 3. – P. 371 – 375.
- Moullé A.** Etude paléontologique des Cervidés des niveaux moustériens de la grotte du Prince (Grimaldi, Italie): Diplôme d'Etudes Appliquées report. – Perpignan: Université de Perpignan, 1996. – 108 p.
- Otte M.** Origine de l'homme moderne: approche comportementale // Comptes Rendus de l'Académie des Sciences. Sér. II. – P., 1994a. – T. 318. – P. 267 – 273.
- Otte M.** Réflexions sur les lames au Paléolithique moyen // Les Industries laminaires au Paléolithique moyen. – P.: CNRS, 1994b. – P. 187 – 191. – (Dossier de Documentation archéologique; N 18).
- Patou-Mathis M.** La subsistance chez les Néandertaliens de Bize (Aude) // L'Anthropologie. – P., 1992. – T. 96, N 1. – P. 113 – 120.
- Rapport d'activité 1997 – 1999:** L'homme préhistorique, son évolution, son milieu, ses activités. – P.: CNRS, 1999. – 237 p.
- Révillion S.** Technologie du débitage laminaire au Paléolithique moyen en Europe septentrionale: état de la question // Bulletin de la Société Préhistorique Française. – P., 1995. – T. 92, N 4. – P. 425 – 443.
- Slimak L.** Mise en évidence d'une composante laminaire et lamellaire dans un complexe moustérien du sud de la France // Paléo. – 1999. – N 11. – P. 89 – 109.
- Tavoso A.** Le Moustérien de la grotte Tournal // Cypsela VI, Girona. – 1988. – P. 161 – 174.
- Tavoso A.** L'outillage du gisement de San Francesco à San Remo (Ligurie, Italie): nouvel examen // L'homme de Néanderthal. – Liège, 1988. – Vol. 8: La mutation. – P. 193 – 210.

Материал поступил в редколлегию 11.07.2000 г.

УДК 903.01/09.042+044

Дж.М. Адовазо¹, О. Соффер², Д.С. Хиланд¹,
Дж.С. Иллингворт¹, Б. Клима³, И. Свобода³

¹Мерсикерстский археологический институт, Мерсикерстский колледж, США
Erie, Pennsylvania, 16546, USA

²Кафедра антропологии, Иллинойский университет, США
Urbana, Illinois, 61801, USA; E-mail: o-soffer@uiuc.edu

³Институт археологии, Чешская Академия наук
Kralovopolska, 147, Brno, 612000, Czech Republic

ПРОИЗВОДСТВО ИЗДЕЛИЙ ИЗ НЕДОЛГОВЕЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ДОЛНИ ВЕСТОНИЦЕ I: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРАВЕТТА

Введение

Верхнепалеолитические стоянки Долни Вестонице I и II, Павлов I и II и Пржедмости (Моравия, Чешская Республика) относятся к павловской культуре, местному варианту восточного граветтского технокомплекса (рис. 1). Эти стоянки хорошо известны в силу того, что на них отмечены самые ранние как в Европе, так и в мире проявления многих технологических инноваций. Среди таких инноваций – геометрические микролитические вкладыши, технология шлифования камня (в виде подвесок, загадочных больших колец, терочников и терочных камней) и керамическое производство (в виде фигурок животных и женщин) [Pavlov I., 1997; Svoboda, Lozek, Vlcek, 1996; Vandiver et al., 1990]. Недавно проведенные исследования выявили еще одну инновацию – использование растительного волокна для производства тканых и плетеных изделий, веревок и, возможно, силков, о чем свидетельствуют вдавленные отпечатки каких-то изделий, выполненных из растительного волокна, на небольших фрагментах обожженной, необожженной и обожженной при низкой температуре глины. Самый большой из этих фрагментов в коллекции Долни Вестонице I (№ 13T) размером 51,1 × 33,9 мм при толщине 10,3 мм весит всего 14,8 г.

Технология изготовления недолговечных изделий

Отпечатки на глине из Долни Вестонице I, подобно ранее изученным предметам из Павлов I и Долни Ве-

стонице II, косвенно указывают на присутствие двух четко различимых структурных наборов: 1) плетение и изготовление ткани и 2) производство веревок и сопутствующих продуктов. Технически плетение обычно рассматривается как подкласс текстильных тканей, определяемых как более крупный всеохватывающий класс тканых материалов. Однако тканые и плетеные изделия представляют две различные, хотя и тесно связанные друг с другом технологии и могут быть определены на равном классификационном уровне. В частности, к *плетеным* изделиям относятся такие предметы (включая какие-либо емкости, сумки и циновки), которые, по определению многих исследователей (напр.: [Drooker, 1992; Balfét, 1952; Mason, 1904]), плохо сгибаемы и, как указал Драйвер [Driver, 1961, p. 159], сплетены вручную, без использования какой-нибудь рамы или станка. *Тканые* изделия обычно представляют собой исключительно гибкие материалы, такие как ткань, произведенные при помощи рамы или ткацкого станка. Таким образом, различие между ткаными и плетеными изделиями традиционно определяется степенью их гибкости, формой, а также были ли они произведены при помощи какого-либо вертикально или горизонтально закрепленного ткацкого приспособления. Поскольку эти три признака – а следовательно, и различие между ткаными и плетеными предметами – обычно можно определить путем исследования полноразмерных изделий (их отпечатки или фрагменты, как правило, плохо отображают данные признаки), то нельзя сделать окончательного и определенного вывода, были ли граветтские

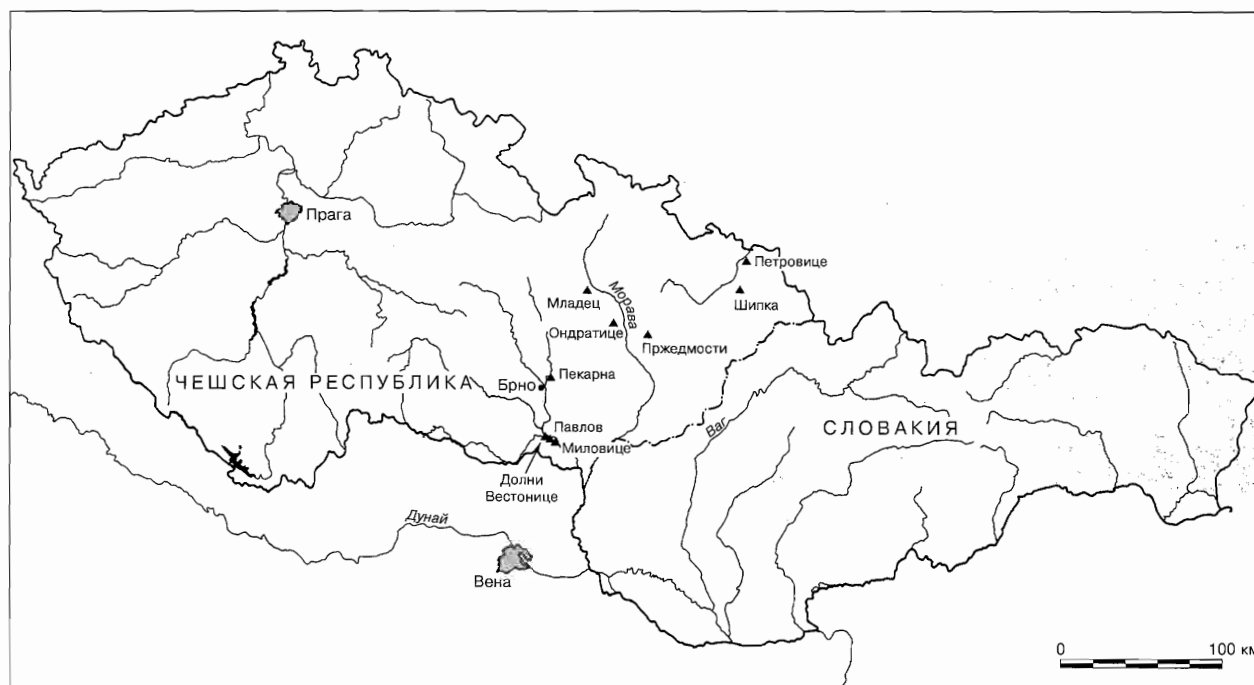

Рис. 1. Местоположение памятников, обсуждаемых в тексте.

отпечатки оставлены гибкими материалами, произведенными на ткацком станке, или плетеными негибкими изделиями, выполненными без применения каких-либо приспособлений. Но сам процесс производства может быть определен по отпечаткам. Из трех основных и четко различимых техник – скручивание, наматывание и плетение – в граветтской коллекции представлены две – скручивание и плетение.

В Долни Вестонице I также обнаружены и отпечатки веревок. Веревка – это объединенный набор длинных волокнистых элементов, скрученных или спряденных вместе в форме единообразного цилиндрического и обычно гибкого шнура потенциально неограниченной длины (см.: [Emery, 1966, p. 8 – 14; Scholtz, 1975, p. 9; Wendrich, 1991, p. 3]. К категории изделий, произведенных скручиванием и (или) прядением длинного волокнистого материала, относятся нить, пряжа, прядь, шнур, бечевка, канат и веревка.

В дополнение к косвенному свидетельству присутствия немодифицированных веревочных изделий при тщательном осмотре коллекции отпечатков на глине из Долни Вестонице I обнаружилось несколько отрисков веревок с завязанными узлами. В зависимости от конфигурации (т.е. диаметра ячейки, типа узла, метода изготовления) веревочные изделия с узлами зачастую представляют собой фрагменты сетчатой конструкции, относящейся к различным типам ловчих сетей или к более сложным сетчатым формам, таким как сумки-сетки и разнообразные удерживающие приспособления. И. Эмери [Emery, 1966, p. 30] определяет сеть как сопутствующий изготовлению веревок

продукт, “выстроенный путем повторяющегося взаимодействия протяженного единого элемента с самим собой”. Обычным методом, который применялся аборигенами или в доисторическое время для производства сетей, является изготовление связанных петель – одноэлементной петельной структуры, у которой петли закреплены узлами [Ibid, p. 34]. Сети, произведенные при помощи данной техники, называются узелковыми и имеют ячейки различного размера в зависимости от предполагаемого использования. В то время как существует несколько вариантов создания таких сетей [Ibid], в граветтском наборе пока зафиксирован только один.

Объекты исследования

Исследовано 124 небольших обожженных и необожженных фрагмента глины, собранных в ходе многолетних раскопок на стоянке Долни Вестонице I [Klíma, 1963, 1983; Svoboda, Lozek, Vlcek, 1996]. Они были отобраны О. Соффер в результате предварительного осмотра коллекций, хранящихся в Антропологическом (Антропос) институте, Моравском музее и в филиале Археологического института г. Брно Чешской Академии наук в Долни Вестонице. Этот набор не охватывает всей коллекции фрагментов обожженной и необожженной глины, обнаруженной на стоянке, а представляет группу артефактов, которые изначально оценены как высокоперспективные для обнаружения отпечатков тканых и плетеных изделий, а также веревок. Данный рабочий набор был впоследствии

Рис. 2. Вид с вершины Павловских холмов – Долни Вестонице I расположено ниже виноградника на склоне.

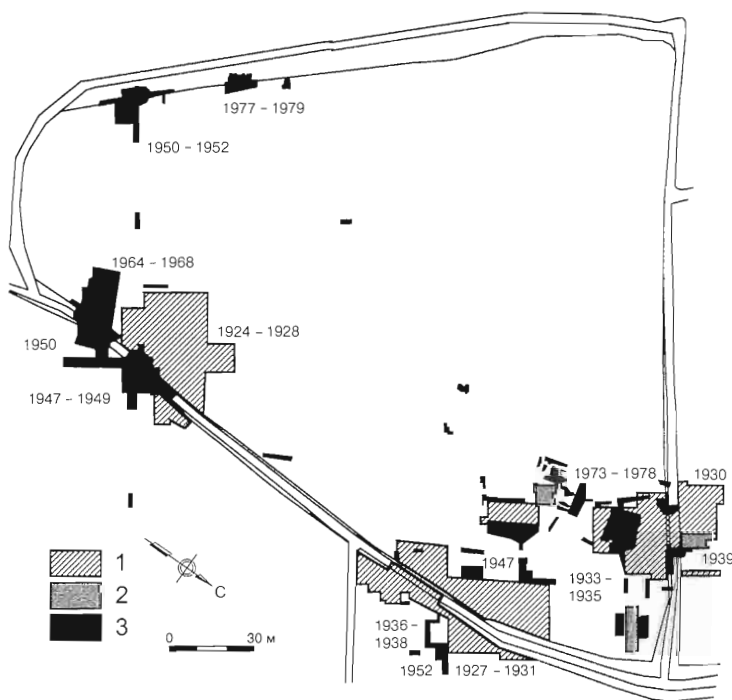

Рис. 3. План Долни Вестонице I (по: [Klíma, 1983, fig. 6]).
1 – раскопки К. Абсолон; 2 – Бомер; 3 – Б. Клима.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты (по древесному углю) для Долни Вестонице I, полученные в лаборатории г. Гронингена (по: [Svoboda, Lozek, Vlcek, 1996, Table 6.2])

Лабораторный номер	Местонахождение на стоянке	Дата, л.н.
GrN-11189	Нижнее поселение	31 700 ± 1000
GrN-18187	»	29 300 + 750 - 690
GrN-18188	»	27 250 + 590 - 550
GrN-1286	Среднее поселение	25 820 ± 170
GrN-18189	Нижнее поселение	25 950 + 630 - 580

тщательно осмотрен и проанализирован Дж.М. Адовазио и Д.С. Хиландом при помощи Дж.С. Иллингворта в Центре Р.Л. Эндрюса по проведению анализа недолговечных изделий при Мерсикерстском археологическом институте (г. Эри, штат Пенсильвания).

Из 124 предметов 54, или 43,55%, не имеют четких признаков наличия отпечатков антропогенно измененных или немодифицированных растительных материалов, равно как и каких-либо других распознаваемых форм. На оставшихся 70 экз. действительно обнаружены подобного рода отпечатки. Из них 34 фрагмента, или 27,42%, имеют оттиски различных частей растений, включая кору, стебли, ошкуренные и неошкуренные ветки, а также и листья. Некоторые кусочки глины могут быть фрагментами обмазки жилищ (мы хотим подчеркнуть, что О. Соффер, исследовав коллекцию из Долни Вестонице I, дополнительно идентифицировала 11 явных фрагментов обмазки, которая накладывалась как на деревянную поверхность, так и на кость). Среди образцов с отпечатками 11 предметов имеют оттиски веревок, 14 – плетеных изделий и 9 – тканого полотна. По одному представлены фрагменты с отпечатками раковины моллюска и человеческой ладони. Набор предметов, описываемых и обсуждаемых ниже, в частности включает в себя артефакты, полученные в результате раскопок К. Абсолон и Б. Клима, и составляет только 2,15% от общего количества (5761 экз.) глиняных фрагментов в инвентаре Долни Вестонице I. Подобное соотношение сопоставимо с результатами, полученными на памятниках Павлов I и Долни Вестонице II. Приведенные данные подчеркивают редкость подобного рода оттисков, что и объясняет их слабую представленность в археологических исследованиях.

Обстоятельства обнаружения и хронология

Долни Вестонице I является крупным пространственно рассеянным верхнепалеолитическим местонахождением, расположенным вдоль склонов Павловских гор примерно в 35 км к югу от современного г. Брно (рис. 2). Несмотря на то что в англоязычной литературе данная стоянка рассматривается как единый памятник, на самом деле в указанном районе фиксируется

множество диахронных эпизодов заселения, датируемых в хронологическом диапазоне 33 000 – 25 370 л.н. (рис. 3; табл. 1).

Исзуемые предметы преимущественно получены из верхнего поселения, раскопки которого проводились между 1924 и 1979 гг. (рис. 4). Здесь выявлены остатки многочисленных и разнообразных структур. Согласно реконструкции Б. Климá [Klíma, 1963, 1983], на данном поселении была обитаемая зона с жилищами в окружении примыкающих к ним обширных скоплений мамонтовых костей. Также было определено присутствие в 100 м выше по склону хижны специального назначения, которая использовалась для производства и обжига большинства керамических изделий [Soffer et al., 1993; Vandiver et al., 1990].

Четкое распределение по вертикали рассматриваемых нами артефактов в пределах культурной зоны не может быть уточнено. Кроме того, для разных компонентов верхнего поселения в Долни Вестонице I отсутствуют серийные датировки. Тем не менее на основании имеющихся дат можно уверенно относить исследованную коллекцию к временному интервалу 26 580 – 25 370 л.н.

Методы анализа

Аналитические процедуры, примененные к граветийским отпечаткам на глине, соответствовали методам, определенным Дж. Чапмэном и Дж.М. Адовазо [Chapman, Adovasio, 1977] для анализа вдавленных оттисков, обнаруженных на археологических местонахождениях открытого типа. С этих оттисков по методике П.Б. Друкера [Drooker, 1992, p. 251 – 254] были сделаны рельефные копии. Затем их исследовали и фотографировали с помощью стереомикроскопа класса Лейка-Уайлд М 10 с десятикратным увеличением и апохроматически корректируемой оптической системой. Все замеры произведены с использованием таких измерительных приборов, как Helios dial sliding caliper и Fowler MaxCal electronic digital sliding caliper, и представлены в метрической системе.

В большинстве случаев каждый глиняный фрагмент имеет единственный отпечаток одного технологического типа. Поддающиеся определению оттиски были классифицированы по технологическим типам, согласно процедурам, определенным в работах Дж.М. Адовазо [Adovasio, 1977], И. Эмери [Emery, 1966] и В.М. Херлей [Hurley, 1979].

Результаты анализа

Тканые и плетеные изделия

Были определены 24 оттиска, представляющие восемь специфичных структурных типов и два – оста-

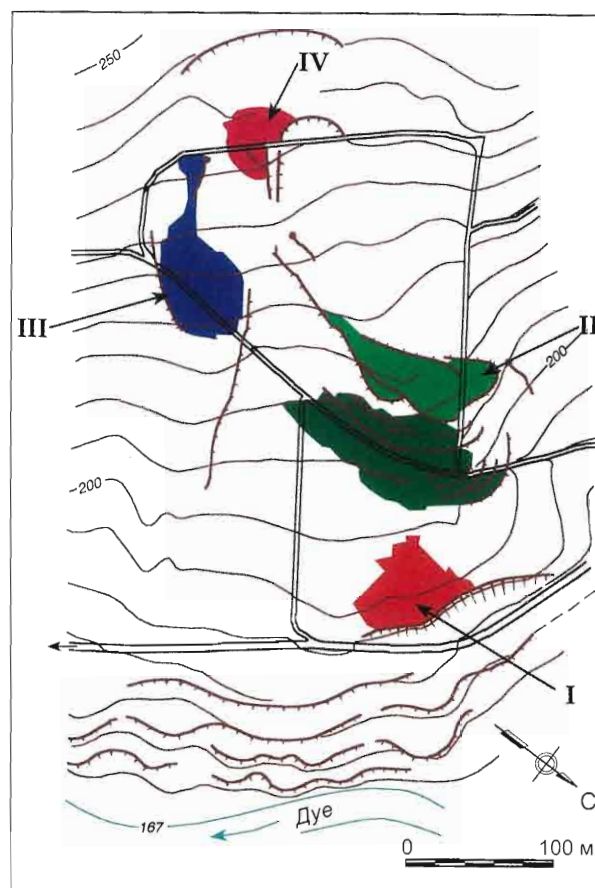

Рис. 4. Карта-схема Долни Вестонице I, показывающая расположение нижнего (I), средних (II), верхнего (III) и самого верхнего (IV) поселений (по: [Klíma, 1983, fig. 16].

точных (рис. 5). Поскольку, по-нашему общему мнению, недолговечные изделия из Долни Вестонице и ранее описанной стоянки Павлов I являются неотъемлемой частью одной и той же технологической традиции, то там, где приемлемо, использовалась классификация, составленная для Павлова I. Новые типы, не представленные в ней, получили последующие порядковые номера. Параметры всех типов тканых и плетеных изделий даны в табл. 2, 3. Необходимо отметить, что общее количество типов и изделий в настоящей работе отличается от указанных О. Соффер и другими в 1998 г. [Soffer, Adovasio, Hyland, in press], поскольку тогда мы основывались на меньшей выборке.

Плетение

Тип II: закрытое простое плетение, S-крутка утка. Данный тип представлен единственным образцом № 27Т. Это простое скрученное плетение по одиночным нитям основы. Утки сдвоены и тесно сдвинуты, чтобы скрыть основу. Уток имеет крутку в виде буквы S. Нити как основы, так и утка, по всей видимости,

Таблица 2. Обобщенные параметры типов плетения, представленных в коллекции из Долни Вестонице I

Параметр	Тип II (n=1)	Тип III (n=3)	Тип VII (n=1)	Тип XII (n=1)	Тип XIII (n=1)	Тип XIV (n=1)
Диаметр основы:						
диапазон (мм)	0,82 – 0,91	0,58 – 0,95	0,41 – 0,51	0,51 – 0,54	0,90 – 0,90	0,45 – 0,55
среднее (мм)	0,86	0,80	0,47	0,52	0,90	0,50
Диаметр утка:						
диапазон (мм)	Неопределимо	0,55 – 1,91	Неопределимо	1,00 – 1,00	0,69 – 0,80	0,70 – 0,70
среднее (мм)	0,66	1,22	1,40	1,00	0,73	0,70
Количество основ на см:						
диапазон	Неопределимо	Неопределимо	Неопределимо	Неопределимо	Неопределимо	Неопределимо
среднее	4,0	6,0	6,0	8,0	4,0	10,0
Количество утков на см:						
диапазон	Неизвестно	3,0 – 8,0	Неизвестно	Неопределимо	8,0 – 10,0	Неопределимо
среднее	»	5,0	»	8,0	9,0	8,0
Зев между утками:						
диапазон (мм)	Неприменимо	2,00 – 2,50	»	Неизвестно	Неприменимо	Неприменимо
среднее (мм)	»	2,25	»	»	»	»
Угол изгиба (нити основы)	Неизвестно	26,0° (58Т)	36,0°	»	Неизвестно	45,0°
Количество изгибов на см (нити основы)	»	12,0 (58Т)	20,0	»	»	28,0
Угол изгиба (уточные нити)	»	Неизвестно	Неизвестно	»	»	Неизвестно
Количество изгибов на см (уточные нити)	»	»	»	»	»	»

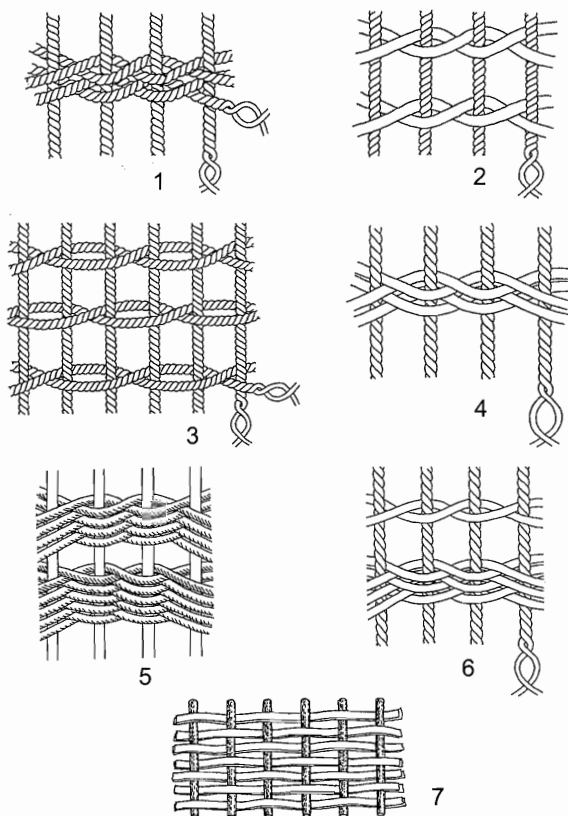

Рис. 5. Типы плетения, представленные отпечатками текстиля в Моравии.

1 – закрытое простое плетение, S-крутка утка; 2 – открытое простое плетение, S-крутка утка; 3 – открытое диагональное плетение, S-крутка утка; 4 – закрытое простое плетение, Z-крутка утка; 5 – закрытое простое плетение, Z- и S-крутка утка; 6 – открытое и закрытое простое плетение, Z- и S-крутка утка; 7 – стиль вязки корзин, интервал переплетения 1/1.

Таблица 3. Обобщенные параметры типов переплетения, представленных в коллекции из Долни Вестонице I

Параметр	Тип XV (n=5)	Тип XVI (n=4)
Диаметр элемента:		
диапазон (мм)	0,22 – 0,91	1,86 – 2,62
среднее (мм)	0,34	2,13
Угол пересечения	90,0°	90,0°
Количество элементов на см:		
диапазон	16,0 – 30,0	Неопределимо
среднее	23,3	»
Угол изгиба:		
диапазон	Неопределимо	Неприменимо
среднее	50,0°	»
Количество изгибов на см:		
диапазон	Неизвестно	»
среднее	»	»

сделаны из вымоченного растительного волокна. Направления начального и финального закручивания неясны. Текстура полугибкая или гибкая. Образец представляет часть полотна или корпуса какого-то недекорированного изделия без окаемки. Следов починки и соединения внакрой нет. Отпечаток очень нечеткий, система износа не поддается определению. Можно предположить, что он оставлен фрагментом вязаного вручную мешка, подстилки или куска материи неизвестных очертаний. По аналогии с павловскими изделиями того же типа, данный материал мог быть изготовлен на вертикально или горизонтально расположенной раме без ремизок и галев.

Тип III: открытое простое плетение, S-крутка утка. Три образца (№ 58Т, 98Т, 113Т) отнесены к типу III (рис. 6). Это простое скрученное плетение по

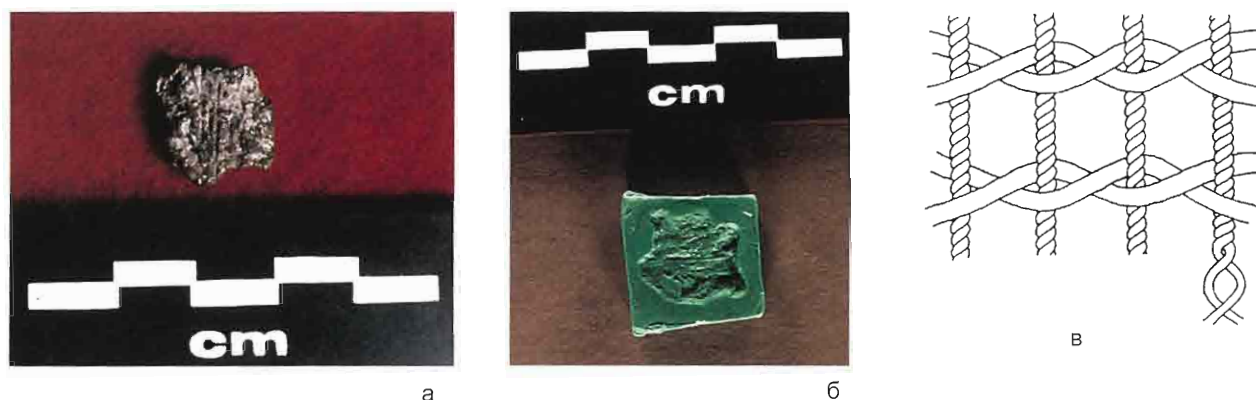

Рис. 6. Образец № 58Т.
а – отпечаток на керамическом фрагменте; б – выпуклая копия отиска;
в – схема открытого простого плетения, S-крутка утка.

одиночным нитям основы. Каждый из предметов демонстрирует плотно сдвинутые одиночные нити основы с рядами скрученных в виде буквы S нитей утка, расположенными с регулярными интервалами, обнажающими нити основы. Последние, по всей видимости, изготавливались из ссученного или ссученного и скрученного вымоченного растительного волокна, сплетенного в виде Z (№ 58Т), Z или Z-s-s (№ 98Т) и в неизвестном направлении (№ 113Т). Уточные пряжи, вероятно, были спаренными и также изготовлены из вымоченного растительного волокна, направление первоначального скручивания и (или) финального плетения установить невозможно. Текстура гибкая или полугибкая. Следов починки, сращивания или соединения внакрой не выявлено. Система износа неопределима. Отпечатки оставлены фрагментами полотна или корпуса какого-то изделия без украшений и окаемок, возможно, вязаного мешка или материи неизвестных очертаний. Как и в случае с другими плетеными образцами из Долни Вестонице, описанные выше материалы могли быть изготовлены на вертикальном или горизонтальном ткацком станке без ремизок и галев.

Тип VII: открытое диагональное плетение, S-крутка утка. Данный тип представлен единственным образцом № 57Т. Это диагональное (саржевое) тканое плетение по спаренным нитям основы. Нити утка также спарены и расположены через регулярные интервалы, открывающие нити основы. Последние спрядены в виде S и скручены в виде Z (Z-s-s). Нити утка с неизвестным типом начального прядения и (или) финального скручивания явно изготовлены из вымоченного растительного волокна. Следов починки и соединения внакрой не отмечено. Износ сильный, возможно, вследствие трения при использовании изделия. Отпечатки оставлены фрагментами стенок или корпуса какого-то недекорированного изделия без окаемки, возможно, вязаного мешка или материи неизвестных очертаний. Материал мог быть изготовлен

на вертикальном или горизонтальном ткацком станке без ремизок и галев.

Тип XI: плетение (неизвестны расстояние между элементами утка, сцепление элементов основы и крутка утка). Образец № 32Т представляет фрагмент плетеного предмета, находившегося в достаточно высокой стадии разрушения, поэтому лишен практически всех классификационных признаков. Само плетение распознаваемо благодаря четкой вертикальной и горизонтальной ориентации отрезков бечевы или спряденных/скрученных растительных элементов, неоднократно пересекающихся по типу основы и утка. К сожалению, никакие другие детали не прослеживаются, и какие-либо значащие замеры не могут быть произведены.

Тип XII: закрытое простое плетение, Z-крутка утка. Данный тип представлен единственным образцом № 90Т. Это простое скрученное плетение по одиночным основам. Утки спарены и плотно прилегают друг к другу, скрывая основу. Изгиб утка напоминает Z. Основы плотно сдвинуты и представляют собой двухнитевую, ссученную в виде Z и скрученную в виде S (S-z-z) бечеву. Утки без явно выделяющегося направления начального сучения или финального скручивания изготовлены из отмоченного растительного волокна. Текстура полугибкая или гибкая. Окаемки и декора нет. Следов починки и соединения внакрой не обнаружено. Система износа неопределима. Изделие, оставившее отпечаток, возможно, является фрагментом циновки, сумки или куска ткани неизвестных очертаний. Материал мог быть изготовлен на вертикальном или горизонтальном станке без ремизок и галев.

Тип XIII: закрытое простое плетение, Z- и S-крутка утка. Образец № 24Т демонстрирует простое скрученное плетение по простой основе. Утки спарены и плотно прилегают друг к другу, закрывая основу. Данный уникальный образец, по-видимому,

состоит из двух отдельных систем утка. Это либо случайно наложенные друг на друга части разных конструкций, либо разорванные куски одного и того же первоначального изделия. Одна система состоит из четырех простых сдвоенных рядов утка с S-круткой уточных прядей. Между рядами утка практически нет промежутков, основа видна лишь из-за частичного разрушения изделия. Вторая система состоит из пяти рядов утка, фактически таких же, как и в первой, за исключением финальной Z-крутки утка. Эти две системы утка разделяет просвет в 1,34 мм, который мог быть либо промежутком между двумя отдельными изделиями, либо же преднамеренно сделанным зевом между разно скрученными утками для создания декоративного эффекта (см. тип XIV ниже). Нити основы состоят из отмоченного растительного волокна, тип начального сучения или финального скручивания неопределим, в то время как утки имеют Z-крутку. Следов соединения внакрой, починки не обнаружено, окаемки нет. Систему износа определить невозможно. Данный отпечаток, вероятно, представляет фрагмент циновки, сумки или куска полотна неизвестной конфигурации. Материал мог быть изготовлен на вертикальном или горизонтальном станке без ремизок и галев или раме.

Тип XIV: открытое и закрытое простое плетение, Z- и S-крутка утка. Данный тип представлен единственным образцом № 10Т. Это простое скрученное плетение по простой основе. Утки сдвоены и, за одним исключением, тесно сдвинуты, закрывая основу. Фрагмент состоит из четырех рядов утка, первый из которых отделен от других, возможно, намеренно созданным зевом примерно в 2,68 мм. Этот обособленный ряд имеет S-крутку. Вслед за просветом идут три тесно сдвинутых ряда утка с кручением типа Z, Z и потом S. Чередование типов скручивания почти определенно можно считать преднамеренным и предназначенным для создания декоративного эффекта. Основа двухнитевая, с Z-сучением и S-кручением (S-z-z), в то время как утки S-скручены. Следов починки, соединения внакрой, окаемки нет. Износ выраженный, по-видимому, связан с использованием. Данный отпечаток, вероятно, оставлен фрагментом циновки, сумки или куска полотна неизвестной конфигурации. Как и практически все другие плетеные изделия из Долни Вестонице, предмет мог быть изготовлен на вертикальном или горизонтальном станке без ремизок и галев или раме.

Переплетение и плетеная вязка

О наличии данной техники производства недолговечных изделий из растительного волокна в павловском контексте в Моравии ранее не сообщалось. В данное описание включены образцы, представляющие изде-

лия, выработанные в рамках одних и тех же принципов, но из нескольких различных исходных растительных материалов, которые значительно отличаются по степени жесткости и включают в себя как гибкие ткани или текстиль, так и полугибкие корзины и/или циновки. Все предметы данной категории произведены путем переплетения двух наборов составляющих элементов, которые проходят над и под друг другом без какого-либо дополнительного сцепления (скручивание, образование петли, завязывание узлов и т.д.). Этот метод, обычно применявшийся для создания циновок или корзин, называется переплетением (см.: [Adovasio, 1977, p. 99]), а в текстильном производстве он определяется как плетеная вязка [Emery, 1966, p. 74 – 78]. Набор изделий, произведенных в Долни Вестонице при помощи данной технологии, был подразделен на два основных типа и один остаточный.

Тип XV: простое переплетение, интервал 1/1 (гладкая вязка). Есть пять образцов этого типа. Три из них (№ 3Т, 20Т, 95Т) представляют уравновешенное по плотности простое тканое переплетение с одинарными нитями основы и утка. Это самый простой из всех текстильных приемов. Одинарные нити основы и утка почти равного размера проходят над и под друг другом с интервалом 1/1. Каждый элемент утка проходит над и под последовательными элементами основы под углом в 90°, при этом порядок прохождения над и под чередуется. Число элементов основы и утка на сантиметр одинаково, отсюда термин “уравновешенное”. В образце № 3Т они представляют собой сочетание сученых нитей с Z- и S-круткой, тогда как структура элементов основы и утка в образцах № 20Т и 95Т неясная. На одном фрагменте (№ 3Т) видна непрерывная боковая кромка утка, сдвигов нет. Образец № 38Т по основному построению идентичен трем вышеописанным, но взаимно переплетенные элементы представляют собой одинаковые по размерам, расщепленные с двух сторон отрезки водорослей или камыша, сходные с использованными для плетения типа XVI (см. ниже). На фрагменте № 38Т нет ни кромки, ни сдвигов. Образец № 1Т (рис. 7) показывает ту же основную формулу построения, что и все предыдущие, но размеры переплетенных элементов в нем неодинаковы. Один набор состоит из очень тонких двойных веревок S-прядения и Z-крутки, другой – из элементов меньшего диаметра, состав неизвестен. При отсутствии каких-либо кромок невозможно определить, является ли видимый набор элементов основой или утком, а следовательно, нельзя установить, уточное или основное перекрестие имеет этот образец неуравновешенного по плотности плетения. Все образцы, за исключением № 38Т, представляют собой фрагменты гибкой ткани неизвестной формы. Есть практически полная уверенность в том, что она была изготовлена на вертикальной или горизонтальной раме

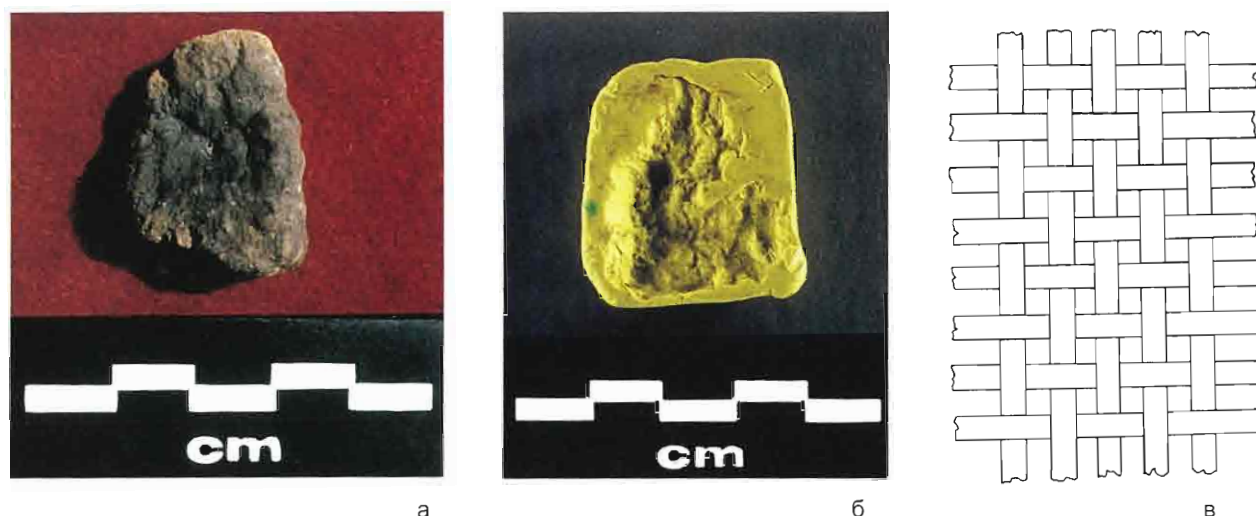

Рис. 7. Образец № 1Т.

а – отпечаток на керамическом фрагменте; *б* – выпуклая копия оттиска;
в – схема простого переплетения, интервал 1/1.

или ткацком станке без галев и ремизок. Особенно это касается фрагмента № 1Т, который является самым прекрасным образцом среди артефактов из недолговечного растительного материала, обнаруженных в Долни Вестонице и Павлове. Образец № 38Т явно является отпечатком фрагмента жесткой емкости или подстилки, вероятно, сплетенной вручную, без какого бы то ни было станка.

Тип XVI: саржевое переплетение, интервал 2/2. К этому типу относятся четыре образца – № 20Т, 23Т, 89Т и 107Т. Они почти идентичны во всех деталях построения (рис. 8). Отдельные элементы, состоящие из сплюснутых и расщепленных с двух сторон лубков, проходят поверх предположительно аналогичных элементов с интервалом 2/2. Угол пересечения – 90°. Видимые элементы напоминают ряды псевдоутка, но не сцепляются с элементами псевдоосновы, с которыми они переплетаются. Этот вариант жесткого переплетения иногда неточно называется корзиночным плетением, хотя данный термин применяется и к жесткому плетению (ср.: [Adovasio, 1977, p. 99]). Совершенно невозможно определить ни случайных, ни намеренных сдвигов, хотя на образце № 20Т в одном месте есть, очевидно, интервал 3/3. Не представлены кромки и центральные части. Все образцы, видимо, являются отпечатками фрагментов жестких круглых или, возможно, конических емкостей, безусловно, водопроницаемых, если только они не были просмолены или обработаны каким-либо иным способом. Судя по размерам переплетающихся элементов, эти емкости могли быть относительно большими и, возможно, использовались для хранения или транспортировки.

Тип XVII: различные элементы жесткого переплетения (?). Шесть образцов (№ 6Т, 38Т, 46Т, 61Та, 69Т, 86Т) содержат отпечатки одного или двух рядов,

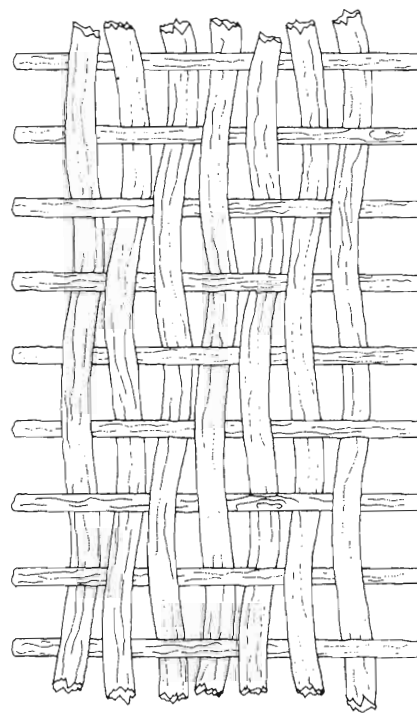

Рис. 8. Образец № 23Т.

Схема диагонального (саржевого) переплетения, интервал 2/2.

видимо, расщепленных элементов, практически идентичных использованным для плетения типа XVI. Эти отпечатки могут представлять фрагменты сильно разрушенных емкостей или, возможно, неиспользованный материал для изготовления корзин.

Веревки

В комплексе образцов с отпечатками в Долни Вестонице I было опознано 13 оттисков веревок, представляющих

Таблица 4. Обобщенные параметры типов веревок, представленных в коллекции из Долни Вестонице I

Параметр	Тип II (n=1)	Тип VII (n=6)	Тип VIII (n=1)	Тип IX (n=3)	Тип X (n=1)
Длина:					
диапазон (мм)	Неприменимо	2,29 – 11,55	Неприменимо	2,26 – 9,26	Неприменимо
среднее (мм)	14,06	5,59	3,65	5,76	6,50
Диаметр шнура:					
диапазон (мм)	1,96 – 2,12	0,52 – 0,91	Неопределимо	0,26 – 0,70	Неопределимо
среднее (мм)	2,02	0,66	0,28	0,48	0,92
Диаметр пряжи:					
диапазон (мм)	0,65 – 0,95	Неизвестно	Неизвестно	Неопределимо	Неопределимо
среднее (мм)	0,80	»	»	0,30	0,30
Угол изгиба:					
диапазон	Неопределимо	28,0 – 50,0°	Неопределимо	46,0 – 65,0°	Неопределимо
среднее	30°	38,7°	28°	55,5°	35°
Количество изгибов на см:					
диапазон	Неопределимо	2,0 – 28,0	Неизвестно	Неопределимо	Неизвестно
среднее	2,0	13,3	»	16	»

два типа (II, VII), ранее зарегистрированные в Павлове I*, три новых типа и один остаточный. Параметры всех типов веревок приведены в табл. 4.

Тип II: многосоставная, двухпрядная, S-сучение, Z-кручение. Этот тип представлен единственным образцом № 35T. Два пучка растительного волокна спрядены S-сучением и конечным Z-кручением. Сращений внакрой, конечного сужения или коробления веревки нет.

Тип VII: S-крутка. К данному типу отнесены шесть образцов (№ 8T, 13T, 25T, 26T, 30T, 37T). Они представляют веревки, состоящие из нескольких растительных волокон, сложенных в один пучок с конечным S-кручением. Невозможно определить, все ли они (или только некоторые) являются частями изделий из многопрядной или составной веревки или представляют собой фрагменты отдельных однопрядных веревок. Ни один из образцов не обнаруживает сращений внакрой или коробления. На фрагменте № 8T конец сужен. Образец № 30T фактически представляет часть более сложной конструкции (ее описание см. тип X), в которую включены и отрезки веревок IX и X типов, соединенные неизвестным узлом. Размеры, конфигурация и функция этого изделия тоже неизвестны.

Тип VIII: многосоставная, двухпрядная, S-прядение (?), Z-кручение. Данный тип представлен единственным образцом № 9T. Это двухпрядная структура с конечным Z-кручением, но характер начального прядения не ясен. Хотя очень вероятно, что пряжи свиты S-прядением, каждая из них может сама быть многопрядной или составной веревкой неизвест-

ной структуры. На образце нет сращений внакрой, конечных сужений или коробления. Поверх этого отпечатка перпендикулярно ему оттиск отрезка веревки типа IX (см. ниже), но нет признаков сцепления или узла, объединяющего оба фрагмента.

Тип IX: многосоставная, двухпрядная, Z-прядение (?), S-крутка. К этому типу, являющемуся зеркальным отражением предыдущего, относятся три образца (№ 9T, 19T, 30T). И вновь, хотя пряжи, похоже, свиты Z-прядением, образцы могут представлять фрагменты многопрядных или составных веревок неизвестной структуры. На образце № 19T завязанный узел неизвестного типа, поэтому он может быть отпечатком части сетки. Образец № 9T, как отмечалось выше, обнаружен вместе с оттиском веревочного изделия типа VIII, но фрагменты не сцеплены между собой. Образец № 30T является частью сложной конструкции, представляющей также типы VII, X (описание см. тип X). Ни один из образцов типа IX не показывает сращений внакрой, конечных сужений и коробления.

Тип X: заплетение в виде косы из трех прядей, Z-прядение. Образец № 30T, представляющий данный тип, заслуживает подробного комментария. Видимо, это конструкция с узлами, состоящая из нескольких структурно разных элементов, взаимоотношение которых не ясно. Наибольшая по диаметру часть конструкции длиной около 6,50 мм сплетена из трех прядей, каждая из которых спрядена в виде Z. Расплетенный конец, возможно, был свит S-кручением, и в этой части веревочное изделие, по сути дела, могло быть трехпрядным с Z-прядением, S-кручением. Эта интерпретация, однако, достаточно умозрительна, поскольку форма данной части образца № 30T не была определена. Две другие его части, видимо, представляют куски двухпрядных, Z-пряденых, S-крученных веревок. Один из них, очевидно, был соединен

* Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Klíma B., Svoboda J. Paleolithic Textiles: New Data From Moravia. – Paper presented at the 62nd Annual Meeting of the Society for American Archaeology. Nashville, 1997.

с нерасплетенной частью узлом неизвестного типа. К сожалению, хотя отпечатки совершенно отчетливы, точная конфигурация и функции этой конструкции неизвестны. Ни в одном отрезке данного веревочного изделия не выявлены ни сращения внакрой, ни конечные сужения, ни коробления.

Тип XI: веревочное изделие (неизвестны число прядей, характер начального прядения и конечного кручения). Образец № 47Т несет отпечаток предмета, который может быть отрезком веревочного изделия. К сожалению, оттиск слишком нечеток и не позволяет различить очертания каких-либо структурных деталей.

Значение моравских изделий из недолговечных материалов в глобальном контексте

Хронологический аспект

Как уже ранее достаточно подробно обсуждалось, отпечатки текстиля, корзин и веревок, найденные на граветийских стоянках Павлов I и Долни Вестонице I и II, в настоящее время являются самыми древними в мире свидетельствами технологии производства изделий из недолговечных растительных материалов [Adovasio, Soffer, Klíma, 1996; Adovasio, Soffer, Hyland, 1997; Adovasio et al., 1999]. Более того, очевидно, что артефакты с этих памятников обеспечивают доказательство производства и использования таких изделий (по крайней мере в одном европейском регионе) как минимум на 7 – 10 тыс. лет ранее, чем где-либо в другом месте. Следующими по древности подобными свидетельствами являются артефакты со стоянки Огало II (Израиль), где волокна неизвестного рода и вида растительности использовались для производства S-пряденой веревки с финальной Z-круткой примерно 19 300 л.н. [Nadel et al., 1994, p. 451].

В Европе остатки обугленной веревки и (или) сетчатой конструкции найдены на несколько более поздних стоянках Межирич (Украина) и Косоуцы (Молдова) [Adovasio, Soffer, Klíma, 1996]. Тем не менее ни в одном из перечисленных случаев возраст культурных остатков не больше примерно 17 тыс. лет. В рамках более широких хронологических сопоставлений можно назвать обугленные веревочные фрагменты и отпечатки на глине из Ляско [Leroi-Gourhan, Allain, 1979; Leroi-Gourhan, 1982]. Предмет из Межирича, также обугленный, представляет собой крошечную одинарную прядь S-крутки, которая могла быть частью длинной двухпрядной S-сученой и Z-крученой веревки из растительных волокон [Adovasio et al., in press]. Характер кручения и сучения изделий из Косоуцы и Ляско непонятен.

В Азии самые древние в настоящее время свидетельства производства изделий из растительного волокна, с учетом позднеплейстоценовых/верхнепалеолитических и так называемых “мезолитических” стоянок Китая, Японии и российского Дальнего Востока, относятся ко времени не ранее 13 500 л.н. [Derevianko, Medvedev, 1995; Hurley, 1979; Zhushchikhovskaya, 1996]. В Африке и Австралии никаких корзиночных, текстильных или веревочных изделий примерно такого же возраста на настоящий момент не найдено.

В Северной Америке самые древние корзиночные, текстильные или веревочные материалы имеют возраст не более 11 500 лет, к тому же в хорошо датированных контекстах их очень мало. Количество североамериканских стоянок с артефактами из растительного материала, относящихся ко времени более 11 000 л.н., менее десятка (более подробно см.: [Andrews, Adovasio, 1996; Adovasio, Soffer, Hyland, 1997; Adovasio et al., 1999]. Необходимо упомянуть находки с памятников Медоукрофт Рокшелтер (Meadowcroft Rockshelter) [Stile, 1982; Andrews, Adovasio, 1996], Петит Ансе Айленд (Petit Anse Island) [Wilson, 1889], плетеные предметы со стоянки Хискок (Hiscock) (R. Laub, личное сообщение, 1996), веревочные и корзиночные изделия из пещер Дейнджер (Danger) и Фишбоун (Fishbone), равно как и подобные артефакты с некоторых других местонахождений в аридном Большом Бассейне [Adovasio, Soffer, Hyland, 1997]. Эти предметы, бесспорно, изготовлены плетением и представляют собой плотные простые вязаные мешки, подстилки, носильные корзины, лотки и сандалии самых разных конфигураций.

В Южной Америке производство текстиля или корзин – и в этом случае бесспорно плетенных – отмечено в перуанских высокогорьях на рубеже 10 000 л.н. [Adovasio, Lynch, 1973; Adovasio, Maslowski, 1980], хотя изготовление веревок и сопутствующих продуктов зафиксировано значительно раньше. На сегодняшний день самая древняя для обеих Америк веревка найдена на стоянке Монте-Верде (Monte Verde) (Чили), где многочисленные фрагменты веревочных изделий были обнаружены в четко датированном контексте – $13\,565 \pm 250$ и $11\,790 \pm 200$ л.н. [Adovasio, 1997].

Как сообщалось ранее [Adovasio, Soffer, Klíma, 1996; Adovasio, Soffer, Hyland, 1997; Adovasio et al., 1999], практически для всей Америки плетение – самая ранняя известная техника изготовления текстиля или корзин, за возможным исключением восточной части Северной Америки, где вязка из лозы, видимо, несколько древнее. Все перечисленные данные поддерживают высказанную несколькими годами ранее гипотезу о том, что технология плетения является основой практически любого производства текстиля и корзин не только в Америке (где это было впервые отмечено), но и во всем мире.

Итак, сейчас абсолютно ясно, что производство изделий из растительных материалов вообще и веревок, корзин и тканей в частности зародилось на несколько тысячелетий ранее, чем считалось до сих пор. Моравский набор текстиля и корзиночных изделий вполне соответствует хорошо продуманному процессу плетения и ткачества, отмеченному у многих групп охотников-собирателей, существовавших в позднем плейстоцене – раннем голоцене в аридных пустынях Ближнего Востока или западной части Северной Америки, в умеренно холодных и холодных высокогорьях Перу, а также в Северной Азии и Японии с субтропическим и континентальным климатом. Сейчас очевидным является то, что индустрии обработки и использования недолговечных растительных материалов являлись составной частью технологического набора первых колонистов Нового Света. Более того, эти технологии использовались верхнепалеолитическим человеком на протяжении значительно большего временного интервала, чем мы себе представляли.

Функция и сохранность

В силу того, что отпечатки, представленные в моравском керамическом наборе, исключительно малы, форма изделий (т.е. емкости, мешки, циновки или тканая материя) и их назначение не могут быть определены с уверенностью. Однако очевидно, что мы имеем дело с текстильными/корзиночными изделиями. Вполне возможно, это фрагменты мешков или циновок. Следовательно, резонно предположить, что они и выполняли обычные функции указанных предметов обихода, т.е. циновки использовались в качестве покрытий пола, для сидения или сна, а мешки и корзины для хранения и транспортировки. В равной степени изделия, представленные исследованными образцами, могли служить и стеновыми покрытиями. Если фрагменты являлись частями абсолютно гибких тканых полотен – а тонкость некоторых и предполагает, что они таковыми были, – то это могли быть самые разнообразные изделия: от одеял до предметов одежды, таких как платки, юбки, штаны и т.д.

Назначение веревочных изделий из Долни Вестонице I предположить несколько легче. Они, бесспорно, выполняли традиционные функции: привязывание, связывание, перевязывание, а также использовались для изготовления более сложных конструкций, таких как сети. Например, данную гипотезу поддерживает идентификация ткацкого узла и листовидного изгиба веревки на четырех отпечатках из павловской коллекции, что подразумевает производство узелковых сетей, использовавшихся, по всей видимости, для охоты.

Хотя мы никогда достоверно не узнаем происхождение моравских отпечатков, тем не менее ряд парал-

лелей в археологических контекстах и Старого и Нового Света может помочь приблизиться к разгадке. В Павлове I и Долни Вестонице I и II есть фрагменты жженой глины с отпечатками палок и веток [Soffer, Vandiver, 1994; Vandiver et al., 1990], а среди керамических предметов, обнаруженных в Павлове I, и в Долни Вестонице I, имеются остатки обмазки [Soffer, Vandiver, 1997]. Кроме того, Б. Клима [Klíma, 1955] высказал предположение, что некоторые из костей мамонта, по меньшей мере в одном из жилищ в Павлове I, были намеренно “сцементированы вместе” глиной. Сумма этих данных указывает на намеренное многоцелевое обмазывание сырой глиной разнообразных предметов. Это наблюдение, в свою очередь, наводит на мысль о возможном происхождении некоторых отпечатков: они могли получиться в результате намеренного нанесения сырой глины на стенку гибкой емкости, служившей, видимо, в качестве простого сосуда, что имеет аналогии среди ранних североамериканских (напр.: [Morris, Burgh, 1941]) и российских дальневосточных [Zhushchikhovskaya, 1996] керамических изделий.

Возможно, отпечатки оставлены изделиями, которые случайно “втапывались” во влажный пол. Не исключено и намеренное применение тканых конструкций для утрамбовки подготовленных глиняных полов, как и использование настенных “драпировок”, прикладывавшихся и прижимавшихся к еще мокрой глине. Независимо от происхождения, отпечатки текстиля на глине впоследствии случайно подверглись обжигу (и поэтому сохранились) во время разрушения строения огнем.

Новые данные можно получить, изучая распределение образцов в пределах местонахождения и их окраску. Предыдущие исследования павловских керамических фрагментов показали, что они принадлежали прежде всего жилым постройкам [Soffer, Vandiver, 1997]. Кроме того, было доказано, что технология павловского керамического производства предусматривала обжиг в восстановительной атмосфере [Soffer, Vandiver, 1994, 1997; Vandiver et al., 1990]. Однако значительно большая часть образцов подверглась обжигу в окислительной атмосфере. Эти данные, а также концентрация фрагментов с оттисками внутри и возле жилища № 9 в Павлове I, говорят о том, что данное жилище в древности было разрушено огнем [Soffer, Vandiver, 1997]. Такой вывод подтверждает и исследование диапазонов окраски глиняных фрагментов с отпечатками текстильных изделий в Павлове I. В частности, 12 (29%) из 42 изученных образцов имеют красный цвет, что указывает на окислительную атмосферу обжига; 24 (58%) – черный или серый, соответствующие обжигу в восстановительной атмосфере; а оставшиеся 6 (13%) были либо не обожжены, либо обжигались при очень низких температурах в условиях,

не поддающихся определению. Знаменательна большая доля фрагментов глины с отпечатками текстиля, обожженных в окислительной среде, при том что для всей керамики из Павлова I этот показатель <3%. Сходное соотношение диапазонов окраски показывает и комплекс из Долни Вестонице I. В совокупности эти данные позволяют предполагать, что, как и в других исторических контекстах по всему миру, отпечатки сохранились лишь благодаря обжигу.

Сырье

Образцы текстиля и веревок из Павлова I и Долни Вестонице II явно изготовлены из растительного, а не животного волокна, хотя точное определение видов растительности на настоящее время не представляется возможным. Как отмечалось в работе Дж.М. Адовасио и др. [Adovasio, Soffer, Klíma, 1996, p. 532], палинологические исследования, проведенные на стоянках павловской культуры, свидетельствуют о господстве преимущественно открытого ландшафта с обилием растительности, в том числе и деревьев, пригодных для получения лыка [Klíma, 1955; Opravil, 1994; Pavlov I: Excavations..., 1994; Svoboda, Lozek, Vlcek, 1996]. С.Л. Мэйсон и ее коллеги [Mason, Hather, Hillman, 1994] предполагают, что в окрестностях памятников росли как ольха (*Alnus* sp.), так и тик (*Taxus* sp.). Травяные сообщества включали ваточник (*Asclepias* sp.) и крапиву (*Urtica* sp.), которые, как хорошо подтверждено этнографическими и археологическими данными, широко использовались в качестве сырья при производстве недолговечных изделий [Barber, 1991]. Применение крапивы в Европе в качестве сырья для ткачества имеет продолжительную историю [Barber, 1991; Hald, 1942]. Этнографические данные указывают на то, что сбор растительного сырья осуществлялся в осенний период, когда растения достигали своего максимального роста. Если предположить, что наличие отпечатков изделий из растительного волокна на павловских стоянках свидетельствует в пользу схожей системы жизнедеятельности, то можно говорить о заселении данных стоянок в холодное время года. Данное предположение уже высказывалось ранее на основе изучения древесных колец [Opravil, 1994], трасологических исследований [Prichystal et al., 1994] и анализа распределения керамических изделий по площади стоянок [Soffer, Vandiver, 1997].

Технология

Как отмечалось ранее [Adovasio, Soffer, Klíma, 1996; Adovasio, Soffer, Hyland, 1997; Adovasio et al., 1999], структурные типы в изученных моравских местонахождениях почти наверняка не отражают весь диапа-

зон технологий использования недолговечных растительных волокон, известных граветийским текстильщикам. Имеющиеся отпечатки текстиля и корзин представляют фрагменты искусно выполненных предметов и никоим образом не могут считаться “первичными ремесленными пробами”. Действительно, типологическая неоднородность, вкупе с общей правильностью и небольшими размерами элементов основы и утка во всех гибких и полугибких типах текстиля и корзин, говорят о высоком уровне стандартизации и значительном предшествующем развитии обработки и использования растительного волокна. То же можно сказать и о веревках. Плетеные и вязаные изделия также демонстрируют высокое качество и изящество отдельных элементов основы и утка (притом, что они изготавливались без ткацкого станка со всеми его преимуществами).

Исследованная в Долни Вестонице группа отпечатков изделий из недолговечных материалов отражает тот же уровень типологического разнообразия, который был отмечен и в Павлове. Каково бы ни было назначение восточнограветийских изделий из недолговечных растительных материалов, интригует весьма большое типологическое разнообразие. Более поздние мезолитические/архаические и неолитические/формативные комплексы изделий из растительного сырья обычно демонстрируют гораздо меньшее число типов, причем наблюдается явное преобладание определенного (ограниченного) набора манипуляций с основой и утком. В процессе начального прядения и завершающего кручения также существовали предпочтительные направления. Вполне возможно, что это более позднее однообразие отражает стабилизированную технологию, практикуемую на протяжении тысячелетий. В восточнограветийских образцах не проявляется четких технологических предпочтений прядильщиков.

Палеоэтнография

Технология производства продукции из недолговечных материалов и организация труда. Группы, заселявшие Моравию приблизительно между 30 и 20 тыс. л.н., оставили после себя многочисленные материальные остатки, исключительно богатые по технологическому разнообразию. Изучение данных технологий позволило нам реконструировать стиль жизни граветийского населения. Однако это было сделано только лишь на основе анализа артефактов, выполненных из долговечных материалов: камня, рога, мамонтовой кости и костей других животных.

Между тем есть многочисленные этнографические свидетельства активного использования в материальной культуре технологий производства предметов из недолговечных материалов даже в арктических

и субарктических природных условиях (см., напр.: [Hand book..., 1981, 1984]). Археологи, работающие на стоянках с идеальными условиями сохранности, определенно подтверждают правомерность данного вывода и для древности. В.В. Тейлор [Taylor, 1966, p. 73], например, отмечает, что количество обнаруженных в сухих пещерах артефактов, изготовленных из растительных материалов, в 20 раз превышает число каменных изделий. Д.Р. Кроес [Croes, 1997, p. 536] сообщает, что на стоянках, расположенных во влажной природной среде, более 95% предметов доисторической материальной культуры производилось из дерева и растительного волокна. Х.Б. Коллинз [Collins, 1937] подтверждает данное заключение и для стоянок, обнаруженных на Аляске в условиях вечной мерзлоты.

Однако беглый анализ процентного соотношения верхнепалеолитических артефактов из долговечных и растительных материалов показывает, что первые составляют почти 100% материальных остатков. Данное противоречие обусловлено рядом факторов, среди которых наиболее весомыми являются неодинаковая степень сохранности материалов и неадекватность методов раскопок. Недавние раскопки таких палеолитических стоянок, как Нахал-Орен (Nahal Oren) в Израиле [Nadel et al., 1994] и Монте-Верде (Monte Verde) в Чили [Adovasio, 1997], находящихся во влажной окружающей среде, ярко показали разрушающее действие постдепозиционных факторов на любые свидетельства изготовления изделий из недолговечных материалов. Обнаружение обугленных растительных остатков в Долни Вестониче II [Mason, Nather, Hillman, 1994] и Эль-Хиджо (El Jujó) [Freeman et al., 1988] свидетельствует о том, что отсутствие изделий из недолговечных материалов объясняется именно несовершенством техники раскопок, используемой при изучении большинства палеолитических стоянок. В частности, очень редко применяется метод флотации.

Учитывая богатство и разнообразие недолговечных изделий в верхнем палеолите в целом и в восточном граветте в частности, можно сделать вывод, что наша неспособность обнаружить подобные материальные остатки не только сильно искажает понимание древних экономик и технологий, но и не дает возможности получить представление о предметах, изготавливавшихся и использовавшихся большинством палеолитического населения, а именно, женщинами и детьми. Данная точка зрения была недавно высказана рядом исследователей [Conkey, 1991; Kehoe, 1990; Owen, 1996]. Это связано с тем, что продукты труда женщин и детей гораздо менее долговечны, чем изделия, изготовленные мужчинами, соответственно и технологии, применявшиеся первыми, существенно меньше представлены в археологических коллекци-

ях. Этот вывод уверенно подтвержден культурно-этнографическими данными по половому разделению труда и соответствующей дифференциации орудий труда, связанных с выполнением различающихся задач [Murdock, 1937; Murdock, Provost, 1973; Watanabe, 1968]. Таким образом, моравские материалы начинают исправлять прошлые упущения.

Есть сильный соблазн высказать предположение, что большое разнообразие сочетаний плетения тканей и веревок в моравских комплексах также отражает своеобразное производство на уровне домашнего хозяйства, поскольку данная модель явно соответствует домашнему способу производства, свойственному охотникам-собираателям [Sahlins, 1972]. Это разнообразие может также отражать характер занятий носителей павловской культуры. В частности, если такие памятники, как Павлов I и Долни Вестониче I, были местами сезонного скопления нескольких самостоятельных общественных групп (которые проводили остальную часть года в других местах) [Soffer, 1989; Svoboda, Lozek, Vlcek, 1996], то данные местонахождения и должны давать свидетельства гораздо большего технологического разнообразия, чем те, где многочисленные коллективы жили рядом друг с другом на более постоянной основе. В частности, вполне возможно, что предметы, изготовленные родственными, но независимыми общественными группами, будут тем разнообразнее, чем меньше времени эти группы находятся в непосредственном контакте друг с другом. Хотя такое предположение не объясняет ни разнообразия недолговечных изделий, ни объема и разнообразия экзотического сырья, которое, как известно, использовалось на этих территориях (где до 97% орудий изготавливались из неместных материалов) [Svoboda, Lozek, Vlcek, 1996], подтверждение данной гипотезы требует дальнейших исследований.

Труд палеолитических женщин. По этнографическим данным, производство текстиля, корзин, веревок и изделий из них, а также использование этих недолговечных предметов связаны с обоими полами [Murdock, 1937; Murdock, Provost, 1973]. Однако в дорыночном обществе подобные технологии, в особенности ткачество, связывают с женским трудом [King, 1991; Schneider, Weiner, 1989]. Следовательно, отпечатки из Моравии напрямую указывают на женский труд, а высокое качество тканых изделий, в свою очередь, предполагает, что он был весьма интенсивен.

Наши данные о существовании ткацкого производства и плетения в граветтский период и следующее из этого предположение об изготовлении из полученных материалов более сложных изделий, подтверждаются наличием в это время предметов, связанных с ткачеством и плетением сетей. В частности,

в граветтийский период впервые появляются иглы с ушком [Baume, 1993]. И хотя самая древняя большая игла, фрагмент которой обнаружен в Пржедмости [Klíma, 1990, fig. 28], возможно, использовалась для отделки сети, а не для ее изготовления, последующие ее аналоги из мамонтовой кости (распространенная находка на более поздних верхнепалеолитических стоянках) свидетельствуют о широком распространении шитья. Хотя эти иглы до сих пор ассоциировались с изготовлением одежды из кожи и шкур (см., напр.: [Бадер, 1978]), мы полагаем, что большинство из них настолько малы, что скорее использовались для шитья нитями из растительного волокна, а не из жил, для работы с тканым текстилем, а не со шкурами животных. Кроме того, ряд верхнепалеолитических комплексов содержит также изделия, которые ранее рассматривались как украшения или предметы искусства, но вполне вероятно, были связаны с текстильным производством. Например, костяной “наконечник копья” из Пржедмости [Klíma, 1990, fig. 33], возможно, служил в качестве челнока при плетении сетей. Изготовленные из фаланг мамонта “сидящие антропоморфные фигурки”, обнаруженные также в Пржедмости [Ibid, fig. 23, 24], и их аналоги из Авдеево могли быть противовесами ткацкого станка. Загадочные вырезанные из мамонтового бивня круглые предметы, найденные в Сунгири [Бадер, 1978, рис. 114], возможно, использовались в качестве блоков веретен.

Структура трудовой и охотничьей деятельности, ее влияние на морфологию человека. Обнаружение на отпечатках характерных изгибов веревки или ткацких узлов (которые ассоциируются с сетями) позволяет предположить, что для охоты в верхнем палеолите использовались сети. Важно отметить, что размер ячеек в предполагаемых павловских сетях очень мал, поэтому, возможно, они были пригодны для охоты только на мелких животных. Это наблюдение хорошо согласуется с большим количеством костных остатков мелких пушных зверей (таких как зайцы и лисы), обнаруженных в Долни Вестонице, Павлове и Пржедмости [Musil, 1994]. Оно также согласуется и с этнографическими данными, которые указывают на повсеместное использование для ловли мелкой наземной фауны (включая пушных зверей) сетей [Andrews, Adovasio, 1980; Satterthwait, 1986, 1987; Steward, 1938; Roscoe, 1990, 1993]. Хотя более широко сети применялись для охоты на птиц и рыбной ловли, отсутствие костей рыб и скудность костных остатков птиц на стоянках Моравии [Musil, 1994] наводит на мысль о том, что рыба и птица не были важным компонентом рациона питания их обитателей.

Изящность практически всех тканых и плетеных изделий павловской культуры позволяет с высокой долей вероятности предположить, что фрагменты более крупных моделей либо не сохранились, либо

пока не обнаружены. Учитывая большую искусность мастеров плетения в производстве утонченных изделий, можно думать, что они, конечно, были способны производить и более крупные формы из недолговечных материалов, в том числе и охотничьи сети с крупными ячейками, пригодные для ловли наземных млекопитающих. По этнографическим данным, сети успешно применялись для ловли не только мелких млекопитающих весом 3 – 20 кг, но и более крупных травоядных – от кенгуру в Австралии [Satterthwait, 1986, 1987] до антилопы, оленя и горных баранов в Северной Америке [Andrews, Adovasio, 1980; Frison et al., 1986]. Это позволяет предположить, что если охота сетью практиковалась, то в Моравии в верхнем палеолите она могла бы обеспечивать добычу крупных животных.

Возможность охоты сетью имеет большое значение для реконструкции стратегий поведения, направленных на выживание, и соответствующей общественной организации. Ловля сетью является видом деятельности, совершенно отличным от охоты при помощи копий, пик, дротиков, копьеметалок и т.д. Исследования показывают, что ловля сетями осуществлялась всей общиной, поскольку при таком способе охоты не требовалось больших усилий и опасность была минимальной [Satterthwait, 1986, 1987; Steward, 1938; Turnbull, 1965; Wilkie, Curran, 1991]. Не удивительно, что охота сетью фактически является единственным методом охоты с участием женщин, детей и стариков [Murdock, 1937; Murdock, Provost, 1973].

Ловля сетями также сопряжена с массовой заготовкой пищи в течение коротких периодов времени и, следовательно, с производством избыточного продукта [Satterthwait, 1986, 1987]. Хотя этот избыток в некоторых этнографических ситуациях связан с участием в рыночной экономике (например, охотники леса Итури [Wilkie, Curran, 1991]), в других (например, среди аборигенов Австралии [Satterthwait, 1986, 1987] и Новой Гвинее [Roscoe, 1990, 1993]) – с большими скоплениями людей, празднествами и различными церемониями. Важно подчеркнуть, что данные по моравским стоянкам – самые ранние свидетельства массовой заготовки пищи в палеолите.

Далее, в отличие от других, активных методов ловли животных, охота сетями не требует чрезмерной физической силы, потому что обездвиженных животных можно убить в относительной безопасности с близкого расстояния самыми различными методами – заколоть, забить дубинами и т.д., а следовательно, и без участия сильных охотников-мужчин. Вероятное воздействие такого метода массовой заготовки пищи предполагает корректировку сценариев биологической эволюции ранних евразийцев современного физического типа. В этих сценариях, выдвинутых некоторыми палеоантропологами, утверждается, что

грацилизация (особенно у мужчин), наблюдавшаяся в течение всего верхнего палеолита, но особенно явно проявившаяся после ледникового максимума и до раннего голоцена, видимо, связана с изобретением оружия, способного поражать с большого расстояния, такого как копье-металка и лук со стрелами (см., напр.: [Frayer, 1981, 1984; Trinkaus, 1987]). В частности, если эта модель грацилизации справедлива для всех евразийцев – и мужчин, и женщин, как восточных, так и западных частей континента, – то взаимосвязь между грацилизацией и использованием сетей при массовой заготовке пищи могла быть еще более тесной и экономически обусловленной, поскольку такой род деятельности подразумевает труд всего коллектива.

Наконец, на основании этих наблюдений можно сделать ряд выводов относительно верхнего палеолита Моравии. Общинный характер охоты сетями согласуется с идеей о том, что Долни Вестонице I, Павлов I и Пржедмости были стоянками, на которых сосредоточивалось много людей для совместного сезонного проживания и где, вероятно, на короткое время требовалось больше пищи.

Происхождение граветтийской индустрии. Вероятность охоты сетями на граветтийских стоянках позволяет говорить о технологических изменениях в практике заготовки пищи в Моравии в это время. Использование данного метода охоты, который не связан с каменными метательными орудиями, может хорошо объяснить относительную скудость в восточно-граветтийских материалах (которые содержат многочисленные орудия, предназначенные для поражения на коротком расстоянии) эффективного оружия поражения с больших расстояний и наборов костяных орудий (т.е. отсутствие копье-металок и очень неясные свидетельства о луках и стрелах).

Это наблюдение оспаривает основанное на исследовании каменного инвентаря объяснение “граветтийского феномена” миграционными процессами. Как отметил К. Валох [Valoch, 1996], этим объяснением (приходом граветтийцев извне) мы довольствовались долгое время, при этом одни ученые утверждали, что миграция шла с востока (напр.: [Otte et al., 1996]), другие – с запада. Наш взгляд на граветтийские технологии производства недолговечных изделий, который снижает статус каменной индустрии как культурного “маяка”, освобождает нас от принудительной обязанности просто наносить на карту Евразии места обнаружения диагностирующих каменных артефактов и соединять эти точки стрелками, показывающими предполагаемые миграции граветтийцев. Миграции и демографические сдвиги, подобно новым технологиям, являются не дискретными событиями, а общественными процессами, следовательно, и должны изучаться как таковые.

Определяющие критерии отнесения памятников к археологической эпохе

В конце концов, установление факта существования текстильных изделий и производства корзин приблизительно 25 тыс. л.н., наряду с обширными данными о верхнепалеолитических керамических технологиях [Vandiver et al., 1990], поднимает серьезные вопросы о технологических “почерках” или совокупностях артефактов, используемых для определения конкретных доисторических эпох. Моравские стоянки, согласно хронологическому определению, являются явно палеолитическими, а не неолитическими. Павловские технологии опережают “неолитическую революцию” [Childe, 1936] примерно на 15 тыс. лет. Данные местонахождения были заселены людьми, которые поддерживали свою жизнедеятельность собирательством, а не огородничеством, и чьи системы заселения характеризовались поселенческой мобильностью, а не круглогодичной оседлостью. Тем не менее обитатели стоянок изготавливали геометрические микролиты, керамику, шлифованные каменные изделия, ткали текстиль и плели корзины, т.е. делали все то, что считалось “отличительным признаком” неолита.

Наличие этих технологий само по себе не должно удивлять, поскольку они широко использовались целым рядом этнографически известных групп охотников-собирателей. В качестве примера можно назвать шлифованные топоры в Австралии, изготовление текстиля и корзин по всей Сибири, Северной, Центральной и Южной Америке, производство керамических изделий, включая гончарные, у иннуитов, равно как и у атабасков и нумиков [Adovasio et al., 1999]. Эти очевидные инновации в способах существования, в поселенческих системах и в технологиях свидетельствуют о том, что нам уже давно пора отказаться от удобных однолинейных эволюционных схем, которые связывают появление специфических форм технологий с определенным типом хозяйства. На самом деле, ослабление зависимости технологии от стратегии существования активно происходит в некоторых частях света еще в “донеолитическое” время (см., напр.: [Hyland, Adovasio, in press; Hyland, Adovasio, Illingworth, in press], а также диссертацию Д.С. Хиланда*). Ясно, что керамика, а также текстильные изделия и корзины являются признаком неолитической культуры не более, чем шлифованные каменные топоры. Мы полагаем, что пришло время сохранить термин “неолит” только для производящих (пищу) экономик, независимо от используемых технологий.

* Hyland D.C. Perishable Industries from the Jornada Basin, South-Central New Mexico: Unpublished Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of Pittsburgh, 1997.

Благодарности

Авторы выражают признательность Е. Динану и В. Сунцову за оказанную ими неоценимую исследовательскую помощь. Рис. 1, 3 – 5 были выполнены С. Холландом. Рис. 6 выполнил С. Снайдер, а обработал на компьютере Д. Педлер, который также отредактировал несколько частей этой статьи. О. Соффер благодарит Национальный Фонд по гуманитарным наукам за выделенную им летнюю стипендию, Совет по научным исследованиям при Университете Иллинойса за поддержку настоящего проекта. Исследование было также поддержано грантом, предоставленным О. Соффер Госдепартаментом США (программа VIII). Высказанные выше взгляды и положения, любые ошибки и неточности, обнаруженные в этой статье, остаются полностью на совести авторов и никоим образом не могут быть связаны с любым из упомянутых выше финансировавших проект учреждением или организацией.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 255 с.
- Absolon K., Klíma B.** Predmostí. – Praha: Academia, 1977. – 215 p.
- Adovasio J.M.** The Origin, Development and Distribution of Western Archaic Textiles and Basketry // *Tebiwá: Miscellaneous Papers of the Idaho State University Museum of Natural History*. – 1970. – Vol. 13(2). – P. 1 – 40.
- Adovasio J.M.** Fremont Basketry // *Tebiwá: Miscellaneous Papers of the Idaho State University Museum of Natural History*. – 1975. – Vol. 17(2). – P. 67 – 76.
- Adovasio J.M.** Basketry Technology: A Guide to Identification and Analysis. – Chicago: Aldine Publishing, 1977. – 182 p.
- Adovasio J.M.** Cordage and Cordage Impressions from Monte Verde // *Dillehay T.D. The Archaeological Context and Interpretation*. – Washington, DC.: Smithsonian Institution Press, 1997. – P. 221 – 228. – (Monte Verde: A Late Pleistocene Settlement in Chile; Vol. 2).
- Adovasio J.M., Hyland D.C., Klíma B., Svoboda J., Soffer O.** Textiles, Basketry, and Nets in Upper Paleolithic Moravia – Perishable Technology in the Pavlov Culture // *Archeologické Rozhledy*. – 1999. – Vol. 51. – P. 58 – 94.
- Adovasio J.M., Lynch T.F.** Pre Ceramic Textiles from Guitarrero Cave, Peru // *American Antiquity*. – 1973. – Vol. 38(1). – P. 84 – 90.
- Adovasio J.M., Maslowski R.F.** Textiles and Cordage // *Lynch T.F. Guitarrero Cave*. – N.Y.: Academic Press, 1980. – P. 253 – 290.
- Adovasio J.M., Soffer O., Dirkmaat D., Pedler C., Pedler D., Thomas D., Buyce R.** Flotation Samples from Mezhrich, Ukrainian Republic: A Micro-View of Macro-Issues: Paper presented at the 57th Annual Meeting of the Society for American Archaeology (in press).
- Adovasio J.M., Soffer O., Hyland D.C.** Textiles and Cordage: A Preliminary Assessment // *Pavlov I – Northwest: The Upper Paleolithic Burial and Its Settlement Context* / Ed. J. Svoboda. – Brno: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic, 1997. – P. 403 – 424.
- Adovasio J.M., Soffer O., Klíma B.** Upper Paleolithic Fibre Technology: Interlaced Woven Finds From Pavlov I, Czech Republic, c. 26,000 Years Ago // *Antiquity*. – 1996. – Vol. 70(269). – P. 526 – 534.
- Andrews R.L., Adovasio J.M.** Perishable Industries from Hinds Cave, Val Verde County, Texas. *Ethnology Monographs* No. 5. – Pittsburgh: Department of Anthropology, University of Pittsburgh, 1980. – 375 p.
- Andrews R.L., Adovasio J.M.** The Origins of Fiber Perishables Production East of the Rockies // *A Most Indispensable Art: Native Fiber Industries from Eastern North America* / Ed. J.B. Peterson. – Knoxville: The University of Tennessee Press, 1996. – P. 30 – 49.
- Balfét H.** La Vannerie: Essai de Classification // *L'Anthropologie*. – 1952. – Vol. 56. – P. 259 – 280.
- Barber E.J.W.** Prehistoric Textiles. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – 471 p.
- Baume S.A.** Nonflint Tools of the Early Paleolithic // *Before Lascaux* / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. – Florida: C.R.C. Press Inc., Boca Raton, 1993. – P. 163 – 192.
- Chapman J., Adovasio J.M.** Textile and Basketry Impressions from Icehouse Bottom, Tennessee // *American Antiquity*. – 1977. – Vol. 42. – P. 620 – 625.
- Childe V.G.** Man Makes Himself. – N.Y.: Mentor Books, 1936. – 192 p.
- Collins H.B., Jr.** Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. – Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1937. – 431 p. – (Smithsonian Miscellaneous Collections; Vol. 96).
- Conkey M.W.** Contexts of Action, Contexts for Power: Material Culture and Gender in the Magdalenian // *Engendering Archaeology* / Eds. J.M. Gero, M.W. Conkey. – Oxford: Blackwell, 1991. – P. 57 – 92.
- Croes D.R.** The North-Central cultural dichotomy on the Northwest Coast of North America: Its Evolution as Suggested by Wet-Site Basketry and Wooden Fish-Hooks // *Antiquity*. – 1997. – Vol. 71. – P. 594 – 615.
- Derevianko A.P., Medvedev V.E.** The Amur River Basin as One of the Earliest Centers of Ceramics in the Far East // *International Symposium on the Origin of Ceramics in Eastern and Northeastern Asia: Exploring the Sources of Jomon Culture. Abstracts*. – Sendai: Tohoku-Fukushi University, 1995. – P. 13 – 14.
- Driver H.E.** Indians of North America. – Chicago: University of Chicago Press, 1961. – 632 p.
- Drooker P.B.** Mississippian Village Textiles at Wickliffe. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1992. – 291 p.
- Emery I.** The Primary Structures of Fabrics: An Illustrated Classification. – Washington, D.C.: The Textile Museum, 1966. – 339 p.
- Frazer D.W.** Body size, weapon use, and the natural selection in European Upper Paleolithic and Mesolithic // *American Anthropologist*. – 1981. – Vol. 83. – P. 57 – 73.
- Frazer D.W.** Biological and cultural change in European late Pleistocene and Early Holocene // *The Origins of Modern Humans: A World Survey of the Fossil Evidence* / Eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, 1984. – P. 211 – 250.
- Freeman L.G., Gozáles Echegaray J., Klein R.G., Crowe W.T.** Dimensions of Research at El Juyo: An Earlier Magdalenian Site in Cantabrian Spain // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia* / Eds. H.L. Dibble, A. Montet-White. – Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania, 1988. – P. 3 – 40.

- Frison G.C., Andrews R.L., Adovasio J.M., Carlisle R.C., Edgar R.** A Late Paleoindian Animal Trapping Net from Northern Wyoming // *American Antiquity*. – 1986. – Vol. 51. – P. 352 – 361.
- Hald M.** The Nettle as a Culture Plant // *Folk-Liv*. – 1942. – Vol. 6. – P. 28 – 49.
- Handbook** of North America Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. – Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1981. – Vol. 6: Subarctic / Ed. J. Helm. – 837 p.
- Handbook** of North America Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. – Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. – Vol. 5: Arctic / Ed. D. Damas. – 827 p.
- Hurley W.M.** Prehistoric Cordage: Identification of Impressions on Pottery. – Washington, D.C.: Taraxacum, 1979. – 154 p. – (Aldine Manuals on Archaeology; N 3).
- Hyland D.C., Adovasio J.M.** Perishable Industries from Pendejo Cave, New Mexico: Paper presented at the 60th Annual Meeting of the Society for American Archaeology (in press).
- Hyland D.C., Adovasio J.M., Illingworth J.S.** Perishable Industries from Pendejo Cave, New Mexico // *Excavations at Pendejo Cave* / Eds. J. Libby, R.S. MacNeish. – Albuquerque: University of New Mexico Press (in press).
- Kehoe A.B.** Points and Lines // *Powers of Observation: Alternative Views in Archaeology* / Eds. S.M. Nelson, A.B. Kehoe. – Washington, D.C.: American Anthropological Association, 1990. – P. 23 – 27. – (Archaeological Papers of the American Anthropological Association; N 2).
- King M.E.** The Perishable Preserved: Ancient Textiles from the Old World with Comparisons from the New World // *The Review of Archaeology*. – 1991. – Vol. 13(1). – P. 2 – 11.
- Klíma B.** Prínos Nové Paleolitické Stanice v Pavlově k Problematice Nejstarších Zemedelských Nástrojů // *Památky Archeologické*. – 1955. – Vol. 46. – P. 7 – 29.
- Klíma B.** Dolní Vestonice. – Praha: Nakladatelství Československé Akademie Ved, 1963. – 427 p.
- Klíma B.** Dolní Vestonice. – Praha: Academia, 1983. – 176 p.
- Klíma B.** Lovci mamutu z Predmostí. – Praha: Academia, 1990. – 157 p.
- Leroi-Gourhan A.** The Archaeology of Lascaux Cave // *Scientific American*. – 1982. – Vol. 246(6). – P. 80 – 88.
- Leroi-Gourhan A., Allain J.** Lascaux Inconnu. – P.: CNRS, 1979. – 381 p.
- Mason O.T.** Aboriginal American Basketry: Studies in a Textile Art Without Machinery // *Report of the U.S. National Museum 1902*. – Washington, D.C.: National Museum, 1904. – P. 169 – 548.
- Mason S.L.R., Hather J.G., Hillman G.C.** Preliminary Investigation of the Plant Macro-remains from Dolní Vestonice II, and Its Implications for the Role of Plant Foods in Palaeolithic and Mesolithic Europe // *Antiquity*. – 1994. – Vol. 68. – P. 48 – 57.
- Morris E.H., Burgh R.F.** Anasazi Basketry: Basket Maker II Through Pueblo II, A Study Based on Specimens from the San Juan River Country. – Washington, D.C.: Carnegie Institution, 1941. – 66 p. + 66 ill.
- Murdock G.P.** Comparative Data on the Division of Labor by Sex // *Social Forces*. – 1937. – Vol. 15. – P. 551 – 553.
- Murdock G.P., Provost C.** Factors in the Division of Labor by Sex: A Cross-Cultural Analysis // *Ethnology*. – 1973. – Vol. 12. – P. 203 – 226.
- Musil R.** The Fauna // Pavlov I, Excavations 1952 – 1953 / Ed. J. Svoboda. – Liège: Université de Liège, 1994. – P. 181 – 209. – (ERAUL; N 66).
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K.** 19,000-Year-Old Twisted Fibers from Ohalo II // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35(4). – P. 451 – 457.
- Opravil E.** The Vegetation // Pavlov I, Excavations 1952 – 1953 / Ed. J. Svoboda. – Liège: Université de Liège, 1994. – P. 163 – 167. – (ERAUL; N 66).
- Otte M., Noiret P., Chirica V., Borzik I.** Rythme Evolutif du Gravettien Oriental // *Papers of the XII Colloquium on the Origin of the Gravettian* / Eds. A. Montet-White, A. Palma di Cesnola, K. Valoch; XII Inter. Congr. of the Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences. – Forlì: A.B.A.C.O., 1996. – P. 213 – 226.
- Owen L.R.** Der Gebrauch von Pflanzen in Jungpaläolithikum Mitteleuropas // *Ethnogr.-Archäol. Ztschr.* – 1996. – Bd 37. – S. 119 – 146.
- Pavlov I.** Excavations 1952 – 1953 / Ed. J. Svoboda. – Liège: Université de Liège, 1994. – 234 p. – (ERAUL; N 66).
- Pavlov I.** Northwest: The Upper Paleolithic Burial and Its Settlement Context // Ed. J. Svoboda. – Brno: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic, 1997. – 472 p. – (The Dolní Vestonice Studies; Vol. 4).
- Prichystal A., Skrdla P., Svoboda J., Tomaskova S.** The Lithics // Pavlov I, Excavations 1952 – 1953 / Ed. J. Svoboda. – Liège: Université de Liège, 1994. – P. 23 – 94. – (ERAUL; N 66).
- Roscoe P.B.** The Bow and Spreadnet: Ecological Origins of Hunting Technology // *American Anthropologist*. – 1990. – Vol. 92. – P. 691 – 701.
- Roscoe P.B.** The Net and the Bow in the Ituri // *American Anthropologist*. – 1993. – Vol. 95. – P. 153 – 155.
- Sahlins M.** Stone Age Economics. N.Y.: Aldine De Gruyter, 1972. – 348 p.
- Satterthwait L.** Aboriginal Australian Net Hunting // *Mankind*. – 1986. – Vol. 16. – P. 31 – 48.
- Satterthwait L.** Socioeconomic Implications of Australian Aboriginal Net Hunting // *Man (N.S.)*. – 1987. – Vol. 22. – P. 613 – 636.
- Schneider J., Weiner A.** Introduction // *Cloth and Human Experience* / Eds. A.B. Weiner, J. Schneider. – Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1989. – P. 1 – 15.
- Scholtz S.C.** Prehistoric Plies: A Structural and Comparative Analysis of Cordage, Netting, Basketry, and Fabric from Ozark Bluff Shelters. – Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1975. – 256 p. – (Arkansas Archaeological Survey Research Series; N 9).
- Soffer O.** Storage, Sedentism, and the Eurasian Paleolithic Record // *Antiquity*. – 1989. – Vol. 63. – P. 719 – 732.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C.** Perishable Industries from Upper Paleolithic Moravia: New Insights into the Origin and Nature of the Gravettian: Paper presented at Presented at the session "Life of the Mammoth Hunters," at the conference "Models and Reconstructions in Anthropology and Archaeology," organized by the Institute of Archaeology, AS CR, Masaryk University, Brno (in press).
- Soffer O., Vandiver P.** The Ceramics // Pavlov I, Excavations 1952 – 1953 / Ed. J. Svoboda. – Liège: Université de Liège, 1994. – P. 161 – 174. – (ERAUL; N 66).
- Soffer O., Vandiver P.** The Ceramics from Pavlov I – 1957 Excavation // Pavlov I – Northwest: The Upper Paleolithic Burial and Its Settlement Context / Ed. J. Svoboda. – Brno: Institute of

Archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic, 1997. – P. 383 – 402. (The Dolní Věstonice Studies; Vol. 4).

Soffer O., Vandiver P., Klíma B., Svoboda J. The Pyrotechnology of Performance Art: Moravian Venuses and Wolverines // Before Lascaux: The Complex Record of the Early Upper Paleolithic / Eds. H. Knecht, A.P. Tay, R. White. – Boca Raton: CRC Press, 1993. – P. 259 – 276.

Steward J.H. Basin-Plateau Aboriginal Sociopolitical Groups. – 1938. – 346 p. – (Bureau of American Ethnology Bulletin; N 120).

Stille T.E. Perishable Artifacts from Meadowcroft Rockshelter, Washington County, Southwestern Pennsylvania // Meadowcroft: Collected Papers on the Archaeology of Meadowcroft Rockshelter and the Cross Creek Drainage: Prepared for the Symposium "The Meadowcroft Rockshelter Rolling Thunder Review: Last Act." 47th Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Minneapolis / Eds. R.C. Carlisle, J.M. Adovasio. – Minneapolis: Department of Anthropology, University of Pittsburgh, 1982. – P. 130 – 141.

Svoboda J., Lozek V., Vlcek E. Hunters Between East and West: The Paleolithic of Moravia. – N.Y.: Plenum Press, 1996. – 307 p.

Taylor W.W. Archaic Cultures Adjacent to the Northeast Frontiers of Mesoamerica // Handbook of Middle American Indians / Eds. G.E. Ekholm, G.R. Willey. – Austin, Texas: University of Texas Press, 1966. – Vol. 4. – P. 59 – 94.

Trinkaus E. Bodies, Brawn, Brains and Noses: Human Ancestors and Human Predation // The Evolution of Human Hunting / Eds. M.H. Neticki, D.V. Neticki. – N.Y.: Plenum Press, 1987. – P. 107 – 143.

Turnbull C.M. Wayward Servants. – Garden City; N.Y.: Natural History Press, 1965. – 390 p.

Valoch K. L'Origine du Gravettien de l'Europe Central // Papers of the XII Colloquium on the Origin of the Gravettian / Eds. A. Montet-White, A. Palma di Cesnola, K. Valoch; XII International Congress of the Union of Prehistorica and Protohistoric Sciences. – Forli: A.B.A.C.O., 1996. – P. 203 – 212.

Vandiver P.B., Soffer O., Klíma B., Svoboda J. Venuses and Wolverines: The Origins of Ceramic Technology ca. 26 000 B.P. // The Changing Roles of Ceramics in Society: 26 000 B.P. to the Present / Ed. W.D. Kingery. – Westerville: American Ceramic Society, 1990. – P. 18 – 81. – (Ceramics and Civilization; Vol. 5).

Watanabe H. Subsistence and Ecology of Northern Food Gatherers with Special Reference to the Ainu // Man the Hunter / Eds. R.B. Lee, I. De Vore. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1968. – P. 69 – 77.

Wendrich W. Who Is Afraid of Basketry: A Guide to Recording Basketry and Cordage for Archaeologists and Ethnographers. – Leiden: Centre for Non-Western Studies, Leiden University, 1991. – 156 p. – (CNWS Publications; N 6).

Wilkie D.C., Curran B. Why Do Mbuti Hunters Use Nets? Ungulate Hunting Efficiency of Archers and Net-Hunters In the Ituri Rain Forest // American Anthropologist. – 1991. – Vol. 93. – P. 680 – 689.

Wilson T. Ancient Indian Matting from Petit Anse Island, Louisiana // Annual Report of the U.S. National Museum, 1888. – Washington, D. C.: National Museum, 1889. – P. 673 – 676.

Zhushchikhovskaya I.S. Current Data on the Early Pottery of Primorie Region, Russian Far East // Journal of Korean Historical Society. – 1996. – Vol. 21(4). – P. 301 – 312.

Материал поступил в редколлегию 08.11.2000 г.

УДК 903.2

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА

Введение

Территория Алтая давно привлекает внимание исследователей древнейшего прошлого. Расположение горной страны на стыке Средней, Центральной и Северной Азии обуславливает ключевое значение находящихся здесь памятников для определения путей и времени расселения человека в плейстоцене. Цель настоящей статьи – подвести краткие итоги проделанной за последние десятилетия работы и обсудить основные проблемы современного этапа изучения палеолита Алтая. Под Алтаем в данной статье подразумевается его российская часть и северные предгорья (рис. 1). Материалы по археологии юго-западной части этой горной страны, принадлежащей Казахстану, а также расположенных южнее Монгольского и Гобийского Алтая не рассматриваются.

Основные этапы исследования

Следы пребывания палеолитического человека на Алтае были открыты еще до революции. Начало изучения каменного века на этой территории относится к 1930-м гг. и связано с именами С.М. Сергеева, А.П. Маркова и Г.П. Сосновского. С конца 1940-х гг. в этих исследованиях наступил перерыв, который продлился до 1954 г., когда С.И. Руденко приступил к раскопкам Усть-Канской пещеры [Rudenko, 1961]. Это был первый раскопанный в Сибири доверхнепалеолитический объект, получивший мустьерское обоснование десять лет спустя [Анисюткин, Астахов, 1970].

В конце 1950-х – 1970-е гг. изучением верхнепалеолитических стоянок занимались Б.Х. Кадиков, И.М. Гайдук, Б.И. Лапшин и др. В это же время алтайским палеолитом начинает заниматься А.П. Окладни-

ков. Им была открыта (1961 г.) и исследовалась стоянка Улалинка – древнейшее местонахождение в регионе. Под его руководством осуществлялись работы на стоянке Кара-Бом и некоторых других памятниках. В 1970-е гг. во многом благодаря энтузиазму Н.Д. Оводова в зоне внимания археологов оказались карстовые полости Алтая; тогда же были проведены первые раскопки в пещерах Страшная и Денисова.

С 1982 г. берет начало современный этап изучения палеолита Алтая, связанный с реализацией группой новосибирских археологов под руководством ак. А.П. Деревянко масштабной программы по изучению культуры и среды обитания древнего человека. Основные усилия исследователей сосредоточились на многослойных памятниках в долине р. Ануй (пещеры Денисова, Окладникова, Каминная, стоянки Усть-Каракол-1 и 2, Ануй-1 – 3). Экспедиционные маршруты охватили Центральный Алтай. Здесь интересные результаты принесли раскопки стоянки Кара-Бом. Наряду с изучением новых памятников велись исследования давно известных объектов (пещеры Страшная и Усть-Канская).

Работы на этом этапе выгодно отличаются от предшествующих по ряду параметров. Во-первых, изучение серии стоянок открытого и пещерного типов проводится целенаправленно и на долговременной основе. Вблизи Денисовой пещеры, избранной в качестве опорной стратиграфической колонки, основан стационар, на базе экспедиции организована полевая археологическая школа. Раскопочные работы ведутся на высоком научном уровне с индивидуальной фиксацией находок, особое внимание уделяется выявлению сложной стратиграфической последовательности. Во-вторых, исследование носит комплексный характер. К работам привлечены специалисты в области естественных наук из различных научных центров нашей страны

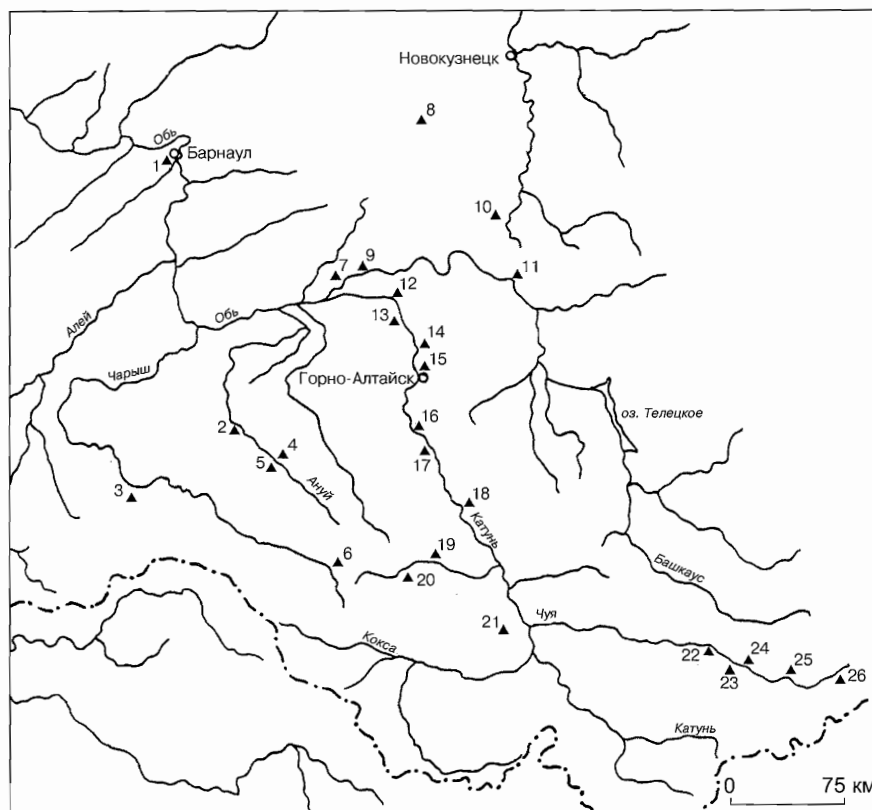

Рис. 1. Карта-схема расположения основных палеолитических памятников Алтая.

1 – Мохнатушка I; 2 – пещера Окладникова; 3 – Страшная; 4 – Денисова, Ануй-1 – 3, Усть-Каракол-1, 2, Искра; 5 – Каминная; 6 – Усть-Канская; 7 – Бийская, Одинцовка IV; 8 – Куяк V, Нахаловка I, Точка II, Колонково I; 9 – Камешок I, III, Енисейское I, Бехтемировская, Чебашихинская Гора; 10 – Ушлеп II, III, V, VI, Школьная Гора I; 11 – Дмитриевка; 12 – Сростки; 13 – Урожайная; 14 – Усть-Иша III; 15 – Улалинка, Майма, Майма I; 16 – Усть-Сема, Усть-Кулом; 17 – Тыхтескен III; 18 – Кара-Тенеш, Бийка I, II; 19 – Тюмечин I, II, IV; 20 – Кара-Бом; 21 – Малояломанская; 22 – Куяктенар; 23 – Торгун; 24 – Бигдон; 25 – Барбугазы; 26 – Юстыд I.

и из-за рубежа. Здесь задействован практически весь современный спектр методик анализа палеолитических объектов. Подробно изучаются геоморфологическое строение и история развития рельефа речных долин [Деревянко, Лаухин, Шуньков, 1993; Деревянко, Ульянов, Шуньков, 1999]. Получены представительные серии радиоуглеродных, термолуминесцентных, ЭПР-и палеомагнитных дат [Археология, геология..., 1998]. С использованием палеопедологических методов детально изучаются литология и геохимия отложений [Дергачёва, 1997]. Накоплен большой объем палинологических данных [Малаева, 1995, 1998, 1999]. Начата работа по археозоологическому исследованию богатейших коллекций фауны [Gerasimov, 1993; Барышников, 1998]. Для реконструкции среды обитания древнего человека анализируются останки крупных млекопитающих, изучается состав фауны грызунов [Агаджанян, 1998; Деревянко и др., 1999; Деревянко, Агаджанян, Шуньков, 1999], птиц [Мартинович, 1990], моллюсков [Зыкин, 1990] и т.д. В-третьих, Алтай стал центром реализации международных программ. В полевых и лабораторных исследованиях принимают участие ученые из США, Канады, Японии, Республики

Кореи, Бельгии, Франции, Германии, Израиля. Важными вехами на пути обобщения накопленных данных стали проведенные в 1990 и 1998 гг. международные симпозиумы [Хроностратиграфия..., 1990; Chronostratigraphy..., 1990, 1992; Палеоэкология..., 1998]. В-четвертых, полевые работы сопровождаются оперативной публикацией полученных результатов. На первом этапе осуществления проекта были выпущены серия препринтов и четыре номера журнала "Altaica". Изданы сборники статей, посвященные комплексному изучению алтайских стоянок [Комплексные исследования..., 1990]. Появились монографии, написанные по материалам пещер Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992], стоянок Кара-Бом [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998], Тюмечин I и II [Шуньков, 1990], местонахождений Чуйской котловины [Деревянко, Маркин, 1987]. Достаточно полные публикации есть по таким памятникам, как Денисова пещера, Кара-Тенеш, Малояломанская пещера, Усть-Каракол-1 (раскоп 1), Усть-Каракол-2, Ануй-1, Бийка I, II, Искра, Тюмечин IV [Деревянко, Васильевский, Молодин и др., 1985; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Археология, геология..., 1998]. Менее полно освещены материалы пещер

Каминной и Страшной [Деревянко, Гричан, 1990; Деревянко и др., 1999; Зенин, 1993], предвходовой площадки Денисовой пещеры [Деревянко, Шуньков, Аношкин, 1999], коллекции из раскопа 2 местонахождений Усть-Каракол-1 [Derevjanko, Schunkov, 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998а], Ануй-2 и 3 [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998б, 1998в]. Вышедшие в свет работы отличаются, как правило, детальностью подачи материала, четкостью описания каменного инвентаря, снабжены большим количеством статистических таблиц и прекрасно выполненных иллюстраций. В-пятых, стоянки Алтая стали своеобразным полигоном для применения новых для нашей археологии методик анализа материалов. Для интерпретации пространственного распределения находок и реконструкции характера технологии обработки камня важны экспериментальные исследования, которые осуществляются на Алтае в непосредственной близости от памятников. Обычные технико-типологические описания артефактов дополняются результатами трасологических [Кононенко, 1990; Волков, 1999] и технологических [Рыбин, 1998] анализов. Особое значение имеют петрографические определения каменных изделий и изучение приуроченности стоянок к источникам сырья [Деревянко и др., 1998; Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000; Петрин, Николаев, 1993]. Наряду со статистической обработкой материалов ведется работа по созданию электронных баз данных по памятникам Алтая [Математические методы..., 1995]. Результаты экспедиционных исследований получили освещение в сети Интернет (сайт http://sati.archaeology.nsc.ru/Paleo_DB/Altai/Default.htm; http://www.archaeology.nsc.ru/index_altai.htm)

Говоря о современном этапе изучения палеолита региона, нельзя не отметить вклад археологов Алтайского госуниверситета, ведущих обследование предгорной части Алтая [Кунгуров, 1993а]. К настоящему времени ими изучено несколько стратифицированных верхнепалеолитических памятников, среди которых особого внимания заслуживает многослойная стоянка Ушлеп VI.

Проблема древнейших индустрий

Вопрос о времени появления предков человека на Алтае остается открытым. Учитывая обнаруженные на территории Казахстана и Монголии нижнепалеолитические комплексы, можно с большой долей вероятности говорить о заселении региона в среднем плейстоцене.

Длительное время в центре внимания археологов находилась стоянка Улалинка, изученная А.П. Окладниковым на реч. Улалинке, притоке Маймы. Здесь в разрезе 15 – 16-метрового террасового уровня под современной почвой была вскрыта более чем 2-метровая толща лессовидных суглинков, включавшая позднелеполитический культурный слой. Ниже следовала 5 – 6-метровая пачка суглинков и супесей с обилием галь-

ки и гравия. В основании этого слоя и на контакте с подстилающими его валунно-галечными отложениями встречены многочисленные раздробленные гальки кварцита, среди которых выделены артефакты. Сначала комплекс относили к среднему плейстоцену [Окладников, 1972], а позже, в связи с получением ТЛ-дат для подстилающего культурные остатки уровня, его возраст был удревлен до 1,5 млн лет [Okladnikov, Pospelova, 1982; Okladnikov, Ragozin, 1984]. Согласно геологическим наблюдениям, изделия были переотложены на размытую поверхность неогеновых отложений и их возраст не может быть определен датой вмещающих пород [Барышников, 1990; Baryshnikov, Maloletko, 1999]. Еще один важный вопрос касается определения подлинности артефактов Улалинки. На памятнике обнаружено огромное количество раздробленных кварцитовых галек, в т.ч. немного предметов (одноплощадочные ядрища, скребла, чоперы, отщепы) со следами обработки человеком. Однако точно установить происхождение последних уже невозможно (часть вещей вообще не из раскопок, а из сборов в русле ручья); не следует забывать и о наличии здесь верхнепалеолитического культурного слоя. Таким образом, Улалинка и сегодня остается загадочным памятником, и в будущем целесообразно возобновить его исследования для выяснения характера комплекса.

Средний палеолит: хронология и вариабельность

Начиная, вероятно, с казанцевского межледникового (соответствующего рисс-вюрму европейской шкалы) в регионе фиксируется развитие мустьерских индустрий, наиболее четко датированных в позднем интервале (каргинское время, средний вюрм; см. *таблицу*).

Находки леваллуа-мустьерского облика открыты в разных уголках Алтая – от предгорий до внутренних межгорных котловин. Важнейшие опорные пещерные комплексы среднего палеолита – колонка слоев 22 – 12 во внутренней части Денисовой пещеры, комплексы слоев 10 – 8 в предвходовой части той же карстовой полости, материалы из пещеры Окладникова (рис. 2, 3). Отметим принадлежность к мустье основной части находок из пещер Усть-Канская, Страшная и, возможно, из нижней части отложений в гроте Бийка I [Окладников и др., 1973; Деревянко, Гричан, 1990; Деревянко, Маркин, 1992; Зенин, 1993; Археология, геология..., 1998; Деревянко, Постнов, Чевалков, 2000; Derevjanko, Shunkov, Nash et al., 1993]. Среди мустьерских памятников открытого типа следует назвать комплексы М1 и М2, выделенные на стоянке Кара-Бом, слой 4 местонахождения Усть-Каракол-1 (раскоп 1), горизонты 13 – 18Б в разрезе раскопа 2 того же местонахождения, нижние горизонты стоянки Ануй-3, культурные слои 6 – 8 стоянки Ушлеп VI

Геохронология палеолитических памятников Алтая

Возраст, тыс. л.н.	Климатостратиграфические подразделения неоплейстоцена (по: [Кинд, 1974])		Средний палеолит	Верхний палеолит
10,3	Сартанское оледенение	Норильская стадия	–	Мохнатушка I; Усть-Сема, нижний слой (?); Усть-Куюм, 4 слой; Каратурук (?); Усть- Иша III; Сrostки, слои 2 и 3; Урожайная; Ушлеп II, III, VI, слой 2 (?); Школьная Гора I; Бийская; Енисейское I; Бехтемировская; Чебашихинская Гора; Майма, нижний слой; Майма I; Куюк V; Нахаловка I; Колонково I; Точка II; Камешок I, слой 3; Камешок III; Каминная, слои А и 10 – 14; Страшная, слой 3а; Искра, слой 5б; Усть-Каракол-1, слои 2 – 4
11				
13		Интерстадиалы (таймырский и кокоревский)		Тыткескень III, слой 6
15,5		Ньяпанская стадия		Тыткескень III, слой 7 (?) Дмитриевка
16		Ранний интерстадиал		Денисова пещера, слой 9 в центральной камере и 5 и 6 в предвходовой части (?)
24		Гыданская стадия		Ануй-2, горизонты 1 – 8
25	Каргинские интерстадиалы	Липовско- новоселовское потепление	Пещера Окладникова, слой 1 Усть-Каракол-1, слой 4 (раскоп 1)	Ануй-2, горизонты 9 – 12 Усть-Каракол-1, слой 2 (раскоп 1) и слой 5
30				
34		Конощельское похолодание		Кара-Тенеш Усть-Каракол-1, слой 3 (раскоп 1), слои 8 – 9 Усть-Каракол-2, слой 3 Ануй-1, слой 3 Малояломанская Кара-Бом, слои 1 – 4
42		Малохетское потепление		Усть-Каракол-1, слои 10 и 11
43		Лохподгортское похолодание		Кара-Бом, слои 6 и 5
50		Игаркинско- золотоомыское потепление	Кара-Бом, слои М1 и М2	–
100	Ермаковское оледенение	–	Усть-Каракол-1, слои 13 – 18 Денисова пещера, слои 9 и 8 в предвходовой части и слои 21 – 12 в центральном зале	–
130	Казанцевское межледниковье	–	Денисова пещера, слой 10 в предвходовой части и слой 22 в центральной камере(?)	–

[Деревянко и др., 1998; Derevjanko, Schunkov, 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998а; Кунгуров, 1998а; Деревянко, Шуньков, Маркин, 2000], переотложенные материалы с местонахождений Тюмечинского комплекса [Шуньков, 1990; Shunkov, 1990].

К числу древнейших среднепалеолитических комплексов относятся, вероятно, нижние слои, вскрытые раскопом 2 на стоянке Усть-Каракол-1, а также в цен-

тральном зале и на предвходовом участке Денисовой пещеры, которые отнесены к казанцевскому времени. Развитие культуры среднего палеолита в ермаковский период демонстрируют соответствующие культуросодержащие отложения в Денисовой пещере и на стоянке Усть-Каракол-1 (раскоп 2). Наконец, часть мустьерских памятников датирована в пределах каргинского века, примерно 45 – 33 тыс. лет.

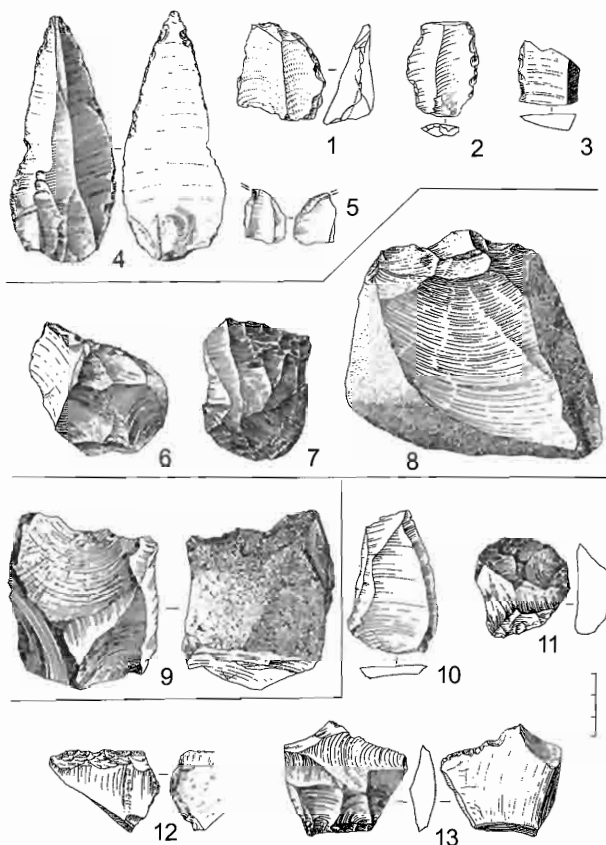

Рис. 2. Каменный инвентарь из центральной камеры Денисовой пещеры (по: [Деревянко и др., 1985]).

Средний палеолит Алтая.

1 – 5 – слой 22; 6 – 8 – слой 21; 9 – слой 14; 10 – 13 – слой 16.
1, 2, 6, 12, 13 – скребла; 3 – зубчатое орудие; 4, 10 – остроконечники леваллуа; 5 – резец; 7, 9 – ядрища; 8 – галечное орудие; 11 – отщеп леваллуа.

Некоторые противоречия возникают с оценкой хронологии нижней части отложений в центральном зале Денисовой пещеры. Судя по радиотермолюминесцентным датам, накопление слоев 22 и 21 происходило в среднем плейстоцене. Однако такому определению противоречит состав фауны грызунов. Вероятно, межледниковые условия формирования слоя 22 соответствуют казанцевскому времени.

Весьма сложно реконструировать характер систем расселения среднепалеолитических обитателей Алтая. Можно предположить, что местами обитания были как скальные убежища, так и открытые стоянки в речных долинах.

Интересно отметить наличие определенной дифференциации комплексов. Например, в пещере Окладникова большая доля (10 – 12%) законченных орудий и крайне ограниченный набор ядрищ и первичных сколов заставляют предположить, что основную массу заготовок приносили на место обитания извне. В других пещерных комплексах имеются следы осуществления полного цикла обработки камня.

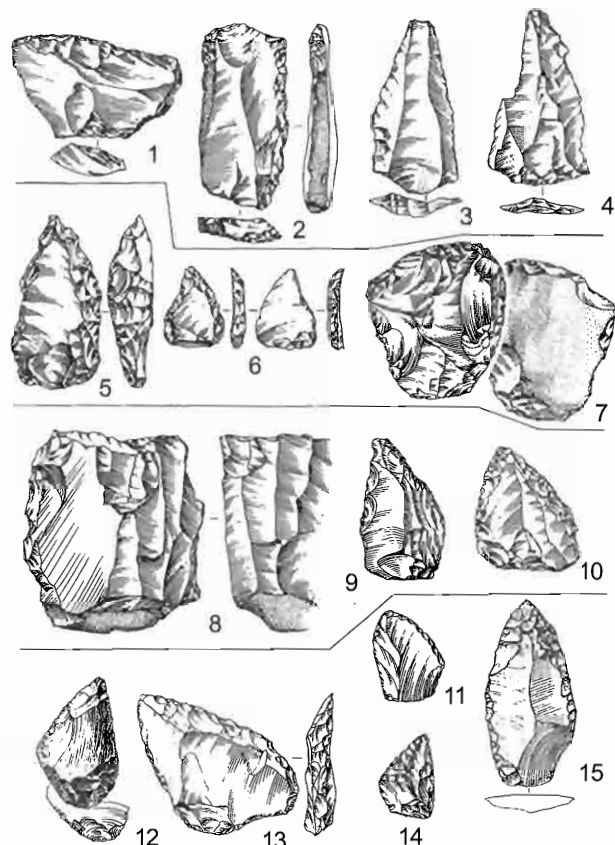

Рис. 3. Каменный инвентарь из пещеры Окладникова (по: [Деревянко, Маркин, 1992]). Средний палеолит Алтая.

1 – 4 – слой 7; 5 – 7 – слой 6; 8 – 10 – слой 3; 11 – 15 – слой 2.

1, 2, 5, 6, 9 – 14 – скребла различных типов; 3, 4 – острия леваллуа; 7, 8 – ядрища; 15 – остроконечник.

На среднепалеолитических памятниках обнаружены немногочисленные искусственные конструкции – обложенный камнями очаг (слой 10 Усть-Канской пещеры), кострища и “рабочая площадка” (нижние слои стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 2)).

Особенности пещерных комплексов затрудняют восстановление характера хозяйства среднепалеолитических обитателей. Вероятно, значительная часть фаунистических остатков накапливалась в скальных полостях в силу естественных причин. Можно предполагать, что люди охотились на стадных копытных – лошадей, горных козлов и баранов, бизонов, оленей, куланов. В пещере Окладникова преобладают костные остатки лошади, в Денисовой – лошади, бизона, марала и горного козла, в Усть-Канской пещере – аргали и зайца. До полной публикации списков, отражающих видовой состав фауны по слоям, и результатов их анализа с точки зрения тафономии и характера дробления трудно судить, в каком соотношении находились охотничья деятельность и сбор падали, а также транспортировка и разделка трофеев.

Сырьем в среднем палеолите служили алевролиты, кремнистые сланцы, песчаники, роговики, порфиры, туфы, добывавшиеся в виде галек, и конкреции горных пород из обнаженных отложений руслового аллювия, причем широко использовались породы низкого качества.

Различают несколько вариантов мустьерских индустрий Алтая, хотя их хронологическое членение и интерпретация – дело явно преждевременное. Следуя принятым для среднего палеолита условным критериям, пока можно выделить мустье типичное с умеренным развитием леваллуазской техники (Денисова пещера), своеобразный вариант мустье типичного с обилием угловатых скребел (пещера Окладникова), леваллуа-мустье (пещеры Страшная, Усть-Канская, местонахождение Тюмечин I), а также плохо диагностируемые нелеваллуазские непластинчатые индустрии, основанные на технике радиального скалывания (местонахождение Тюмечин II и пещера Каминная, хотя в последнем случае необычайная грубость сырья наложила свой отпечаток на облик изделий). Особое место занимает мустье с листовидными бифасами (стоянка Усть-Каракол-1 (раскоп 1)), возможно, наиболее позднее по времени, по сравнению с отмеченными фациями (рис. 4, 10, 11).

Вопрос об антропологическом типе носителей этих индустрий пока остается открытым. Морфологические особенности немногочисленных антропологических находок периода среднего плейстоцена из пещер Денисовой и Окладникова (семь зубов) в разные периоды их исследования интерпретировались по-разному. Широкую известность получила точка зрения К. Тернера [Turner, 1988, 1990], согласно которой древние одонтологические образцы Алтая имели наибольшее сходство с зубами европейских неандертальцев и в расовом отношении тяготели более к европейской, чем к восточно-азиатской генетической общности. Ведущий отечественный антрополог В.П. Алексеев [The Paleolithic..., 1997] был не столь категоричен в оценке находок из пещеры Окладникова. По его мнению, исследуемые антропологические образцы мало информативны и не имеют расодифференцирующих признаков, которые помогли бы прояснить вопрос об антропологическом типе древнего населения степной полосы Южной Сибири. Архаические же особенности, отмеченные у одного из постоянных моляров, В.П. Алексеев не считал достаточным основанием для видовой диагностики. Вопрос о соотношении среднеплейстоценового алтайского населения с представителями современных или неандертальских форм остался открытым. Точка зрения В.П. Алексеева базировалась на получившей признание у многих отечественных антропологов оценке одонтологических образцов как информационно бедных (их морфологические особенности при характеристике палеома-

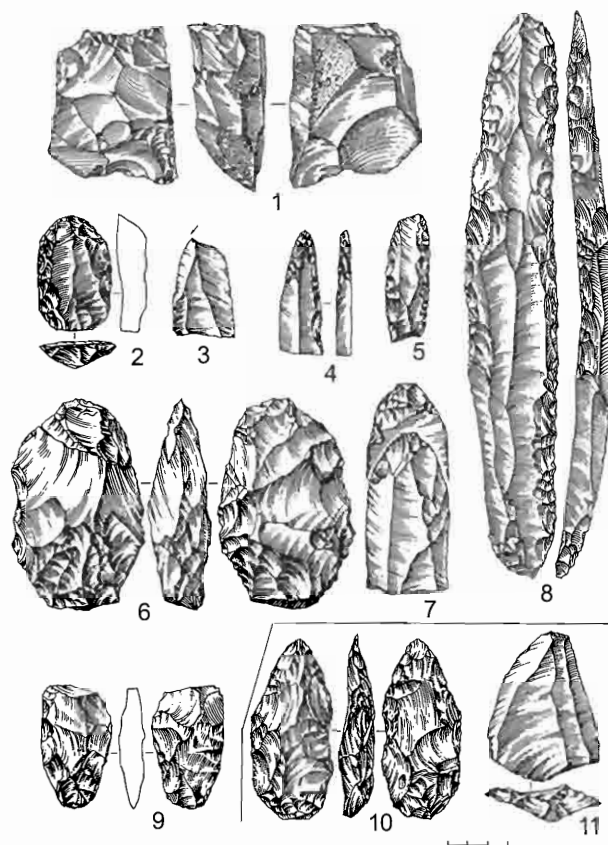

Рис. 4. Каменный инвентарь из раскопа 1 стоянки Усть-Каракол-1 (по: [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987]). Средний палеолит и начальная стадия верхнего палеолита Алтая.

1–9 – слой 3; 10, 11 – слой 4.
1 – ядрище; 2 – скребок; 3 – резец; 4 – острие; 5 – скребло; 6, 9, 10 – бифасы; 7 – пластина с утончением; 8 – ретушированная пластина; 11 – скол леваллуа.

териала иногда даже не упоминались). На самом деле зубная морфология может являться источником очень важных расогенетических признаков.

Использование методик, предложенных А.А. Зубовым [1968, 1974; Зубов, Халдеева, 1989, 1993], при повторном изучении алтайского материала из обеих пещер позволило получить следующие результаты [Шпакова, Деревянко, 2000]:

1) одонтологические комплексы древнего алтайского населения неоднородны: материал из пещеры Окладникова предположительно подразделяется на два морфотипа, резец и молочный моляр из Денисовой пещеры относятся, скорее всего, к третьему морфологическому типу;

2) зубы, обнаруженные в Денисовой пещере, характеризуются большим набором архаических признаков, по метрическим параметрам близки с неандертальскими образцами из Европы и Средней Азии. Зубы, обнаруженные в пещере Окладникова, более схожи с верхнепалеолитическими образцами;

3) морфологические особенности в целом не позволяют соотнести выделенные одонтологические комплексы с неандертальской стадией развития, т.к. на всех зубах отсутствуют ее специфические признаки;

4) расодиагностический анализ зубов из пещеры Окладникова показал значительно большую концентрацию признаков “восточного” направления среди одонтологических особенностей. Одонтоскопические признаки, напротив, почти полностью соответствуют характеристикам “западного” одонтологического ствола;

5) можно предположить существование на территории Алтая в столь древний период людей современного вида. Возможно, имели место расогенетические связи с соседним среднеазиатским регионом.

Удивительно, что, несмотря на огромную удаленность Северной Азии от Европы и Ближнего Востока – основных центров развития мустье, общий облик индустрий этих территорий в принципе сходен. В Сибири, как и в других зонах распространения, мустьерская культура представлена несколькими параллельно существовавшими вариантами [Derevianko, Markin, 1995]. Безусловно, продолжение раскопок должно увеличить количество вариантов мустье Алтая. Однако уже сегодня можно отметить, что здесь в отличие от гротов на юго-западе Франции не прослеживается переслаивание индустрий, относящихся к разным вариантам мустье; в каждом памятнике по всей колонке представлена только одна разновидность. Причины подобного деления не вполне ясны, хотя и очевидны различия в функции скальных убежищ, влиянии сырьевой базы на технологии обработки камня.

По общему облику мустьерских индустрий можно проследить связи между синхронными памятниками, расположенными в Сибири, Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Мустьерские памятники Монголии и Сибири можно считать крайними восточными пунктами на карте распространения этого культурного комплекса [Ранов, 1990]. Ареал среднего палеолита в Сибири был, судя по результатам новейших исследований, достаточно велик и включал кроме Алтая Кузбасс, долины Енисея, Ангары, верхней Лены и, вероятно, Забайкалье, бассейн верхнего течения Нижней Тунгуски и Вилюй.

Начало верхнего палеолита

В настоящее время наиболее информативным объектом, сохранившим многочисленные хорошо датированные находки, является стоянка Кара-Бом. Материалы, относящиеся к рассматриваемой эпохе, получены также со стоянки Кара-Тенеш, из слоя 3 на стоянке Усть-Каракол-1 (раскоп 1) и 2, слоев 8 – 11 из пункта Усть-Каракол-1 (раскоп 2), слоя 3 стоянки Ануй-1, из Малояломанской пещеры, верхней части слоя 3 в пещере Страшной, слоя 11 в центральном

зале и слоя 7 в предвходовой части Денисовой пещеры. Предположительно к ранней фазе верхнего палеолита причислены такие местонахождения, как Одинцовка IV, Ушлеп VI (слой 5) [Кунгуров, 1988, 19986], хотя установление времени существования этих комплексов – дело будущего.

Как и в мустьерское время, в начале верхнего палеолита гоминиды расселялись в пещерах и на открытых стоянках. К раннему этапу верхнего палеолита относятся очаги (стоянка Усть-Каракол-1, пещера Малояломанская) – свидетельства искусственных конструкций.

Хозяйственная деятельность ранних верхнепалеолитических обитателей Алтая основывалась на добывании стадных копытных (лошадь, кулан, аргали) и шерстистого носорога. Признаки специализированной охоты не прослеживаются.

Технологии индустрий в этот период были основаны на использовании преимущественно местных пород камня, добывавшихся из осадков руслового аллювия (липариты, кварциты, роговики).

С учетом археологических данных, полученных в последние годы, на раннем этапе верхнего палеолита можно проследить культурную дифференциацию индустрий. Выделяется группа пластинчатых комплексов (Кара-Бом, Кара-Тенеш, слой 3 раскопа 1 стоянки Усть-Каракол-1, Ануй-1, Малояломанская), основанных на технологии получения крупных длинных пластин с плоских ядрищ. Отмечено сохранение многих черт леваллуазской техники. Интересно, что вместе с одно- и двуплощадочными плоскими, леваллуазскими треугольными и дисковидными формами нуклеусов фиксируется зарождение техники снятия мелких пластинок с торца ядрища. В орудийном наборе доминируют разнообразные ретушированные пластины, остроконечники (для некоторых комплексов характерен прием подработки овального основания ретушированных пластин и остроконечников ретушью на брюшке), острия, скребла, много зубчато-выемчатых форм, проколки. Имеются выразительные серии резцов и скребков. Для ряда памятников зафиксированы листовидные бифасы (рис. 4, 1, 9). Находки из Малояломанской пещеры указывают на использование охры и украшений.

Весьма специфичный вариант культуры представлен материалами из слоев 8 – 11 раскопа 2 стоянки Усть-Каракол-1. Для них характерны развитая микропластинчатая техника, скребки высокой формы, скребла, резцы.

Переход от мустье к верхнему палеолиту в Сибири происходил примерно в то же время, что и в Европе [Goebel, Derevianko, Petrin, 1993; Escutenaire, 1994; Derevianko, Petrin, 1997; Derevianko, Petrin, Nikolaev et al., 1999]. В Северной Азии мустьерская в своей основе индустрия в основном постепенно обогащалась верхнепалеолитическими элементами, ввиду чего грань между финальным мустье и начальным

верхним палеолитом оказалась размытой. Как показывают данные, полученные в последние годы в ходе изучения памятника Кара-Бом, начало этого процесса относится к более раннему, чем считалось до сих пор, периоду и о длительном сосуществовании средне- и верхнепалеолитических индустрий.

Средний этап верхнего палеолита

До 1970-х гг. средняя пора верхнепалеолитической эпохи в Сибири выделялась лишь по материалам Приангарья. Развитая пластинчатая индустрия Мальты и Бурети в сочетании с полным набором выразительных черт культуры верхнего палеолита европейского круга (искусство, орнамент, домостроительство) явно выделялась на фоне известных в то время в разных районах Северной Азии позднепалеолитических комплексов. Такой контраст давал повод для механического переноса культуры с берегов Дона на Ангару. Со временем информационная лакуна стала заполняться благодаря материалам, относящимся к данному временному отрезку, из Забайкалья и с Енисея. Становилось ясно, что мальтинская культура, несмотря на все ее своеобразие, является частью общности пластинчатых индустрий средней поры верхнего палеолита Сибири и по многим параметрам сходна с культурами верхнего палеолита европейского типа.

Подобные материалы были обнаружены и на Алтае. Серия комплексов, четко датированных в интервале 21 – 28 тыс. лет, получена на стоянке Ануй-2 [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998б]. В слоях обнаружены многочисленные остатки кострищ, встречены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, зубчатые выемчатые формы, лимасы и др. Индустрию дополняют выразительные серии пластинок с притупленным краем и ретушным усечением, микроострий. Близки к упомянутым комплексам по времени слой 2 (раскоп 1) и слой 5 (раскоп 2) стоянки Усть-Каракол-1.

К средней поре верхнего палеолита Алтай относят индустрию с листовидными бифасами из местонахождения Тюмечин IV [Археология, геология..., 1998], хотя нельзя исключить ее более поздний (среднесартанский) возраст. К сожалению, переотложенность и, вероятно, смешанный характер коллекции затрудняют выяснение места памятника в системе древностей Алтая. Неясно и то, можно ли включать в эту группу комплекс 3 так называемого мальтинского культурного слоя стоянки Ушлеп VI [Кунгуров, 1996б, 2000], поскольку его геологическая дата не определена.

Финал палеолита

Памятники позднесартанского времени хорошо известны на Алтае. Они распространены практически по-

всеместно – от Предалтайской равнины (Мохнатушка I) до Чуйской котловины (Юстыд I), и представлены как стоянками открытого типа, так и пещерными комплексами. К сожалению, стоянки открытого типа, как правило, приурочены к “немым” лессовидным суглинкам и супесям в верхней части отложений надпойменных террас [Сосновский, 1941; Матющенко, 1966; Окладников, Владыкин, 1967; Лапшин, Кадиков, 1981; Кадиков, Лапшин, 1978; Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а, б; Кунгуров, 1990, 1993б, 1994, 1996а; Кунгуров, Кадиков, 1985; Кунгуров, Маркин, 1995; Кунгурова, 1992, 1994; Маркин, 1998а, б; Семибратов, 1995], поэтому выделение палеолитических материалов произведено с заметной долей условности. Исследования по реконструкции палеосреды в регионе не велись; практически отсутствуют абсолютные даты (кроме единичных дат по стоянкам Дмитриевка и Тыткескень III). Все это не позволяет провести корреляцию комплексов с климатостратиграфическими единицами позднесартанского времени. Отметим приуроченность ряда культурных горизонтов (слой 2 стоянки Ушлеп VI; слой 3 стоянки Камешок I; стоянка Точка II; нижний слой стоянки Майма) к остаткам погребенных почв. На хронологической таблице памятники условно причислены к завершающей фазе плейстоцена, хотя часть материалов, возможно, будет отнесена к более раннему (в пределах сартанской эпохи) периоду или к голоцену.

Финальнопалеолитические комплексы зафиксированы в ряде пещер и свидетельствуют о том, что в позднесартанское время человек после долгого перерыва вновь начинает активно осваивать скальные убежища. Такие комплексы зафиксированы в слое 9 во внутренней полости и слоях 5 – 6 на предвходовой площадке Денисовой пещеры, слоях 3а и 3в в пещере Страшной, слоях А1 – А3 и 10 – 14 в пещере Каминной, предположительно слое 5б в пещере “Искра” [Деревянко и др., 1990; Деревянко, Гричан, 1990; Зенин, 1993; Деревянко, Шуньков, Аношкин, 1998, 1999].

В долинах памятники группируются в “гнездами”, как правило, приуроченными к районам с контрастным ландшафтом, стыкам физико-географических зон. Так, большое число местонахождений известно на месте слияния рек Бии и Катунь, в Солтонской впадине близ рек Ушлепа и Чулды. Финальнопалеолитические пункты зафиксированы как в покровных отложениях низких уровней террас, так и на возвышенностях.

Основная часть памятников представляет собой жилые стоянки, на которых осуществлялся полный цикл обработки камня. Такое совмещение стоянки и мастерской обусловлено широким использованием местного галечного сырья (алевро-песчаники, алевролиты, песчаники, кремнистые сланцы, кварциты, кремни, туфы и др.), добывавшегося в непосредственной близости от места обитания на речных пляжах,

выходах конгломератов и из цоколей террас. Известны также стоянки-мастерские (Сопка Урожайная). Интересные следы отбивания человеком кусков от глыб фельзита зафиксированы на местонахождении Бигдон.

Культурные слои сохранили искусственные структуры в виде кострищ (стоянки Бийская, Дмитриевка, Сростки, Нахаловка I) и очажных конструкций с каменными обкладками (стоянки Майма, Усть-Кулом), плоских каменных вымостков (стоянки Майма и Ушлеп III), функция которых пока не выяснена. На стоянке Усть-Кулом описаны следы столбовых ямок и скоплений орудий и нуклеусов. Примечательны ямы-хранилища, заложенные предположительно с уровня слоя 9Д в Денисовой пещере и содержавшие специфический набор изделий из кости и украшений.

Хозяйство позднепалеолитических обитателей Алтая базировалось на промысле диких лошадей, первобытных быков и бизонов. Судя по материалам из Каминной пещеры, охотничьей добычей становились также благородный олень, косуля, горные козлы и бараны. В отличие от других регионов Сибири здесь достоверных останков северного оленя не встречено. Среди фаунистических остатков в Каминной пещере отмечены кости носорога. Немногочисленные остеологические остатки мамонта пока не могут быть четко увязаны с охотничьей деятельностью, вероятно речь идет о сборе костей.

Материалы большинства расположенных на Алтае местонахождений финального палеолита имеют сходство по облику индустрии, синхронной культуре обитателей юга Сибири и напоминающей находки с афоновских стоянок на Енисее. Это комплексы с плоскими и клиновидными ядрищами, многочисленными скребками, скребками, долотовидными орудиями, чопперами (стоянки Сростки, Майма, Усть-Кулом, Урожайная и др.). На материалах финальнопалеолитических памятников Алтая, учитывая их хронологическую неясность, вряд ли возможно выделить какие-то варианты и тем более археологические культуры. На ряде объектов (стоянки Ушлеп III, Тюткескень III (6-й культурный слой)) представлена пластинчатая индустрия с призматическими ядрищами, специфическими пластинками с ретушным усечением концов, скребками, скребками, резцами и др. [Кунгуров, 1987].

С пещерами Северо-Западного Алтая связана индустрия с призматическими нуклеусами, ретушированными пластинами, пластинками с притупленным краем, скребками, резцами. Комплексы дополнены костяными орудиями, богатым набором украшений из кости, бивня и даже скорлупой яиц страуса. В Денисовой пещере обнаружен уникальный для Сибири образец сегмента. Находка обозначила крайнюю восточную точку ареала геометрических микролитов в Северной Азии. Возможно, на культурах Алтая сказалось влияние микролитических индустрий Казахстана и Западной Сибири.

Заключение

В настоящее время палеолит Алтая представляет собой наиболее полно изученный раздел истории каменного века Северной Азии. Выразительными сериями на территории региона представлены памятники, относящиеся как к среднему, так и ко всем основным этапам верхнего палеолита. Это дает возможность рассмотреть динамику древних культур в их взаимодействии с природной средой на огромном временном отрезке [Derevianko, 1990, 1997; Otte, Derevianko, 1996; Derevianko, Markin, 1999; Маркин, 1996]. На основе алтайских материалов впервые для Сибири были проанализированы ключевые проблемы первобытной археологии, касающиеся характера вариативности мустьерских индустрий и генезиса верхнего палеолита. В силу уникальной концентрации многослойных памятников пещерного и открытого типов северо-западная часть Горного Алтая приобретает статус "классического" опорного района для всего палеолита Северной и Центральной Азии, как юго-западная часть Франции для археологии Европы.

Можно наметить несколько направлений первоочередных задач исследований. Прежде всего необходимо решить спорные вопросы, касающиеся датировки нижних слоев Денисовой пещеры. Предстоит определить хронологию разнослойных индустрий в пещерах Страшная и Каминная, провести корреляцию колонок различных пунктов на стоянке Усть-Каракол-1. В комплексном изучении нуждаются разрезы стоянок финального палеолита, связанные с надпойменными террасами. Важно получить серийные радиоуглеродные даты. Для выявления роли естественных и антропогенных факторов в формировании пещерных комплексов и реконструкции сезонности обитания, характера разделки охотничьей добычи и т.д. требуется применение новейших методик археозоологического анализа.

Благодарности

За любезно предоставленную возможность ознакомления с материалами, обмена информацией и публикациями, а также участие в дискуссиях, касающихся палеолита Алтая и сопредельных территорий, я благодарен А.П. Деревянко, Р.С. Васильевскому, В.Т. Петрину, С.В. Маркину, М.В. Шунькову, А.В. Постнову, А.Н. Зенину, А.Л. Кунгурову, Ю.В. Гричану, Н.Д. Оводову, Г.Ф. Барышникову, С.А. Лаухину.

Список литературы

Агаджанян А.К. Фауна мелких млекопитающих Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 34 – 41.

- Анисюткин Н.К., Астахов С.Н.** К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 27 – 33.
- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденёва, И.В. Форонова, М.В. Шуньков.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Барышников Г.Ф.** Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 42 – 49.
- Барышников Г.Я.** Геологические условия залегания и проблема возраста Улалинской палеолитической стоянки // Изв. СО АН. Сер. истории, филологии и философии. – 1990. – Вып. 2. – С. 28 – 33.
- Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.
- Дергачёва М.И.** Археологическое почвоведение. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 228 с.
- Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Шуньков М.В.** Микротирифауна палеолитических комплексов Горного Алтая // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – С. 6 – 9.
- Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В.** Исследование Денисовой пещеры. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – Вып. 1. – 20 с.; Вып. 2. – 41 с.; Вып. 3. – 64 с.; Вып. 4. – 65 с.; Вып. 5. – 52 с.; Вып. 6. – 27 с.
- Деревянко А.П., Гричан Ю.В.** Исследование пещеры Каминная. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 60 с.
- Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Геолого-петрографический контроль качества сырья палеолитических индустрий Северо-Западного и Центрального Алтая // Три века горно-геологической службы России. – Томск: ГалаПресс, 2000. – Т. 1. – С. 5 – 7.
- Деревянко А.П., Лаухин С.А., Шуньков М.В.** Стратиграфия плейстоцена северо-запада Горного Алтая // Докл. Акад. наук. – 1993. – Т. 331, № 1. – С. 78 – 81.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Палеолит Чуйской котловины. – Новосибирск: Наука, 1987. – 113 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А., Форонова И.В., Дупал Т.А., Гнибиденко З.Н., Ефремов С.А., Цынерт И.И.** Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 98 – 104.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В.** Советско-японские археологические исследования на Алтае в 1986 г. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. – 76 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П.** Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 53 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М.** Новые исследования палеолитической стоянки в Усть-Канской пещере // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 58 – 59.
- Деревянко А.П., Постнов А.В., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А.** Геолого-петрографическое изучение материалов палеолитических объектов бассейна р. Ануй // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 52 – 55.
- Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В.** Развитие рельефа речных долин северо-запада Горного Алтая в плейстоцене // Докл. Акад. наук. – 1999. – Т. 367, № 1. – С. 112 – 114.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А.** Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 153 – 161.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А.** Археологические материалы плейстоценовых отложений предходовой площадки Денисовой пещеры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горн.-Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 3 – 10. – (Изв. лаборатории археологии; № 4).
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин М.М.** Исследование многослойного палеолитического объекта Ануй-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 66 – 69.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В.** Исследования палеолита в устье реки Каракол // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северного Алтая и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – Т. 1. – С. 162 – 173.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В.** К характеристике среднего этапа верхнего палеолита Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – Т. 1. – С. 174 – 184.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В.** Первые археологические результаты изучения палеолитической стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998в. – С. 85 – 89.
- Зенин А.Н.** Предварительные итоги исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 75 – 80.
- Зыкин В.С.** Определение малакофауны из пещеры им. Окладникова // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 126.
- Зубов А.А.** Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968а. – 199 с.
- Зубов А.А.** Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968б. – С. 5 – 123.
- Зубов А.А.** Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11 – 42.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 230 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофетике. – М.: Наука, 1993. – 221 с.

Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 3 – 10.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: АГУ, 1992а. – С. 7 – 47.

Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: АГУ, 1992б. – С. 100 – 114.

Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй / Под ред. Р.С. Васильевского, Ю.П. Холушкина. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 190 с.

Кононенко Н.А. Функциональная диагностика палеолитической индустрии местонахождения Усть-Каракол // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 43 – 47.

Кунгуров А.Л. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. – С. 52 – 70.

Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 19 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Мохнатушка-1 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 27 – 29.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993а. – 88 с.

Кунгуров А.Л. К вопросу о восточной границе нижнекапустинской палеолитической культуры // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993б. – С. 34 – 42.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Кулом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯИЛ, 1994. – С. 3 – 9.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Кулюк-5 на Чумыше // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996а. – Вып. 5, ч. 2. – С. 3 – 7.

Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996б. – Вып. 7. – С. 45 – 50.

Кунгуров А.Л. Итоги изучения многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. – Вып. 9. – С. 31 – 35.

Кунгуров А.Л. Пятый культурный слой палеолитического поселения Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – С. 119 – 124.

Кунгуров А.Л. Костяные изделия третьего культурного слоя стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 69 – 71.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 29 – 50.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники Среднего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – Вып. 5, ч. 2. – С. 15 – 20.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитические находки в поселении Майма-1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 25 – 26.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Кулом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯИЛ, 1994. – С. 9 – 13.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 9 – 21.

Малаева Е.М. Об изменчивости климатического режима Горного Алтая в позднем плейстоцене и палеогляциологических реконструкциях // Геоморфология. – 1995. – № 1. – С. 51 – 60.

Малаева Е.М. Палинология отложений разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол-1 // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 221 – 230.

Малаева Е.М. Палинология плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 163 – 168.

Маркин М.М. Археологический комплекс второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп-6 // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. – С. 3 – 21.

Маркин М.М. Позднепалеолитическая стоянка Школьная Гора-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998б. – Вып. 9. – С. 35 – 38.

Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саянской горной области: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1996. – 58 с.

Мартынович Н.В. Птицы позднего плейстоцена из пещеры Окладникова как объект для палеоландшафтных реконструкций // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 66 – 81.

Математические методы в археологических реконструкциях / А.П. Деревянко, Ю.П. Холушкин, В.Т. Воронин, П.С. Ростовцев, Д.В. Екимов, Е.П. Рыбин, Л.В. Андерсон, Г.Ю. Жилицкая, Д.В. Горячев, Ю.Г. Корнюхин, В.С. Костин, Н.Ю. Смирнов, А.В. Постнов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 139 с.

Матющенко В.И. Новые палеолитические местонахождения в районе г. Бийска // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1966. – С. 28 – 35.

- Окладников А.П.** Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири // МИА. – 1972. – № 185. – С. 7 – 19.
- Окладников А.П., Владыкин В.А.** Древнее поселение на р. Куюме (Алтай) // ИЛАИ. – 1967. – Вып. 17. – С. 66 – 79.
- Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О.** Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1973. – Ч. 2. – С. 3 – 54.
- Палеоэкология** плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – 424 с.; Т. 2. – 480 с.
- Петрин В.Т., Николаев С.В.** Сырьевые источники стоянки Кара-Бом // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 69 – 73.
- Проблемы** палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденёва, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.
- Ранов В.А.** О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 262 – 268.
- Рыбин Е.П.** Вариант леваллуазской технологии расщепления камня в мустьерских комплексах стоянки Кара-Бом // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 265 – 274.
- Семибратов В.П.** К вопросу о нижней границе мезолита бассейна реки Катунь // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – Вып. 5, ч. 1. – С. 74 – 80.
- Сосновский Г.П.** Палеолитическая стоянка у с. Сроски на р. Катунь // МИА. – 1941. – № 2. – С. 109 – 125.
- Хроностратиграфия** палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 307 с.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.
- Шуньков М.В.** Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 158 с.
- Baryshnikov G.Y., Maloletko A.M.** Physiographic Distribution Regularities of Palaeolithic Sites in the Altai Area // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 199 – 202.
- Chronostratigraphy** of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. – Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1990. – 269 p.
- Chronostratigraphy** of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. – Novosibirsk: IAET SO RAN, 1992. – 200 p.
- Derevianko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations. – Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1990. – 123 p.
- Derevianko A.P., Markin S.V.** The Mousterian of the Altai of the Middle Paleolithic Culture of Eurasia // The Definition and Interpretation of Levallois Technology. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 473 – 484.
- Derevianko A.P., Markin S.V.** The Middle and Upper Paleolithic of the Altai // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 157 – 166.
- Derevianko A.P., Petrin V.T.** Variante de la transition du Moustérien au Paléolithique tardif à l'Altai. – Novosibirsk: IAET SO RAN, 1997. – 32 p.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Nikolaev S.V., Rybin E.P.** The Kara-Bom Site: Mousterian to Late Palaeolithic Evolution of the Lithic Industry in the Altai // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 167 – 180.
- Derevianko A.P., Shunkov M.V.** Neue Ergebnisse zum Paläolithikum im Altai // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens / Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. – Mainz: Philipp von Zabern, 1998. – Bd 4. – S. 1 – 9.
- Derevianko A.P., Shunkov M.V., Nash D.T., Lee Heon-Jong.** Paleolithic Study at Denisova Cave // Altaica. – 1993. – N 2. – P. 6 – 10.
- Escutenaire C.** La transition Paléolithique moyen/supérieur de Sibérie. 1re partie: les données // Préhistoire européenne. – 1994. – N 6. – P. 9 – 76.
- Germontpre M.** Preliminary Results on the Taphonomy of Denisova Cave, 1992 Excavations // Altaica. – 1993. – N 2. – P. 11 – 16.
- Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T.** Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition of Kara-Bom // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34, N 4. – P. 452 – 458.
- Okladnikov A.P., Pospelova G.A.** Ulalinka, the Oldest Paleolithic Site in Siberia // Current Anthropology. – Vol. 23, N 6. – 1982. – P. 710 – 712.
- Okladnikov A.P., Ragozin L.A.** The Riddle of Ulalinka // Soviet Anthropology and Archaeology. – 1984. – Vol. 23, N 1. – P. 3 – 20.
- Otte M., Derevianko A.P.** Transformations techniques au Paléolithique de l'Altai (Sibérie) // Anthropologie et préhistoire. – 1996. – Vol. 107. – P. 131 – 143.
- Rudenko S.I.** The Ust' Kanskaya Paleolithic Cave Site, Siberia // American Antiquity. – 1961. – Vol. 27, N 2. – P. 203 – 215.
- Shunkov M.V.** Some Problems in the Reconstruction of the Natural Environment of the Central Altai Mousterian sites // Early Man News. – 1990. – N 15. – P. 20 – 22.
- The Paleolithic** of Siberia. – Urbana: The University of Illinois Press, 1997. – 406 p.
- Turner Christy G. II.** Physical anthropology in the U.S.S.R. today. Part II / Quarterly Review of Archaeology. – 1988. – Vol. 8, N 3. – P. 4 – 6.
- Turner Christy G. II.** Paleolithic teeth of the Central Siberia Altai Mountains // Chronostratigraphy of paleolithic in North, Central, East Asia and America (Papers for the International Symposium). – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990. – P. 239 – 243.

Материал поступил в редколлегию 03.11.2000 г.

УДК 903.5

В.А. Кашин*Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
ул. Сосновая, 4, Якутск, 677008, Россия*

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ДЕТЕЙ НА СРЕДНЕЙ КОЛЫМЕ

С 1996 г. в бассейне средней Колымы археологической службой Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН исследуется Каменский археологический комплекс, состоящий из 10 разновременных неолитических памятников. На стоянке Каменка II наряду с набором артефактов в 1997 г. было найдено древнее захоронение детей. Подобного рода находки – большая редкость на крайнем северо-востоке Сибири.

Стоянка Каменка II находится за Полярным кругом в приустьевой части речки Каменка – правого притока Колымы (66° 47' 30" с.ш., 152° 30' 20" в.д.)*. Она расположена на мысовидном останце 11-метровой эрозионной террасы при впадении в Каменку в 3,5 км от устья небольшого безымянного ручья (рис. 1). Восточный борт мыса крутой, местами в нем обнажаются коренные породы – сланцы. Западный борт пологий, плавно переходящий в пятиметровую пойму, падение склона в среднем не превышает 13°. Вследствие обычных для региона криогенных процессов, сопровождающихся развитием полигональных мерзлотных жил, склон имеет кочкарниковую поверхность. Весь мыс покрыт обгоревшими и поваленными лиственницами – результат обширного лесного пожара 1993 г.

В 1997 г. на западном склоне мыса были проведены раскопки на площади 27 м², в ходе которых повсеместно выявлена единая стратиграфическая последовательность:

- 1) дерн мощностью 1 – 5 см;
- 2) коричневый (местами красно-коричневый) суглинок мощностью 4 – 16 см, обогащен растительны-

* Горная речка Каменка протяженностью 155 км берет начало в Чубукулахском массиве северо-западного фаса Юкагирского плато. “Чубуку” в переводе с якутского означает “горный баран”.

ми остатками, изредка включает мелкие неокатанные обломки сланца; культурный слой;

3) бежевый суглинок, вмещает обломки сланца, непосредственно перекрывает скальный цоколь террасы; мощность находится в зависимости от верхней границы цоколя, которая имеет большую амплитуду колебаний, минимальная мощность суглинка отмечена на южном участке раскопа – 12 см;

4) сланцы – цоколь террасы.

В коричневом суглинке без внутреннего стратиграфического разделения находились остатки двух разновременных археологических культур – белькачинской средненеолитической (III тыс. до н.э.) и ымыяхтахской позднеолитической (II тыс. до н.э.). Обзор всего материала стоянки выходит за рамки нашего сообщения, и потому обратимся сразу же к наиболее яркой и уникальной находке – детскому захоронению.

Погребение встретилось в северной части раскопа на площади 1,25 × 0,7 м (см. рис. 1). Внешне ничто не указывало на его существование. Погребение находилось под дерном, в культуросодержащем коричневом суглинке. Контуры могильной ямы ни в плане, ни в разрезе не прослеживались, хотя о ее устройстве свидетельствовало положение антропологических остатков в кровле бежевого суглинка (рис. 2). Исходя из стратиграфии и мощности перекрывающих отложений, можно полагать, что глубина ямы не превышала 18 – 20 см от древней дневной поверхности. От современной поверхности дно могильной ямы находилось на расстоянии 24 – 27 см. Яма копалась на склоновой поверхности с углом падения 7 – 9° в сторону Каменки. Верхний (северный) ее конец был выкопан до скального основания террасы, нижний (южный) – углублен в бежевый суглинок на 7 см.

В заполнении могильной ямы до контакта с антропологическими остатками присутствовал коричневый

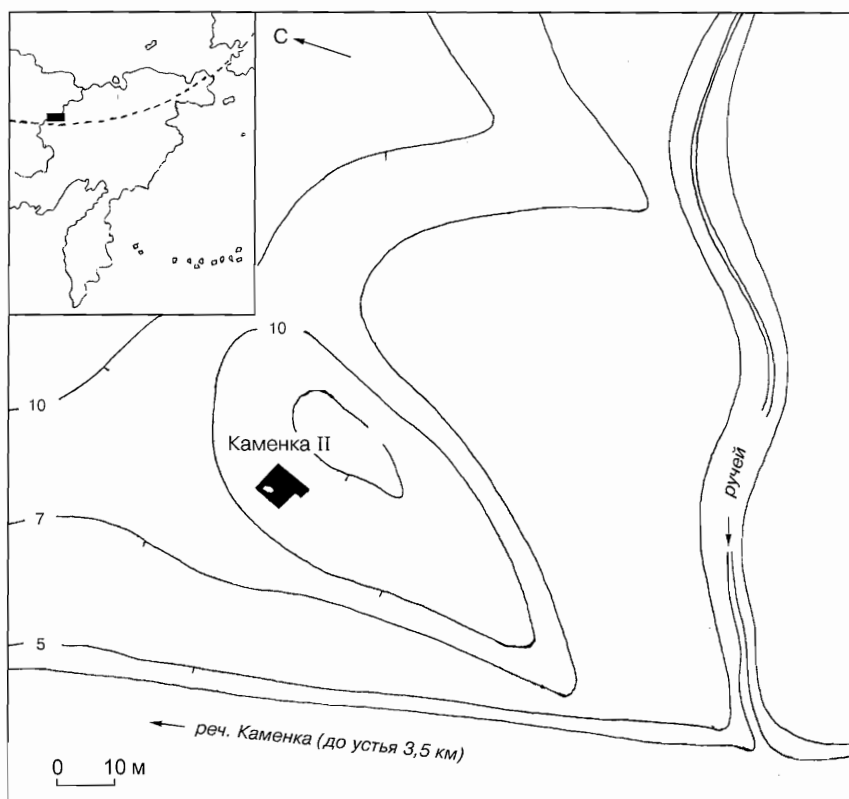

Рис. 1. План расположения стоянки Каменка II.

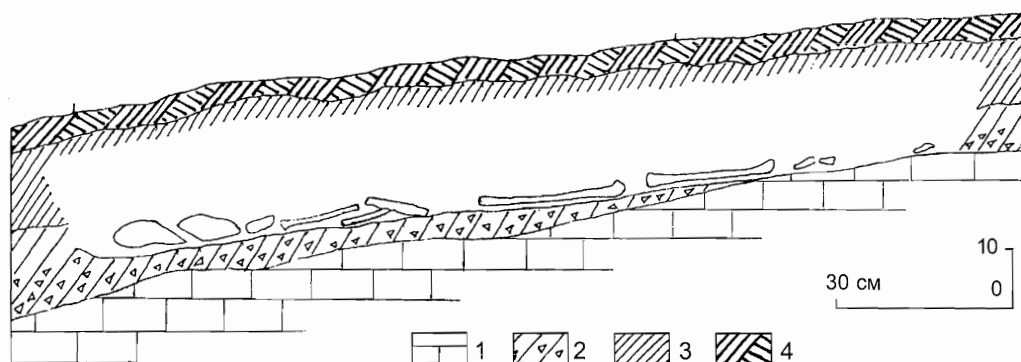

Рис. 2. Стратиграфический разрез погребения.

1 – скала; 2 – бежевый суглинок со щебнем; 3 – коричневый суглинок; 4 – дерн.

суглинок, в котором изредка встречались древесные угольки и единичные мельчайшие обломки жженой кости. Однозначно интерпретировать эти находки довольно сложно, поскольку они могут быть не только следами ритуальных действий, но и результатом вышеупомянутого лесного пожара.

В погребении лежали останки трех человек (рис. 3). Два почти полных сдвинутых друг к другу скелета свидетельствуют о захоронении в вытянутом положении на спине головами на юг. Раздавленные черепа лицевой частью обращены друг к другу. Положение плече-

вых, локтевых и лучевых костей показывает, что руки умерших были согнуты, а кисти находились в области таза. Тазовые кости, равно как и кости кистей рук и стоп ног, не сохранились. Останки третьего человека – мелкие фрагменты черепа, ребер, позвонков и диафизов длинных костей – локализовались между первыми двумя скелетами на уровне берцовых костей.

Размеры черепов, костей, зубов и в целом скелетов (длина первого (западного) костяка – 1,2 м, второго (восточного) – 1 м) уже в ходе раскопок не оставляли сомнений в том, что это детское погребение.

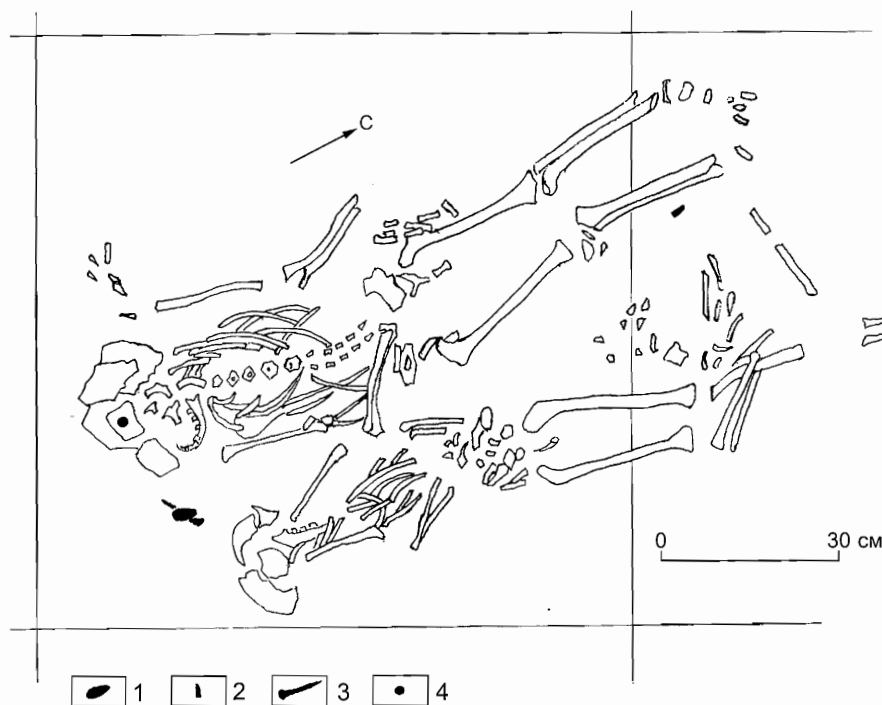

Рис. 3. План погребения.

1 – нож; 2 – вкладыш; 3 – шило; 4 – керамика.

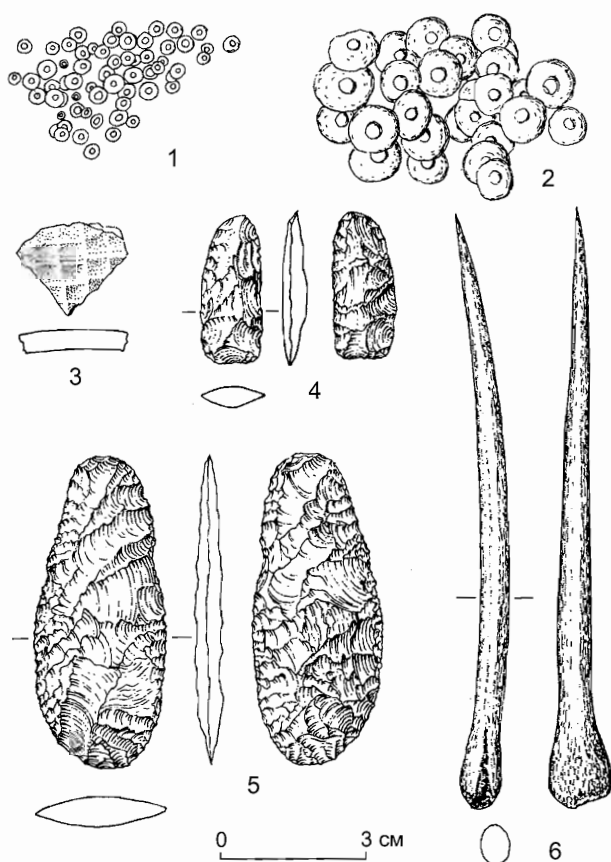

Рис. 4. Инвентарь погребения.

Одинаковая глубина залегания и вполне определенное регламентированное ритуалом пространственное расположение костяков дают основания говорить об одновременном захоронении детей*.

Сопроводительный инвентарь в погребении немногочисленный, но выразительный. Между черепами двух первых скелетов лежали друг на друге нож из халцедона (рис. 4, 5) и шило из метаподии лося (рис. 4, 6). Справа от берцовой кости правой ноги первого костяка находился второй нож (концевой вкладыш (?)) меньших размеров из кремня (рис. 4, 4). На лобной кости того же костяка найден маленький обломок вафельной керамики (рис. 4, 3). Двух первых детей (о третьем данных нет) хоронили в одежде, богато украшенной плоскими перламутровыми колечками из створок пресноводных ракушек (рис. 4, 2). Судя по их расположению, украшения нашивались на одежду только спереди и только от пояса до колен. У среднего погребенного (о других данных нет) на голове был головной убор, украшенный многочисленными (1187 шт.) перламутровыми колечками значительно меньших, чем на одежде, размеров (рис. 4, 1).

Отмеченный инвентарь и украшения позволяют определить культурную принадлежность людей, оставивших захоронение, и датировать его. Для этого

* Такое же количество и расположение костяков можно наблюдать в погребении 11 в грунтовом Ымыяхтахском могильнике Чочур-Муран на средней Лене [Федосеева, 1980, с. 69 – 73].

достаточно обратить внимание на определенное сходство каменных вещей с соответствующими материалами наиболее репрезентативных археологических памятников соседних территорий. Так, типологически близкие аналоги халцедонового ножа отмечаются в позднеолитических (II тыс. до н.э.) коллекциях стоянок Эльгыгытгын [Саяпин, Диков, 1958, рис. 7–9] и Тытыль IV [Кирыяк, 1993, табл. 48, 2] на Чукотке, среди находок на однокультурной Ымыяхтахской стоянке Конзабой [Федосеева, 1975, рис. III, 9] на нижней Колыме, в материалах культурного слоя III (радиоуглеродная дата слоя – 2955 ± 50 (JE-1003)) многослойной чисто Ымыяхтахской стоянки Бурулгино [Федосеева, 1980, рис. 83, 5] на нижней Индигирке. И, как полагает С.А. Федосеева, “в других культурных комплексах подобные типы ножей до сих пор не встречены” [Там же, с. 169].

Аналоги кремневого ножа-вкладыша есть в позднеолитических материалах стоянок Тытыль IV [Кирыяк, 1993, табл. 48, 5–8] и Тытыль V [Федосеева, 1980, рис. 100, 6], а также среди находок со стоянки Белая Гора (средняя Индигирка), где в основном представлена Ымыяхтахская культура [Эверстов, 1980, табл. IV, 4, 7, 12].

Костяные шилья близких каменному форм найдены в слое III стоянки Бурулгино [Федосеева, 1980, рис. 85, 2].

Обычны для Ымыяхтахской культуры и перламутровые колечки-бусины из створок ракушек. В ближайшем от каменного захоронения окружении они встречены в Помазкинском могильнике (радиоуглеродная дата – 3065 ± 65 (COAH-3827)) на средней Колыме [Кашин, Калинина, 1997, табл. 52, 1], в Родинском могильнике (радиоуглеродная дата – 3600 ± 60 (ГИН-5594)) на нижней Колыме [Кистенев, 1992, табл. 3, 1, 3] и в культурных слоях III и II (радиоуглеродная дата – 2950 ± 50 (JE-1002)) стоянки Бурулгино [Федосеева, 1980, рис. 82, 1–3].

Титульным признаком Ымыяхтахской культуры признается вафельная керамика с многослойным тестом и примесью шерсти или растительных остатков

[Там же, с. 188]. Все эти показатели характерны и для единственного в каменном погребении мелкого фрагмента глиняного сосуда: внешняя его поверхность покрыта техническими отпечатками вафельного штампа, тесто в изломе трехслойное, а на внешней и внутренней поверхностях прослеживаются четкие следы выгоревшей при обжиге шерсти.

Таким образом, весь археологический инвентарь каменного захоронения хорошо коррелируется с материалами позднеолитических Ымыяхтахских памятников середины – конца II тыс. до н.э. Следовательно, именно с этим временем (вторая половина II тыс. до н.э.) и с этой культурой (Ымыяхтахской) связано коллективное захоронение детей на стоянке Каменка II.

Список литературы

Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск: Северовед, 1997. – 109 с.

Кирыяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993. – 222 с.

Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68–83.

Саяпин А.К., Диков Н.Н. Древние следы каменного века на Чукотке: (Находки на берегу озера Эльгыгытгын) // Зап. Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1958. – Вып. 1. – С. 17–31.

Федосеева С.А. Стоянка Конзабой – памятник Ымыяхтахской позднеолитической культуры на Колыме // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: Изд-во Якут. филиала СО АН СССР, 1975. – С. 88–94.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Изд-во Якут. филиала СО АН СССР, 1980. – С. 66–73.

Материал поступил в редколлегию 23.08.1999 г.

УДК 903.45

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: munch@iaras.msk.ru*

СЕВЕРНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ*

С 1969 г. экспедиция Института археологии АН СССР впервые в истории отечественной науки приступила к широкомасштабным полевым исследованиям в Месопотамии. Роль последней в истории развития человечества хорошо известна. С ней связаны такие важнейшие явления общеисторического характера, как переход к производящим формам экономики, прежде всего земледелию и скотоводству, укоренение оседлости, выработка навыков домостроительства, развитие металлургии, изобретение колеса и совершенствование транспортных средств, появление древнейшей в мире письменности, наконец, сложение городов и государственных образований.

Наиболее ранняя цивилизация – шумерская – хронологически сопоставима лишь с египетской, а наиболее ранняя – урукская – ее ступень, относящаяся ко второй половине IV тыс. до н.э., предшествует первому государственному образованию в долине Нила – Старому царству.

В науку понятие Месопотамии вошло менее 200 лет назад. И если сейчас определены основные контуры этого важнейшего для человеческой истории феномена и плодотворно исследуется связанная с ним проблематика, то основная заслуга здесь принадлежит археологии. И не даром в начале XX столетия говорили, что если XV век открыл Америку, то XIX – Месопотамию.

Начатые в 40-х гг. XIX в. исследования памятников междуречья Тигра и Евфрата знаменовали рождение археологии Ближнего Востока. С тех пор она прошла долгий путь от бессистемной охоты за эффектами находками до выработки подлинно науч-

ной методики. Процесс этот развивался как бы по ретроспекции. Сначала была открыта культура позднеассирийского и нововавилонского периодов, а затем великая цивилизация Шумера и Аккада. С конца 20-х гг. XX в. все более пристальное внимание стали привлекать памятники еще большей древности, связанные с корнями отмеченных цивилизаций, с путями их формирования в дописьменные периоды [Frankfort, 1932]. Целенаправленные исследования таких памятников уже в 1940 – 1950-х гг. позволили наметить основные ступени развития Месопотамии в VIII – IV тыс. до н.э. Стало очевидно, что Двуречье и прежде всего его северные области являлись одним из древнейших в мире очагов возникновения земледелия и скотоводства и сложения раннеземледельческих культур, явившихся основой всего дальнейшего развития [Oates D. and J., 1976]. Это обусловило формирование нового направления археологических исследований, успешно развивающегося и в настоящее время [Мунчаев, Мерперт, 1983].

Российские ученые издавна с большим вниманием относились к археологическим открытиям в Месопотамии, внося значительный вклад в их анализ и историческую интерпретацию. Достаточно вспомнить имена И.В. Никольского, Б.А. Тураева, И.М. Дьяконова и др. Но в силу ряда обстоятельств непосредственно в полевых исследованиях Месопотамии ученые России не участвовали ни в XIX, ни в первой половине XX в. Перед нашей наукой остро встал вопрос о необходимости организации полевых археологических работ на Ближнем Востоке и прежде всего в Месопотамии.

В 1966 г. в процессе визита делегации АН СССР в Ирак по случаю открытия Национального археологического музея состоялись переговоры с иракской

*Настоящая статья написана в рамках выполнения проекта РГНФ № 99-01-00043а.

стороной, которая предложила организовать российскую экспедицию в Ираке. А в следующем году АН СССР командировала сотрудников Института археологии Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера в Ирак для официального согласования вопроса и выбора объектов для стационарных исследований советской экспедиции. Выбор был остановлен на группе теллей под общим названием Ярм-Тепе, расположенной примерно в 100 км к западу от г. Мосула, в совершенно неизученной Синджарской долине, на северо-западе Ирака, у границ его с Сирией и Турцией. Исключительная важность данной территории, связывающей Северную Сирию и Восточное Средиземноморье с глубинными районами Месопотамии, определялась достаточно четко. А насыщенность ее археологическими памятниками, начиная с VII – VI тыс. до н.э., свидетельствовала о чрезвычайной активности культурно-исторического процесса в древности в данном регионе Месопотамии.

Инициатива Института археологии АН СССР по организации археологических исследований в Ираке была поддержана, и в 1968 г. постановлением Президиума АН СССР Институту археологии было поручено организовать с 1969 г. экспедицию в Ирак с целью изучения проблем становления производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур и формирования древнейшей цивилизации [Мунчаев, Мерперт, 1998, с. 67].

Вот так, с отставанием от западной науки более чем на 100 лет, ученые России приступили к исследованиям в Месопотамии.

В Северо-Западном Ираке экспедиция Института археологии РАН провела 14 полевых сезонов (1969 – 1980, 1984, 1985 гг.). Все эти годы работы были сконцентрированы в долине и предгорьях Синджара. Лишь в последний сезон (1985 г.) экспедиция приняла участие в реализации проекта Эски-Мосул по спасению памятников археологии в зоне затопления по правобережью Тигра, в 50 км к северо-востоку от г. Теллафар.

С 1988 г. и по настоящее время наша Месопотамская экспедиция ведет полевые исследования на смежной с Ираком территории Северо-Восточной Сирии, являющейся непосредственным продолжением той же Синджарской долины.

Таким образом, российская экспедиция провела в Северной Месопотамии более 25 полевых сезонов. В результате получены многочисленные и разнообразные данные, отражающие важнейшие этапы культурно-исторического развития дописьменной Месопотамии с конца VIII до середины III тыс. до н.э. Представить их в одной статье, разумеется, невозможно. Они, и прежде всего результаты раскопок в Ираке, уже получили освещение в серии публикаций в российских и зарубежных научных изданиях [Мунчаев, Мер-

перт, 1981, 1999; Бадер, 1989; Early stages..., 1993; и др.]. Поэтому мы ограничимся характеристикой лишь самых основных итогов исследований в Ираке и главное внимание уделим принципиально важным результатам наших работ в Сирии, особенно не изданным до сих пор материалам.

В Северо-Западном Ираке экспедиция открыла и исследовала целую группу памятников VIII – IV тыс. до н.э. Среди них первое для данного региона Месопотамии поселение с восьмиметровым культурным слоем докерамического неолита – Телль-Магзалия [Бадер, 1989, с. 19 – 108]. Оно находится на границе долины и предгорий Синджара. Прямоугольные дома на каменных массивных фундаментах были сооружены из глины. Важная особенность поселения состоит в том, что оно было укреплено с одной, напольной стороны каменной стеной, сохранившейся местами на высоту до 2 м и вскрытой на протяжении около 60 м. Это – древнейшее из известных в Месопотамии оборонительное сооружение и один из наиболее ранних фортификационных объектов вообще. Поселение датируется концом VIII – первой половиной VII тыс. до н.э.

Культурный слой Телль-Магзалии дал чрезвычайно важные материалы, как археологические, так и палеоботанические и фаунистические. Достаточно сказать, что собранная здесь палеоботаническая коллекция включает около 300 зерен и семян культурных и дикорастущих растений, в том числе пшеницы-однозернянки, двузернянки и карликовой пшеницы, а также многорядного ячменя [Лисицына, 1989].

По остаткам фауны хорошо прослеживается, как охота вытесняется скотоводством. В слое начального периода существования поселения преобладают кости крупных стадных животных (бизона, онагра, газели), которые служили объектом охоты, кости домашних овец и козы единичные. Однако уже на среднем этапе их число достигает 70 – 80% от общего количества фаунистических остатков из культурного слоя [Гаджиев, 1989].

Сенсационными явились находки, свидетельствующие о зарождении металлургии в Месопотамии, – куски медной руды и особенно медное кованое шило [Рындина, 1989]. Последнее сделано из самородной меди, происходящей из иранских месторождений. Эти данные показывают, что использование металла в Месопотамии, как и в смежных областях Ближнего Востока, началось еще до появления керамики.

Основными материалами для изготовления орудий труда и оружия служили местный кремний и привозной (из Восточной Анатолии, конкретно из района оз. Ван) обсидиан.

Таким образом, полученные данные из Телль-Магзалии имеют принципиальное значение не только для изучения начала развития земледелия, скотоводства

и металлургии, но и для социальной характеристики общества, способного уже создавать сложные поселенческие структуры и устанавливать широкую систему связей и обмена с достаточно отдаленными областями.

Следующим важным этапом развития Месопотамии явилось освоение долин Тигра и Евфрата. Эта проблема в равной мере актуальна как в историко-археологическом, так и палеоэкологическом аспектах. Между тем вплоть до начала работ российской экспедиции в Ираке она оставалась неисследованной. Эта лакуна была заполнена с открытием и раскопками экспедицией в Синджарской долине поселений Телль-Сотто и Кюль-Тепе [Бадер, 1989, с. 109 – 198]. Последние характеризуют древнейшую земледельческую культуру, начавшую складываться и распространяться на севере месопотамской долины в VII тыс. до н.э. По исследованному экспедицией памятнику она получила название культуры Телль-Сотто.

Телль-Сотто и Кюль-Тепе представляли собой небольшие поселки площадью менее 1 га, застроенные одно- или многокомнатными домами со стенами, сложенными из глиняных блоков. Полы и стены были оштукатурены. Внутри домов выделены хозяйственные помещения с очагами и печами со сводами. Основная инновация в производстве – появление керамики, представленной как грубыми толстостенными сосудами для воды и зерна, так и небольшими горшками, иногда украшенными примитивной росписью. Среди каменных изделий преобладают орудия, связанные с земледелием, – кремневые лезвия для серпов, зернотерки, песты и т.д. Найдены также превосходно выполненные сосуды из мрамора. Важно подчеркнуть, что традиция использования самородной меди получила продолжение в культуре Телль-Сотто – в одном из погребений найдены медные бусы.

Сравнительная редкость поселений культуры Телль-Сотто соответствует самому началу заселения ранними земледельцами подгорной равнины. Широкое освоение долин Верхней Месопотамии начинается с конца VII тыс. до н.э., когда на основе культуры Телль-Сотто сложилась так называемая хассунская культура.

До начала работ российской экспедиции хассунская культура считалась самой ранней оседлоземледельческой культурой Месопотамии и была представлена, по существу, одним исследованным памятником – поселением Телль-Хассуна [Lloyd, Safar, 1945]. Нашей же экспедицией выявлена целая серия хассунских поселений, на трех из которых исследованы соответствующие слои. Исключительно широкие по масштабам работы проведены на Ярым-Тепе I, где исследована площадь в 1700 м². Его слой мощностью 6 м, расчлененный на 12 строительных горизонтов, выведен на материк на площади 400 м². Здесь

раскопаны остатки более 1000 жилых и хозяйственных сооружений и собран огромный по количеству и разнообразию материал [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 18 – 155].

Среди находок – наиболее крупная из известных до сих пор коллекция хассунской керамики; коллекция металла, состоящая из кусков медной руды, пронизок и других украшений из меди и уникального массивного свинцового браслета диаметром до 10 см, представляющего собой древнейшее изделие из данного металла в Месопотамии; а также самая значительная на сегодняшний день коллекция антропоморфной пластики Северной Месопотамии VI тыс. до н.э. [Там же, прил. 3, с. 307 – 316].

Раскопки Ярым-Тепе I изменили общее представление о ходе развития раннеземледельческих культур Северной Месопотамии. В настоящее время Ярым-Тепе I по масштабу проведенных на нем раскопок, общей информативности материала и стратификации культурного слоя считается, по общему признанию, наиболее исследованным и самым значительным хассунским памятником Месопотамии.

Не меньшее внимание уделила экспедиция следующему этапу развития Двуречья, представленному известной халафской культурой (конец VI – первая половина V тыс. до н.э.). До начала работ российской экспедиции исследовались лишь единичные памятники данной культуры, но ни на одном из них раскопки не были доведены до начальных горизонтов культурного слоя.

Экспедиция провела раскопки двух памятников халафской культуры – Ярым-Тепе II и III. На первом халафский слой достигал мощности 7 м, а на втором – 8 м. На Ярым-Тепе II раскоп на площади 500 м² выведен на материк, а на Ярым-Тепе III в двух траншеях исчерпан весь культурный слой [Там же, с. 156 – 283; Merpert, Munchaev, 1993, р. 163 – 205]. Кроме того, на этих памятниках была открыта значительная группа погребений, позволившая впервые охарактеризовать погребальный обряд населения Северной Месопотамии V тыс. до н.э. [Мунчаев, Мерперт, 1982а].

Распространение халафской культуры в Месопотамии сопровождалось появлением абсолютно новой формы домостроительства в виде однокомнатных круглых в плане жилых и хозяйственных сооружений типа толоса и оригинальной расписной керамики.

До наших раскопок толосовидных сооружений было открыто в Месопотамии менее 20, и большинством археологов они рассматривались как исключительно культовые постройки. Но после исследований российской экспедиции стало очевидно, что это прежде всего жилые и хозяйственные постройки. Нами же вскрыты на исследованных памятниках остатки около 80 толосовидных сооружений, что значительно превышает общее количество толосов, раскопанных

на всех остальных халафских поселениях Месопотамии [Munchaev, 1997].

Из Ярм-Тепе II происходит самая значительная в настоящее время коллекция халафской расписной керамики, совершенной в технологическом отношении и удивительной по разнообразию мотивов росписи. Преобладает орнаментация геометрического характера [Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 85 – 97]. Отмечены и замечательные изобразительные мотивы, представленные рисунками букраний, рыб, птиц (рис. 1, 4), змей, диких животных (рис. 1, 3) [Там же, рис. 102].

Особого внимания заслуживают уникальные антропоморфный (рис. 1, 1) и зооморфный, в виде изображения свиньи (рис. 1, 2), сосуды – подлинные шедевры искусства древнейшей Месопотамии [Там же, рис. 98, 99]. Найдены и оригинальные образцы халафской антропоморфной скульптуры.

Нами обнаружены не только поразительная по художественному уровню керамика, но, что весьма важно, и остатки гончарных печей довольно сложной конструкции, в которых эта керамика обжигалась [Там же, рис. 54, 55].

Из других многочисленных находок отметим только уникальную медную печать, древнейшее изделие подобного рода. Она была найдена на Ярм-Тепе II под полом одного толоса, вероятно, культового назначения.

Получены и другие важные материалы, которые в комплексе с остальными данными впервые позволяют охарактеризовать все периоды развития Халафа вплоть до смены его прашумерийской убейдской культурой (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.). Последняя также представлена в исследованиях экспедиции, в частности верхним слоем Ярм-Тепе III, достигающим мощности 4 м [Мунчаев, Мерперт, 19826]. Материалами этого памятника документируется переход от халафской культуры к культуре Северного Убейда. То же следует констатировать в отношении раскопанного экспедицией поселения Телль-Хомси (материалы пока не опубликованы) на правобережье Тигра, где в 17-метровом слое отражен ряд последовательных этапов развития убейдской культуры.

Проведенные экспедицией раскопки в Ираке беспрецедентны по своим масштабам и результативности. Они во многом являются ныне эталонными. Итоги этих работ получили широкую известность и признание. Как отметили корифеи ближневосточной археологии С. Ллойд, Дж. Меллаарт, Ж. Хьюо и другие, в настоящее время без учета результатов российских исследований невозможно уже решать ни одну важную проблему дописьменной Месопотамии [Lloyd, 1978; Mellaart, 1975; Huot, 1994; и др.]. В данной связи отметим и знаменательное признание, сделанное известным английским ученым Дж. Отс. В ре-

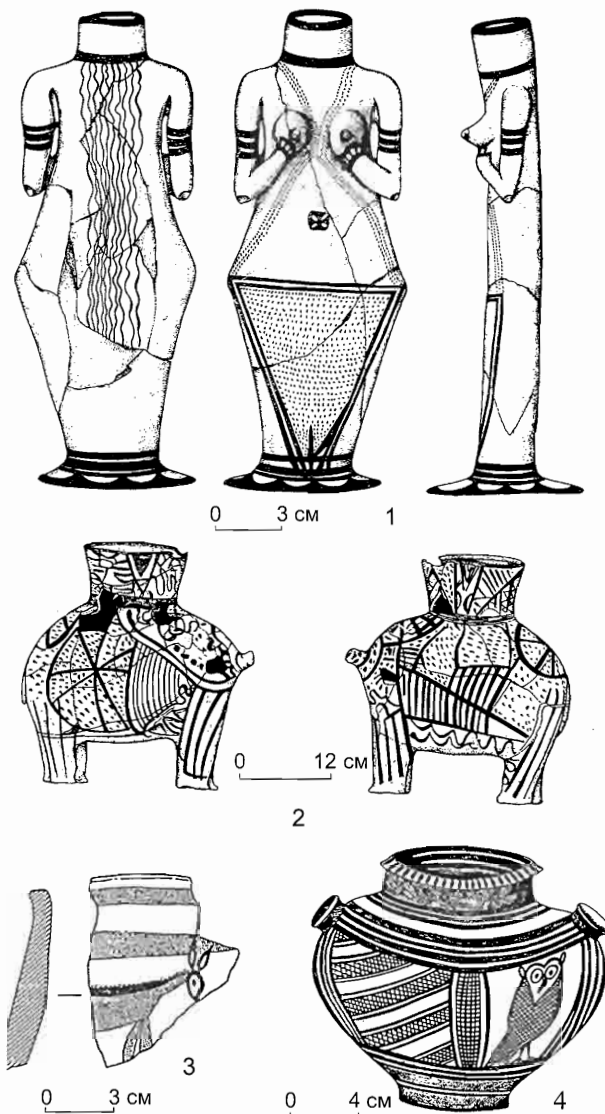

Рис. 1. Расписная керамика халафской культуры из поселений Ярм-Тепе II (1, 2) и III (3, 4).

1 – антропоморфный сосуд в виде флякона; 2 – зооморфный сосуд; 3 – обломок горшка с изображением онагры (?); 4 – сосуд с изображением совы.

цензии на книгу [Early stages..., 1993] она подчеркнула, что если до недавнего времени лидирующую роль в исследовании севера Месопотамии играла британская археология, то теперь лидерство перешло к российской экспедиции, работы которой существенно изменили представление о неолите Месопотамии [Oates, 1994, p. 882 – 885].

Уже в процессе наших работ в Ираке стала очевидной необходимость расширения их прежде всего на смежные районы Сирии. И в 1988 г. мы начали исследования на сопредельной с Ираком территории Сирии, в ее северо-восточной части, составляющей современную провинцию Хасаке. Здесь нами ведутся

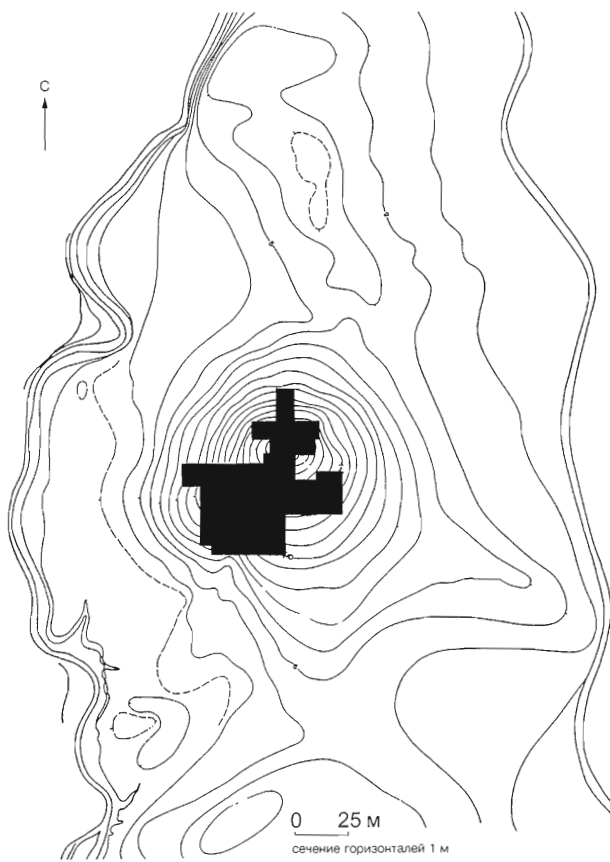

Рис. 2. Телль-Хазна I. Топографический план.

1

2

Рис. 3. Телль-Хазна I. Общий вид с юга (1) и древнейшие сооружения храмового комплекса – № 37, 69, 110 (2).

Рис. 4. Телль-Хазна I. Общий вид раскопок с северо-востока.

Рис. 5. Телль-Хазна I. Террасы-платформы.

раскопки двух памятников – Телль-Хазна I и II, расположенных в 25 км к северо-востоку от г. Хасеке, близ сел Хазна и Аляви, по берегам вади Ханзир, впадающей в Джаг-Джаг – левый приток Хабура.

Телль-Хазна II достигает в диаметре от 100 до 150 м при высоте 9 м. Здесь выявлены слои раннединастического периода, халафской и урукской культур, а также предхассунского времени. Небольшие работы (траншея площадью 42 м²), проведенные на восточном склоне телля, ограничились вскрытием в основном самого раннего слоя, достигающего в толщину 3 м и относящегося к архаической культуре Хассуны и культуре Телль-Сотто [Мунчаев, Мерперт, Амиров, 1993, с. 25 – 42]. В этом слое, в частности, обнаружено детское погребение в большом глиняном сосуде, сопровождавшееся глиняной и мраморной чашками и уникальным ожерельем из многоцветных каменных бусин. Большой интерес представляют выявленные в вышележащем слое погребения позднеурукского периода, в которых найдены сосуды, находящие аналогии в памятниках раннебронзового века Кавказа.

Основные же работы экспедиции сосредоточены на Телль-Хазне I. Это крупный холм диаметром в среднем 150 м при высоте 17,2 м. Мощность культурного слоя достигает 16 м. Значительная часть последнего (толщиной в среднем 12 м) относится в основном к раннединастической эпохе (I – II периоды). Ее подстилает почти четырехметровый слой с материалами урукской и (ниже) убейдской культур.

Исследования экспедиции направлены прежде всего на изучение слоев Телль-Хазны I раннединастической эпохи. Первоначально материалы их рассматривались нами как остатки поселения, относящегося к первой – третьей четверти III тыс. до н.э. [Мунчаев, Мерперт, Бадер, 1990]. Однако в результате дальнейших раскопок стало очевидно, что это не поселение, а остатки большого культового центра, создание которого началось, вероятно, уже в позднеурукский пе-

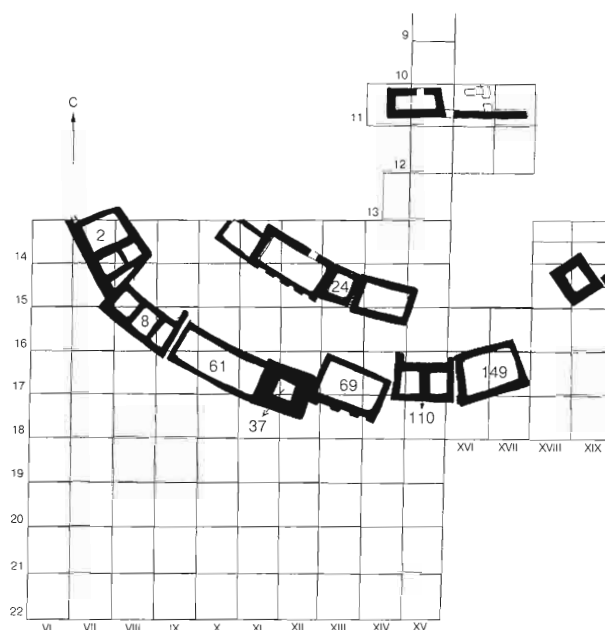

Рис. 6. План-схема древнейших монументальных сооружений на раскопанной площади памятника Телль-Хазна I.

риод, т.е. в конце IV тыс. до н.э. [Мунчаев, Мерперт, 1997, с. 5 – 28].

Раскопки охватили значительную площадь южной половины телля – более 2000 м² (рис. 2; 3, 1). Здесь зафиксирована густая застройка (рис. 4), которая на всех этапах своего развития была подчинена определенному плану. При этом главными звеньями планировки памятника в целом являлись наиболее монументальные сооружения (рис. 5), расположенные по дуге и явно не носившие жилого характера. Последнее относится и ко всем прочим вскрытым до сего времени сооружениям (раскопано уже около 250). Они не имеют ни характерного для жилищ интерьера, ни соответствующих кухонных и производственных остатков.

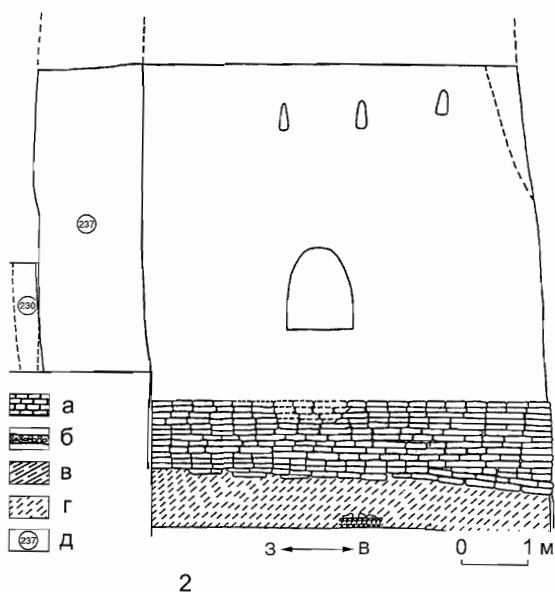
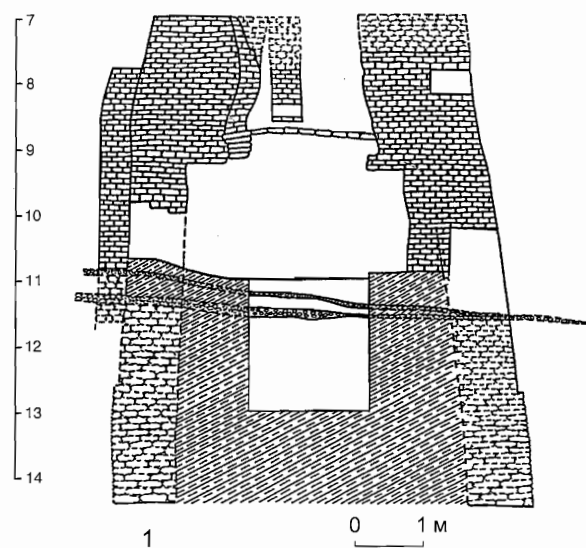

Рис. 7. Разрез башни № 37 по линии север – юг (1) и южный фас башни (2). Телль-Хазна I.

а – кирпичная кладка, б – каменная вымостка поверхностей, в – нераскопанная часть, г – слой специально выложенного суглинка, д – номер стены.

Вместе с тем ряд особенностей вскрытых построек – таких как оформление стен пилястрами, обмазка их цветной штукатуркой, группировка помещений по сторонам открытых дворов, наличие кирпичных “столов” для жертвоприношений – характерны прежде всего для храмовой архитектуры древней Месопотамии. Последней соответствует и такая особенность Телль-Хазны I, как расположение его сооружений на нескольких последовательных платформах-террасах. Подобные архитектурные комплексы Месопотамии выделяются исследователями в особый тип “высоких храмов” [Lloyd, 1978, p. 119].

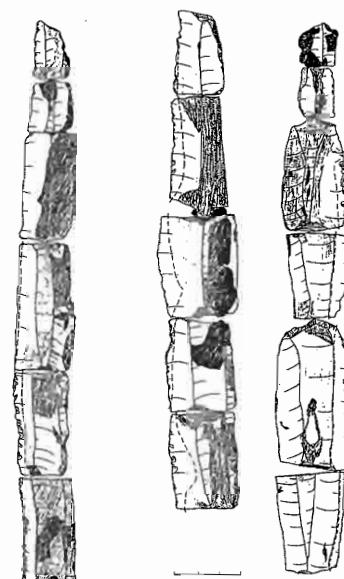

Рис. 8. Серпы из заклада. Телль-Хазна I, башня № 37.

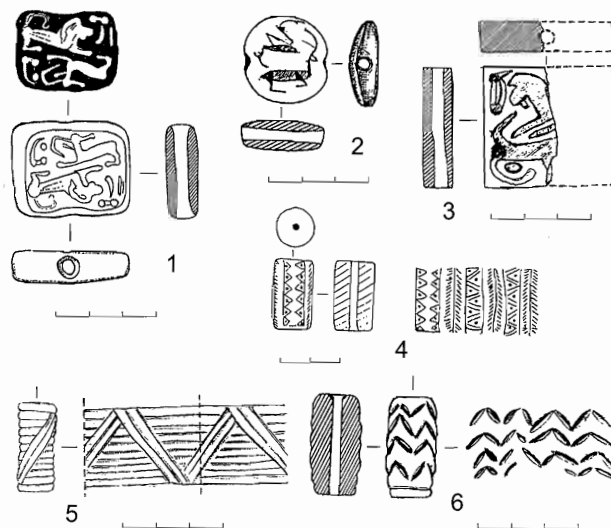

Рис. 9. Печати. Телль-Хазна I.

В настоящее время в Телль-Хазне I выявлено не менее трех искусственных платформ-террас, уровни которых различаются на высоту не менее 3 м. На каждой из них находились взаимосвязанные архитектурные комплексы, включавшие и монументальные сооружения, наиболее значительные из которых связаны с периодом основания этого культового центра и вкопаны в предшествующий – урукский – слой.

Прежде всего укажем на остатки массивной глиняной стены с южной стороны памятника. Она сохранилась на высоту 3,5 м и раскопана на протяжении 40 м. Подобные стены, овальные в плане, как известно,

ограждали храмовые комплексы в Телль-Убейде и Хафадже в Южной и Средней Месопотамии [Tunca, 1984, p. 39, 96].

На раскопанной площади памятника обращает на себя внимание комплекс фундаментальных сооружений на нижней террасе, включавший, в частности, башню-зиккурат № 37 с примыкавшими к ней другими храмовыми сооружениями (рис. 6).

Башня № 37 в плане почти квадратная. Верхняя площадка ее $5,5 \times 6,2$ м. Башня сохранилась на высоту 8,0 м. Она покоилась на метровом цоколе из крупных сырцовых кирпичей, лежавшем на земляной “подушке”. Стены башни также были сложены из сырцовых кирпичей, но меньшего размера ($30 \times 20 \times 7$ см) и обмазаны слоем штукатурки, поверх которой сохранились следы зеленой краски.

Внутри башни расчищено прямоугольное в плане ($1,70 \times 2,30$ м) глубокое шахтообразное сооружение, состоявшее из трех камер, расположенных по единой вертикали и разделенных между собой кирпичными перекрытиями (рис. 7). В камерах обнаружены отдельные кремневые вкладыши серпов и фрагменты зернотерок, обломки глиняных сосудов, глиняные очажные подставки и фигурки животных. Эти камеры не могли служить ни жилищем, ни складскими помещениями. Наиболее вероятно предположение об их культовом назначении при явно земледельческом характере самого культа. В пользу такого предположения свидетельствует весьма интересная находка, обнаруженная в верхней части башни внутри ее южной стены, в одном из трех расположенных здесь щелевидных “окон”. Внутри крайнего восточного “окна” был устроен заклад, в котором находились 17 кремневых вкладышей от трех серпов (рис. 8) и каменная прямоугольная печать (рис. 9, 1).

Ритуальный характер отмеченного заклада не вызывает сомнений. Состав же его достаточно точно соотносится с другими находками в башне и документирует связь с земледелием. Если этот жертвенный заклад знаменовал завершение строительства башни, то начало ее сооружения также было отмечено “строительной жертвой” в виде трех копытных, правильно уложенных на кирпичной кладке и перекрытых основанием храмовой конструкции.

Необходимо отметить, что в северной и южной стенах башни, на уровне 10 – 11,5 м от вершины телля, обнаружены ведущие во внутрь ее дверные проемы высотой в среднем 1,0 м и шириной до 0,9 м. Перед ними расчищены каменные вымостки, соединявшиеся между собой внутри самой башни. Эти вымостки перед башней были ограждены мощными стенами и имели следы ритуальных огневых действий.

Рассмотренная башня – древнейший в Северной Месопотамии памятник подобного рода. К ней с востока примыкала массивная, длиной более 8 м стена

1

2

Рис. 10. Телль-Хазна I. Стена № 69 (1) и стены “Нижнего” и “Верхнего” храмов с полупилястрами (2).

с четырьмя полупилястрами в верхней ее половине (рис. 10). Как и башня, она стояла на цоколе и достигала высоты 5,5 м. И на ней сохранилась штукатурка с зеленой окраской. Между полупилястрами в верхней части стены имелись симметрично расположенные сквозные проемы. Эта стена поворачивала к северу, почти вплотную примыкая к следующему монументальному сооружению (№ 110), стоящему на уровне, близком к основанию башни № 37 (рис. 11, 1). Оно имело также форму башни ($7,5 \times 5,0$ м в верхней части) и сохранилось в высоту на 8,3 м. В основании сооружения находилась такая же платформа, что и у башни № 37. Отметим еще одну показательную деталь. В верхней части данного сооружения, как и в башне № 37, были внутренние помещения, но не три, а два, оба прямоугольные (примерно $2,5 \times 2,0$ м). Их

1

2

Рис. 11. Телль-Хазна I. Сооружения № 110 (1) и 149 (2).

Рис. 12. Телль-Хазна I. Вид восточной половины раскопа с воздуха, где четко просматривается дугообразный план памятника. Фото Jan Driessen.

перекрытия были сводчатыми. Находок здесь крайне мало. Но в обеих камерах найдены кремневые и обсидиановые вкладыши серпов.

Вскрытие этих помещений еще не завершено. Но уже очевидно, что по многим показателям, а также стратиграфически они соотносятся с камерами башни № 37. Вероятна и близость их функционального назначения, хотя башня № 110 могла быть и хранилищем зерна, а также корма для скота [Fortin, Cooreg, 1994, p. 44]. Процесс заполнения подобных башен с помощью специальных лестниц, ведущих к верхней площадке, документируется изображениями на цилиндрических печатях, найденных на синхронных и культурно близких памятниках Месопотамии [Amiet, 1959, p. 39 – 44, fig. 6; Schwartz, 1987, p. 94 – 96; Pittman, 1993, fig. 3].

К башне № 110 с востока вплотную примыкало такое же массивное сооружение – № 149 (рис. 11, 2). Оно имело трапециевидную форму и крестообразно расположенными стенами разделялось на четыре помещения. Примечательно, что в одной из этих стен между кирпичами было замуровано ожерелье из 109 пастовых, хрустальных, сердоликовых, гагатовых, бирюзовых, костяных бусин и ракушек, а также нескольких серебряных (?) подвесок. Следует подчеркнуть

наличие внутри сооружения № 149 мощных зольно-угольных скоплений, свидетельствующих об активных ритуальных действиях.

Поверхность, на которой стояли рассмотренные сооружения (№ 37, 110, 149), фиксируется на глубине от 15,4 до 14,0 м от вершины телля. Представляется бесспорным, что они взаимосвязаны и составляют определенную систему монументальных построек южного участка храмового комплекса. Система эта продолжается в северо-восточном направлении по дуге, соответствующей внешней, обводной стене (рис. 12). В этом аспекте в качестве аналогов Телль-Хазне I могут быть указаны храм Нинхурсаг в Телль-Убейде и Овальный храм в Хафадже [Delougaz, 1938, p. 1 – 11; 1940, p. 18, fig. 3; Tunca, 1984, p. 37 – 96, fig. 55, 58, 59; Sievertsen, 1998, T. 1, S. 92 – 95; T. 2, S. 112 – 114].

Чрезвычайно интересен и комплекс сооружений на той же поверхности, примыкавший к башне № 37 с севера, запада и востока. Прежде всего отметим квадратный двор, соединенный дверными проемами с двумя крытыми помещениями, в которых сохранились консоли, поддерживавшие плоские перекрытия. В небольшом помещении № 136 (2,5 × 2,3 м) расчищена прямоугольная кирпичная выкладка (1,25 × 0,6 × 0,8 м), являвшаяся, скорее всего, столом для жертвоприношений. Весьма близкие аналогии данному сооружению можно найти среди святилищ Овального храма в Хафадже. Поэтому есть основания считать святилищем и само сооружение № 136. Отметим, что сочетание открытых дворов с примыкающими к ним святилищами и прочими храмовыми строениями является одним из основных признаков культовой архитектуры древней Месопотамии. И здесь это сочетание представлено с предельной выразительностью. С востока к двору (№ 159) примыкало прямоугольное сооружение № 67 (4,4 × 3,25 м), замыкая анфиладу из трех соединенных дверными проемами построек. С севера другой проем соединял это сооружение с коридором, в свою очередь соединенным аркой с еще одним помещением. С юга же к этим помещениям примыкали две комнаты, огражденные основной храмовой стеной с контрфорсами. Весь рассмотренный комплекс мы называем условно Нижним храмом. Он располагался на второй террасе.

Со следующей террасой, на 4 м превышавшей нижнюю платформу, связаны сооружения так называемого Верхнего храма. Ограждавшая его с юга стена № 60 сохранилась на высоту 5,0 м и прослежена в длину на 9,25 м. И эта стена укреплена серией пилястров с узкими проемами между ними (см. рис. 5). Позже ее заметно укрепили и расширили, заложив и закрыв новой кладкой контрфорсы, а с юга к стене пристроили анфиладу из трех помещений. Далее к востоку стена (уже без контрфорсов) продолжается еще

на 11 м. С северной стороны к ней примыкает ряд помещений, в том числе массивное башнеобразное сооружение № 24 (3,5 × 35 м при высоте 6 м). Оно стояло на одной оси с башней (№ 37) Нижнего храма. В нижней части этого сооружения обнаружена большая кирпичная конструкция с выложенным кирпичами каналом (шириной и высотой 20 см) для отвода воды. Он подводит к отверстию в соответствующей стене. Укажем в данной связи, что различные водоотводные сооружения (каналы, открытые желобы, трубы) неоднократно встречались в храмах Месопотамии.

Не исключена возможность наличия и следующей – наиболее высокой – платформы. Об этом свидетельствует выявленное на вершине телля крупное прямоугольное сооружение с окрашенными стенами и скоплением керамики раннединастической эпохи.

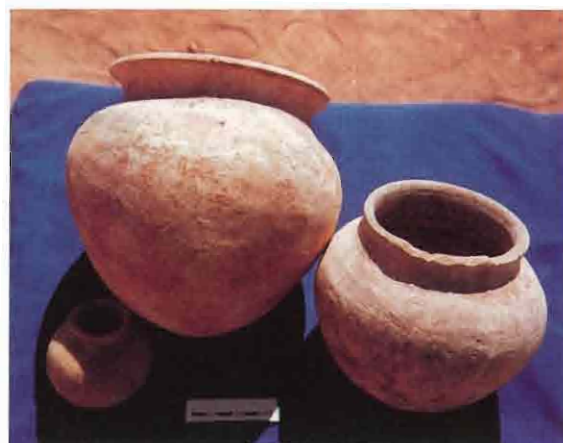
Таким образом, архитектурный ансамбль Телль-Хазны I отличается чрезвычайной сложностью. Рассмотренные нами комплексы стояли на разных уровнях, подчиняясь при этом единому плану, что позволяет с уверенностью относить исследуемый памятник к числу “высоких храмов” (“high temples”), расположенных в отличие от “наземных храмов” (“ground level temples”) на одной или нескольких искусственных платформах. Так, Верхний храм стоял на 5 м выше Нижнего храма, а остатки постройки на вершине телля еще на 5 м возвышались над стенами Верхнего храма. Платформа последнего имела округлую или овальную форму диаметром более 85 м.

Традиция сооружения храмов на значительных искусственных возвышениях – террасах имеет в Южной Месопотамии глубокие корни. Построенные таким образом храмы зафиксированы уже в позднелувийском периоде [Schmidt, 1974, S. 173 – 187; Sievertsen, 1998, T. 2, Abb. 13, 44]. Достаточно широко они представлены в эпоху Урука, особенно в период Джемдет-Насра. Хорошо известны храмы на высокой платформе в самом Уруке, прежде всего так называемый Белый храм периода Урука IV [Tunca, 1984, p. 103; Sievertsen, 1998, T. 1, S. 41; T. 2, Abb. 47, 51 – 54; Lenzen, 1974, p. 99], Эриду [Safar, Mustafa, Lloyd, 1981, p. 51 – 82, fig. 3], Телль-Укейре [Lloyd, Safar, 1943, p. 131 – 158] и др. “Высокие храмы” раннединастической эпохи отражают дальнейшее развитие храмовой архитектуры: на каждой платформе располагается уже достаточно сложный комплекс взаимосвязанных построек. Основные параметры подобных комплексов до наших работ удалось определить лишь в отмеченных выше храме Нинхурсаг и Овальном храме Хафаджи. Причем в обоих случаях и террасы, и постройки сильно разрушены эрозией. В этом плане значение Телль-Хазны I с ее поразительной сохранностью архитектуры трудно переоценить.

Однако данные отмеченных памятников, особенно Овального храма, представляются крайне важными

1

2

Рис. 13. Ожерелья (1) и сосуды (2) из погребений. Телль-Хазна I.

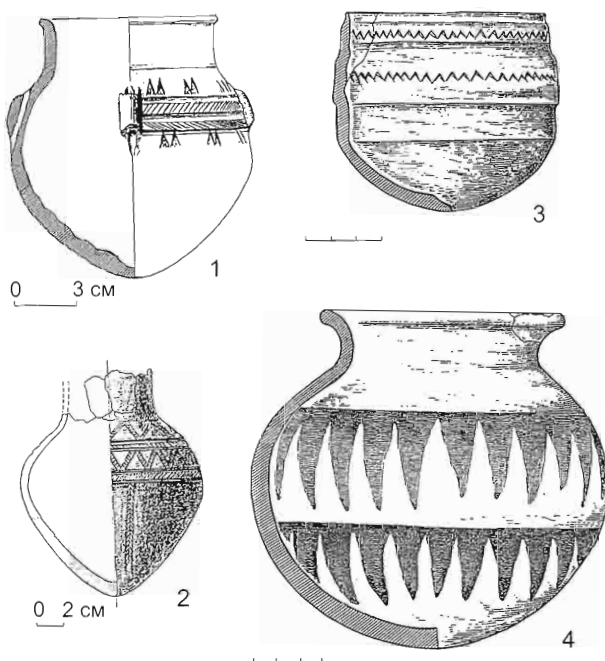

Рис. 14. Сосуды типа Ниневия V. Телль-Хазна I.

и для интерпретации материалов Телль-Хазны I. Сходство между этими памятниками прослеживается по целому ряду существенных признаков, таких как система обводных стен, террасный принцип расположения подчиненных единому плану сооружений, украшение стен основных сооружений пилястрами и цветной обмазкой, наличие арок, водоотводных сооружений, ремесленных участков, столов для жертвоприношений и т.д. Их объединяет и присутствие погребений, что подчеркивает сакральный характер памятников. Есть все основания говорить и о синхронности этих памятников. Как и Хафаджа, Телль-Хазна I относится к раннединастической эпохе. Это до-

кументируется и анализом достаточно выразительного вещевого материала Телль-Хазны I.

Прежде чем перейти к его рассмотрению, отметим, что в Телль-Хазне I открыто 31 погребение. Подавляющее их большинство датируется серединой и третьей четвертью III тыс. до н.э., т.е. временем, непосредственно следовавшем за прекращением функционирования здесь культово-административного центра. Причем эти погребения совершены не просто в культурном слое уже образовавшегося телля, а внутри заброшенных помещений, на разных уровнях их заполнения, на полах, в углах и даже между консолями перекрытий. Лишь два погребения (№ 15 и 17) относятся к периоду функционирования культово-административного центра. Одно из них совершено в глиняном сосуде, а другое – в кирпичной цисте. Оба захоронения детские, находились на полу в разных углах небольшой ритуальной постройки (№ 42), целиком засыпанной золой. В зольном заполнении мощностью около 2,0 м обнаружено свыше 40 глиняных зооморфных статуэток. Еще одно погребение, совершенное в материке, относится к самому началу существования культово-административного центра в период убейдской культуры. Особо подчеркнем, что 20 из 31 погребения принадлежали детям. Это обстоятельство требует еще дальнейшего изучения и осмысления.

Погребения многообразны. Четко выделяются три типа: грунтовые захоронения, погребения в кирпичных цистах и глиняных сосудах. Доминирующая поза взрослых людей – в скорченном положении на боку, головой на запад. Детские захоронения, как правило, безынвентарные, в то время как погребения взрослых сопровождаются инвентарем, иногда довольно выразительным. Помимо разнообразных сосудов (рис. 13, 2), в том числе типа Ниневия V (рис. 14, 3, 4), найдены бронзовые ножи, тесловидное и долотовидное орудия, шилья, булавки с петлями для подвешивания

и богатые ожерелья из каменных, хрустальных, пастовых бусин и ракушек (рис. 13, 1). Сравнительный анализ находок убедительно устанавливает вторую половину III тыс. до н.э. как *terminus ante quem* основной части погребальных комплексов Телль-Хазны I [Мунчаев, Мерперт, Бадер, 1990, с. 23 – 24]. Действительно, среди них нет погребений ни миттанийского периода (II тыс. до н.э.), ни тем более относящихся к I тыс. до н.э.

Но перейдем к анализу находок из раннединастического слоя Телль-Хазны I. Значительная их часть – керамика, в состав которой кроме посуды включены также глиняные очажные подставки, модели колес, антропоморфные и зооморфные статуэтки, отдельные пряслица и различные поделки. Достаточно многочисленны и орудия, связанные с земледелием: каменные зернотерки, песты, ступки, терочники и особенно кремневые и обсидиановые вкладыши серпов. Обнаружены также костяные пряслица, шилья и проколки, единичные бронзовые изделия – нож, булавка, бусины. Особо выделим серию каменных и глиняных печатей (см. рис. 9).

Ввиду специфики памятника, связанного главным образом с земледельческим культом, рассмотрим прежде всего соответствующие категории находок. Общее количество зернотерок составляет не менее 150 [Munchaev, Merpert, 1994, fig. 32]. Они преимущественно ладьевидной формы и представлены как целыми экземплярами, так и фрагментами. Последние, как уже отмечалось, встречаются в камерах башни № 37. Поверхности всех зернотерок сильно сработаны, что свидетельствует об использовании их для помола зерна на месте. На это же указывают найденные здесь многочисленные ступки, терочники и песты.

Особенно многочисленны кремневые и обсидиановые вкладыши серпов. Они исчисляются сотнями, встречаются и в слое, и внутри культовых построек. Значительное их число сохраняет следы битума, использовавшегося для закрепления вкладышей в костяной или деревянной основе.

Казалось бы удивительным наличие на памятнике, не являющемся обычным поселением, такого значительного количества орудий, связанных с земледелием. Однако наличие в центральной ритуальной башне специального заклада с подобными вкладышами серпов свидетельствует не только о производственном, но и о сакральном их характере. Эти орудия документируют доминанту земледельческого культа, практиковавшегося здесь.

К сожалению, хронологическими индикаторами подобные орудия служить не могут, поскольку они почти не изменялись на протяжении ряда периодов, начиная с неолита. Но, во всяком случае, они ни в коей мере не противоречат определению Телль-Хазны I как памятника раннединастической эпохи (I – II периоды).

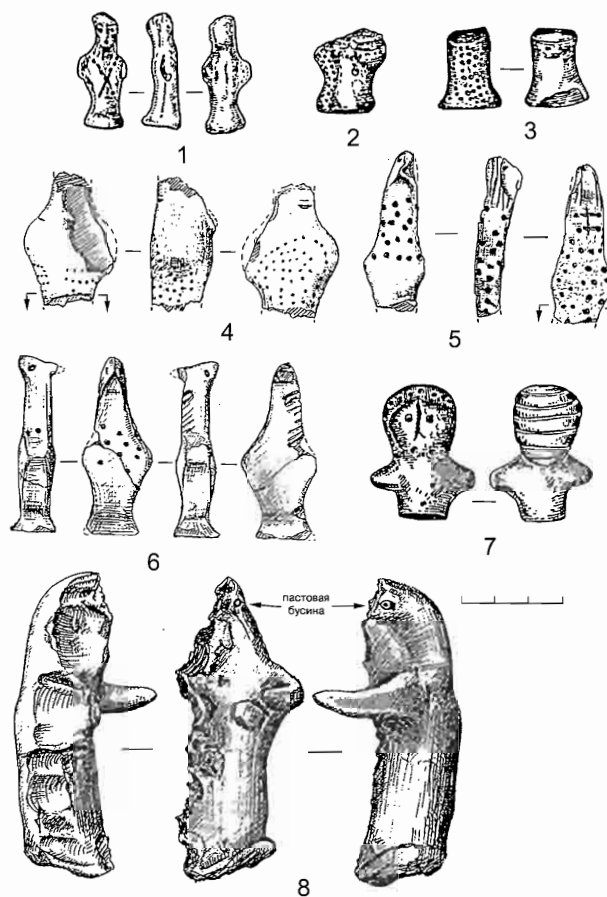

Рис. 15. Антропоморфные статуэтки. Телль-Хазна I.

Весьма значительна группа зооморфных статуэток. Общее количество их превышает 120. Отметим, что только в двух небольших культовых постройках (№ 42 и 56), в их зольных заполнениях найдено свыше 60 таких фигурок. Все они грубой лепки и слабого обжига, вполне вероятно, местного изготовления. На это указывает и место их обнаружения – внутри одной из небольших обжигательных печей, открытых на восточном участке Телль-Хазны I. В ряде случаев моделировка деталей статуэток позволяет идентифицировать их как изображения баранов, свиней и собак.

Изучение данной коллекции продолжается. Для нас совершенно очевидно, что зооморфная пластика из Телль-Хазны I продолжает длительную месопотамскую традицию, ведущую начало, по крайней мере, от халафской культуры. Наличие статуэток животных в таком количестве на памятнике, связанном с культом земледелия, вполне объяснимо. Ведь скотоводство играло в хозяйстве обитателей сирийской Джезире в рассматриваемую эпоху чрезвычайно важную роль и активно сочеталось с земледелием.

Что же касается антропоморфных статуэток, то их на Телль-Хазне I найдено около 15 (рис. 15). Среди них как схематизированные, так и выполненные в

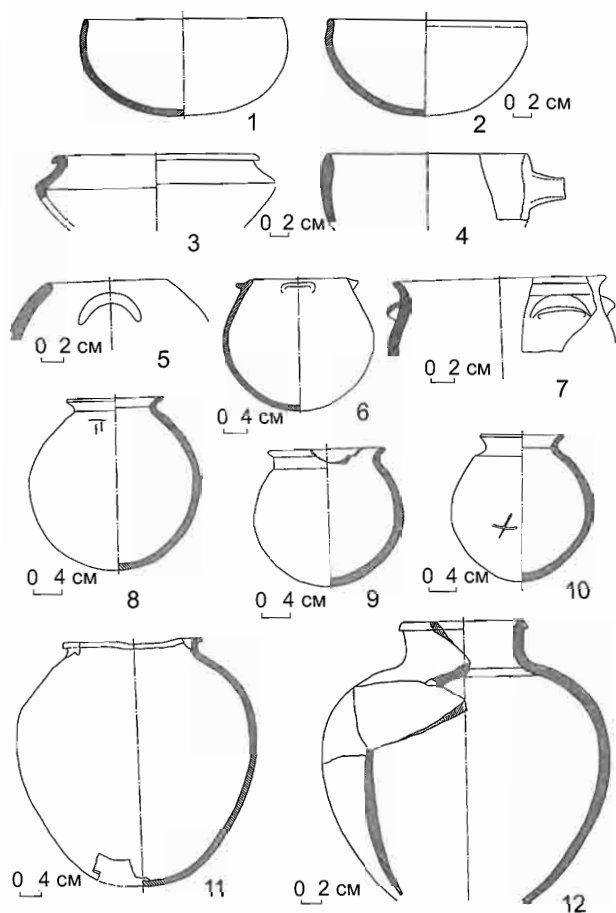

Рис. 16. Основные типы сосудов раннединастической эпохи. Телль-Хазна I.

реалистической манере. Фигурки стоячие, с расширенной и уплощенной базой, моделированными руками или отростками на их месте, цилиндрической или круглой головкой и намеченными (резьба или наколка) лицом, волосами, ожерельями. Выделяется статуэтка, найденная внутри сосуда, стоявшего в углу культовой постройки № 111. Она оригинальна, представлена левой половиной фигурки, хорошо выделены головка, левая рука и грудь (рис. 15, 8). С ней связана вторая миниатюрная скульптурка, как мы полагаем, изображающая младенца, сидевшего на ее руке.

Антропоморфные статуэтки Телль-Хазны I своеобразны, прямые аналогии им нам не известны. Поэтому и они не могут быть прямо использованы для датировки памятника.

То же самое можно констатировать и относительно ряда других категорий находок. Так, именно в раннединастическую эпоху были широко распространены в Ближневосточном регионе и смежных областях глиняные модели колес, в том числе с выступающей ступицей, в большом числе обнаруженные на Телль-Хазне I. Десятками встреченные здесь разнообразные глиняные очажные подставки находят прямые

анalogии в соответствующем слое Овального храма в Хафадже [Delougaz, 1940, p. 52; Tunca, 1984, p. 227], а также в целой группе памятников III тыс. до н.э. на Кавказе [Кореневский, 1995].

На Телль-Хазне I обнаружена значительная коллекция (более 100 тыс.) фрагментов разнообразных сосудов. Наибольшая часть ее относится к I – II периодам раннединастической эпохи, остальная же – к убейдской и особенно урукской культурам [Мунчаев, Мерперт, 1997, с. 20 – 22, рис. 13 – 19; Munchaev, Merpert, 1994, fig. 19 – 27].

Формы сосудов раннединастической эпохи – крупные пифосы и фляги и небольшие чаши, миски, горшки, “чайники”, сита, кубки, бокалы и др. – выделяются как сквозные, существовавшие начиная с Урука и далее на протяжении III тыс. до н.э. (рис. 16). Найденная у основания древнейших монументальных сооружений (№ 37 и 69), вкопанных в урукский слой, керамика почти вся, включая расписную, связана с урукской культурой. Это дает основание предполагать, что сооружение описанных массивных построек, т.е. начало строительства храмового комплекса на Телль-Хазне I, может относиться к позднему Уруку – к самому концу IV – началу III тыс. до н.э.

Представленная же в вышележащих слоях Телль-Хазны I как круговая, так и лепная керамика, повторяющая целый ряд урукских форм (и включающая в себя новые типы сосудов), датируется в целом в пределах первой половины III тыс. до н.э., т.е. I – II периодами раннединастической эпохи. Здесь выделяются сосуды типа “metallware” [Мунчаев, Мерперт, 1997, рис. 17, 11] и особенно типа Ниневия V [Там же, 1997, рис. 15, 1 – 6; 16, 15 – 17].

К настоящему времени в Телль-Хазне I найдено около 150 фрагментов тонкостенных сосудов группы Ниневия V, из них примерно 40 с росписью, а остальные украшены каннелюрами или резьбой, в том числе “метопным” орнаментом [Там же, рис. 17, 1]. Керамика с “метопами” известна на ряде памятников Северо-Восточной Сирии, в частности в Чагар-Базае [Mallowan, 1936, fig. 1; pl. III, 1, 2], Телль-Ракае [Curvens, Schwartz, 1990, fig. 21, 1] и др. Особо отметим Телль-Лейлан, где сосуды с “метопным” орнаментом представлены в хорошо стратифицированном слое III-C, датируемом II периодом раннединастической эпохи [Schwartz, 1988, fig. 31, 11, 14; table 13].

Исследования Телль-Хазны I свидетельствуют о том, что керамика типа Ниневия V существовала здесь на всем протяжении I – II периодов раннединастической эпохи и даже позднее, когда прекратил функционировать культово-административный центр. Доказательством этому служит и раскопанное в Телль-Хазне I погребение № 31, сопровождавшееся двумя характерными сосудами типа Ниневия V (см. рис. 14, 3, 4). Погребение впускное, нарушившее конструкции

перед южным входом в башню № 37. Напомним в этой связи, что керамика типа Ниневия V относится к периоду не позднее середины III тыс. до н.э. Данный факт подтверждает, что исследуемый памятник функционировал именно в первой половине III тыс. до н.э., а погребения, совершенные в его культурном слое, хронологически непосредственно за ним следуют. Как мы выше отмечали, сопровождающий эти погребения инвентарь датируется в пределах III тыс. до н.э.

Для датировки раннединастического слоя Телль-Хазны I важное значение имеют каменные и глиняные печати. Вместе с обломками общее их число составляет 12 экз. (см. рис. 9). Прежде всего рассмотрим печать, обнаруженную в закладе башни № 37. Для нас представляется несомненным, что устройство этого бесспорно ритуального заклада связано с завершением строительства башни — одного из основных сооружений храмового комплекса.

Что же из себя представляет эта печать? Она прямоугольной формы, размером $3,7 \times 2,9 \times 1,0$ см и изготовлена из белого камня, возможно, мраморовидного известняка (см. рис. 9, 1). По центральной оси проходит продольное сквозное отверстие для подвешивания. На лицевой стороне вырезано изображение льва и опрокинутого на спину копытного животного (вероятно, сцена терзания).

Половинка подобной же каменной печати ($4 \times 3,7 \times 0,9$ см) с продольным отверстием и близким сюжетом (лев и под ним козел (?)) найдена на Телль-Хазне I в квадрате XIX/17, на глубине 5,60 м (см. рис. 9, 3). Здесь же отметим еще одну печать, обнаруженную в квадрате XI/19, на глубине 11,70 м, в проеме стены № 47, который был заложен. Она также с продольным отверстием, но в отличие от первых двух изготовлена из черного камня (гепатита ?) и имеет округлую форму ($2,8 \times 2,5 \times 0,8$ см). На одной стороне вырезано изображение двух копытных животных (козлов (?)) с подогнутыми ногами (см. рис. 9, 2).

Описанные печати, как видим, объединяются общим стилем изображения. Подчеркнем, что они четко — по форме и сюжетам — сопоставляются с печатями из слоев XI, XII Тепе Гавры, датируемых концом IV — началом III тыс. до н.э. [Tobler, 1950, pl. CLXIV, 98, 100; CLXVIII, 145, 146, 152, 153, 156], и из позднеурукского слоя (период Джемдет-Насра) Чагар-Базара [Mallowan, 1947, pl. XX, 2, 34, 36]. Подобный стиль изображения представлен на печатях с широкой территории Ближнего Востока — от Малатьи в Турции до Суз в Иране, и везде он характерен для памятников отмеченного хронологического среза [Collon, 1988, p. 13 — 19, fig. 11, 17].

Таким образом, приведенные аналогии определенно указывают на принадлежность описанной группы печатей из нижних горизонтов рассматриваемого слоя Телль-Хазны I к позднеурукскому времени (или пери-

оду Джемдет-Насра), что соответствует концу IV — началу III тыс. до н.э. На эту же дату указывают и еще две печати из черного камня, связанные с древнейшими сооружениями храмового комплекса Телль-Хазны I.

Другую группу составляют пять цилиндрических печатей (см. рис. 9, 4 — 6), четыре каменные и одна глиняная. Показательно, что все они найдены в верхних горизонтах Телль-Хазны I и заметно отличаются стилистически и по форме от выше рассмотренных. Для изображений на них характерны геометрические и сильно схематизированные растительные мотивы. Типичны шевроны, углы, двойной или многорядный зигзаг с точечными вдавлениями внутри углов, ветви и листья, а также “herring bones”. Печати с подобным стилем изображений, как показало исследование Д. Коллон, столь же широко распространены на Хабуре (Сирия), в Турции (Алалах VI), Ираке (Овальный храм в Хафадже, Ниневия, Ур и др.), Израиле (Арат), Иране (Сузы) и др. [Collon, 1988, p. 20 — 31, fig. 40 — 52]. Автор убедительно датирует их раннединастической эпохой, а именно 3000 — 2234 гг. до н.э. [Ibid, p. 7 — 20], что подтверждает наш вывод относительно времени функционирования Телль-Хазны I.

Подводя итог, можно с достаточным основанием констатировать, что широкомасштабные и целенаправленные исследования российской экспедиции в Ираке и Сирии, подчиненные решению как общеисторических проблем, так и конкретных вопросов археологии Месопотамии и ее древнейшей истории в целом, привели уже сейчас к чрезвычайно важным результатам. Существенный вклад внесен в изучение процесса становления производящего хозяйства в Месопотамии, открыта древнейшая раннеземледельческая культура, позволяющая определить время и пути заселения и освоения великой месопотамской долины, впервые получены данные о древнейшей металлургии Месопотамии, свидетельства эволюции домостроительства, планировки поселений, ряда основных производств, развития социальных структур, духовной жизни, искусства. Охвачен огромный хронологический период — от VIII до III тыс. до н.э. включительно, т.е. фактически вся история дописьменной Месопотамии, являющаяся эталоном для определения общих закономерностей древнейшей истории человечества и начальных этапов сложения государственности и цивилизации. При этом коренным образом изменены представления о роли Сирийского региона в отмеченных процессах. Если прежде он рассматривался как маргинальная область, периферия развитых культур Средней и Южной Месопотамии, то ныне есть все основания считать его регионом, фактически не отстающим от последней, отмеченным активным и оригинальным культурно-историческим процессом, начиная с самых ранних его этапов.

Список литературы

- Бадер Н.О.** Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – 368 с.
- Гаджиев Д.В.** Фауна с поселения Телль-Магзалии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – Прил. 3. – С. 297 – 299.
- Кореневский С.Н.** Галюгай I – поселение майкопской культуры. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. – 189 с.
- Лисицына Г.Н.** Древнейшие палеознотботанические находки в Северной Месопотамии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – Прил. 2. – С. 291 – 296.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1981. – 320 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Погребальный обряд племен халафской культуры // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982а. – С. 28 – 49.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Поселение убейдской культуры Ярм-Тепе III в Северной Месопотамии // СА. – 1982б. – № 4. – С. 133 – 149.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Второе открытие Месопотамии // Наука в СССР. – 1983. – № 2. – С. 56 – 61.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. – 1997. – № 2. – С. 5 – 28.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Северная Месопотамия в свете новейших исследований // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 67 – 69.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Российские археологические исследования в Месопотамии // Исторические записки. – 1999. – № 2. – С. 296 – 318.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.** Телль-Хазна II: Раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. – 1993. – № 4. – С. 25 – 42.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О.** Телль-Хазна I: Исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии // СА. – 1990. – № 3. – С. 5 – 24.
- Рындина Н.В.** Медное шило из Телль-Магзалии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – Прил. 5. – С. 302 – 311.
- Amiet P.** Representations antiques de constructions suisiennes // Revue d'Assiriologie. – 1959. – Vol. 53. – P. 39 – 41.
- Collon D.** First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. – Chicago: University of Chicago, 1988. – 208 p.
- Curvers H.H., Schwartz G.** Excavations at Tell Raqai // Journal Archaeology. – 1990. – N 94. – P. 3 – 24.
- Delougaz P.A.** A Short Investigations of the Temple at Al Ubaid // Iraq. – L., 1938. – Vol. 5. – P. 39 – 41.
- Delougaz P.A.** The Temple Oval at Khafajah // Oriental Institute Publications. – Chicago, 1940. – N 53. – P. 1 – 11.
- Early stages** in the evolution of the Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq / Eds. N. Yoffee, J. Clark. – L.; Tucson: Arizona University Press, 1993. – 285 p.
- Fortin M., Cooper L.** Canadian Excavations at Tell Atij (Syria) // Bulletin of Canadian Society for Mesopotamian Studies. – Quebec, 1994. – N 27. – P. 33 – 50.
- Frankfort H.** Archaeology and the Sumerian Problem. – Chicago: Oriental Institute, 1932. – 72 p.
- Huot J.-L.** Les Premiers Villageois De Mesopotamie: Du village a la ville. – P.: Armand Colin, 1994. – 223 p.
- Lenzen H.** Die Architectur in Eanna in der Uruk IV period // Iraq. – L., 1974. – Vol. 36, pt. 1/2. – P. 115.
- Lloyd S.** The Archaeology of Mesopotamia. – L.: London University, 1978. – 252 p.
- Lloyd S., Safar F.** Tell Ugair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // Journal of Near Eastern Studies. – Chicago, 1943. – Pt. 2. – P. 131 – 158.
- Lloyd S., Safar F.** Tell Hassuna // Journal of Near Eastern Studies. – Chicago, 1945. – Pt. 4. – P. 266 – 289.
- Mallowan M.E.L.** The Excavations at Tell Chagar Bazar and Archaeological Survey on the Habur region 1934 – 1935 // Iraq. – L., 1936. – Vol. 3, pt. 1. – P. 1 – 59.
- Mallowan M.E.L.** Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. – L., 1947. – Vol. 9. – P. 1 – 259.
- Mellaart J.** The Neolithic of Near East. – L.: Thames and Hudson, 1975. – 300 p.
- Merpert N.Ja., Munchaev R.M.** Yarim Tepe III. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. – L.; Tucson: The University of Arizona Press, 1993. – P. 163 – 205.
- Munchaev R.M.** The Halaf culture: Peculiarities of the V mil. B.C. North Mesopotamian Architecture // Al-Rafidan. – Tokyo, 1997. – Vol. 17. – P. 69 – 79.
- Munchaev R.M., Merpert N.Ja.** Da Hassuna A Accad. Scavi Della Missione Russa Nella Regione Di Hassake, Siria Di Nord-Est, 1988 – 1992 // Mesopotamia. – Firenze, 1994. – Pt. 24. – P. 5 – 48.
- Oates D. and J.** The Rise of Civilization. – L.; Tucson: The University of Arizona Press, 1976. – 151 p.
- Oates J.** “An Extraordinary Ungrateful Conceit”: A Western Publication of Important Soviet Field-studies // Antiquity. – 1994. – Vol. 68, N 261. – P. 882 – 885.
- Pittman H.** Pictures of an administration the late Uruk scribe at work // Between the rivers and over the mountains. – Roma, 1993. – P. 235 – 246.
- Safar F., Mustafa M.A., Lloyd S.** Eredu. – Baghdad: State Organization of Antiquities, 1981. – 359 p.
- Schmidt J.** Zwei Tempel der Obe Zeit in Uruk // Baghdader Mitteilungen. – Berlin, 1974. – S. 173 – 187.
- Schwartz G.-M.** The Ninevite V Period and the development of complex society in northern Mesopotamia // Paleorient. – P., 1987. – Vol. 13/2. – P. 53 – 70.
- Schwartz G.** Ceramic Chronology from Tell Leilan Operation 1. – New Haven; L.: Yale University Press, 1988. – 256 p.
- Sievertsen U.** Untersuchungen zur Pfeiler-Nischen Architektur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfängen im 6. Jantansend bis zum Ende der frudynastischen Zeit. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – T. 1, 2. – 167 S.
- Tobler A.J.** Excavations at Tepe Gavra. – Philadelphia, 1950. – Vol. 2. – 260 p.
- Tunca O.** L'architecture religieuse protodynastique en Mesopotamie. – Leuven: Leuven Peeters, 1984. – P. 200.

Материал поступил в редколлегию 14.08.2000 г.

УДК 902.2

А. Ронен¹, Д. Адлер²¹Институт археологии Зинмана, Университет Хайфы,
Хайфа, 31905, Израиль

E-mail: aronen@research.haifa.ac.il

²Факультет машиностроения,
Технион – Израильский институт технологий,
Хайфа, Израиль**МАГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЕРИХОНА*****Введение**

Раскопки К. Кеньон в Иерихоне (1952 – 1958 гг.) выявили впечатляющую фортификационную систему, относящуюся к докерамическому неолиту А – периоду, который остается по сей день уникальным во всем Восточном Средиземноморье [Kenyon, 1957, 1981; Kenyon, Holland, 1982, 1983]. Эта система включает стену по периметру, ров и башню. Относительно их функций были предложены две гипотезы. К. Кеньон [Kenyon, 1957] утверждала, что фортификации использовались по прямому назначению. Ее трактовка была отвергнута 30 лет спустя О. Бар-Йозефом [Bar-Yosef, 1986], который приписывал этой системе двойную функцию: стена и ров, вероятно, защищали Иерихон от паводков и селей, а башня могла служить общественным и/или культовым целям. В настоящей статье данные гипотезы критически пересматриваются и отвергаются, предлагается новая интерпретация: вся система значима только в сфере магии.

Оборонительные сооружения

Стена, видимо, окружала холм со всех сторон [Kenyon, 1981], но в восточной части современная дорога исключает раскопки. Выявлены четыре крупных этапа в сооружении стены, в течение которых ее толщина на западной стороне (раскоп 1) увеличилась с 1,8 до 3,5 м у основания и с 1,1 до 1,6 м в верхней части, на южной и северной – с 1,4 до 1,6 м, а высота западной

части – с 3,6 м над уровнем коренного ложа до 5,5 м [Ibid, p. 36]. В других местах стена сохранилась до высоты в 2,2 м.

На раннем этапе строительства оборонительных сооружений был добавлен ров глубиной около 2 м и шириной 8,75 м [Ibid, p. 26], вырытый с внешней стороны стены в твердом известняке, включающем пласты твердых кремнистых пород [Ibid, fig.16b].

На западной стороне холма к внутренней поверхности стены, которая в этом месте достигала максимальной высоты, примыкала башня (рис. 1, 2) высотой 7,7 м, диаметром 8,5 м в основании и 7 м вверху [Kenyon, 1993]. Единственной особенностью, обнаруженной в этой башне, была узкая лестничная клетка с 22 ступеньками, ведущими к отверстию в крыше.

Хронология

Докерамический неолит А пришел на смену натуфийской культуре примерно за 8300 ± 200 лет до н.э. [Burleigh, 1983; Bar-Yosef, 1986, p. 159]. Стена и башня были построены в какое-то время периода докерамического неолита А (по мнению К. Кеньон, примерно в 8000 г. до н.э.). Оборонительная система перестала функционировать приблизительно в 7300 г. до н.э., на рубеже периодов докерамического неолита А и Б. Таким образом, она существовала более половины тысячелетия.

Интерпретация К. Кеньон

К. Кеньон считала весь комплекс оборонительной системой, аналогичной тем, которые существовали в

* Мы благодарим Дэна Нателя за критические замечания к первому варианту текста.

Рис. 1. Иерихонская башня, январь 2000 г.
(фото А. Ронена).

более поздних укрепленных городских центрах Востока. Основываясь на этом очевидном сходстве, она сделала вывод, что Иерихон был древнейшим укрепленным городом [Кенуон, 1957]. Кенуон не поражалась ни глубиной древностью оборонительных сооружений Иерихона, ни отсутствием их аналогов, ни резким противоречием между большими размерами фортификаций и слабыми современными им средствами ведения войны. Не задавалась она и вопросами, зачем кому-либо понадобилось бы захватывать Иерихон, кто мог быть потенциальным агрессором, достойным таких мощных укреплений, и каким осадным оружием он обладал.

Если когда-нибудь и затрагивался какой-либо из этих вопросов, то только первый. Высказывалось предположение [Anati, 1963, p. 248 – 250], что иерихонская община накопила значительные богатства на монопольной торговле солью, битумом и серой, которыми изобилует Мертвое море, и это могло побудить чужаков ворваться в Иерихон. Здесь уместно напомнить, что соль легко можно было добывать и в Средиземном море.

В экономическом и технологическом контексте того времени представляется в высшей степени невероятным, чтобы рассматриваемая оборонительная система использовалась в военном смысле. Во-первых, трудно представить какие-либо ценности, заслуживающие такой охраны в эру, предшествовавшую приручению животных, производству пищи и металла. Во-вторых, Иерихон периода докерамического неолита А был особенно беден боевыми средствами:

Рис. 2. Фрагмент иерихонской башни (фото А. Ронена).

обнаружено только девять наконечников стрел эль-хиамского типа против 405 массивных наконечников стрел различных типов, относящихся к докерамическому неолиту Б [Crowfoot-Paape, 1983]. В-третьих, оборонительная система Иерихона неудовлетворительна со стратегической точки зрения. Так, башня расположена с внутренней стороны стены, тогда как фортификационные башни должны размещаться за ее пределами, как было уже хорошо известно строителям древнейших укрепленных городских центров раннего бронзового века (например, Арада [Amiran et al., 1978]). Кроме того, во внутренней стенке рва были вырезаны ступеньки [Kenyon, 1981, p. 26, pl. 16b]; таким образом, вместо того, чтобы создавать препятствие, ров предлагал легкое пересечение. Наконец, в то время как вражеское нападение следует ожидать со всех сторон, толщина и высота стены Иерихона в южной и северной частях значительно меньше, чем в западной. Оборонительная система в Иерихоне явно требует альтернативной интерпретации, как это убедительно обосновал О. Бар-Иозеф [Bar-Yosef, 1986].

Интерпретация О. Бар-Иозефа

Отвергая гипотезу К. Кенъон, О. Бар-Иозеф [Ibid] приписывает разные функции разным частям иерихонской системы. По его мнению, связанная со стоящими рядом строениями, которые Кенъон [Kenyon, 1981, p. 39] посчитала зернохранилищами, башня могла быть культовым центром. Бар-Иозеф [Bar-Yosef, 1986, p. 161] далее указывал на то, что когда стена разрушилась, башня оставалась удивительно хорошо сохранившейся, а это, возможно, свидетельствует об особом отношении к ней и, следовательно, подтверждает ее предполагаемую культовую роль. Бар-Иозеф высказал гипотезу, что поверх каменного сооружения стояла кирпичная надстройка, может быть храм [Ibid, fig. 2].

В противоположность сакральной функции, приписываемой башне, стена выполняла утилитарную задачу, а именно, защищала “от паводков и грязевых потоков” [Ibid, p. 160]. Благодаря ей Иерихон избежал опасности быть похороненным под аллювиальными отложениями, как это случилось с Нетив-Хагдудом в период докерамического неолита А [An Early Neolithic Village..., 1997] и несколькими другими стоянками, такими как Ифтахель, Нахал-Иссарон или Абу-Гош [Bar-Yosef, 1986, p. 160]. В подтверждение своей гипотезы Бар-Иозеф приводит три наблюдения. Первое из них – описание К. Кенъон концентраций гальки, обнаруженных в ограниченных районах на холме, которые она трактует как следы периодического затопления места [Kenyon, 1993]. Второе состоит в том, что паводковые воды разрушили стену на южной и северной сторонах холма. Третье наблюдение –

“аллювиальные отложения заполнили ров, вырытый неолитическим населением” [Bar-Yosef, 1986, p. 160]. Однако предложенная О. Бар-Иозефом интерпретация вызывает ряд возражений.

Представляется невероятным, чтобы паводки, вызываемые осадками, могли когда-либо угрожать Иерихону. Крупнейшая река в окрестностях, вад Килт, протекает слишком далеко к югу (рис. 3). На западе Иерихон отделен от Иудейских гор гребнем, простирающимся с юго-юго-запада на северо-северо-восток, длина которого 2 км, а высота на 65 м больше Иерихонского холма. Он защищает Иерихон от прямого стока вод по склону с запада (кстати, там, где стена наиболее толстая). Защитный гребень, сам имеющий малую площадь водосбора, также отводит в стороны два ближайших потока: вад Эль-Мафджар на юг и вад Нума на север. Вад Нума протекает слишком далеко к северу, чтобы создавать потенциальную опасность для Иерихона, и чрезвычайно невероятно, чтобы ее паводки могли повредить северную часть стены. Таким образом, речь может идти только о маленькой речке вад Эль-Мафджар с бассейном водосбора около 20 км² [Ibid, p. 161].

Замеры расхода воды имеются по Нахал-Аруго с бассейном водосбора около 220 км², расположенной приблизительно в 45 км к югу: максимальная величина, фиксируемая в настоящее время, 500 м³/с [Ben-Zvi, 1988, p. 16]. При сходных климатических условиях в районе Иерихона расход воды из вад Эль-Мафджар мог быть 45 м³/с. Ширина реки возле Иерихона около 80 м. Если принять максимальную скорость воды за 0,5 м/с (довольно низкая оценка при значительных градиентах местной топографии), получим поднятие уровня воды в 1,2 м. Вад Эль-Мафджар находится в 500 м к юго-востоку от Иерихонского холма; паводок в 1,2 м не мог достигать стен. В раннем голоцене здесь, конечно, было более влажно, чем сейчас, как это видно по Нетив-Хагдуду [Tchernov, 1994], Хагуле [Davis, Lernau, Pichon, 1994] и др. Даже если допустить, что количество осадков было на 100% больше зафиксированного современного максимума, то все равно паводок не мог представлять потенциальной угрозы Иерихону, во всяком случае такой, чтобы возводить стену в 3,5 м толщиной и 5,5 м высотой.

Упомянутые выше три наблюдения, как бы подтверждающие существование паводков в период докерамического неолита А в Иерихоне, можно интерпретировать и по-иному. Скопления гальки, которые наблюдала К. Кенъон, располагаются поверх уровней докерамического неолита А, как раз под несколькими прямоугольными домами докерамического неолита Б. В начале этого периода гальку иногда укладывали под здания для укрепления мягких участков или для заполнения выемок в субстрате, например, в

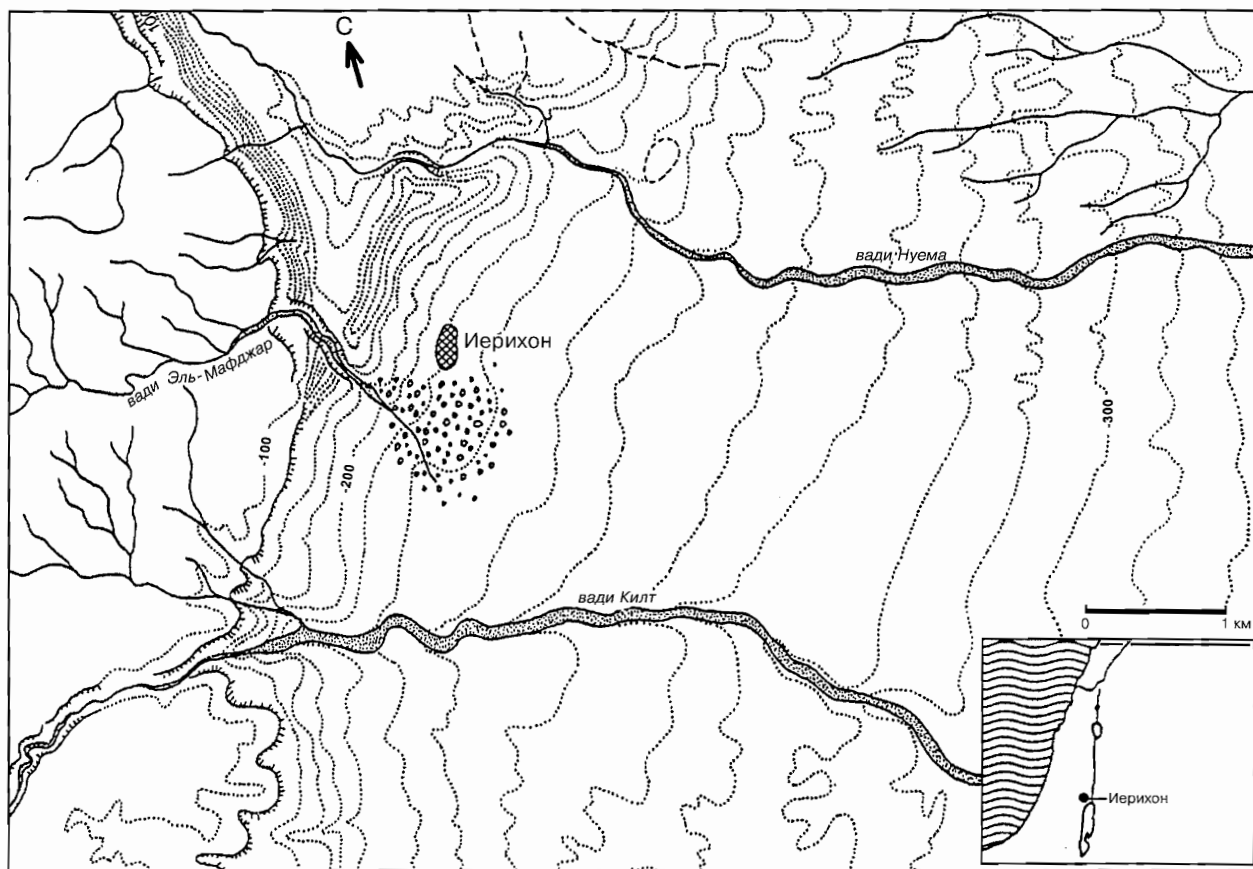

Рис. 3. Гидрографическая сеть в окрестностях Иерихона (по [Bar-Yosef, 1986, fig. 2]).
Возвышенности расположены ниже среднего уровня моря.

Кафер-Хоюке [Molist, Cauvin, 1991, p. 107] около 7300 лет до н.э. Поэтому весьма вероятно, что и в Иерихоне в начале периода докерамического неолита Б покрытые галькой площадки служили для строительных целей и обязаны своим появлением там не паводкам, а человеческой деятельности. Повреждения стены на южной и северной сторонах могли быть нанесены тоже людьми, возможно, разбиравшими ее в период докерамического неолита Б после того, как надобность в стене отпала.

Третье наблюдение касается природы отложений, накопленных во рву (рис. 4), которые очень подробно описала К. Кеньон [Kenyon, 1981, p. 26]. Самый древний слой состоит из мелкого щебня, который, как полагают, представляет собой отходы рытья рва. Поверх щебня размещаются многочисленные слои и линзы заполнений периода докерамического неолита А, описанные Кеньон как “розовато-лилово-пепельные”, “желтовато-коричневые”, “кирпичи и камни” и, в самом низу, “черные жженые”. Все это накопления явно антропогенного происхождения. Другие слои, по толщине не превышающие половины заполнения, были обозначены как “ил с мелким гравием”, “мелкий ил”, “темно-коричневая глина” или

“твердый коричневый” [Ibid, pl. 236], что может быть интерпретировано как аллювиальные. Кеньон нигде не упоминает о наличии аллювиальных отложений за пределами стены. Наиболее правдоподобно, что ров постепенно заполнялся сбрасываемым с холма антропогенным строительным мусором, который иногда перемежался намываемыми дождем отложениями. Следовательно, ров не содержит свидетельств серьезных наводнений вокруг Иерихона в период докерамического неолита А. К тому же тот факт, что стена оказывается самой толстой на западе, противоречит ее якобы противопаводковой функции, поскольку наводнений приходилось бы ожидать на севере и на юге.

Альтернативная интерпретация

Как показано выше, назначением иерихонской системы не могла быть ни военная оборона, ни защита от наводнений. При отсутствии какой-либо известной “утилитарной” задачи нельзя не предположить, что вся иерихонская система, а не только башня, выполняла культовую функцию. По нашему мнению, весь комплекс – башня, стена и ров – представлял собой

оборонительную систему, призванную защищать от мифологических существ, а не от людей и стихии.

Вопросы веры и идеологии, которые на археологическом жаргоне часто именуется “неутилитарными”, тем не менее числятся в ряду сильнейших мотиваций человеческой деятельности. По самой природе археологической “летописи” “неутилитарное” можно редко наблюдать непосредственно [Renfrew, 1985]. Археологи указывают на “неутилитарное” направление, когда все вероятные “утилитарные” объяснения отвергаются, как это справедливо сделал О. Бар-Йозеф [Bar-Yosef, 1986] в случае иерихонской башни.

Наше предположение можно далее подтвердить аналогией. Разделение между внутренностью дома и внешним пространством в раннем неолите, противопоставление *domus* – *agrios*, стало символизировать более радикальные оппозиции, такие как человеческий – дикий, безопасный – опасный, наконец, жизнь и смерть, что убедительно аргументировал И. Ходдер [Hodder, 1987]. Этнографические наблюдения выявляют аналогичные понятия, например, стены домов африканского народа темне воспринимаются специфически как охраняющие священный, очеловеченный внутренний мир от дикого и опасного внешнего мира, мира ведьм и демонов [Rapaport, 1979, p. 10]. Нововведение иерихонской общины состояло в расширении понятия дома, распространении его на весь холм. Холм стал “жилищем” и, подобно дому, должен быть защищен от мифологических злых духов. Если рассматривать все под этим углом зрения, то стратегически неверное расположение башни и более толстая стена на западе, где ежедневно умирает солнце и где во всю властвует нечисть, – все становится частью некоей системы веры в Иерихоне раннего неолита, детали которой нам неизвестны.

Уникальность оборонительной системы Иерихона интригует. Ни в одном современном ему поселении на Южном Востоке не обнаружены подобные структуры вплоть до сегодняшнего дня. Расположенное поблизости поселение Нетив-Хагдуд, явно требовавшее защиты от паводков, о чем свидетельствуют отложения мощностью до 4 м, состоящие из гальки и аллювия, тем не менее не имело стены [Bar-Yosef, Gopher, 1997]. Исключительность иерихонских сооружений говорит против связи с какими бы то ни было естественными причинами: если бы таковые существовали, то другие сообщества реагировали бы подобным же образом. Уникальное поведение лучше подходит к сфере идеологии, как учит новейшая история (например, становление великих религий нынешнего времени).

Здесь следует упомянуть, что в докерамическом неолите Кипра (хирокийская культура) 7 – 6 тыс. л. до н.э. по меньшей мере два поселения были окружены массивными оборонительными сооружениями – Хирокийтия [Le Brun et al., 1987, p. 289] и Калавасос-

Тента [Todd, 1987; 1989, p. 5], последнее со рвом. Стена вокруг Хирокийтии соизмерима с иерихонской: толщина 3,5 м, высота 4 м [Le Brun et al., 1987, p. 289]. Расположенные на вершинах холмов оборонительные сооружения обоих поселений, по всей вероятности, не были защитой от естественных сил вроде наводнений и селей. Не предназначались они и для того, чтобы останавливать нападающих людей, потому что, как отметил А. Ле Брен [Le Brun, 1992], наиболее ценные богатства обитателей Хирокийтии, козы стада, находились за пределами стен. Кроме того, в материальной культуре докерамического общества не представлено боевое или охотничье снаряжение [Held, 1989; Le Brun, 1989; Ronen, 1995, 1999]. Все это не согласуется с фортификациями. Поэтому нельзя не прийти к выводу, что здесь тоже, как и в Иерихоне, стена могла функционировать только в качестве магического охранительного сооружения, разделяющего, по меньшей мере, застроенные площади от незастроенных [Le Brun et al., 1987, p. 289]. Таким образом, при контекстуальном анализе выявляется, что и иерихонская, и хирокийская культуры были идеологически обусловлены [Ronen, 1999] и пролили определенный свет друг на друга. Исследование возможной связи между этими двумя культурами выходит за рамки настоящей статьи.

Список литературы

- Amiran R., Paran U., Shilo Y., Brown R., Tsafir Y., Ben-Tor A.** Early Arad I. – Jerusalem: Israel Exploration Society, 1978. – XIV + 138 p. + 193 Pl.
- Anati E.** Palestine Before the Hebrews. – N.Y.: Knopf, 1963. – 453 p.
- An Early Neolithic Village** in the Jordan Valley, The Archaeology of Netiv Hagdud / Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher. – Cambridge: Harvard University, 1997. – XIV + 266 p. – (American Schools of Oriental Research; N 43).
- Bar-Yosef O.** The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // *Current Anthropology* 1986. – Vol. 27. – P. 157 – 162.
- Ben Zvi A.** Maximal Discharges Observed in Israel // *Environ. Geol. Water Sci.* – 1988. – Vol. 1. – P. 15 – 19.
- Burleigh R.** Additional Radiocarbon Dates for Jericho // Kenyon K.M., Holland T.A. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – Vol. 5. – P. 760 – 765.
- Crowfoot-Payne J.** The Flint Industries of Jericho // Kenyon K.M., Holland T.A. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – Vol. 5. – P. 622 – 758.
- Davis S.M.J., Lerna O., Pichon J.** The animal remains // *Le gisement de Hatoula en Judée occidentale, Israel* / Eds. M. Lechevallier, A. Ronen. – P.: Association Paleorient, 1994. – P. 83 – 100. – (Memoires et Travaux Centre Recherche Francaise de Jerusalem; N 8).
- Held S.O.** Colonization Cycles on Cyprus 1: The Biogeographic and Paleontological Foundations of Early Prehistoric

Settlement // Report Department of Antiquities Cyprus. – Nicosia, 1989. – P. 7 – 28.

Hodder I. Contextual archaeology: an interpretation of Catal Huyuk and a discussion of the origins of agriculture // Bull. Institute of Archaeology. – 1987. – N 24. – P. 43 – 56.

Kenyon K. Digging Up Jericho. – L.: Benn, 1957. – 272 p.

Kenyon K. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1981. – Vol. 3. – XXIII + 540 p.; XXXII + 343 Pl.

Kenyon K. Jericho. The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. – Jerusalem: Israel Exploration Society, 1993. – Vol. 2. – P. 674 – 681.

Kenyon K., Holland T.A. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1982. – Vol. 4. – XIX + 647 p. + XII Pl.

Kenyon K., Holland T.A. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – Vol. 5. – XLVII + 864 p. + 40 Pl.

Le Brun A. Le néolithique de Chypre et sa relation avec le PPNB du Levant // Paléorient. – 1989. – Vol. 15. – P. 161 – 167.

Le Brun A. Monter, descendre: les accès au village néolithique préceramique de Khirakitia (Chypre) // Studies in Honour of Vassos Karageorghis. – Nicosia: Department of Antiquities Cyprus, 1992. – P. 21 – 26.

Le Brun A., Cluzan S., Davis S.J.M., Hansen J., Renault-Miskovsky J. Le néolithique préceramique de Chypre // L'Anthropologie. – 1987. – Vol. 91. – P. 283 – 316.

Molist M., Cauvin J. Les niveaux de Cafer Hoyuk (Malatya, Turquie): stratigraphie et architectures (fouilles 1984 – 1986) // Cahiers de l'Euphrate. – 1991. – N 5/6. – P. 85 – 114.

Rapoport A. Cultural Origins of Architecture // Introduction to Architecture / Eds. J.C. Snyder, A.J. Catanese. – N.Y.: McGraw-Hill, 1979. – P. 2 – 20.

Renfrew C. The Archaeology of Cult: The Sanctuary at Phylakopi. – Athens: British School of Archaeology, 1985. – XIII + 513 p. + 70 Pl.

Ronen A. Core, Periphery and Ideology in Aceramic Cyprus // Quartar. – 1995. – N 75(46). – P. 177 – 206.

Ronen A. Ideology-dependent Subsistence in the Aceramic of Cyprus // Hominid evolution – Lifestyles and survival strategies / Ed. H. Ullrich. – Gelsenkirchen-Schwelm: Edition Archaea, 1999. – P. 505 – 516.

Tchernov E. The Fauna of Netiv Hagdud. – Cambridge: Harvard University, 1994. – VIII + 105 p. – (American School of Prehistoric Research; N 44).

Todd I.A. Vasilikos Valley Project 6: Excavations at Kalavassos-Tenta I // Studies in Mediterranean Archaeology. – Goteborg, 1987. – N 71. – P. 6.

Todd I.A. Early prehistoric society: a view from the Vasilikos valley // Early Society in Cyprus / Ed. E. Peltenburg. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 2 – 13.

Материал поступил в редколлегию 06.07.2000 г.

УДК 903'15

Е.С. Богданов, Д.В. Кузнецов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronze@dus.nsc.ru*

ОРДОССКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ БРОНЗЫ

Введение

Сегодня в археологической науке существует много устоявшихся понятий и терминов, многозначность и условность которых вызывает бурные дискуссии. Проблема состоит не столько в подборе наиболее удачного названия для того или иного исторического феномена, сколько в корректном его использовании.

Термин “Ордос” в литературе неразрывно связан с термином “ордосские бронзы”, а в некоторых случаях используется как его синоним без должного осмысления, совершенно механически, без соответствующих пояснительных комментариев. Вместе с тем возможно абсолютно разное географическое, историческое и политическое толкования терминов “Ордос” и “ордосские бронзы”.

Древние бронзовые художественные изделия с территории Северного Китая привлекают внимание исследователей с конца XIX в. Уже в 1897 г. П. Райнеке в “Журнале этнологии” опубликовал статью “О некоторых связях древних китайцев с народами скифо-сибирского круга” [Reinecke, 1897, S. 5 – 7], в которой среди центральноазиатских древностей была выделена “северокитайская группа находок”. Однако широкую известность и популярность эти изделия приобрели лишь в 1920 – 1930-е гг., когда в поле зрения антикваров, востоковедов и археологов попали многочисленные материалы – результаты грабительских раскопок и случайных сборов в степях, простирающихся к северу от Великой Китайской стены. Именно они стали основой многих музейных собраний и частных коллекций. Однако эти прекрасные вещи, к сожалению, не имели никакой сопроводительной документации. Многие из них, если не большинство, были куплены на рынках в Пекине и других городах

Северного Китая. Вот как, например, собиралась коллекция И.Г. Андерссона для Стокгольмского музея дальневосточных древностей: “Поздней осенью 1920 года китайский собиратель Лиу, посланный в Ханан, чтобы продолжить собирать мою коллекцию, принес в мой кабинет огромную коллекцию из многих сотен топоров, ножей и других предметов... Лиу сообщил, что купил все это у жителей одной деревни... крестьяне которой находили эти предметы на своих полях и собирали для нас...” [Andersson, 1929, p. 154].

Среди огромного множества северокитайских древностей археологов-востоковедов особенно интересовали предметы “скифского облика”, выполненные в зверином стиле. В 1929 г. М.И. Ростовцев, учитывая условность термина “скифский”, предложил термин “средино-азиатская группа” [1993, с. 58]. В том же году И.Г. Андерссон в своей работе о древних художественных изделиях с территории Северного Китая назвал их “суйюаньские бронзы” (по названию провинции в Китае) [Andersson, 1929, p. 145]. В 1930 г. Э.Х. Миннс посчитал, что правильнее называть их “ордосские бронзы” [Minns, 1930, p. 35]. В 1930-х гг. И.Г. Андерссон и Э.Х. Миннс предложили датировать ордосские вещи последними веками до династии Хань и ханьским временем [Minns, 1930, p. 36; Andersson, 1932, p. 272], М.И. Ростовцев, А. Сальмони и ряд других исследователей – последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры [Ростовцев, 1993, p. 57; Salmony, 1933, p. 41 – 42; Werner, 1934, p. 264]. Несмотря на то что все последующие исследователи приняли термины “ордосские бронзы”, до сих пор не ясно, в каком географическом, хронологическом и историческом диапазоне он может использоваться.

“Ордос” есть монгольское название страны, на юге смежной с китайской губернией Шань-си, а с прочих

трех сторон окружаемой Желтой рекой: почему на кит. языке сия страна называется *Хэ-нань* и *Хэ-мхао*. Первое из сих названий значит: по южную сторону Желтой реки; а второе: петля, или излучина Желтой реки” [Бичурин, 1999, с. 46]. Когда появилось само слово “ордос” не совсем ясно. Предположительно оно тюркское и сопоставимо со словами: “ордо”, “орда”, “орду”, переводимыми как “местопребывания владетеля”, “палатка хана”, “ханская ставка”, а также “все города, племена, дворцы и земли хана” [Там же, с. 279; Радлов, 1893, с. 1072 – 1074; Таскин, 1968, с. 132].

До середины XVI в. Ордос входил в состав разных провинций, областей и уездов Китайской империи и лишь “под властью чахар стал именоваться как отдельная страна” [Бичурин, 1960, с. 520 – 521]. В современном понимании Ордос – пустынное плато внутри большого изгиба р. Хуанхэ в автономном районе Внутренняя Монголия. Природно-географические и климатические условия Ордоса способствовали сложению на его территории особого типа хозяйства. Песчаные барханы с довольно хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные мелкие озера с пресной водой были благоприятной средой для формирования кочевого скотоводства. Прекрасные пастбища, орошаемые р. Хуанхэ, позволяли населению этих мест без проблем переживать довольно суровые зимы. Поэтому неудивительно, что Ордос издавна служил местом постоянных кочевков разных племен. Первые достоверные письменные упоминания о северных соседях Китая встречаются в т.н. надписях на иньских гадательных костях, составленных примерно за 15 веков до нашей эры [Таскин, 1968, с. 6].

Будучи приграничной с Китаем территорией, Ордос являлся местом соприкосновения двух миров – кочевого и земледельческого. Подобная ситуация сопровождалась не только культурным взаимообменом, но и довольно частыми военными конфликтами. Потребность в ремесленно-земледельческой продукции и предметах роскоши заставляла кочевников постоянно совершать на Китай грабительские набеги. Поднебесная прилагала все усилия, чтобы обезопасить себя от “северных варваров”. Для этого на границе создавались военные поселения (в том числе из преступников), путем подкупа обеспечивалась лояльность местных князей.

Как уже отмечалось, территория Ордоса идеально подходила для ведения кочевого скотоводства. Кроме того, на склонах гор кочевники заготавливали лес, из которого строили жилища и делали утварь, стрелы и т.д. Естественно, они не хотели покидать это место. Для китайцев же Ордос не имел хозяйственного значения. “Жить среди озер и солончаков все равно нельзя”, – говорили они [Там же, с. 127]. Этот

район был важен для них с военной точки зрения, поскольку именно отсюда северные кочевники вторгались в Китай. Поэтому на этой территории Поднебесная создала особые округа – своеобразную буферную зону. Так, при династии Хань на отобранной у сюнну территории Ордоса был учрежден округ Шофан [Там же]. Однако приучить “варваров” к оседлости, привить им земледельческие традиции китайские сановники не смогли. Нельзя забывать также, что территорию Ордоса пересекали крупные торговые и миграционные пути. Постоянный приток нового населения создавал напряженность в регионе, что и выливалось в конечном итоге в регулярные боевые действия и междоусобные стычки.

В связи с довольно запутанной этнической и исторической ситуацией в регионе название “Ордос” в отечественной и зарубежной литературе очень часто распространяется и на регионы, которые географически к плато не относятся. Это скорее общее название, которое может обозначать большую или меньшую по протяженности территорию, в зависимости от того, о чем идет речь – об этнографии, физической географии или политических границах государств. Его применение в столь широком контексте с точки зрения археологии можно объяснить тем, что часть памятников, принадлежавших “северным варварам”, а также большое количество случайных находок обнаружены вне Ордосского плато. Многие исследователи под “Ордосом” подразумевают область распространения бронз “ордосского типа”. Китайские ученые выделили три группы культур: в автономном округе Нинся – тип Янлан, во Внутренней Монголии – тип Маоцингоу, в районе Пекина – тип Юйхуанму (или Цзунтушан) [Кан Ин Ук, 1999, с. 379]. Еще один очаг распространения бронз “ордосского типа” выявлен в Южном Китае [Комиссаров, 1996, с. 120 – 122]. Однако в данном случае, на наш взгляд, уместно вести речь не о бронзах “ордосского типа”, а о распространении скифо-сибирского звериного стиля и его локальных вариантах в Китае и Внутренней Монголии. Другое дело, что проникновение скифо-сибирских традиций в Китай, по-видимому, началось именно с территории Ордоса (западная часть Внутренней Монголии). Не случайно именно там обнаружен наиболее ранний памятник – Таохунбала, где впервые в данном регионе проявились скифо-сибирские традиции [Комиссаров, 1988, с. 100]. Именно в погребальных комплексах на территории Ордоса и близ лежащих районов в ходе раскопок в 1960 – 1980-е гг. китайскими археологами было обнаружено большое количество предметов “скифского облика”, не связанных с декоративной и монументальной скульптурой и живописью ханьского Китая. Эти находки наглядно продемонстрировали связь культур скифо-сибирского круга с Ордосом. Плато Ордос, как

указывает С.С. Миняев, “традиционно считается прародиной сюнну, они появились там после 209 г. до н.э.” [1991, с. 116], а их первые контакты со скифским древним искусством происходят на рубеже III – II вв. до н.э. [Миняев, 1995, с. 133]. А.А. Ковалёв называет IV в. до н.э. временем сложения определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая [1999, с. 81] и связывает это с племенами лоуфань и байян*. По мнению М.И. Артамонова, в Ордосе предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, появляются благодаря юэчжам, которые до конца III в. до н.э. занимали степи Джунгарии и Восточную Монголию до Ордоса [1973, с. 122].

Не вдаваясь в детали дискуссии об этническом составе населения Внутренней Монголии в эпоху раннего железного века, отметим, что, по-видимому, уже в IV в. до н.э. на территорию Ордоса проникли народы, которые позже вошли в состав хуннского племенного союза. Эти процессы послужили импульсом для возникновения “ордосских бронз”. В задачи нашей работы не входит выяснение этнической принадлежности того или иного археологического памятника эпохи Хань. Приходится признавать, что даже в отношении ключевых для понимания этнической ситуации в регионе памятников больше вопросов, нежели ответов**.

В археологической литературе история Ордоса (как и история возникновения “ордосских бронз”) чаще всего тесно связывается с хуннским (гунно-сарматским) временем. Вместе с тем утверждается, что “существование этих предметов (ордосских бронз) занимает длительный хронологический промежуток – около тысячи лет – с карасукского до гуннского времени” [Кан Ин Ук, 1999, с. 379]. И хотя подобная формулировка принята в китайской и советской (российской) археологической литературе, она вряд ли

* Правда, совершенно непонятно, почему проникновение саяно-алтайских традиций в Ордос связывается автором с передвижением лоуфаней на запад. Логично было бы предположить продвижение каких-то племен из Южной Сибири в Северный Китай, а не наоборот, поскольку именно “пазырыкский стиль” появляется в элитных комплексах Ордоса IV в. до н.э.” [Ковалёв, 1999, с. 81].

** В качестве примера можно привести точки зрения на этническую идентификацию могильника Сичагоу, впервые исследованного в 1956 г. в пров. Ляонин, уезд Сифэй. Первооткрыватель этого некрополя Сунь Шоудао связывает его с хуннами [1976, с. 25 – 35]; по мнению Цзэн Юна, некрополь принадлежал ухуаням [1980, с. 334 – 336]; У Энъ считает Сичагоу сяньбийским памятником [1987, с. 138], а Тянь Юнь предполагает, что могильник относится к Фуюй (Пуге) [1984, с. 29 – 34]. Интересно, что свои выводы китайские специалисты строят на результатах анализа погребального обряда, рассматривая при этом одни и те же предметы погребального инвентаря.

имеет под собой достаточно оснований, поскольку, говоря об “ордосской культуре бронзового века, которая складывается в XIII в. до н.э. (эпоха Шан) и достигает своего расцвета в XII – VI вв. до н.э. (эпоха Западная Чжоу)” [Тянь Гуанцзинь, 1983, с. 19], ученые имеют в виду комплекс вещей карасукского облика (в основном предметы вооружения), испытавших на себе влияние шанской культуры Центрального Китая. Почти все памятники эпохи бронзы, относящиеся к “культуре северных кочевых народов”, обнаружены за границами Ордоса – на территории провинций Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Хэбэй и Хэнань (см.: [Членова, 1976, с. 60 – 65; 1993, с. 65; Варёнов, 1997, с. 170 – 175; 1999, с. 306 – 311]). Не отвергая идею о существовании в эпоху бронзы на севере Китая особого археологического микрорайона (отличающегося своими “северными чертами” от территории Центрального Китая), мы считаем не совсем корректным употребление термина “ордосские бронзы” применительно к вещам карасукского облика. Возможно, их лучше называть находками эпохи бронзы из Северного Китая.

Какие же предметы традиционно входят в состав “ордосских бронз”? Вот что пишет по этому поводу М.И. Артамонов: “Ордосские бронзы разнообразны и разновременны. В их числе – ножи, кинжалы, короткие мечи, секиры, крючки, цепи и застёжки, бляхи личного и конского убора, подвески, булавки, наперстки, статуэтки, котлы и тому подобные предметы. Они украшены различными изображениями, среди которых имеются как фигуры целых животных, так и только их голов, как в скульптуре, так и в рельефе, притом в различных сочетаниях” [1973, с. 122]. В сущности перечислены все категории погребального инвентаря из бронзы. Классическими образцами “ордосских бронз” Тянь Гуанцзинь называет оружие и украшения, выполненные в зверином стиле [1983, с. 9]. Однако «изделия карасукской эпохи и синхронных ей культур Внутренней Монголии и прочих юго-восточных областей не могут называться изделиями “звериного стиля”. К ним неприменим этот термин, приложимый исключительно к искусству ранних кочевников...» [Хлобыстина, 1970, с. 279]. Другими словами, кинжалы, ножи карасукского облика с рукоятями в виде звериных голов (с кольцевидными или шарообразными наперстками), а также секиры, наперстки, многочисленные скульптурные изображения из металла собственно “ордосскими бронзами” не являются.

Звериный стиль – преобладающий стиль искусства скифской и гунно-сарматской эпохи – чрезвычайно распространен от Средней Европы до Маньчжурии, преимущественно в степных и горных районах. Естественно, что его ареал можно разделить на районы или провинции, каждой из которых присущи некоторые специфические черты. Выделяя “ордосские

Рис. 1. Ордосские художественные бронзы.

бронзы” как локальный вариант скифо-сибирского звериного стиля, необходимо помнить, что мы имеем дело в основном с художественными бронзами хуннского времени. Таким образом, ордосские **художественные бронзы** – это комплекс вещей скифского облика с территории Северного Китая, большая часть которого укладывается в хронологические рамки – IV – I вв. до н.э. Прежде всего это различные **поясные пластины**. Их можно разделить по типам:

I. Пластины с зооморфными сюжетами:

- 1) сцены борьбы (рис. 1, 1, 2);
- 2) сцены терзания (рис. 1, 3, 4; 2, 1, 2);
- 3) “геральдические” изображения животных (см. рис. 1, 5, 6; 2, 4, 5);
- 4) одиночные изображения животных (рис. 3, 5);
- 5) изображения эпического содержания (рис. 3, 1 – 3).

II. Пластины с геометрическим орнаментом (см. рис. 2, 3; 3, 4).

Подчеркнем, что по ряду орнаментальных особенностей, мотивам, специфике приемов композиции, манере “включать” тело зверя в пространство изображения на этих поясных пластинах отличаются от собственно китайских, относящихся к эпохе Хань. Поэтому, например, предметы из комплексов Наньфаньцуй, Тату 1987 г. [Ковалёв, 1999, с. 78, рис. 1, 10, 19], кургана “Короля Наньюэ” [Кан Ин Ук, Богданов, Леонтьев, 1999, с. 162, рис. 2, 4, 5], памятника Шицзышань [Богданов, 1999, с. 271, рис. 1, 1] и т.п. собственно “ордосскими бронзами” не являются, поскольку их орнамента указывает на китайское влияние и производство. Другая категория “ордосских художественных бронз” – разного вида пряжки и застёжки, предметы конского снаряжения, как с изображением животных, так и без них (см. рис. 3, 6 – 12).

Что касается вооружения (кинжалы, ножи) рассматриваемого периода, то это тема отдельного исследования. Огромный массовый материал позволяет провести его классификацию, однако не на основе

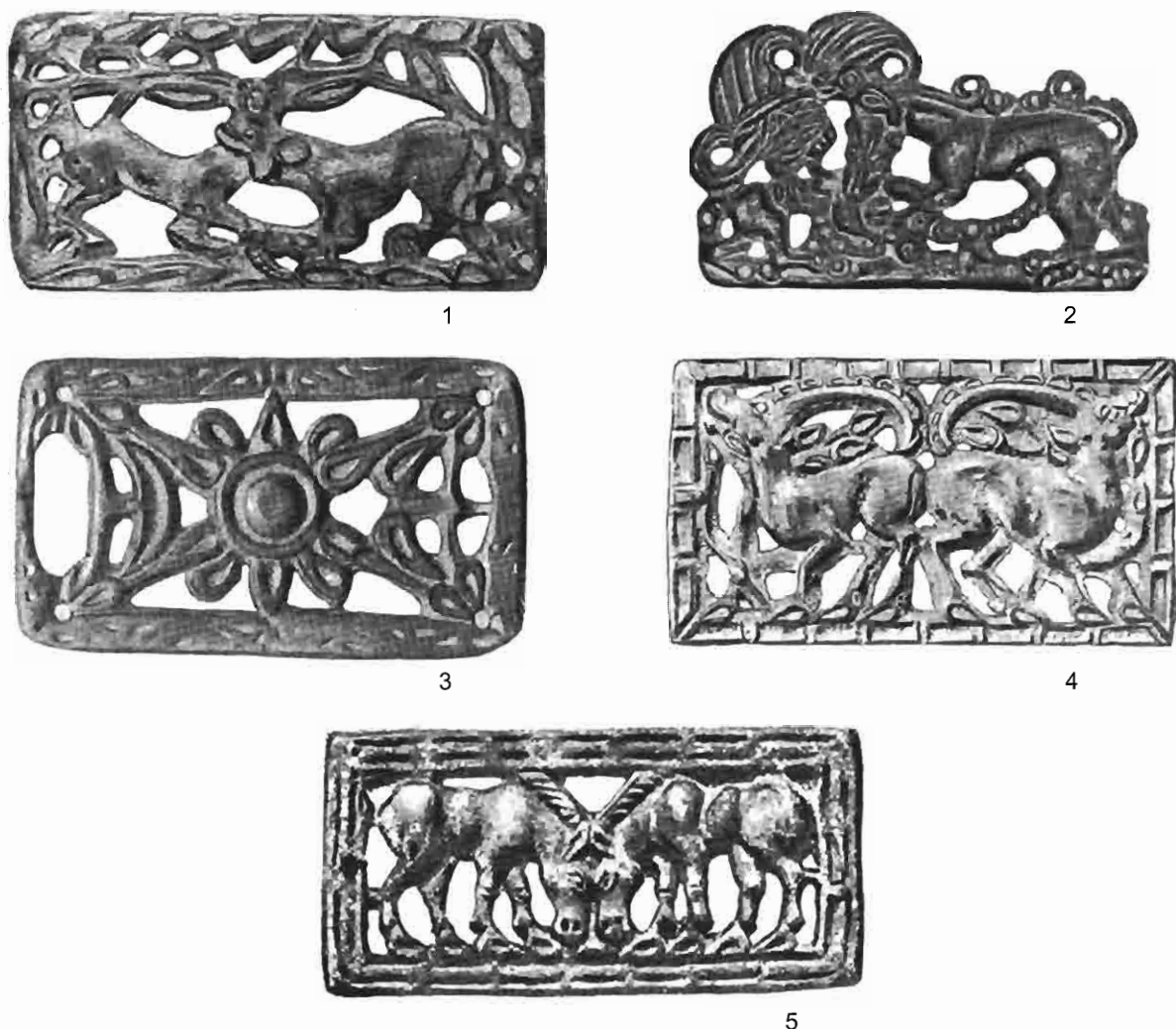

Рис. 2. Ордосские художественные бронзы.

территориального разделения, а по хронологическому и морфологическому (оформление перекрестия, навершия, форма клинка и т.д.) признакам. Необходимо отметить, что кинжалы и ножи скифского облика появляются еще в VII в. до н.э., причем не только на территории Северного Китая, но и всего Центральноазиатского региона. Их появление и распространение не связано напрямую с населением Ордоса, скорее это результат его взаимодействия с носителями культур карасукского облика Южной Сибири. Вопрос о контактах этих культур является в настоящее время дискуссионным и требует отдельного рассмотрения, но уже за рамками настоящего исследования. Пока мы ограничимся замечанием, что подобные кинжалы и ножи не должны причисляться к “ордосским художественным бронзам”, поскольку на это нет веских оснований.

Булавки (костыльки), подвески, бубенцы (колокольчики), бронзовые котлы на поддонах, трехлопастные наконечники стрел – своеобразные маркеры хун-

нской эпохи в Центральноазиатском регионе. Однако в методологическом плане эти вещи (как и кинжалы-акинаки) другого уровня классификации. На наш взгляд, более корректно утверждать, что по хронологии они скорее хуннские или скифские, чем, скажем, “ордосские”. Выделение из общей массы предметов отдельных типов по территориальным признакам в данном случае не совсем уместно. Вероятно, часть этих предметов действительно сделана в Ордосе. “Различие в химическом составе поясных пряжек Забайкалья, с одной стороны, и Монголии и Ордоса – с другой, свидетельствует, видимо, о существовании в хуннское время на территории двух последних регионов нескольких самостоятельных металлургических очагов. ...но выделить их конкретно пока невозможно, т.к. серийные анализы бронз из археологических комплексов этих регионов неизвестны” [Миняев, 1980, с. 30]. Результаты спектрального анализа бронзовых вещей из коллекции Секлера, опубликованные Э. Банкер, подтверждают основные

Рис. 3. Ордосские художественные бронзы.

выводы С.С. Миняева [Bunker, 1997, p. 312 – 315]. Представляется, что работа по определению конкретных типов сплавов, применявшихся металлургами той или иной горнометаллургической области, а также изучение древних рудников в Южной Сибири, Монголии, на Алтае поможет уточнить содержание термина “ордосские бронзы”.

Заключение

1. Выделяя “ордосские бронзы” как локальный вариант скифо-сибирского звериного стиля, необходимо учитывать, что мы имеем в виду в основном **художественные** бронзы хуннского времени, поэтому предлагаем употреблять термин “ордосские художественные бронзы”.

2. Территориальные рамки “ордосских художественных бронз” предлагается ограничить Северным Китаем.

3. Основной массив “ордосских художественных бронз” укладывается в хронологические рамки IV – I вв. до н.э. (периоды Чжаньго – Западная Хань по китайской хронологии).

4. Вещи карасукского облика, а также предметы вооружения скифской и гунно-сарматской эпох в состав “ордосских художественных бронз” не входят.

Благодарности

Авторы работы выражают огромную признательность за ценные консультации С.В. Алкину, С.А. Комиссарову, Юй Сухуа, Кан Ин Уку.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. – Чебоксары: Чуваш. гос. кн. изд-во, 1960. – 758 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: ТОО “Жалын баспасы”, 1999. – Т. 3. – 352 с.
- Богданов Е.С.** Поясные пластины из Шицзышаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 269 – 275.
- Варёнов А.В.** Карасукские ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 170 – 175.
- Варёнов А.В.** Чаодаогоу и янхэ – памятники эпохи Шан-инь с ордосскими бронзами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 306 – 311.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. – 1980. – Вып. Д4-7. – 36 с.
- Кан Ин Ук.** Проблема выделения кинжала “типа цинь” из ордосских комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 372 – 379.
- Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В.** Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // Древности Алтая. – 1999. – № 4. – С. 159 – 163.
- Ковалёв А.А.** О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V – III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 75 – 82.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.
- Комиссаров С.А.** Поясные пластины “ордосского типа”, найденные на юге Китая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 120 – 122.
- Миняев С.С.** Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // САИ. – 1980. – Вып. Д4-7, прилож. – С. 29 – 36.
- Миняев С.С.** О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 108 – 120.
- Миняев С.С.** Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования “геометрического стиля” в искусстве сюнну // Археол. вестн. – 1995. – № 4. – С. 123 – 135.
- Радлов В.В.** Опыт словаря тюркских наречий: Собр. в 4 т. – СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1893. – Т. 1, ч. 2. – 637 с.
- Ростовцев М.И.** Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербург. археол. вест. – 1993. – № 5. – С. 57 – 75.
- Сунь Шоудао.** Обнаружение хуннского памятника Сичагоу // Каогу сюэбао. – 1976. – № 1. – С. 25 – 35 (на кит. яз.).
- Таскин В.С.** Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1968. – 176 с.
- Тянь Гуанцинъ.** Археологические исследования хунну в районе Внутренней Монголии за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7 – 24 (на кит. яз.).
- Тянь Юнь.** Анализ проблемы этнической принадлежности могильника Сичагоу // Хэйлунцзян вэньвункань. – 1984. – № 4. – С. 29 – 34 (на кит. яз.).
- У Энь.** К вопросу о различиях памятников хунну и сяньби эпохи Хань // Чжунго каогу сюэхуэй. – 1987. – № 6. – С. 134 – 140 (на кит. яз.).
- Хлобыстина М.Д.** Южносибирская торевтика в карасукских бронзах // Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1970. – Вып. 3: Сибирь и ее соседи в древности. – С. 271 – 279.

Цзэн Юн. Могильный Сичагоу в провинции Ляонин уезда Сифэй – ухуаньский памятник // Каогу. – 1980. – № 6. – С. 334 – 336 (на кит. яз.).

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербург. археол. вест. – 1993. – Вып. 4. – С. 49 – 75.

Andersson J.G. Der Weg über die Steppen // Bull. the Museum of Far Eastern Antiquities. – 1929. – № 1. – P. 143 – 165.

Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. – 1932. – Bull. 4. – P. 221 – 315.

Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections. – N.Y., 1997. – 401p.

Minns E.H. Small bronzes from northern Asia // Antiquaries journal. – 1930. – Vol. 10, N 1. – P. 34 – 38.

Reinecke P. Über Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des Skythish Sibirischen Volkerkreises // Zeitschrift für Ethnologie. – 1897. – Bd 29, H. 5. – S. 15.

Salmony A. Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo. – P.: C.T. Loo Publisher, 1933. – 119 p.

Werner J. Zur Stellung der Ordosbronzen // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – 1934. – Vol. 9. – P. 259 – 267.

Материал поступил в редколлегию 06.02.2001 г.

УДК 902.2

К.М. Байпаков¹, Ю.Г. Ефстифеев², Б. Кок³, К.М. Пачикин⁴, Т.В. Савельева¹¹*Институт Археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан,
пр. Достык, 44, Алматы, 480100, Республика Казахстан**E-mail: platinum-5@mail.ru*²*Экологический исследовательский центр "Энверс",
ул. Богенбай-батыра, 103, Алматы, 480100, Республика Казахстан*³*Лаборатория географической физики. Национальный центр научных исследований Франции,
"Residence du Park de Sceaux", 42, avenue Alphonse Cherrier, Sceaux, 92330, France**E-mail: coque@paris7.jussieu.fr*⁴*Институт почвоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан,
Академгородок, Алматы, 480060, Республика Казахстан**E-mail: tethys@jashenko.almaty.kz*

ЭКОЛОГО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОМ ПРИБАЛХАШЬЕ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ СЕМИРЕЧЬЕ)

Южное Прибалхашье – часть Северо-Восточного Семиречья (Жетысу), являющегося крупным географическим регионом и историко-культурной областью на юго-востоке Казахстана. На западе оно ограничено Чу-Илийскими горами, на северо-востоке граница проходит по западному берегу Алаколя, на севере – это южная кромка Балхаша, на юге и юго-востоке – Джунгарский и Заилийский Алатау.

Семиречье занимает промежуточное положение между Средней Азией, Центральным Казахстаном, Сибирью, Алтаем и Восточным Туркестаном. Здесь издревле сосуществовали различные хозяйственно-культурные типы, основу которых составляли скотоводство и земледелие, что обуславливалось природно-климатическими факторами и наличием "зон жизни" [Аболин, 1930], а также соседством оседло-земледельческих культур Средней Азии и Южного Казахстана, с одной стороны, и культур степей и лесостепей Сары-Арки и Сибири – с другой.

Уже в эпоху бронзы, начиная с первой четверти II тыс. до н.э. и до начала I тыс. до н.э., на этой территории сформировался семиреченский вариант андроновской культуры, основой развития которого явились скотоводческо-земледельческая экономика, металлургия меди и бронзы, широкие международные контакты.

В эпоху бронзы уходят традиции культуры раннего железного века. В VII – III вв. до н.э. в Семиречье уже существовало Сакское государство, а в III в. до н.э. –

IV в. н.э. – государство усуней. В средние века здесь были Западно-Тюркский, Тюркешский, Карлукский и Караханидский каганаты, затем Монгольская империя, Моголистан и Казахское ханство [Савельева, 1999, с. 10].

Одним из интересных вопросов в археологии и истории Прибалхашья является его заселение и освоение в средние века, когда здесь появилась группа городов. Они возникли на отрезке трассы, отходящем от Великого Шелкового пути. Он шел по правому берегу р. Или через Илийскую долину в сторону оз. Балхаш через п-ов Сарыесик к узкому проливу, переправившись через который (на подручных плавсредствах или вброд летом и по льду зимой), караваны выходили на северный берег озера. Отсюда караванный путь шел в степи Центрального Казахстана (Дашти Кыпчак), в долины Нуры, Сарысу, предгорья Улутау, где в средние века были крупные разработки месторождений полиметаллических руд и где формировалась своеобразная городская культура.

Первые сведения об остатках поселений, городов и оросительных систем в Южном Прибалхашье имеются в трудах географов, биологов, почвоведов, геологов и гидрогеологов, исследовавших эти земли с целью выявления и изучения природных ресурсов. Первым обратил внимание на баканасские памятники Г.Ф. Фишер во время своей поездки в начале 80-х гг. XIX в. от пос. Илийск до оз. Балхаш [1884, с. 63].

В начале XX в. территорию сухих русел Баканасов обследовал известный географ Л.С. Берг. Он впервые высказал мысль о том, что р. Или некогда несла свои воды в Балхаш по ныне сухим баканасским руслам. Наиболее ценными являются его суждения о плодородии почв древней дельты и о возможности освоения их под орошаемое земледелие [Берг, 1963, с. 7].

После публикаций Л.С. Берга до сих пор не ослабевает интерес к баканасским землям. Основным направлением последующего изучения района становится народнохозяйственное освоение этих плодородных земель [Безсонова, 1914; Аболин, 1930; Николаев, 1959].

С 30-х гг. изучение природных ресурсов низовьев р. Или уже не ограничивается поездками отдельных исследователей, организуются целые научно-исследовательские экспедиции, занимающиеся комплексным изучением этих земель. Одной из первых была экспедиция Рисотреста и Казводхоза, подтвердившая в своих выводах мысль Л.С. Берга о плодородии баканасских почв и пригодности их для орошаемого земледелия.

С 1944 г. в бассейне работает Илийская комплексная экспедиция Казахского филиала АН СССР, одной из основных задач которой было решить проблему использования вод р. Или для орошаемого земледелия и, в частности, в районе Баканасов.

В археологическом отношении район Баканасов долгое время оставался почти не изученным. Наиболее подробные сведения о группе из трех городищ, известных под общим названием Актам, и о примерном их местонахождении имеются в работе географа Н.Н. Пальгова. В ней автор также сообщает о множестве ирригационных каналов и арыках [Пальгов, 1930, с. 480 – 498].

В 1962 г. отряд Семиреченской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством К.А. Акишева осуществил рекогносцировочную поездку по древним руслам Баканасов. Были открыты и предварительно обследованы пять городищ и ряд ирригационных сооружений. В 1964 г. проводились археологические работы на городищах, частично обследовалась оросительная сеть вокруг них [Акишев, Байпаков, с. 83 – 96].

В 1992 г. были проведены археологические обследования и аэрофотосъемка, составлена карта памятников средневековой городской земледельческой культуры юга Прибалхашья. Наряду с ранее известными, выявлено два новых городища, ряд поселений и усадеб. Дешифровка аэрофотоснимков дала информацию не только об исторической топографии городищ, но и о состоянии и характере ирригационных сооружений, что явилось основным фактором при картографировании и подробной характеристике оросительной сети и

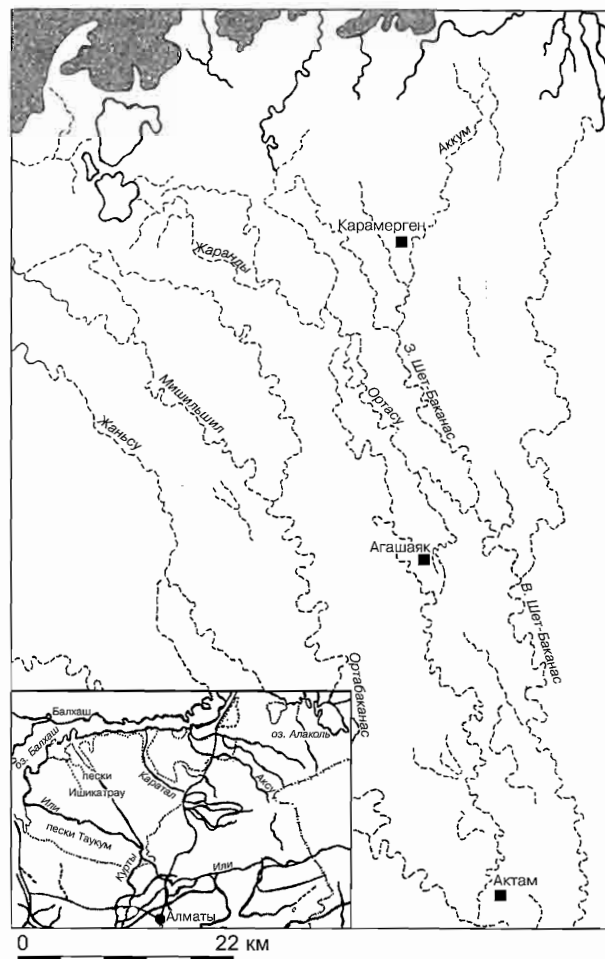

Рис. 1. Размещение средневековых городищ в древней дельте р. Или.

определении ее связи с археологическими памятниками, рельефом местности и водными источниками [Байпаков, Грошев, 1993, с. 32 – 42].

В 1997 г. комплексные исследования в регионе провел Прибалхашский отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Института археологии. В его составе работали археологи, геоморфологи, почвоведы из Академии наук Республики Казахстан и Национального Центра научных исследований Франции. Задачей отряда являлось получение дополнительных сведений о средневековых городищах и экологической обстановке во время их существования, а также о возможной связи гибели городищ с изменением экологии, вызванным отмиранием Баканасов – протоков Или.

Во II тыс. Южное Прибалхашье не испытывало значительных климатических и экологических катаклизмов, хотя имели место относительно более влажные и сухие периоды.

Важно отметить, что образование и существование городищ было тесно связано с динамикой древней

дельты. Можно выделить два основных периода в ее развитии – максимального обводнения и постепенно-го высыхания и отмирания Баканасов.

Исследования комплексной экспедиции велись в двух планах – археологическом, в пределах городищ, и экологическом, с охватом окружающих городища ландшафтов. Была обследована центральная часть древней дельты, где расположены три известных в литературе средневековых городища – Актам, Агашаяк и Карамерген (рис. 1).

На данной территории распространена настоящая пустыня с широким развитием такыровидных почв, эоловых песчаных образований, такыров и солончаков, испещренная многочисленными сухими руслами – “баканасами”.

Следует подчеркнуть чрезвычайную меандрированность всех основных русел древней дельты. Этим она отличается от современной дельты, что обусловлено незначительным уклоном рассматриваемой равнины: на расстоянии в 200 км от истока Шет-Баканаса до побережья Балхаша средний уклон составляет $0,00025^\circ$.

Надо отметить, что на представленной карте (см. рис. 1) показаны лишь основные русла – рукава древней дельты, прослеживающиеся довольно четко на всем своем протяжении и отраженные в масштабе 1:200 000. Но они составляют лишь малую часть всей той сложной системы протоков дельты, которую можно восстановить по аэрокосмическим материалам (соотношение показанных на карте и всех русел примерно 3:7). К этому необходимо добавить большое количество озер в период существования дельты, которые маркируются в настоящее время многочисленными водорослевыми такырами и солончаками.

Все вышеперечисленное свидетельствует о значительной обводненности древней дельты в период ее существования. Это подтверждается наличием погребенных гумусовых горизонтов бывших гидроморфных (луговых, болотно-луговых и лугово-болотных) почв в ее пределах.

Культурные слои городищ лежат выше погребенных горизонтов древних гидроморфных почв, следовательно, поселения могли существовать здесь в определенный период опустынивания дельты, когда по руслам Баканасов еще происходил сток илийских вод, но водораздельные поверхности уже развивались в автоморфном режиме. Еще одно предположение можно сделать относительно деятельности населения, концентрировавшегося вокруг этих поселений. Занятие земледелием здесь было связано с определенными трудностями ввиду крайне малого уклона местности. Для орошения территории необходимо было поднимать уровень воды в протоке, что требовало значительных земляных работ. Кроме того, общая слабая дренированность орошаемых полей всегда чре-

вата опасностью вторичного засоления земель и гибелью посевов.

Что касается животноводства, то рассматриваемая территория имела свои преимущества – это летние пастбища собственно дельты и прилегающие зимние пастбища песчаного массива Сары-Ишик-Отрау.

Рассмотрим коротко географическое положение исследованных городищ Актам, Агашаяк и Карамерген. В настоящее время накопился материал по городищам в древней дельте. Однако их географические привязки требуют серьезного уточнения.

Большинство авторов указывают, что все городища расположены к северо-востоку от районного центра Баканас, хотя, например, Актам по меридиану находится западнее Баканаса примерно на 40 км, и речь может идти лишь о северном, северо-западном расположении городищ относительно Баканаса. Указывается, что Актам находится в 120 км от Баканаса, хотя расстояние по прямой составляет лишь около 90 км. На Археологической карте Казахстана [1962, лист 31] Актам обозначен на правом берегу Шет-Баканаса, т.е. значительно восточнее установленного в настоящее время расположения, также неверно показано и городище Карамерген. Точную ориентацию рассматриваемых городищ, полученную инструментальным методом, мы приводим ниже.

Любопытно проанализировать топографические карты интересующей нас территории, составленные в конце XIX в. (Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями, лист IV, масштаб: в 1 дюйме 100 верст, 1:42 000, издана в 1884 г.; Карта южной пограничной полосы Азиатской России, лист XII, масштаб: в 1 дюйме 40 верст, 1:1 680 000, издана в 1921 г.). На этих картах нанесены караванные дороги по обоим берегам рек Или и Каратала, вдоль Южного и Северного Прибалхашья, а также путь от поселка (пикета) Сарыбулакский (район современного пос. Коксу) на запад, северо-запад через пески Сары-Ишик-Отрау до современной дельты р. Или и далее до оз. Балхаш (пос. Сартумсы). На переходе примерно в 300 – 350 км обозначены более 10 ночлежных пунктов с колодцами. Этот караванный путь проходит в 8 км южнее городища Актам.

На картах достаточно точно указаны развалины укреплений Актам и Дуртгут, что совпадает с местоположением городищ соответственно Карамерген и Актам. В Северном Прибалхашье чуть восточнее современного г. Балхаша обозначена “бывшая Быртыская пристань”, от которой караванные пути идут к северу на Каркаралинск (Караганды в то время не существовало) и далее на Семипалатинск, Павлодар, Акмолинск.

Интересно также отметить, что русло Шет-Баканаса до $45^\circ 30'$ с.ш., т.е. до широты городища Актам, показано как действующее, имеющее постоянный

сток. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в конце XIX в. караванные пути в Южном Прибалхашье использовались широко и, по-видимому, они действовали с древних времен.

Городища Актам, Агашаяк и Карамерген ориентированы с юга на север и находятся на древнем караванном пути, связывавшем Семиречье с Центральным Казахстаном.

Если рассмотреть торговые пути (в том числе и отрезок Шелкового пути) от Семиречья и Восточного Туркестана до территории Центрального и Северного Казахстана, то из них наиболее близкий и удобный от Алмалыка (Кульдзь) вдоль р. Или до средневековых поселений Чингильды и далее по правому берегу до городища Бояулы, что в районе современного пос. Баканас, затем через укрепления (городища) Актам, Агашаяк, Карамерген и от последнего на п-ов Сарыесик, образованный дельтой Ортасу, где также имеются следы городища, далее через узкий перешеек, совместимый с дельтой р. Токрау (который в определенные периоды был практически сухим либо представлял узкий мелководный брод), затем по долине р. Токрау на север. Во всяком случае, наиболее прямой путь, например от Кульджи до Астаны, был не менее 3000 км, а любой другой длиннее на 500 – 1000 км.

Рассмотрим конкретно положения исследуемых памятников.

Городище Актам расположено по прямой примерно в 85 км к северо-северо-западу от пос. Баканас. Координаты: 45° 32' 32" с.ш., 75° 41' 34" в.д. Памятник находится западнее основных (крупных) русел Баканасов: в 7 – 7,5 км от Орта-Баканаса и в 10 – 10,5 км от Шет-Баканаса. Абсолютная высота окружающей местности 369 м, относительная высота территории памятника 1,0 – 1,5 м.

Городище Актам является самым крупным из всех аналогичных памятников юго-восточного Прибалхашья. Оно представляет собой возвышенную прямоугольную в плане площадку, ориентировано по сторонам света углами, длинные юго-западная и северо-восточная стены равны 180 м, а короткие юго-восточная и северо-западная – 170 м. Все четыре угла городища укреплены округлыми башнями диаметром 10 – 12 м, высота сохранившихся частей 2,5 – 3 м. Длинные стены имеют по четыре башни на расстоянии 33 м друг от друга и 35 м от углов, короткие – по две круглые башни, между которыми были въезды, прослеживающиеся посередине северо-западной и юго-восточной стен. Въезды шириной 8 м защищены Г-образным отрезком стены, выступающим на 10 м. Сильно оплывшие стены сохранились на высоту 2 м, ширина их по основанию 7 – 9 м.

Внутренняя поверхность городища представляет собой плоскую площадку, местами затакыренную и

поросшую саксаульником. Ближе к юго-восточной стене следы оплывших валов, образующих несколько прямоугольников, по всей видимости, остатки прежних строений. Шурфы размерами 4 × 4 м, заложенные в центре городища и на видимых остатках прежних сооружений, выявили следы ранних конструкций.

Оказалось, что городище Актам однослойное, культурный слой имеет толщину 0,6 – 0,8 м. В ходе раскопок обнаружено несколько десятков черепков керамических сосудов, много костей домашних животных, обломки бронзовых и стеклянных изделий, а также две бусины из перламутра и ляпис-лазури.

Территория, примыкающая снаружи к юго-восточной и юго-западной стенам Актама, некогда была обнесена глинобитной стеной. Она начиналась от восточной угловой башни и тянулась на востоко-юго-восток на 120 м, затем поворачивала на юг и шла параллельно крепостной стене, еще раз поворачивала, но уже на запад, на расстоянии 60 м проходила параллельно юго-западной стене города и соединялась с западной угловой башней. Проезд в стене имелся как раз напротив въезда в городище.

Магистральный канал Актам берет начало в 1,5 км западнее городища, на одном из боковых протоков Орта-Баканаса. Ширина ложа канала 3 – 5 м, высота отвалов 1 м, ширина их по основанию 5 м, сохранившаяся глубина канала 0,5 м. Протяженность около 20 км. Возле городища канал имеет многочисленные ответвления, которые сохранились до наших дней в виде оплывших валов с немного поднятым над современной поверхностью ложем. Это – распределительные каналы первого и второго порядка, оросители. Ширина первых 2 – 3 м, вторых – 1 – 2 м, третьих, как правило, не более 0,5 м.

С западной стороны от развалин Актама сохранились остатки распределительного узла, разделяющего основной канал на три ветви: западную, северную и восточную. Левая ветвь огибала городище с восточной и северной стороны и имела протяженность 2 км. Две другие орошали соответственно южную и западную стороны прилегающей территории городища и прослежены на расстоянии 1,5 км. В топографическом отношении все три ветви одинаковы. При ширине 2 – 3 м валы возвышаются на высоту до 1 м, глубина их 0,5 м.

На всем пространстве, прилегающем к городищу с северо-востока, прослеживается бывшая агроирригационная планировка. Это – поля, разделенные небольшими арыками и валами на прямоугольные, подпрямоугольные хорошо спланированные участки. Один из таких участков имел размеры 15 × 25 м. На нем отчетливо видны гряды шириной 3 – 3,5 м и борозды шириной 0,5 – 0,7 м, вероятно, это был виноградник или бахча. Здесь же зафиксированы остатки полей, по-видимому предназначенных под зерновые

сельскохозяйственные культуры, о чем свидетельствуют обширные, хорошо спланированные участки земли, отделенные друг от друга небольшими валами. Ширина валов 0,5 – 0,8 м, высота 0,3 м. Поля имели довольно значительные размеры по сравнению с остальными участками. Центральная часть городища – это лишь небольшая территория памятника. Большая часть его – поселения, состоящие из отдельных усадеб вдоль магистрального и распределительных каналов. Следы застройки, определяемые на поверхности такыров по черепкам керамики, гончарным и металлическим шлакам, остаткам строений, протянулись на юг и север от центральных развалин на 5 – 7 км.

На одном участке Актама обнаружены остатки медеплавильного производства, найдены обломки медной посуды. Очевидно, здесь был ремесленный район.

Самыми близкими источниками, обеспечивавшими водой городище Актам, являлись, видимо, протоки Орта-Баканаса, которые соединялись севернее городища со значительной протокой, идущей параллельно Шет-Баканасу и Ортасу. Существуют также близкие протоки, ответвляющиеся от Шет-Баканаса южнее городища. (Анализ сухих русел Баканасов и проток осуществлялся по крупномасштабной топографической основе и аэрофотоснимкам.)

Городище Агашаяк расположено севернее Актама и несколько западнее (по меридиану на 8 км), по прямой в 48 км. Его координаты 45° 54' 27" с.ш., 75° 39' 42" в.д. Абсолютная высота окрестностей памятника 358 м, городище практически не возвышается над окружающей местностью. В археологическом отношении оно не обследовалось.

Водоснабжение городища Агашаяк осуществлялось за счет крупной безымянной протоки, русло которой прослеживается западнее протоки Ортасу (параллельно) и связано с ней более мелкой протокой. Следует отметить, что в окрестностях городища Агашаяк наиболее сохранилась древнеаллювиальная равнина, здесь эоловых позднейших образований мало и в относительно пониженных участках (бывших озерах) широко развиты сомкнутые саксаульники, небольшие рощи тамариска и отдельные вегетирующие деревья туранги.

Городище Карамерген расположено в 40 км по прямой практически на север от Агашаяка. Координаты памятника 46° 15' 17" с.ш., 75° 37' 28" в.д. Абсолютная высота окрестностей Карамергена 358 м, городище возвышается над окружающей территорией на 1,5 – 2 м.

Водообеспечение городища могло осуществляться главным образом за счет протоки Аккум, ответвляющейся от западного Шет-Баканаса, сухое русло которого одно из достаточно крупных. Оно расположено между Ортасу и основным (восточным) руслом Шет-Баканаса.

Городище представляет собой прямоугольник 115 × 120 м, ориентированный углами по сторонам света. Следует отметить очень хорошую сохранность стен, которые даже сейчас достигают трехметровой высоты. По четырем углам расположены округлые, сильно выступающие наружу башни высотой 4,5 м. Северо-восточная и юго-западная стены имели по две круглые башни, сохранившиеся на высоту 3,5 м. Въезды в городище прослеживаются посередине северо-западной и юго-восточной стен. Они защищены Г-образными отрезками стен, на углах которых расположено еще по две башни, а юго-восточный въезд укреплен выносным валом, сохранившимся на высоту 1,5 м.

В 20 м к востоку от южной башни находится трапезиевидное в плане сооружение, обнесенное расплывшимся валом высотой 1,5 м. Для выяснения стратегической ситуации здесь и на территории городища были заложены раскопы. Зачистка западной башни снаружи и раскопки внутри показали, что башня имела конусовидную форму, наверху была устроена стрелковая площадка диаметром 3 м, окруженная кирпичным бруствером. Для сооружения башни использовался сырцовый кирпич размером 55 × 25 × 8,5 см. Зачистка оборонительной стены показала, что она сложена из сырцового кирпича, пахсовых блоков и кусков сырой глины, снаружи оштукатурена.

Рядом с городищем есть протока, ширина ее 10 – 15 м. По берегам сохранились остатки валов шириной 5 – 7 м и высотой около 1 м. Вода из протоки к городищу подавалась по каналу, который прослеживается по сильно оплывшему валу с понижением посередине. Ширина ложа 5 – 7 м, глубина около 1 м. Протяженность канала около 10 км. Недалеко от истока магистрального канала Карамергена сохранились остатки плотины, которая служила для поднятия уровня воды в протоке и подачи ее самотеком в канал. Вверх по течению протоки Ортасу были зафиксированы остатки еще трех плотин, перегораживающих основное русло Баканаса. На поверхности они прослеживаются в виде оплывших валов шириной 3 – 4 м и высотой 1,5 – 2 м. Рядом с плотинами, на прилегающей территории, расположены остатки полей в виде хорошо спланированных участков земли, разделенных валиками на прямоугольники, ромбы, квадраты. Ширина валиков 0,5 – 0,7 м, высота – 0,3 – 0,4 м. Площадь участков различна: 10 × 12 м, 12 × 15 м и 20 × 20 м.

Городище Бархан расположено в 20 км к северо-востоку от Карамергена и определяется лишь по наличию на выдувах керамики, обломков жерновов, шлаков, костей домашних животных. По мере движения барханов обнажаются такыры, на которых прослеживаются остатки прежней застройки.

Керамика, собранная на поверхности всех выше-названных памятников, а также в процессе раскопок

на городищах Актам и Карамерген, относится к VIII – XIII вв. Этим же временем датируются каналы и агроиригационные планировки.

Поливное земледелие Южного Прибалхашья характеризуется одной из ранних форм ирригации, которой является лиманное орошение. Наземное обследование многочисленных остатков гидротехнических сооружений показало, что ирригация данного района началась с регулирования паводковых речных разливов. С помощью земляных дамб производилось обвалование дельтовых русел р. Или – Баканасов, которые могли использоваться и как водохранилища. С течением времени были сооружены каналы. Применялась следующая схема орошения: русло реки – водохранилище – проток с дамбой – канал-ороситель – поле. Другой вид орошения – это перегораживание земляной дамбой основного русла протоки, в результате чего вода самотеком по направляющим валикам затопливала подготовленные под посевы участки земли.

Последним пунктом в пределах Прибалхашья можно считать остатки городища, расположенного в пределах п-ова Сарыесик, образованного дельтовыми отложениями Ортасу. Памятник находится в 40 км к северо-западу от Карамергена. Ориентировочные координаты городища 46° 40' с.ш., 75° 28' в.д. Абсолютная высота окружающей территории 343 м. Памятник не исследовался. По-видимому, это городище служило северным форпостом перед “бродом” или сухой перемычкой через оз. Балхаш, и дальнейший путь проходил по Северному Прибалхашью по р. Токрау.

Интересно отметить, что данные по многовековым циклическим колебаниям уровня оз. Балхаш свидетельствуют о фазах высокого и низкого стояния озера [Басейн..., 1970]. Фаза высокого стояния (максимума) была в XVIII столетии, когда уровень Балхаша достигал 346 м. Это значит, что практически весь п-ов Сарыесик находился под водой (абсолютные отметки полуострова 342 – 343 м) и “брод” глубиной 3 м на расстоянии более 30 км, конечно, был невозможен. Из этого следует, что функционирование средневековых городищ, если им отводилась роль перевалочных пунктов на караванном пути, прекратилось раньше.

Городища Карамерген, Агашаяк и Актам располагаются в пределах древней дельты р. Или, представленной обширными пустынными пространствами с чередованием отакрытых поверхностей, бугристых грядовых песков, расчлененных древними высохшими руслами Баканасов.

Чтобы выявить природную обстановку во время существования этих укрепленных поселений, необходимо знать историю формирования территории, восстановить циклы изменения ландшафтов Балхашской впадины, а также проследить взаимосвязь между ко-

лебаниями уровня оз. Балхаш и развитием речной сети р. Или.

Геологическая история Балхаш-Алакольской впадины всегда вызывала интерес исследователей. Различные схемы развития территории можно найти у Л.С. Берга [1963], М.П. Русакова [1948], В.А. Обручева [1940], Н.Н. Костенко [1946], Б.К. Штегмана [1948, с. 132 – 143], М.К. Вяткина [1948], Т.Н. Джуркашева [1964, 1972]. На основании этих работ историю развития Балхашской впадины можно представить следующим образом.

В позднем плиоцене в Балхашской впадине существовала система разобщенных озер, а оз. Балхаш, как такового, не было. В начале нижнего антропогена произошло резкое похолодание и усиление континентальности климата, что вызвало сокращение реликтовых озер. В то время реки, стекающие с Джунгарского Алатау, не имели постоянного стока и не достигали этих озер, заканчиваясь на предгорных равнинах. Эти процессы имели место и в начале среднего плейстоцена. Тогда происходило развевание озерных и аллювиальных отложений и формировался золовый грядовой рельеф.

Во второй половине среднего плейстоцена увлажнение и похолодание климата привело к мощному оледенению Джунгарского Алатау. Плиоциальный период в конце среднего плейстоцена увеличил водность рек. В это время р. Или прорвалась через Капчагайское ущелье на равнину и начался сброс воды из так называемого Илийского озера, располагавшегося в районе г. Жаркента.

В начале позднего плейстоцена произошла аридизация климата, началось интенсивное таяние ледников, резко увеличился сток рек. В результате образовалось Древнебалхашское озеро, включавшее в себя собственно Балхаш, Сасыкколь, Алаколь, Джаланашколь и достигавшее Джунгарских ворот. В это время р. Или формирует Акдалинскую дельту, которая, развиваясь, отселяет Древнебалхашское озеро к северо-западу.

Похолодание, наступившее во второй половине позднего плейстоцена, привело к последнему горному оледенению. Ледниковое питание рек сократилось, но было компенсировано увеличением осадков, и Древнебалхашское озеро сохранялось.

В начале голоцена произошли тектонические подвижки. В поднятые вовлекалась прилегающая к горам часть впадины, в результате чего размеры древнего озера сократились. Это, наряду с начавшейся аридизацией климата, привело к тому, что Древний Балхаш распался на отдельные озера – Балхаш, Сасыкколь, Алаколь, Джаланашколь. Водность рек в то время была достаточной, и р. Или формирует Баканасскую дельту. После того как стаяли ледники последнего оледенения, сток р. Или уменьшился и произошло сокращение площади Балхаша. В это же время широко

развиваются эоловые процессы, формируются песчаные гряды и бугры.

Несмотря на общую аридизацию, в голоцене были и влажные периоды. Они соответствуют 1850-летним циклам увлажняемости [Шнитников, 1963]. В соответствии с этими циклами уровень Балхаша также колебался, каждый раз возвращаясь к первоначальному. По мнению Т.Н. Джуркашева [1964, с. 40 – 47], во время аридной фазы, предшествовавшей последнему увлажнению, Балхаш распался на две части – восточную и западную, а перемычкой служила дельта р. Ортасу.

В это время сток р. Или происходил одновременно по современному руслу и Баканасам. Низкий уровень Балхаша обусловил врезание русел в толщу легко размываемых пород, что вызвало понижение уровня грунтовых вод и обсыхание и опустынивание пойменных и надпойменных террас. Период одновременного стока по современному руслу и Баканасам закончился после того, как новое русло углубилось настолько, что стал возможен перехват вод из баканасских русел. М.К. Вяткин [1948], изучавший морфологическое строение Баканасов, считает, что период одновременного стока закончился около 250 лет тому назад, обосновывая это существованием заброшенных каналов, забиравших воду одновременно из современного русла р. Или и Баканасов и подававших ее в водохранилище, функционирование которых прекратилось к указанному времени.

Время отмирания Баканасов уточняет Т.Н. Джуркашев [1964, с. 40 – 47], основываясь на карте, составленной в 1716 – 1733 гг. На ней показаны два рукава р. Или, один из которых протекает по современному руслу, а другой относится к системе Баканасов. Автор делает вывод, что сток по Баканасам прекратился не раньше 1733 г. и не позже 1785 г.

После того как сток полностью сосредоточился в современном русле р. Или, потери на фильтрацию и испарения в баканасской дельте прекратились, уровень воды в Балхаше повысился и озеро приобрело современные границы.

В настоящее время древняя баканасская дельта, где расположены городища, представляет собой плоскую равнину, рассеченную древними руслами Баканас, Шет-Баканас, Орта-Баканас, Нарын, Ортасу, которые расчленяются на более мелкие. Основные русла врезаны на глубину 3 – 4 м, иногда 5 – 7 м при ширине 50 – 100 м. Равнинный ландшафт нарушается бугристо-грядовыми песками – древними серыми, более высокими, погружающими свои основания в аллювиальные отложения, и молодыми желтыми и низкими, образовавшимися в результате перевевания молодого аллювия [Илийская долина..., 1963].

Древние гряды вытянуты в северо-западном направлении, достигают нескольких километров в длину, их высота 8 – 10 м, иногда до 20 м. В верхней ча-

сти дельты пески занимают 20 – 30% площади, в центральной – 60 – 70%. В нижней части по мере приближения к оз. Балхаш их количество сокращается и рельеф приобретает бугристые формы.

Древнеаллювиальная равнина отделяется от оз. Балхаш полосой шириной 20 – 30 км, представляющей собой абразионно-аккумулятивную равнину с большим количеством плоских блюдцеобразных понижений, чередующихся с плоскими слабоволнистыми водораздельными пространствами. Равнина прерывается многочисленными древними сглаженными руслами.

Растительный и почвенный покровы складываются из ряда сообществ и типов почв, соответствующих основным элементам рельефа. На плоских поверхностях доминируют такыровидные почвы, среди которых выделяются:

- 1) незасоленные, залегающие на относительно повышенных поверхностях под белоземельно-попынно-черносаксауловой растительностью;
- 2) солончаковые и солончаковые, обычно формирующиеся на породах тяжелого механического состава под кейреуковыми, саксаулово-кейреуковыми сообществами; они характеризуются наличием легкорастворимых солей в верхней части профиля;
- 3) солонцевато-солончаковые, формирующиеся в широких плоских блюдцеобразных понижениях под изреженной биюргуновой растительностью; их отличительной чертой является большое количество поглощенного натрия.

Для профиля всех такыровидных почв характерно наличие на поверхности плотной пористой или ноздреватой корки, обычно разбитой трещинами, низкая гумусированность, высокая карбонатность. С глубины 0,7 – 1,0 м часто встречаются погребенные гумусовые горизонты, а также ржавые пятна, образовавшиеся на пойменной гидроморфной стадии развития почв. Почвообразующими породами для них служат слоистые древнеаллювиальные отложения различного механического состава.

Растительность песчаных гряд и бугров представлена белосаксаулово-терескеновыми и разнотравно-саксауловыми, иногда с джугзунном сообществами по вершинам; изенев-попынно-терескеновыми, саксаулово-попынно-терескеновыми, часто с еркеком сообществами по склонам северных экспозиций гряд и пологих бугров; опынно-эфедровыми ассоциациями по южным склонам. Всюду присутствуют эфемеры.

Значительные площади здесь занимают такыры, лишенные растительности. Нередко наблюдается их зарастание (в основном саксаулом и биюргуном) и трансформация в такыровидные почвы.

В растительном покрове Южного побережья Балхаша доминируют сочные солянки, лебеда, карабрак, часто с участием тростника, селитрянки. Среди почв преобладают солончаки. В депрессиях рельефа здесь

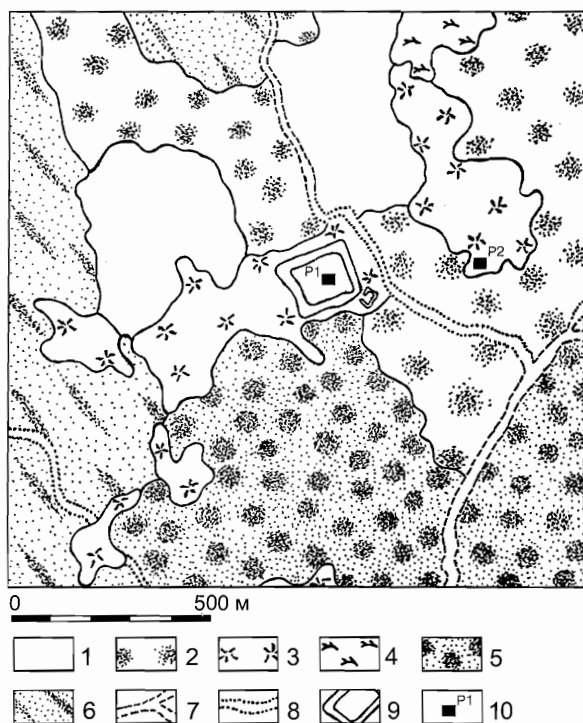

Рис. 2. Карта экосистем в районе городища Карамерген. 1 – плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием кеуречников (*Salsola orientalis*) с редким саксаулом (*Haloxylon aphyllum*) на такыровидных солончаковых среднесуглинистых почвах; 2 – то же, на такыровидных солончаковых легко- и среднесуглинистых почвах в сочетании с псаммофитнокустарниково-белоземельнопопынными (*Artemisia terrae albae*, *Athraphaxis frutescens*, виды рода *Calligonum*) сообществами на бугристых песках; 3 – то же, на такыровидных солончаковых среднесуглинистых почвах в сочетании с такырами; 4 – плоские древнеаллювиальные равнины, расчлененные многочисленными сухими руслами, с преобладанием разреженных и сомкнутых черносаксаульников (*Haloxylon aphyllum*) по водораздельным пространствам и террасам на такыровидных солончаковых тяжело- и среднесуглинистых почвах с фрагментами тамарисковых (*Tamarix ramosissima*) зарослей и поселениями туранги (*Populus diversifolia*) в пределах сухих русел; 5 – золотые равнины с преобладанием терескеновых (*Ceratoides papposa*) и белоземельнопопынно-терескеновых (*Ceratoides papposa*, *Artemisia terrae albae*) сообществ на бугристых песках; 6 – золотые равнины с преобладанием белоземельнопопынно-саксауловых (*Haloxylon persicum*, *Haloxylon aphyllum*, *Artemisia terrae albae*) сообществ на грядово-бугристых песках; 7 – древние сухие русла (“баканасы”) с поселениями саксаула (*Haloxylon aphyllum*), тамариска (*Tamarix ramosissima*) и единичными (сухими) деревьями туранги (*Populus diversifolia*); 8 – занесенные песком русла (“баканасы”) с поселениями псаммофитных кустарников (*Athraphaxis frutescens*, *Astragalus brachypus*, виды рода *Calligonum*), саксаула (*Haloxylon aphyllum*) и белоземельной полыни (*Artemisia terrae albae*) на маломощных золотых песчаных отложениях; 9 – городища; 10 – почвенные разрезы.

встречаются соровые солончаки без растительности.

Для выявления истории формирования профиля почв на каждом городище была заложена пара разрезов – один непосредственно на городище, другой за его пределами, характеризующий естественный (не-нарушенный) профиль.

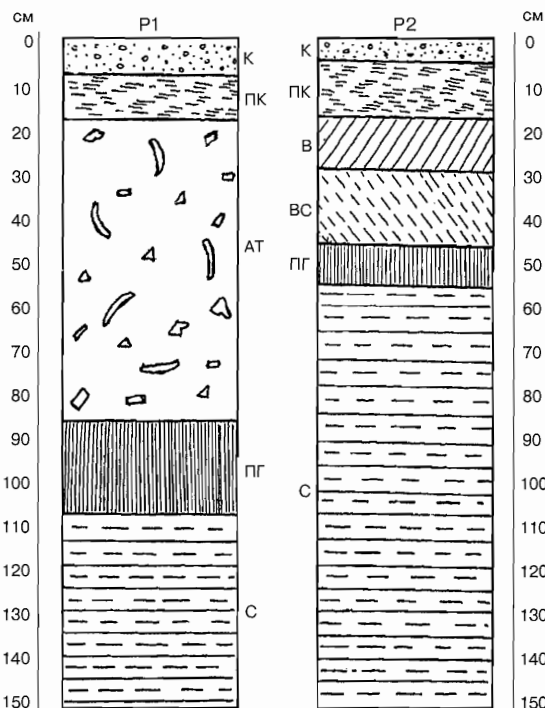

Рис. 3. Разрезы на городище Карамерген и в его окрестностях.

К – плотный, пористо-ноздреватый корковый горизонт; ПК – уплотненный, слоисто-чешуйчатый подкорковый горизонт; В – уплотненный структурный горизонт; ВС – переходный структурный горизонт с выделениями ржавых железистых пятен; ПГ – погребенный гумусированный горизонт древних почв гидроморфного ряда; АТ – культурный горизонт с включениями антропогенного материала; С – слоистый горизонт, представляющий чередование слоев различного механического состава, аллювиального или озерно-аллювиального происхождения, с обилием ржавых железистых пятен.

Карамерген расположен на плоской поверхности, ограниченной с одной стороны высокой песчаной грядой, с другой – древним речным руслом. Естественная растительность за пределами городища представлена кейреуковыми с саксаулом сообществами. Внутри городища – отакыренные поверхности с редкими кустами саксаула. Основные природно-территориальные комплексы показаны на рис. 2.

В разрезе, заложенном в 300 м восточнее городища (рис. 3, P2), признаков антропогенной нарушенности профиля не обнаружено. На поверхности сформирована палевая мелкопористая корка мощностью 0,03 – 0,04 м, сменяющаяся чешуйчатым подкорковым буровато-светло-серым горизонтом. Глубже, до глубины 0,47 м располагается светло-бурый, достаточно плотный, с плитчатой структурой переходный горизонт. За ним следует серовато-бурый с темно-серыми пятнами погребенный гумусовый горизонт, сформировавшийся на стадии гидроморфного режима при обводненности баканасской дельты. Его мощность составляет около 0,07 м. Ниже располагается

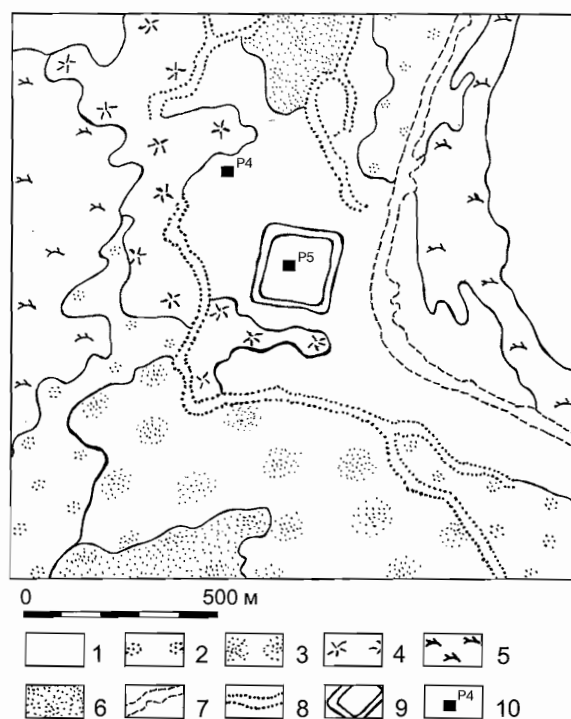

Рис. 4. Карта экосистем в районе городища Агашаяк.

1 – плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием кеуречников (*Salsola orientalis*) с редким саксаулом (*Haloxylon aphyllum*) на такыровидных солончаковых среднесуглинистых почвах; 2 – то же, на такыровидных солончаковых легко- и среднесуглинистых почвах в сочетании с белоземельнопопынными (*Artemisia terrae albae*) сообществами на бугристых песках; 3 – то же, на такыровидных солончаковых легко- и среднесуглинистых почвах в сочетании с псаммофитнокустарниково-белоземельнопопынными с эфедрой (*Artemisia terrae albae*, *Athraphaxis frutescens*, виды рода *Calligonum*) сообществами на бугристых песках; 4 – плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием изреженного саксаула (*Haloxylon aphyllum*) на такыровидных солонцевато-солончаковых среднесуглинистых почвах в сочетании с такырами, местами зарастающими; 5 – плоские древнеаллювиальные равнины, расчлененные многочисленными сухими руслами, с преобладанием разреженных и сомкнутых черносаксаульников (*Haloxylon aphyllum*) по водораздельным пространствам и террасам на такыровидных солонцевато-солончаковых тяжело- и среднесуглинистых почвах в сочетании с такырами и фрагментами тамарисковых (*Tamarix ramosissima*) зарослей и поселениями туранги (*Populus diversifolia*) в пределах сухих русел; 6 – эоловые равнины с преобладанием терескеновых (*Ceratoides papposa*) и белоземельнопопынно-терескеновых (*Ceratoides papposa*, *Artemisia terrae albae*) сообществ на бугристых песках; 7 – древние сухие русла (“баканасы”) с поселениями саксаула (*Haloxylon aphyllum*), тамариска (*Tamarix ramosissima*) и единичными (сухими) деревьями туранги (*Populus diversifolia*); 8 – занесенные песком русла (“баканасы”) с поселениями псаммофитных кустарников (*Athraphaxis frutescens*, *Astragalus brachypus*, виды рода *Calligonum*), саксаула (*Haloxylon aphyllum*) и белоземельной попыни (*Artemisia terrae albae*) на маломощных эоловых песчаных отложениях; 9 – городище; 10 – почвенные разрезы.

ряд горизонтов, представленных чередованием слоев различного механического состава и различной мощности. На гидроморфное происхождение почв указывает и наличие ржавых железистых пятен, встречающихся по профилю с глубины 0,29 – 0,30 м.

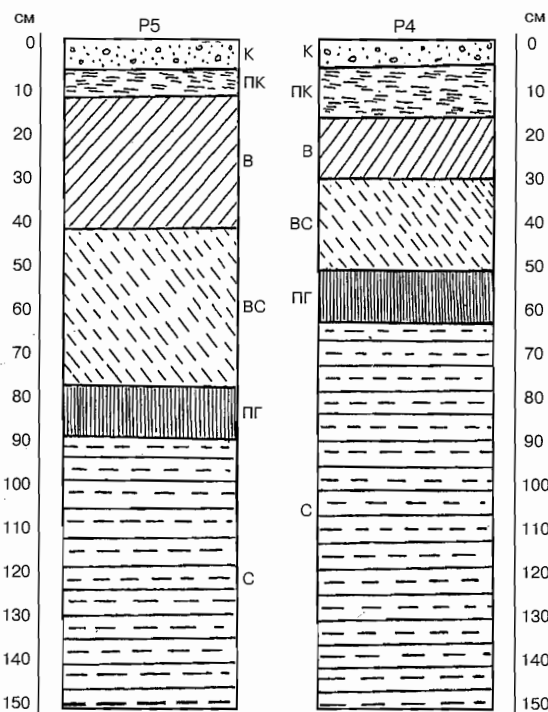

Рис. 5. Разрезы на городище Агашаяк и в его окрестностях.

Усл. об. см. рис. 3.

Поверхностные горизонты (корка и подкорка) почвенного профиля внутри городища имеют вид, характерный для такыровидных почв, сформировавшихся в естественных условиях (рис. 3, P1). Это результат современного почвообразовательного процесса, начавшегося после того, как поселение прекратило свое существование, и продолжающегося в настоящее время. Ниже располагается мощный культурный слой, простирающийся до глубины 0,83 м. Здесь встречены многочисленные включения костей, керамики, обожженной глины, а также преобразованный и минерализованный навоз. Культурный слой лежит непосредственно на древнем погребенном гумусовом горизонте мощностью около 0,20 м, ниже которого располагается не измененная антропогеном порода озерно-аллювиального генезиса, тяжелого механического состава с многочисленными ржавыми железистыми пятнами – признаками древнего гидроморфизма.

Агашаяк располагается на относительно пониженной плоской поверхности недалеко от древнего русла. Преобладают отакыренные пространства с изреженным саксаулом (10 – 15%) с такыровидными незасолёнными почвами. Широкие микродепрессии заняты такырами без растительности. На относительно повышенных участках доминируют кейреуковые с саксаулом ассоциации (рис. 4).

Профиль почвы за пределами городища имеет вид, характерный для такыровидных почв, образовавшихся

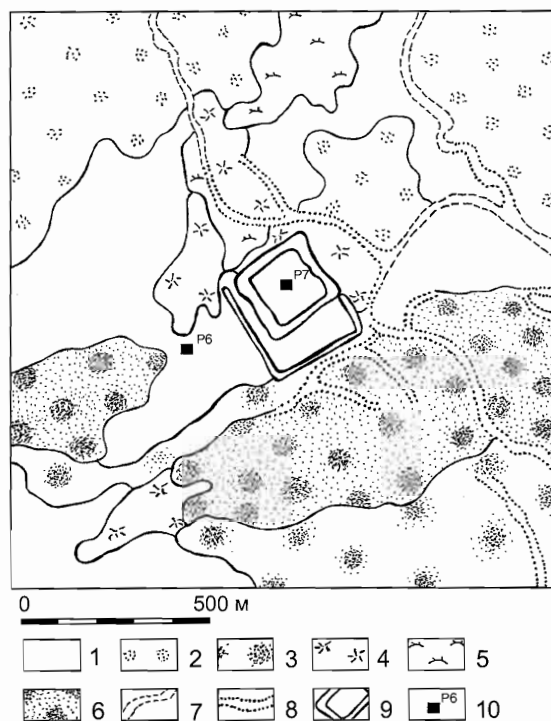

Рис. 6. Карта экосистем в районе городища Актам.

1 – плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием саксаулово-белоземельнопопынных (*Artemisia terrae albae*, *Haloxylon aphyllum*) сообществ на такыровидных незасоленных суглинистых почвах; 2 – то же, в сочетании с терескеново-белоземельнопопынными (*Artemisia terrae albae*, *Ceratoides papposa*) и псаммофитно-кустарниково-терескеновыми сообществами (*Ceratoides papposa*, *Astragalus brachypus*, *Artemisia soongorica*, виды рода *Calligonum*) на мелкобугристых песках; 3 – то же, в сочетании с белоземельнопопынно-саксауловыми (*Haloxylon aphyllum*, *Artemisia terrae albae*) на бугристых песках; 4 – плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием такыров, часто зарастающих саксаулом, в сочетании с саксаулово-белоземельнопопынными (*Artemisia terrae albae*, *Haloxylon aphyllum*) сообществами на такыровидных незасоленных суглинистых почвах; 5 – плоские древнеаллювиальные равнины, расчлененные многочисленными сухими руслами, с преобладанием разреженных и сомкнутых черносаксаульников (*Haloxylon aphyllum*) по водораздельным пространствам и террасам на такыровидных слабозасоленных тяжело- и среднесуглинистых почвах с фрагментами тамарисковых (*Tamarix ramosissima*) зарослей и поселениями туранги (*Populus diversifolia*) в пределах сухих русел; 6 – эоловые равнины с преобладанием смешанно-саксауловых (*Haloxylon aphyllum*, *Haloxylon persicum*) и псаммофитнокустарниковых (виды родов *Calligonum*, *Athrapaxis frutescens*, *Astragalus brachypus*) сообществ на бугристых песках; 7 – древние сухие русла (“баканасы”) с поселениями саксаула (*Haloxylon aphyllum*), тамариска (*Tamarix ramosissima*) и единичными (сухими) деревьями туранги (*Populus diversifolia*); 8 – занесенные песком русла (“баканасы”) с поселениями псаммофитных кустарников (*Athrapaxis frutescens*, *Astragalus brachypus*, виды рода *Calligonum*), саксаула (*Haloxylon aphyllum*) и белоземельной полыни (*Artemisia terrae albae*) на маломощных эоловых песчаных отложениях; 9 – городища; 10 – почвенные разрезы.

в результате обсыхания древних пойм (рис. 5, P4). Отмечены корковый и подкорковый горизонты; горизонты, сформировавшиеся в результате современного почвообразования (0,15 – 0,53 м), погребенный гумусовый горизонт, свидетельствующий о гидромор-

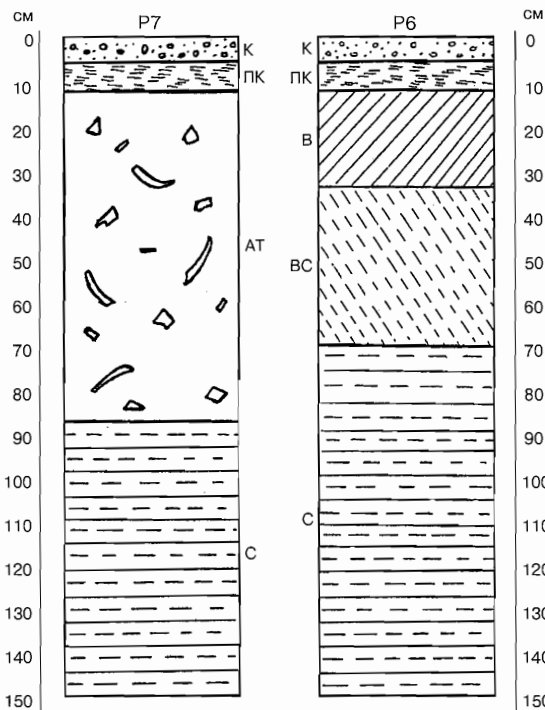

Рис. 7. Разрезы на городище Актам и в его окрестностях.
Усл. об. см. рис. 3.

фной стадии развития почвы. Кроме того, по всему профилю (с глубины 0,05 м) присутствуют ржавые пятна. Это говорит о том, что наряду с древним гидроморфизмом имеет место сезонная переувлажнение почв, связанная с поверхностным перераспределением стока и современным развитием такырообразования.

Профиль почвы внутри городища в целом такой же, что и за его пределами (рис. 5, P5). Признаки антропогенного вмешательства в почвообразование не обнаружены.

Актам расположен на плоской древнеаллювиальной равнине, осложненной длинными песчаными грядами. Преобладающая растительность – саксаулово-попынная. Отмечены также участки с солянковой растительностью на солончаках (рис. 6). Отличительной чертой почв в окрестностях городища является отсутствие погребенного гумусового горизонта в профиле (рис. 7, P6). Это, возможно, связано с тем, что:

- 1) формирование древних почв проходило не через пойменную, а через солончаковую стадию с незначительным накоплением гумуса,
- 2) гумусовый горизонт был размыт в результате блуждания древнего русла,
- 3) этот участок расположен в пределах древнего берегового вала.

Почвы внутри городища имеют ясно выраженные корковый и подкорковый горизонты, лежащие непосредственно на мощном культурном слое (около

0,80 м), представленном костями крупных животных, керамикой, горелой древесиной и тростником, обожженной глиной. Этот слой переходит в слоистые древнеаллювиальные отложения (рис. 7, Р7).

На основании полученного материала можно сделать следующие выводы.

Почвы рассматриваемых участков и древней дельты в целом на предшествующей стадии развития формировались в гидроморфных условиях, т.е. при постоянном или периодическом переувлажнении за счет грунтовых и поверхностных паводковых вод древней Или, которая в то время формировала баканасскую дельту. На это указывают погребенные гумусовые горизонты, а также наличие признаков избыточного переувлажнения (ржавые и сизые пятна).

Укрепленные поселения Карамерген, Агашаяк и Актам функционировали, когда сток по Баканасам еще существовал, но они протекали уже по врезанным руслам, уровень Балхаша был низким и озеро разделялось на две части перешейком. Террасы Баканасов к тому времени были опустынены, и поселения строились уже на такыровидных почвах при глубоком залегании грунтовых вод. Обосновать это можно тем, что в разрезах на городищах зафиксированы погребенные горизонты, залегающие глубже культурных слоев.

Археологические данные свидетельствуют о том, что города возникли в VIII в. и прекратили свое существование в конце XIII в., и не только из-за прогрессирующего обсыхания местности в связи с перемещением русел Или. Вода в Баканасах была вплоть до XVIII в., видимо, благодаря тому, что часть стока Или регулярно прорывалась по древним руслам. Однако общая политическая ситуация в Семиречье, связанная с монгольскими завоеваниями, обусловила гибель городской культуры и как следствие нарушение караванной торговли, что привело к запустению и прибалхашских городов [Савельева, 1999, с. 49]. Своеобразной иллюстрацией этому выводу служат слова Гильома Рубрука, который, побывав в Семиречье осенью 1253 г., отметил: "На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища" [Путешествие..., с. 110].

Список литературы

- Аболин Р.И.** От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри / Изд. наркомзема КазАССР (Алма-Ата) и Института почвоведения и геоботаники САГУ (Ташкент). – Л., 1930. – Ч. 1. – 176 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М.** Земли древнего орошения в низовьях р. Или. – М.: Наука, 1968. – 237 с.
- Археологическая карта Казахстана.** – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. – 450 с.
- Байпаков К.М., Грошев В.А.** Новые данные о землях древнего орошения р. Или // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск: Б. и., 1993. – С. 32 – 42.
- Бассейн озера Балхаш.** – М.: Гидрометиздат, 1970. – 645 с. – (Ресурсы поверхностных вод СССР; Т. 13, вып. 2).
- Безсонов А.И.** Части Пржевальского и Копальского уездов Семиреченской области. – СПб.: Б. и., 1914. – 94 с.
- Берг Л.** Избранные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 3.
- Вяткин М.К.** О геоморфологии и некоторых моментах новейшей геологической истории Южного Прибалхашья // Вестн. Академии наук КазССР. – 1948. – № 8. – С. 1 – 15.
- Джуркашев Т.Н.** Пролив Узунарал и некоторые вопросы новейшей истории озера Балхаш // Изв. Академии наук КазССР. – 1964. – № 4. – С. 40 – 47.
- Джуркашев Т.Н.** Антропогенная история Балхаш-Алакольской впадины. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 125 с.
- Илийская долина, ее природа и ресурсы.** – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 341 с.
- Костенко Н.Н.** К истории Балхаша // Изв. Казахского филиала Академии наук СССР. Сер. геол. – 1946. – Вып. 8. – С. 96 – 104.
- Николаев В.А.** Дельта р. Или и Баканасы // Тр. сектора географии Академии наук КазССР. – 1959. – Т. 4. – С. 134 – 157.
- Обручев В.А.** Пограничная Джунгария: Отчет о путешествиях, совершенных в 1905 г., 1906 и 1909 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 3, вып. 2. – 292 с.
- Пальгов Н.Н.** Через Прибалхашские пески Сары-Ишик-Отрау // Изв. Геогр. об-ва СССР. – 1930. – Т. 14, вып. 6. – С. 480 – 498.
- Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука.** – Алматы: Гылым, 1993. – 245 с.
- Русаков М.П.** Геологический очерк Прибалхашья и озера Балхаш: полезные ископаемые района. – М.; Л.: Цветметиздат, 1948. – 133 с.
- Савельева Т.В.** Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу (Семиречья): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Алматы, 1999. – 55 с.
- Фишер Г.В.** Озеро Балхаш и течение р. Или от выселка Илийского до ее устьев. – М., 1884. – 20 с. – (Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. об-ва; Вып. 6).
- Шнитников А.В.** Озера Западной Азии – индикаторы колебаний общей увлажненности их бассейнов // Тр. лаборатории озероведения АН СССР. – 1963. – Т. 15. – С. 50 – 75.
- Штегман Б.К.** К истории формирования дельты р. Или // Изв. Академии наук КазССР. Сер. почв. – 1946. – № 28, вып. 3. – С. 132 – 143.

Материал поступил в редколлегию 03.12.1999 г.

БОГАТЫРЬ И НЕВЕСТА (СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЦЕ С РЕКИ СЫНЯ)

Важнейшей составляющей духовной культуры древних жителей Урала и севера Западной Сибири является религиозное мировоззрение. Письменные источники фрагментарно фиксируют обряды лишь с начала XVIII в. (Г. Новицкий). Немногочисленные изделия бронзолитейного производства – фигурки воинов, мифических существ, животных, бляхи с изображениями различных сюжетов, выполненные в I – начале II тыс. н.э., позволяют предполагать, что уже в то далекое время у народов, проживавших по обеим сторонам Урала, существовала во многом единая система религиозных представлений и обрядов [Оборин, Чагин, 1988; Зыков и др., 1994; Сокровища Приобья, 1996; и др.]. Сложившиеся иконографические образы божеств и духов-покровителей воспроизводились уральскими жрецами на привезенных с Востока серебряных блюдах, бронзовых дисках и др. [Лещенко, 1976]. Образцов подобного творчества – единицы. Все они, без сомнения, относятся к уникальным памятникам древнего сибирского искусства.

Данная статья посвящена замечательному (даже среди упомянутых выше изделий) образцу урало-западносибирского искусства, отражающему мифологические представления местного населения в эпоху средневековья. Публикуемое серебряное блюдо – пример самостоятельного создания иконографического сюжета на металлической основе путем комбинации чеканных и гравированных узоров (см. рисунок).

Блюдо было обнаружено летом 2000 г. в одном из поселков, расположенных в верховьях р. Сыня (левый приток Оби). Дом, в котором раньше жил местный шаман (о чем говорят детали найденного здесь бубна), оказался сильно разрушенным: крыша под тяжестью снега провалилась внутрь, сломав находив-

шуюся раньше в углу комнаты “священную” полку; стоявший на ней сундук с культовой атрибутикой завалился на бок, крышка его слетела и потому большая часть хранившихся в нем матерчатых и меховых прикладов с течением времени сгнила. Из-под досок крыши и земли удалось извлечь только фигуру *Курпат-ики* (божество подземного мира) в черных халатах, несколько речных раковин, завернутых в платки, а также фрагмент жертвенного покрывала, некогда украшенного фигурами скачущего всадника. Здесь же выпуклой стороной вниз лежало серебряное блюдо.

Изделие выполнено из серебряного слитка, который расковали, а затем из пластины ножницами вырезали круг. Диаметр блюда 12,7 см, высота 0,5 см. Лицевая сторона выпуклая. По окружности блюда на расстоянии 8 мм от края прочеканена полоска из 98 “жемчужин”. Для ее нанесения на оборотной стороне изделия предварительно была прочерчена двойная линия.

На лицевой стороне блюда выгравированы две антропоморфные фигуры, изображения коня, солнца, месяца и бобра. О фигуре бобра речь пойдет ниже, т.к. она была выполнена значительно позже, чем другие рисунки. Возможно, тогда же в верхней части блюда было пробито грубое отверстие и в него вставлена бронзовая петля для подвешивания, которая удерживалась заклепкой (сохранился лишь фрагмент петли).

Основные фигуры иконографической композиции нанесены в два этапа: сначала тонким режущим инструментом были выполнены линейные контуры, затем поверх этой линии прошлились резцом – “елочкой”. Сначала было выгравировано изображение коня, поверх него – антропоморфные фигуры.

а

б

Серебряное блюдо с р. Сыня.
а – фотография (предмет в натуральную величину), б – прорисовка.

Изображения солнца, месяца, детали фигур мужины и женщины (глаза, рот, волосы, “линия жизни”, “корона”, воротники, “карманы”, кант платья), а также коня (“ошейник”, глаза, рот, уши) покрыты позолотой. Мастер, занимавшийся этим, по-видимому, владел искусством составления золотой амальгамы из сплава золота с ртутью и нанесения ее на серебряную основу.

Антропоморфы показаны в одинаковой одежде – в длинном платье, перехваченном выше колен широкой лентой, ниже которой видна только спинка. Вниз от ворота идет широкая полоса, оканчивающаяся фигурой в виде перевернутого конуса. Полоса символизировала, скорее всего, “линию жизни” – атрибут мифических фигур в искусстве коренных народов Урала и севера Западной Сибири.

На платье левого антропоморфа ниже “линии жизни” изображены два усеченных овала. Возможно, это карманы или женская грудь, тем более что до XIX – XX вв. у северных хантов сохранялась традиция обозначать грудь на деревянных женских фигурках духов-покровителей [Иванов, 1970, с. 31].

Лица показаны широкие, почти круглые; выделены крупные круглые глаза, овальные рты и прямые носы. Левый антропоморф запечатлен с двумя свисающими косами. Голова правого антропоморфа увенчана трехрогой короной. Левые руки (с отогнутыми большими пальцами) обоих персонажей подняты вверх, правые руки, согнутые в локте, опущены к бедру. Возможно, художник стремился подчеркнуть, что герои сидят на коне: руки показаны по обеим сторонам туловища, ступни ориентированы вправо (по направлению движения животного), ноги спереди открыты. Конь массивный, приземистый, без гривы. Над его головой в виде круга изображено солнце, над крупом в виде полукруга – месяц. Солнце и луну местное население Урала и Прикамья вырезало на восточных серебряных блюдах. По форме рисунки на анализируемом блюде и на блюде из Березова (В.Ю. Лещенко относит их к VII – VIII вв. [1976, с. 179, 186, рис. 34]) сходны.

Поскольку мы имеем дело с передачей изображений мифических фигур, трудно предполагать, что их одежда соответствовала в точности реальным образцам, бытовавшим в эпоху изготовления блюда. Тем не менее следует отметить, что она в значительной степени напоминает платье с волаком на подоле, застежкой спереди и планкой вдоль нагрудного разреза. Такая одежда была характерна для нижнесосвинских и обских манси, северных хантов до XIX – XX вв. Украшением платья являлись узкие полосы, которые нашивали к подолу выше колен, а также на планку застежки, и др. [Фёдорова, 1994, с. 161 – 163]. “Открывающая” ноги персонажей, художник, как уже говорилось, хотел подчеркнуть положение героев – сидя на коне:

волаком приподнят и отброшен назад. Можно предполагать также, что герои показаны в платьях с удлиненной задней спинкой. Подобные (ритуальные) одежды бытовали в разные эпохи у ряда сибирских народов. Так скроена, например, шуба скифского воина из кург. № 3 могильника Верх-Кальджин II [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 78, рис. 36] или костюмы кетских и селькупских шаманов [Прокофьева, 1971, с. 18 – 19, 22].

С чем можно сравнить публикуемое блюдо? К близким аналогам можно отнести буквально единицы опубликованных находок. Среди них прежде всего следует назвать выпуклую серебряную бляху с петелькой для подвешивания, на которой изображены мужская и две женские или детские фигуры. К совпадающим деталям можно отнести стилистику изображений и такую особенность, как отогнутые большие пальцы рук. Согласно А. Хейкелю, бляха была найдена на месте “древней крепости” на р. Сосьве [Heikel, 1894, Pl. XX, 1]. Судя по масштабу данного рисунка, диаметр изделия составлял 17 см. А.А. Спицын дает иную информацию: бляха обнаружена на городище близ Обдорска, ее диаметр 7 см. По его мнению, бляху нельзя отнести к местным (районы Оби, Печоры или Камы) изделиям [Спицын, 1906, с. 32, рис. 53]. С этим утверждением сегодня (имея гораздо больше похожих находок) трудно согласиться; размеры же бляхи, указанные А. Хейкелем, кажутся более соответствующими истине. Кроме этого, можно упомянуть найденные в кургане около Тюмени бляхи с приклепанными петельками, гравировкой и украшенными прочеканенными круглыми шишечками краями. На одной из блях изображены две антропоморфные фигуры, “линия жизни” начинается у них изо рта [Чернецов, 1957, с. 243]. К сожалению, в публикации В.Н. Чернецова не указаны материал и масштаб данных изделий. На обломке бляхи X – XIII вв. выгравирована голова коня [Финно-угры и балты..., 1987, табл. LXXI, 44].

Обратимся к иконографическому сюжету нашего блюда. Скорее всего, здесь речь идет об иллюстрации к древнему обско-угорскому мифу о сотворении земли, повествующему, в частности, о путешествиях *Мир-сусне-хума* (*Мир савите хо*), “За миром наблюдающего человека”, культурного героя обских угров, младшего сына Верховного бога *Нуми-Торума*. Чаще всего он предстает всадником на белом коне, объезжающим мир на высоте облаков, день и ночь (на блюде их символизируют солнце и месяц) озирающим землю, покровительствующим людскому благополучию и особенно семье. Во время странствий он женится на дочерях ведьмы, водяного царя, Южной женщины, Месяца-старика, Солнца-старухи [Мифы..., 1990, с. 258 – 290] и пр.:

На семь концов земли сватать косатых девиц
за хороший выкуп он ходил.

После его походов во многие страны
на священной, опущенной Богом земле
Едва осталась площадь суши
и воды (им неизведанная).

С семи концов земли он взял в жены семь девиц
[Патканов, 1891, с. 11].

Видимо, сцена возвращения *Мир-сусне-хума* с невестой домой и представлена на блюдце.

Золотая корона на голове соответствовала одному из имен культурного героя – Золотой царь или Золотой богатырь. Следует заметить, что духом-покровителем поселка, где было обнаружено блюдце, является *Сорни пох* (*Мув верты хо*), “Золотой сынок” (“Землю объезжающий человек”). В представлениях хантов и манси *Мир-сусне-хум* был призван обеспечивать прочность, стабильность дома и семьи, и эта его функция являлась особенно значимой. Отсюда вытекала потребность людей иметь его изображение в каждом жилище. Чаще всего ее реализовывали, изготавливая священные покрывала с фигурами Небесного всадника (эта традиция зафиксирована мною и у сынских хантов).

Учитывая способы передачи изображения мифологических образов – трехрогую корону, женскую прическу с косами, “линию жизни”, а также общую стилистику антропо- и зооморфных существ, блюдце можно отнести к X – XII вв. – времени расцвета произведений уральской и приобской пластики. Местом изготовления, думается, можно считать южные районы Западного Урала, места проживания предков современных манси, районы, приближенные к Волжской Булгарии, славящиеся замечательными традициями ювелирного ремесла. Безусловно, трудно совместить примитивную каноничность изображений и владение художником навыками сложных ювелирных технологий (золочения). Возможно, блюдце было изготовлено угорским мастером, получившим навыки ремесла в одном из городов Волжской Булгарии и реализовавшим их в рамках уральских мифологических традиций. Спустя время, уже на Урале блюдце попало в руки другого художника, который дополнил основную композицию изящной фигурой бобра. Изображение животного, известного своей плодовитостью, как нельзя лучше выражало понимание мастером идеи, задуманной предшественником. Молодым (*Мир-сусне-хуму* и невесте) он мог пожелать как можно больше детей. Лучшего образа, чем бобер, было трудно придумать.

Ханты и манси (в верховьях Сыни живут представители обоих народов) использовали блюдце во время ритуальных церемоний: его подвешивали за петельку в “святом” углу дома или на местном святилище и обращались к изображенному на нем Сыну Бога, прося у него благополучия жителям поселка, здоровья детям, удачного промысла охотникам, покровительства каждой новой семье.

Публикация блюдца является хорошим поводом вернуться к вопросу об истоках изобразительного сюжета, который до сих пор частично воспроизводится на жертвенных покрывалах обских угров (их лицевая сторона украшена фигурами скачущего всадника). Один из них связан с изготовленными в Волжской Булгарии в XII – XIII вв. серебряными бляхами с изображением сокольника в окружении зверей и птиц [Лещенко, 1976, с. 117 – 126; Бауло, 1999]. Кроме них известен фрагмент иранской шелковой парчи XII в. с повторяющимся рисунком – два стоящих лицом друг к другу сокольников разделены Деревом Жизни (Selikowitz Collection, New York) [Archaeology, 1962, p. 53]. Следует признать, что южные (иранские и булгарские) изобразительные сюжеты оказываются не единственными, повлиявшими на формирование иконографического облика Небесного всадника на жертвенной атрибутике хантов и манси. Сюжет, представленный на блюдце, свидетельствует о сложении к рубежу I – II тыс. собственно угорского облика *Мир-сусне-хума*, который до наших дней продолжает воспроизводиться на священных покрывалах. Изображение Сына Бога, везущего невесту, встречалось на культовой атрибутике северных манси [Гемуев, 1990, с. 36].

И последнее. Иконографический сюжет блюдца расшифровывается на основе хантыйских и мансийских мифологических текстов, записанных в середине XIX в. и во многом сохранившихся до нашего времени. То, что с помощью этих мифов мы с уверенностью можем “прочитать текст” средневекового сюжета, позволяет говорить об устойчивости мифологических представлений обских угров на протяжении всего II тыс.

Список литературы

- Бауло А.В.** К вопросу о влиянии древних культур Востока на религиозно-мифологические представления обских угров // Народы Российского Севера и Сибири: Сибирский этнографический сборник. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1999. – Вып. 9. – С. 300 – 315.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В.** Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первая половина XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Лещенко В.Ю.** Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М., Л.: Наука, 1976. – С. 176 – 188.
- Лещенко В.Ю.** Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культе финно-угров) //

Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. – Л.: Наука, 1981. – С. 105 – 126.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: Б.и., 1891. – 75 с.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66 – 82.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 5 – 100.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Зап. отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29 – 145.

Фёдорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб.: МАЭ, 1994. – 286 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136 – 246.

Archaeology. – 1962. – Vol. 15; N 1 (Spring).

Heikel A. Antiquités de la Sibérie Occidentale. – Helsingfors: Imprimerie de la Société de littérature Finnoise, 1894. – 112 p.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2001 г.

УДК 903.5 (571.15)

Л. Габуня¹, А. Векуа¹, Д. Лордкипанидзе²

¹Институт палеобиологии АН Грузии
ул. Поточная, 4а, Тбилиси, 380004, Грузия

²Государственный музей Грузии
ул. Пуртцеладзе, 3, Тбилиси 380007, Грузия

E-mail: geonathist@ip.osqf.ge

НОВЫЕ НАХОДКИ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА В ДМАНИСИ (ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ)

Введение

В конце весны 1999 г. лаборант Отдела геологии Государственного музея Грузии Г. Киладзе, посетивший местонахождение дманисского ископаемого человека после сильных дождей, подобрал у подножия размытого обнажения костеносных отложений небольшой обломок теменной кости, который он передал одному из авторов настоящего сообщения А. Векуа, предположительно отнесшему его к гоминиду. Спустя два дня, 31 мая 1999 г. А. Векуа в присутствии руководителя Дманисской археологической экспедиции Центра археологических исследований Академии наук Грузии Дж. Копалиани и Г. Киладзе извлек из слоя, в котором была найдена восемь лет тому назад ныне уже широко известная нижняя челюсть человека [Габуня, Векуа, 1993; Gabunia, Vekua, 1995a, б; Gabunia, 1992; Brauer et al., 1995; Brauer, Schultz, 1996], почти полную черепную крышку ископаемого гоминида. Данный экземпляр, обозначенный Д-2280, находился в песчанистых глинах слоя V дманисского разреза (рис. 1), приблизительно в 3,5 м по простиранию костеносной линзы от места нахождения нижней челюсти Д-211. Вскоре после этого, 22 июля при возобновлении в Дманиси раскопок летнего сезона лаборант экспедиции Г. Ниорадзе обнаружил, опять-таки на уровне, соответствующем в разрезе положению нижней челюсти Д-211, и на расстоянии 2 м от места ее нахождения, сравнительно полный, но сильно деформированный череп человека, зарегистрированный под номером Д-2282. Значение этих открытий, следовавших одно за другим с интервалом менее чем в два месяца, трудно переоценить. Вместе с ранее найден-

ной нижней челюстью они дают уже более полное представление об общем облике и положении в системе гоминидов древнейшего в Западной Евразии ископаемого человека из Дманиси.

Геологические условия залегания и возраст костеносных слоев Дманиси довольно подробно описаны в первых публикациях, посвященных этому местонахождению [Dzhaparidze et al., 1991; Gabunia, 1992; Габуня, Векуа, 1993; Gabunia, Vekua, 1995a, б; Kvavadze, Vekua, 1993; Maisuradze, 1995; Schmincke, Bogaard, 1995; Vekua, 1995; Sologashvili et al., 1995; Габуня и др., 1996]. За прошедшие годы наши взгляды на геологическую обстановку, в которой происходило накопление здесь костеносных отложений, содержащих ископаемые остатки человека, и на их возраст не изменились. Появились лишь немногочисленные дополнительные данные о фауне позвоночных (редкие, но имеющие важное стратиграфическое значение находки: зубы *Mimomys ostramosensis*, *M. tornensis*, *Kowalskia sp.*, почти полный скелет правой конечности пантеры, отличной сохранности костные остатки *Archidiskodon meridionalis taribanensis* и др. [Muskelishvili, 1995], третья метатарсальная кость человека из IV слоя Дманиси [Gabunia et al., 1999]), подтверждающие ранее предложенную ее датировку низами нижнего плейстоцена. Сравнительно недавно были также получены К.С. Фишером (письменное сообщение) дополнительные данные по изотопному возрасту подстилающих костеносные слои лав, подтвердившие и в известной мере уточнившие ($1,8 \pm 0,55$ млн лет) оценки его немецкими специалистами [Schmincke, Bogaard, 1995]. К.С. Фишер провел и детальное палеомагнитное исследование костеносных слоев, установив

появление следов отрицательной намагниченности уже в V слое дманисского разреза (напомним, что базальты и слой VI дманисского разреза, непосредственно подстилающие V костеносный слой с остатками ископаемых гоминидов, имеют целиком положительную намагниченность). Следовательно, и эти новые сведения подтверждают принадлежность, по крайней мере, слоев IV – VI Дманиси к самым низам плейстоцена (конец эпизода Олдувай и переход к периоду Матуяма).

Описание материала

Обращаясь теперь к новейшим находкам, мы вкратце рассмотрим их в том порядке, в каком они были обнаружены. Д-2280 (рис. 2) представляет собой почти полную черепную крышку, по-видимому, вполне взрослой особи, скорее всего, мужского пола. Венечный (*sutura coronalis*) и стреловидный (*sutura sagittalis*) швы прослеживаются с трудом, но ламбдовидный шов (*sutura lambdoidea*) не испытал значительной облитерации. В черепной крышке не хватает только немногих фрагментов теменных и височных костей. В гораздо худшем состоянии ее основание: лишь частично сохранились крыловидные отростки клиновидной кости (*processus pterigoideus*), почти полностью разрушены скуловые дуги (*arcus zygomaticus*) и решетчатая кость (*os ethmoidale*), у основания обломан левый сосцевидный отросток (*processus mastoideus*). Но сравнительно хорошо сохранились височно-челюстное сочленение и ушная область на левой стороне.

Полная длина черепной крышки по хорде составляет 177 мм, бипариетальная ширина 118 мм, черепной указатель 67. Емкость мозговой капсулы ок. 780 см³, форма, скорее, сфероидальная, максимальное расширение в заднем отделе, точнее, на уровне надмастоидных гребней (табл. 1). Латеральный профиль (рис. 2, 1) крышки характеризуется постепенным повышением лобной чешуи, обнаруживающей лишь едва заметную выпуклость в области метопиона. Он достигает наибольшей высоты близ брегмы, далее почти горизонтальный приблизительно до уровня середины сосцевидных отростков, по мере приближения к обелиону начинает загibasься, а после ламбды опускается вниз до иниона и резко заворачивает назад. Угол между верхней и нижней частями затылка составляет 108°. В вертикальной норме (рис. 2, 2) обращает на себя внимание весьма значительное заглазничное сужение крышки (наименьшая ширина лба 74,5 мм, индекс ее к полной длине 42,1, к ширине лба на уровне глазничных отростков ок. 66). Непосредственно за глабеллой возникает слабо выраженный сагиттальный валик, который несколько увеличивается по мере приближения к брегме, а далее в теменной области едва заметно понижается, образуя по линии стреловидного шва

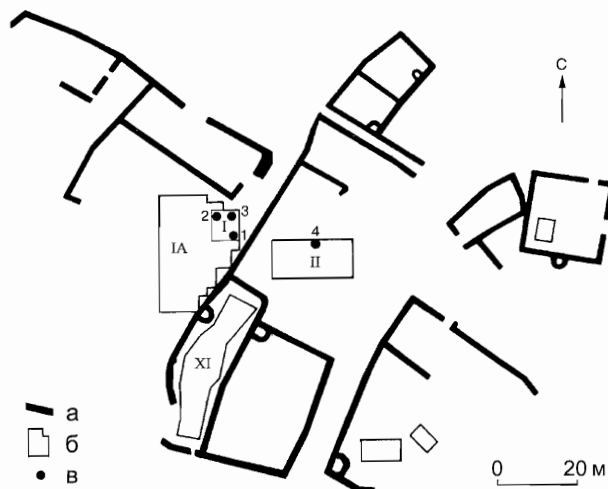

Рис. 1. План раскопок дманисского местонахождения. а – средневековые постройки; б – раскопы: I, II, XI – раскопано полностью, IA – раскопаны только верхние слои; в – костные остатки гоминидов: 1 – челюсть, 2 – череп Д-2280, 3 – череп Д-2282, 4 – метатарсал.

слабо развитую срединную ложбинку, достигающую уровня ламбды.

Височные гребни (*linea temporalis*) отчетливо выражены. Они начинаются у наружных краев скуловых отростков лобной кости, направляясь назад, отклоняются к сагиттальной линии. В теменной области гребни сближаются между собой приблизительно над порионами (наименьшее расстояние от височной линии до сагиттального гребня 23 мм), а затем довольно резко расходятся латерально, образуя дуги, которые ближе к затылочной части крышки ограничивают с медиальной стороны заметно выпуклые угловые валики теменных костей (*torus angularis ossis parietalis*), приближающиеся своими загнутыми концами к надмастоидным гребням (*crista supramastoidea*). Височные гребни в задне-лобной и передней частях теменных костей сильно притуплены, а местами просто сглажены. Здесь они сопровождаются с обеих сторон (медиальной и латеральной) легкими бороздками. В лобной области эти медиальные борозды создают едва заметную, направленную сагиттально мелкую ложбинку. Поверхность теменных костей неровная, местами наблюдаются деформированные участки – возможно, следы прижизненных повреждений.

Область ламбды несколько повреждена, но все же на черепной крышке заметна вогнутость, соответствующая месту расширения упомянутой выше ложбинки. Как уже было сказано, ламбдовидный шов выражен более отчетливо, чем венечный и стреловидный, зарастание которых произошло, по всей видимости, раньше ламбдовидного. Затылочный валик (*torus occipitalis*) и граничащая с ним верхняя выйная линия (*linea nuchalis superior*) образуют плавную дугу,

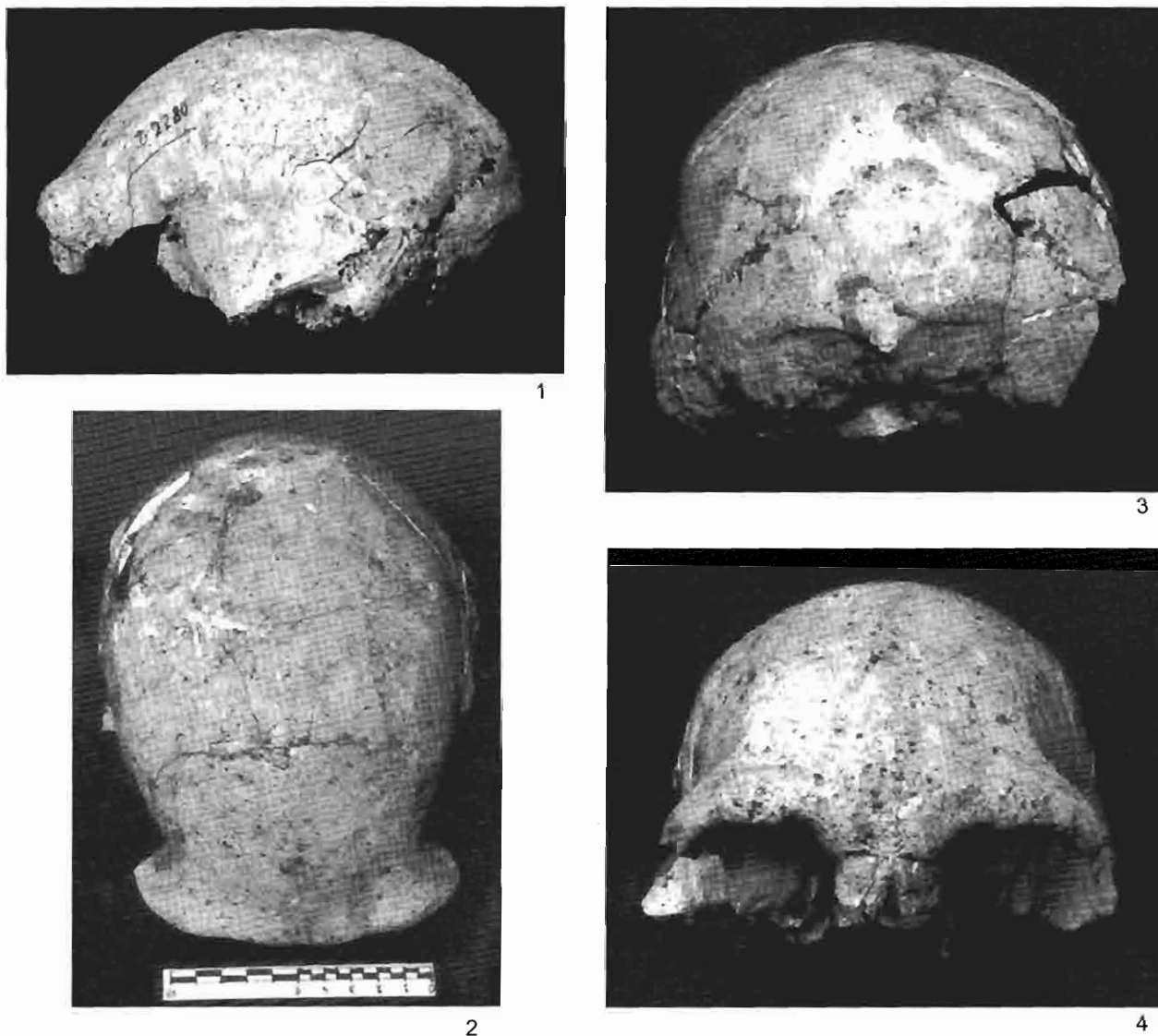

Рис. 2. Черепная крышка дманисского ископаемого человека Д-2280.
1 – вид сбоку, 2 – сверху, 3 – с затылочной стороны, 4 – спереди.

но в срединной точке ее максимального изгиба, где берет начало наружный затылочный гребень (*crista occipitalis externa*), резко выдается выступ, отмечающий инион.

Несмотря на поврежденность затылочной части крышки черепа (рис 2, 3), достаточно хорошо сохранились основные элементы ее структуры, на основе которых можно было получить некоторые важные размеры (табл. 1). В частности, затылочная сагиттальная хорда составляет 70,5 мм, ширина между остерионами 104 мм, длина ламбда – инион 49 мм, инион – опиостион 47 мм, угол между передней частью затылочной кости и франкфуртской плоскостью ок. 78°, между той же частью и линией глабелла – инион 70°. Мышечный рельеф явно обозначен. Хорошо выраженный затылочный валик (*torus occipitalis*) спереди

ограничен поперечной бороздой (*sulcus supratotalis*), которая к латеральным краям заметно сглаживается. Сам же затылочный валик (*torus occipitalis*) особенно выдается в латеральных частях и несколько понижается в медиальном отделе. Сзади он ограничен верхней выйной линией. Нижняя выйная линия (*linea nuchalis inferior*) обозначена менее отчетливо и отстоит от верхней на 23 – 24 мм. Хорошо выраженный сагиттальный гребень (*crista occipitalis externa*) отходит от резко очерченного наружного затылочного бугра (*protuberantia occipitalis externa*) и тянется до заднего края большого затылочного отверстия (*foramen occipitale magnum*). На латеральных участках выйной площадки (*planum nuchale*) отчетливо вырисовываются углубления и продольные ребрышки, а также шероховатости по бокам от верхнего отдела

Таблица 1. Индивидуальные данные измерений черепов

Признаки	Д-2280	Д-2282	ER-3733*	ER-3883*	WT-15000**	Санги-ран-2***	H. erectus erectus***
2. Диаметр глабелла – иниион	177	167	182	182	175	177	194
Брегма – иниион (хорда)	127	125	–	–	–	–	–
Глабелла – брегма (дуга)	100	(95)	(106)	104	–	–	113
Глабелла – брегма (хорда)	89	87	(95)	101	–	–	107
31. Затылочная хорда	70,5	–	–	–	–	–	–
Брегма – опиостион (хорда)	(122)	–	–	–	129	–	–
28. Затылочная дуга	98	–	–	–	–	–	–
31(1). Хорда верхней части затылка	79	–	–	–	–	–	–
48. Верхняя высота лица (n – pr)	–	(81)	83	–	–	–	77
48(1). Высота альвеолярного отростка (ns – pr)	–	28,1	31	–	27	–	25
60. Длина альвеолярной дуги	–	(61,4)	63	–	–	–	64
20. Высотный диаметр (br – po)	91	74	92	78	–	92	99
17. Высотный диаметр (br – ba)	(108)	–	108	100	–	(105)	–
52. Высота орбиты	–	(37)	36	36	–	–	36
9. Наименьшая ширина лба	74,5	65	91	88	90,5	(79)	86
8. Поперечный диаметр	(126,5)	108	127	132	137	134	–
Ширина черепа (порион – порион)	(123,5)	(109)	121	124	126,3	114	124
13. Ширина основания черепа (ms – ms)	(137)	(122)	142	–	136,8	–	–
13(1). Наибольшая ширина основания черепа	(137)	–	142	139	–	140	147
12. Ширина затылка	104	101	124	121	106	(120)	112
43(1). Биорбитальная ширина	–	(93)	(104)	108	83,5	–	–
45. Скуловая ширина	–	(130)	(138)	(150)	121,6	–	148
43. Верхняя ширина лица	–	(130)	119	–	–	–	121
57(1). Ширина спинки носа	(11)	–	8	9	–	–	18
54. Ширина носа	–	28	36	–	34,7	–	30
Глубина нижневисочной ямки	(33)	(31)	–	–	–	–	–
Длина челюстной ямки	21	–	19	20	–	–	–
Ширина челюстной ямки	31	–	31	–	–	–	–
Глубина челюстной ямки	8	–	5	9	–	–	–
Высота processus retroarticularis	11	–	12	–	–	–	–
Высота челюстного бугра	12	–	13	–	–	–	–
Высота изгиба скуловой кости	–	31	33	–	31	–	–
Толщина надглазничного валика	12	9,3	9	14	10,4	–	15
Передне-задняя толщина надглазничного валика	18	13,5	22	21	11,6	–	–
Толщина лобной кости (у брегмы)	8	7	–	8	7,9	–	–
Толщина затылочной кости (у брегмы)	8	7	–	8	8,2	9	–
Толщина теменной кости (у ламбды)	7	6	7	6	6,1	–	–
Толщина затылочной кости (у ламбды)	7,5	7	7	9,5	–	–	–
Толщина теменной кости (у астериона)	10	8	5	9	10,1	14	12
Толщина затылочной кости (у астериона)	7	6	6	6,5	–	–	–
Толщина теменной кости (в области стефаниона)	10	6	–	(10)	–	–	–
Толщина затылочного гребня	14	10	24	14	–	–	–
Толщина височной кости (у астериона)	(7)	(6)	–	15	7,4	14	15
Толщина височной кости (у птериона)	6	5	–	7,5	8,2	–	–

Примечания. Скобки указывают на приблизительность измерений.

* [Wood, 1991].

** [Walker, Leakey, 1993].

*** [Weidenreich, 1943].

наружного затылочного гребня (crista occipitalis externa), служащие для прикрепления волокон затылочных мышц. В целом общая выпуклость латеральных частей выйной площадки и углубления по бокам от затылочного гребня напоминает рельеф, свойственный затылочной области черепов раннеплейстоценовых гоминидов Африки (ER-3883 и др.) [Wood, 1991].

Судя по сохранившейся на черепной крышке задней части foramen occipitale magnum, его плоскость должна была быть обращена в основном вниз. Что же

касается присутствующей на ней небольшой части тела затылочной кости (pars basilaris), то оно, по-видимому, несколько суживается кпереди, а наблюдаемая на ней слабая вогнутость соответствует, скорее всего, небольшой ямке, расположенной перед глоточным бутром (tuberculum pharyngeum).

В височной области обращает на себя внимание массивность и весьма значительная пневматизация сосцевидных отростков (сохранилось лишь основание левого из них, передне-задний и латеральный диаметры которого равны соответственно 23 и 27 мм).

Сосцевидный гребень, как бы продолжающий верхнюю выйную линию затылочной кости, делит латеральную поверхность отростка на переднюю и заднюю. Височная кость сравнительно длинная и умеренной высоты. В средней ее части заметна борозда средней височной артерии (*sulcus arteriae temporalis mediae*), упирающаяся в надсосцевидный гребень (*crista supramastoidea*), который расположен косо по отношению к основанию сосцевидного отростка и простирается на височной кости почти до уровня верхнего края височно-основного шва (*sutura sphenosquamosa*). Этот гребень также несет отчетливые следы пневматизации, прослеживаемые до основания скулового отростка. Он образует с франкфуртской горизонталью угол ок. 23° и отделен от сосцевидного отростка двумя неглубокими ложбинками. С медиальной стороны от основания отростка расположена сосцевидная борозда (*incisura mastoidea*), а между последней и затылочно-сосцевидным швом (*sutura occipitomastoidea*) затылочно-сосцевидный гребень (*crista occipitomastoidea*).

Пластика, окружающая спереди и снизу наружное слуховое отверстие (*pars tympanica*), ориентирована вертикально. Латеральный край ее передней стенки загибается назад, медиальный несколько отклоняется вперед и завершается маленьким заостренным отростком. Приблизительно в середине задней стороны ее основания расположено влагалище для шиловидного отростка (*processus styloideus*), к которому снаружи примыкает шило-сосцевидное отверстие (*foramen stylomastoideum*). Полная длина тимпанической пластинки 32 мм, а наибольшая ее высота 17 мм. В поперечном сечении наружный слуховой проход имеет овальную форму, длинная ось составляет почти прямой угол с франкфуртской горизонталью. Вертикальный диаметр слухового прохода 13 мм, горизонтальный – 7,5 мм. Со стороны базальной поверхности каменной части пирамиды (*pars petrosae pyramis*) виден канал сонной артерии (*canalis caroticus*). На сохранившейся здесь части большого крыла основной кости вполне различимы овальное отверстие (*foramen ovale*) и остистое (*foramen spinosum*), которое, однако, частично расположено на височной кости (пересекается височно-клиновидным швом). Нижнечелюстная ямка (*fossa mandibularis*) хорошо представлена с левой стороны черепной крышки. Ее длинная ось составляет приблизительно 115° с сагиттальной плоскостью. Ямка умеренной длины (21 мм) и довольно широкая (31 мм), ее глубина 8 мм. Позадисуставной отросток (*processus retroarticularis*), образующий заднюю стенку ямки, широкий и не очень высокий (11 мм). Чуть больше его по высоте суставной бугорок (*tuberculum articulare*) (12 мм), поверхность которого слабо вогнута и наклонена вперед. Заметно выступающий энтоочленовный отросток

(*processus entarticularis*) образует медиальную стенку ямки. У внутреннего края нижнечелюстной ямки различается височно-основной шов. Наконец, в передней части черепной крышки видны фрагменты ячеек решетчатой кости (*cellulae ethmoidales*) и лобных пазух (*sinus frontales*), а также лобного гребешка (*crista frontalis*).

От лицевой поверхности исследуемого экземпляра сохранились верхние края глазниц с прилегающим к ним надглазничным валиком и сильно поврежденными носовыми костями, обломанными почти непосредственно под носо-лобным швом. Несмотря на то, что сохранился участок соприкосновения обломанных носовых костей с лобной областью, предлагаемую реконструкцию назальной части черепа Д-2280 (рис. 2, 4) следует считать несколько условной, так как мы не вполне уверены в том, что совершенно точно воспроизвели наклон носовых костей, степень их выпуклости. Надглазничный валик умеренно развит, закруглен спереди и слегка выдается вперед, а весьма слабое развитие заваликовой ложбинки, очевидно, связано с отмеченным уже плавным повышением лобной чешуи. Максимальной толщины надглазничный валик достигает в средней части (12 мм), к латеральному краю он заметно утончается (9,1 мм) и еще больше – близ лобно-скулового шва (8,1 мм).

Стенки черепной крышки в среднем умеренной толщины (табл. 1).

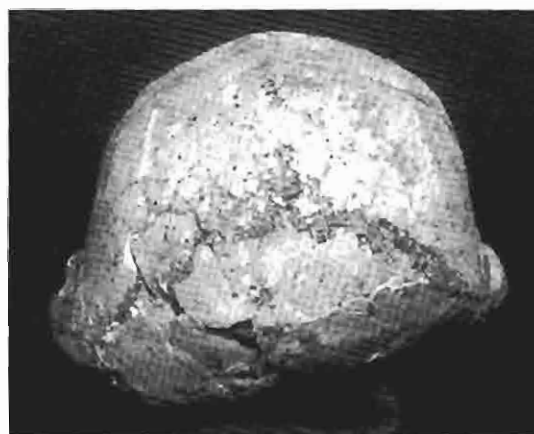
Череп Д-2282 (рис. 3) сравнительно полный, но претерпевший довольно значительную латеральную и дорсо-вентральную деформацию, вызвавшую возникновение трещин, по которым произошло небольшое смещение по отношению друг к другу отдельных участков черепа. Значительно повреждена височная область левой стороны и несколько меньше – правой; продавлена и раздроблена на мелкие кусочки затылочная часть и почти полностью утрачено ее основание. Обломаны и раздавлены сосцевидные отростки и сильно повреждена с обеих сторон ушная область (впрочем, слева довольно полно представлен наружный слуховой проход, а справа – нижнечелюстная ямка, но разрушены прилегающие к ней части височных и клиновидных костей). К сожалению, неразличимы детали строения основания черепа и не сохранились некоторые части лицевого скелета: обломаны медиальный участок надглазничного валика, края глазниц, деформированы и разломаны скуловые кости, а также разрушены носовые кости.

В верхней челюсти сохранились слабостертые P^4 и M^1 правой стороны*, левые M^1 и M^2 и альвеолы всех

* При характеристике зубов авторы использовали для их обозначения систему, принятую у приматологов, в которой учитываются утраченные в ходе эволюции гоминидов зубы. Поэтому второй премоляр обозначен как P^4 (примеч. ред.).

1

3

2

4

5

Рис. 3. Череп дманисского ископаемого человека Д-2282.

1 – вид сбоку, 2 – сверху, 3 – с затылочной стороны, 4 – спереди, 5 – нёбная сторона.

остальных зубов (альвеолы третьих моляров видны лишь на рентгеновских снимках челюсти).

Слабая стертость зубов (на P^4 и M^1 проступают лишь малюсенькие островки дентина), наряду с резко выступающими швами черепной крышки, дает ос-

нование думать, что мы имеем дело с очень молодой особью (ок. 15 – 16 лет). Сравнительно небольшие размеры (длина черепа 167 мм) и слабо развитый рельеф лобной и затылочной костей указывают, скорее всего, на ее принадлежность к женскому полу,

о чем свидетельствует, по-видимому, и наличие небольших выпуклостей, соответствующих, вероятно, лобным буграм, которых не видно на черепной крышке Д-2280.

Форма черепа, как и у экземпляра Д-2280, сферическая, наибольшее расширение в области сосцевидных отростков (ок. 134 мм). Наименьшая ширина лба 65 мм, а высота черепной крышки (брегма – порион) ок. 74 мм. Некоторые другие размеры черепа даны в сводной табл. 1.

Латеральный профиль черепа (рис. 3, 1) сходен с таковым у экземпляра Д-2280, но с той разницей, что линия лба у него явно более круто повышается, вследствие чего отчетливее выражена линия, соответствующая заглазничной ложбинке, почти отсутствующей на вышеописанной черепной крышке. Слегка более выпукла линия профиля и приблизительно там, где у современного человека находятся лобные бугры. Максимальной высоты она достигает в области брегмы, затем слегка понижается (из-за поврежденности черепа), но вскоре выравнивается и лишь у обелиона начинает загигаться вниз. Опистокранион и инион здесь, по-видимому, также совмещены друг с другом. Далее, за уровнем затылочного валика профиль сильно искажен, что следует отнести уже за счет упомянутой деформации черепа.

В вертикальной норме (рис. 3, 2) резко вырисовывается заглазничное сужение черепа, которое кажется, однако, несколько менее значительным, чем у экземпляра Д-2280. Индекс сужения лба – отношение наименьшей ширины лба к хорде сфенион – сфенион – у первого 66, у второго ок. 70. Упомянутая уже заваликовая ложбинка характеризуется довольно значительной шириной, обуславливающей заметное выступание вперед заглазничного валика умеренной толщины. В области метопиона более или менее отчетливо выражены слабые выпуклости, напоминающие лобные бугры, а лобно-теменной киль прослеживается почти на всем протяжении сагиттальной линии до ламбды. Область ламбды усложнена наличием мелких дополнительных косточек, отсутствующих не только у черепной крышки Д-2280, но и у ранних *H. erectus* Африки или *H. ergaster* (мы находим их, однако, у экземпляра ER-1470 [Wood, 1991; Leakey, 1973], относимого в настоящее время к *H. rudolfensis* [Alexeev, 1986], а также у некоторых азиатских *H. erectus* [Weidenreich, 1943]). Височные гребни достаточно хорошо выражены. Они начинаются, как и на черепной крышке Д-2280, у наружных лобных отростков, сначала сближаются (приблизительно на уровне метопиона), затем по мере приближения к венечному шву расходятся, далее опять сближаются, а на уровне нижнечелюстной ямки вновь расходятся латерально и назад, они образуют лировидный рисунок, наблюдаемый также на черепной крышке Д-2280. Линии

височных гребней далее направляются, по-видимому, в сторону надмастOIDных гребней, которые, к сожалению, не могут быть здесь точно прослежены. Ближе к астериону височные гребни, точнее, гребень лучше сохранившейся правой стороны становится более выпуклым. Мы не решаемся утверждать, что здесь намечается развитие валика (*torus angularis parietalis*), но нельзя полностью исключить такую возможность, тем более что череп Д-2282 принадлежит юной особи, как мы полагаем, женского пола, у которой данное образование могло быть слабо представлено или оставаться вообще в зачаточном состоянии. Наименьшее расстояние от височной линии до сагиттального гребня составляет 30 мм, что отличает описываемый череп от экземпляра Д-2280, у которого оно равно 23 мм (в этом отношении череп взрослого *дманисца* занимает, возможно, крайнее положение среди черепов ранних гоминидов). Поверхность черепной крышки в средней части теменных костей ровная. Контур поперечного сечения крышки имеет вид равномерно выпуклой дуги со слабым срединным выступом, соответствующим париетальному килю. Слабая вогнутость, наблюдаемая у *H. ergaster* непосредственно перед ламбдой, на этом черепе не видна. Швы резко выражены, особенно венечный и ламбдовидный. Ближе к ламбде от стреловидного шва отходят коротенькие швы, которые окаймляют две примыкающие к нему с боков дополнительные косточки. Затылочный край крышки почти совпадает с верхней выйной линией и имеет очертания широкой дуги с едва заметным срединным выступом, соответствующим, быть может, наружному затылочному бугру (*protuberantia occipitalis externa*).

Затылочная область черепа Д-2282 (рис. 3, 3), как уже отмечалось, очень плохо сохранилась, особенно ее задняя часть. Тем не менее различаются весьма слабо выраженный затылочный валик и верхняя выйная линия, разделяющие верхнюю и нижнюю площадки затылка, а также едва заметное поперечное углубление, расположенное позади валика и соответствующее, скорее всего, заваликовой борозде (*sulcus posttoralis*). Ширина между астерионами 101 мм, расстояние от ламбды до средней точки верхней выйной линии 45,5 мм. Мышечный рельеф затылка весьма слабо выражен, особенно в нижней его части, где не может быть с уверенностью прослежена нижняя выйная линия и неразличимы также ни затылочный сагиттальный гребень, ни шероховатости и углубления по его бокам, наблюдаемые на выйной площадке черепной крышки Д-2280.

То немногое, что сохранилось от височных костей, может дать только самое приблизительное представление о строении этой области черепа Д-2282. Фрагменты сосцевидных отростков указывают, по-видимому, на их массивность и довольно значительную

пневматизацию, особенно хорошо выраженную, как мы видели, у взрослой особи (Д-2280). Височная кость невысокая и умеренно длинная. С левой стороны, как уже отмечалось, представлен более или менее полный, но несколько смещенный в медиальную сторону наружный слуховой проход, а с правой – худшей сохранности тимпаническая кость, но с прилегающими к ней частями нижнечелюстной ямки и сочленовного бугорка. Степень развития, положение в черепе и наклон по отношению к сагиттальной плоскости этих костей более или менее сходны у обоих дманисских черепов (Д-2280 и Д-2282).

Несмотря на плохую сохранность основания черепа Д-2282 и значительную деформацию его затылочной части, мы сочли возможным измерить емкость его мозговой коробки – 525 см³. Добавив к этому 100 см³, соответствующих, по нашему расчету, объему продавленной нижнезатылочной области, мы получили цифру 625 см³.

Умеренно развитый у черепа Д-2282 надглазничный валик (рис. 3, 4) представляет собой существенный элемент верхней части его лицевого скелета. Хотя передний край глабеллы обломан вместе с прилегающими к нему носовыми костями, все же видно, что она была лишь слабо понижена и что в целом надглазничный валик составлял единую плавную дугу, отличающуюся довольно значительной шириной (ок. 87 мм). Вертикальная толщина валика на уровне середины верхнего края глазницы составляет 9,3 мм, заметно уступая измеренной там же переднезадней толщине (13,5 мм). Примечательно, что своей выпуклой стороной валик обращен не столько вперед, сколько вверх, обуславливая большую выраженность неглубокой, но относительно широкой шельфовидной надваликовой ложбинки. Надглазничный валик весьма заметно утончается по бокам. Его толщина в области треугольника не превышает 8 мм. Расстояние между наружными краями глазниц (ок. 93 мм) довольно значительно для такого молодого экземпляра, как Д-2282 (по этому показателю, как видно из табл. 1, он превосходит нариокотомского мальчика [Walker, Leakey, 1993]). Верхний край глазниц почти горизонтален, а латеральный почти вертикален. Высота глазниц ок. 37 мм, а ширина, вероятно, ненамного больше 40 мм. Верхний и нижний края глазниц находятся приблизительно в одной плоскости (верхний, возможно, слегка выдается вперед). Грушевидное отверстие сравнительно узкое (наибольшая его ширина 28 мм), характеризуется притупленными боковыми краями и наличием мелких предносовых ямок. Скуловые кости относительно широкие и высокие (табл. 1), обращенные в переднелатеральную сторону. Глазничная поверхность скуловой кости, по-видимому, весьма слабо вогнута. Височные отростки треугольного сечения, с более или менее плоской наружной сторо-

ной. Средняя ширина лица довольно значительна (ок. 130 мм) (этот промер у вполне взрослого экземпляра ER-3733 равен 138 мм).

Обращаясь к нижней части лицевого скелета, мы должны заметить, что более или менее удовлетворительно сохранившаяся верхняя челюсть дает довольно полное представление о ее общем облике. Назоальвеолярный кливус (назо-альвеолярная область, ограниченная клыковыми гребнями) сравнительно широкий и почти плоский, образующий с альвеолярной плоскостью (поверхность от уровня назоспинале до альвеолярного края резцов) угол, близкий к 61°. Сильно развит клыковой гребень в виде закругленной и уплощенной спереди выпуклости, достигающей середины носового отверстия. С латеральной стороны возле него едва заметная вмятина, соответствующая клыковой ямке (*fossa canina*), с медиальной – слабая вогнутость (на уровне боковых резцов), а над средними резцами – небольшая выпуклость, которая уменьшается по мере приближения к нижнему краю носового отверстия. Расстояние от альвеолярного края М¹ до нижнего края глазницы ок. 45 мм, до наиболее низко расположенной точки скуловой кости ок. 19 мм, а от назоспинале до простиона 28 мм. Угол альвеолярной части лица ок. 60°. В целом нижняя часть лицевого скелета обращена, скорее всего, в переднелатеральную сторону.

Небо у черепа Д-2282 почти полностью сохранилось (рис. 3, 5). Оно умеренной длины (от поперечного шва до точки *orale* 45,5 мм, стафилион – орале ок. 54,3 мм) и ширины (ок. 40 мм на уровне середины М²), не отличается и высотой (ок. 16 мм). Толщина его в области срединного небного шва не превышает 5 мм. Поверхность неба в его средней и задней частях гладкая и относительно ровная. Отчетливо выражен поперечный шов, обращенный выпуклостью к оральному краю.

Альвеолярная дуга верхней челюсти умеренной длины (61,4 мм) и сравнительно узкая: ее ширина на уровне медиальных краев альвеол М² ок. 40 мм (табл. 2). Предпремолярная часть челюсти явно укорочена и притуплена: соответствующий ей отрезок дуги умеренно выпуклый, слабо выступающий вперед. Расхождение левого и правого зубных рядов слабо выражено.

В челюсти находятся слабостертые Р⁴ и М¹ правой стороны и левые М¹ и М². Остальные зубы не сохранились, а М³ полностью отсутствует, однако на рентгеновском снимке верхней челюсти Д-2282 видна его альвеола, которая могла содержать выпавший впоследствии зачаток этого зуба. Зубы сравнительно крупные (табл. 3), такие же по размерам, как и у экземпляров ER-3733 [Wood, 1991] и WT-15000 [Braun, Walker, 1993; Walker, Leakey, 1993]. Они и по структуре напоминают зубы *H. ergaster*, хотя несколько

Таблица 2. Ширина альвеолярной дуги (по наружным и внутренним краям альвеол), мм

Уровень промеров	Наружная			Внутренняя		
	Д-2282	WT-15000*	ER-3733**	Д-2282	WT-15000*	ER-3733**
I ¹ – I ¹	(21)	27,4	(25)	(12)	22,7	(20)
I ² – I ²	(30,3)	43,3	(41)	(19)	33,3	(30)
C – C	(45)	57,5	–	(28,6)	–	34
P ³ – P ³	(52)	64,8	–	(31,3)	38,9	35
P ⁴ – P ⁴	(56)	65,1	(61)	(33,2)	38,3	36
M ¹ – M ¹	65	66,8	(63)	36	37,5	–
M ² – M ²	(67)	66,8	(65)	(40)	(40)	38

Примечания. Скобки указывают на приблизительность измерений.

* [Walker, Leakey, 1993].

** [Wood, 1991].

Таблица 3. Размеры зубов, мм

Зубы	Д-2282			ER-3733*			WT-15000**			Сангиран-4***			H. erectus erectus***		
	Длина	Ширина	Индекс	Длина	Ширина	Индекс	Длина	Ширина	Индекс	Длина	Ширина	Индекс	Длина	Ширина	Индекс
P ⁴ пр.	8	10	125	8,1	12,1	149	8,1	11,7	144	8,2	12,2	149	8	11,6	145
M ¹ пр.	12	12,9	105	–	–	–	12,2	12,2	100	11,8	13,3	113	11,8	13,2	112
M ¹ лев.	12,5	13	104	12,6	–	–	11,3	12,1	107	–	–	–	–	–	–
M ² лев.	12,9	12,1	94	12	13,7	142	11,8	11,3	96	12,9	13,8	11,5	12,3	14	114

* [Wood, 1991].

** [Walker, Leakey, 1993].

*** [Weidenreich, 1943].

отличаются от них некоторыми признаками, быть может, имеющими значение для систематики гоминидов.

P⁴ четырехугольных очертаний, с почти одинаковыми по размерам вестибулярным и лингвальным бугорками. Вестибулярная половина зуба едва заметно шире лингвальной и имеет более отчетливые площадки стирания. Хорошо выражены как передняя, так и задняя ямки, но первая из них чуть глубже и в большей мере усложнена коротенькими бороздками. Задняя ямка представлена поперечной вмятиной, повторяющей в общем тот же рисунок, что и в передней ямке. Впрочем, ее лингвальная ветка сравнительно слабо выражена. Гребни основных бугорков в средней части зуба разделены четко обозначенной продольной бороздкой и смещены один по отношению к другому (вестибулярный занимает явно более дистальное положение). На довольно крупной площадке стирания вестибулярного бугорка различима крошечная точка дентина. Имеются две менее четко ограниченные площадки стирания на лингвальном бугорке. Судя по рентгеновскому снимку, этот зуб имеет один длинный нерасщепленный корень.

Правый M¹ также четырехугольных очертаний, с хорошо развитым гипоконусом. Бугорки приблизительно одинаковой высоты (вестибулярные все же несколько ниже лингвальных). Протоконус – самый крупный бугорок. Остальные почти одинаковой величины. Метаконус и протоконус связаны между собой слегка вогнутым гребнем, образуя вместе с медиаль-

ным гребнем зуба отчетливо очерченный тригон. Имеется задняя ямка, которая почти смыкается с лингвальной бороздкой, разделяющей протоконус и гипоконус. Хорошо видна и вестибулярная бороздка, разделяющая параконус и метакокус и почти смыкающаяся с короткой центральной бороздкой. Эта последняя явно отклонена к медиолингвальному углу. Имеется также неглубокая передняя ямка, отделяющая от переднего края коронки короткую эмалевую складку. Левый M¹ почти ничем не отличается от правого. Оба зуба несут признаки стирания: на правом островки дентина проступают на вершинках протоконуса, параконуса и гипоконуса, а на левом – на всех четырех бугорках. Площадки стирания отчетливо выражены как на бугорках, так и на мезиальном и дистальном краях коронки. На боковой поверхности обоих зубов, на грани мезиальной и лингвальной поверхностей видна короткая канавка, которая может рассматриваться в качестве зачатка системы Карабелли. Имеются три нормально развитых корня: два почти параллельных вестибулярных, слегка отклоненных назад, и один неясных очертаний лингвальный. Тавродонтизм умеренно выражен.

На M¹ дентин не выступает на жевательной поверхности зуба, но площадки стирания достаточно хорошо выражены на всех бугорках, особенно же в дистолингвальном углу коронки. Общие очертания зуба почти такие же, как у M¹, но его дистальный отдел еще более выступает назад и лингвально, что, вместе

с несколько вытянутым в мезио-вестибулярную сторону параконусом, придает коронке ромбовидные очертания. И на этом зубе выделяется косою гребень, соединяющий протоконус с метаконусом, но здесь он рассечен более резко выраженной центральной бороздкой. Хорошо виден на втором моляре и мезиальный гребень, ограниченный передней ямкой и связывающий протоконус с параконусом. Из-за вытянутости гипоконуса дистальный отдел коронки выглядит более узким, чем медиальный. Достаточно отчетливо выражены обе ямки: и передняя, и задняя. Первая из них представлена довольно глубокой вмятиной, отделяющей от мезиального края коронки сравнительно широкую полосу эмалевой поверхности. В средней части ямки от нее отходят в мезиальную сторону две коротенькие бороздки. Задняя ямка неглубокая, отделяющая от метаконуса дистально выступающий гипоконус. Все бугорки зуба приблизительно одинаковой высоты, но протоконус все-таки слегка превосходит их по размерам. На этом зубе, как и на первых молярах, имеется на боковой стороне протоконуса отчетливая вмятина, относящаяся, по-видимому, к комплексу Карабелли.

Корни M^2 так же развиты, как у M^1 , но его мезиальный корень в большей мере отклонен дистально. Тавродонтизм выражен в той же мере, что и у M^1 .

Судя по альвеолам черепа Д-2282, клыки умеренной величины, тогда как резцы относительно мелкие, особенно, боковые.

— Заключение —

Изложенные сведения о размерах и некоторых особенностях морфологии экземпляров Д-2280 и Д-2282 показывают, что оба обнаруживают ряд существенных черт сходства с черепами *Homo erectus* [Rightmire, 1990; Weidenreich, 1937; Wood, 1994] и в особенности с ранними африканскими формами, относимыми в настоящее время к особому виду *H. ergaster* [Alexeev, 1986; Groves, Mazak, 1975; Wood, 1991, 1992a, 1994]. Правда, пока не все авторы считают выделение *H. ergaster* достаточно обоснованным, но весьма древний возраст и значительная территориальная отдаленность от районов распространения типичных *H. erectus* Азии, наряду со своеобразным сочетанием у него ряда плезиоморфных (примитивных предковых) и апоморфных (эволюционно продвинутых) черт черепа и зубов, склоняют нас к мысли о признании систематической обособленности африканской формы. Напомним, что к *H. ergaster* кроме типического экземпляра ER-992 и нижних челюстей ER-730 и ER-820 относятся такие хорошо сохранившиеся черепа, как ER-3733, ER-3883 и WT-15000, и неполный череп SK-847. Естественно, наибольший интерес представляет для нас сравнение дма-

нисского материала именно с первыми тремя черепами *H. ergaster*.

Дманисский череп Д-2282 лишь на года полтора или два старше экземпляра WT-15000 [Smith, 1993], но в отличие от последнего он принадлежит, по всей видимости, женской особи. Отчасти этим объясняются, вероятно, его явно меньшие размеры и меньшая, чем у нариокотомского черепа [Begun, Walker, 1993], емкость мозговой коробки, не превышающая, по нашим расчетам, 625 см³. Однако имеются различия с экземпляром WT-15000 как в общих пропорциях черепа, так и в строении лицевого скелета и зубов. Так, например, хотя полная длина черепа у дманисского экземпляра лишь на 8 мм меньше, чем у нариокотомского (см. табл. 1), его ширина заметно уступает таковой у экземпляра WT-15000 (индекс максимальной ширины у первого 69, а у второго 78). В средней части лицевого скелета обращает на себя внимание явно более узкое носовое отверстие у дманисского черепа: наибольшая ширина 28,0 мм против 34,7 у черепа WT-15000. Кроме того, у него, в отличие от нариокотомского экземпляра, отчетливо выражены предносовые ямки, а края грушевидного отверстия несколько притуплены. Что же касается зубов, то у дманисского гоминида P^4 гораздо короче, чем у нариокотомца, а M^1 заметно крупнее. На обоих дманисских молярах имеются признаки наличия комплекса Карабелли, отсутствующего не только у нариокотомца, но и у всех известных нам представителей *H. ergaster* и *H. erectus* [Picq, 1983; Rak, Howell, 1978; Weidenreich, 1937; Wood, 1991]. Наконец, толщина стенок черепного свода у экземпляра Д-2282 в среднем несколько меньше, чем у нариокотомского, а на черепной крышке в области ламбды присутствуют дополнительные косточки, которых нет ни у нариокотомца, ни у других представителей *H. ergaster* (они имеются, однако, у *H. rudolfensis* и некоторых *H. erectus* s. str.) [Weidenreich, 1943; Wood, 1991]. И все же сходная форма и степень наклона лба, почти одинаковые линии профиля и височных гребней, сравнительно слабо развитые надглазничные валики, сходные пропорции лицевого скелета и очертание альвеолярной дуги и, наконец, небольшие размеры сближают черепа Д-2282 и WT-15000, различия между ними в значительной мере могут быть отнесены за счет разницы полов. Как показывает сравнение дманисских черепов, даже между ними имеются заметные различия, которые объясняются главным образом разницей в индивидуальном возрасте и принадлежностью их к разным полам.

Хорошо выражено также сходство экземпляра Д-2282 с другими черепами *H. ergaster* (ER-3733, ER-3883), от которых он отличается, по существу, теми же особенностями, что и от нариокотомского. Однако в данном случае некоторые различия по вполне понятным причинам (имеется в виду, в первую

очередь, значительная разница индивидуального возраста) проявляются резче (например, меньшие общие размеры, толщина стенок черепного свода, относительная ширина черепной крышки, большое заглазничное сужение лба, менее развитый надглазничный валик и др.).

По размерам (см. табл. 1) и общему облику черепной крышки близка к *H. ergaster* (ER-3733 и ER-3883) и взрослая особь дманисского человека (Д-2280), которую отличают главным образом наличие *torus angularis parietalis* и меньшая ширина черепа, особенно в его заглазничной и затылочной частях (ширина между астерионами 104 мм против 124 и 121 мм соответственно у турканских экземпляров ER-3733 и ER-3883), а также некоторые детали морфологии черепа (например, несколько меньшая вогнутость участка глабеллы, более сглаженные и занимающие явно более высокую позицию на черепе височные гребни, больший угол между супрамастоидным гребнем и FP, менее выраженные *torus occipitalis* и *sulcus supratoralis* и др.).

Что же касается близости экземпляра Д-2280 к сопоставляемым с ними черепам *H. ergaster*, то она проявляется, помимо сходных общих размеров и пропорций, в относительной узости заглазничной области и умеренной высоте черепной крышки, в приблизительно одинаковых профиле, степени наклона к FH лба и затылка, относительной высоте черепного свода и расположении швов, степени развития надглазничного валика, рельефе затылочной области, толщине стенок черепного свода, характере развития височно-челюстного сочленения, значительной пневматизации мастоидной области и прилегающих к ней участков височных и клиновидной костей, в сравнительно малой емкости мозговой коробки (Д-2280 – ок. 780 см³, ER-3733 – 775 см³), а также в почти одинаковой лобно-теменной килеватости, характере расположения в основании крышки отверстий и др.

Что же касается отличий дманисских экземпляров от азиатских *H. erectus*, в том числе и таких близких к ним по общим размерам, как *Pithecanthropus I* и II, то они сводятся прежде всего к менее развитому надглазничному валику, меньшим относительной шириной черепной крышки и толщине стенок черепного свода, несколько меньшей емкости мозговой коробки и др. – к признакам, которые отличают от азиатских *H. erectus* [Weidenreich, 1937] также ранних *H. erectus* Африки, относимых ныне к *H. ergaster* [Rosas, Bermudez de Castro, 1998; Wood, 1991, 1992a, 1994]. Однако у дманисского гоминида есть и особенности, которых мы не находим ни у *H. ergaster*, ни у *H. erectus* (например, признаки наличия комплекса Карабелли на М¹ и М²), и такая общая с *H. erectus* черта, как развитие *torus angularis parietalis*, не встречающаяся у форм из Кооби-Фора (ER-3733 и ER-3883)

и Нариокотоме (WT-15000). Впрочем, этот последний (*t. angularis*), по всей видимости, возникал параллельно в разное время в различных линиях развития древних гоминидов (напомним, что Тобайас указывает на его присутствие у экземпляра ОН-5 [Tobias, 1967], а Бройер и Мбуа и другие авторы – у африканских (ОН-9 и ОН-12) и некоторых других форм [Brauer, Mbua, 1992]). Поэтому ни наличие *t. angularis*, ни развитие на первом и втором верхних молярах системы Карабелли, ни сравнительно низкий свод черепа и довольно значительная покатость и килеватость лба, ни прочие мелкие черты строения черепа и зубов дманисского гоминида не меняют общей картины: большая их часть не представляет плезиоморфии, свойственной, по-видимому, древнейшим представителям *Homo* вообще. Судя же по сочетанию особенностей рассмотренных здесь черепов дманисского человека, он несомненно ближе к *H. ergaster*, чем к *H. erectus* s. str. К подобному выводу привело нас еще в 1992 г. изучение нижней челюсти Д-211 [Габуня, Векуа, 1993]. О сходстве дманисского человека с *H. ergaster* недавно писали также Розас и Бермудез де Кастро [Rosas, Bermudez de Castro, 1998] и Таттерсалл [Tattersall, 1997]. И тем не менее пока трудно говорить с уверенностью о том, достаточно ли это сходство для более тесного сближения между собой дманисского гоминида и *H. ergaster*. Сравнительно узкое носовое отверстие дманисца, относительно большая узость черепной крышки и явная уплощенность лицевого скелета, присутствие у него на М¹ и М² признаков развития комплекса Карабелли, довольно значительная узость Р⁴, а также некоторые особенности нижней челюсти и нижнечелюстных зубов (например, помимо значительной узости альвеолярной дуги и укороченности предпремолярного отдела, редукция дистальных моляров, заметная редукция Р⁴, наличие медиального гребня на молярах, несколько суженные дистальные края М¹ и М², раздвоенный, как лишь у нариокотомского мальчика, седьмой бугорок моляров и др.) свидетельствуют, быть может, о его некоторой систематической обособленности. Поэтому до более подробного и углубленного исследования ископаемых остатков, и в первую очередь черепов дманисского гоминида, представляется предпочтительным рассматривать его как *Homo ex gr. ergaster*.

Список литературы

Габуня Л.К., Векуа А.К. Дманисский ископаемый человек и сопутствующая ему фауна позвоночных. – Тбилиси: Мецниереба, 1993. – 72 с.

Габуня Л.К., Векуа А.К., Лордкипанидзе Д.О. Природная обстановка первичного проникновения древнего человека в умеренные широты // Изв. АН России. Сер. геогр. – 1996. – Т. 6. – С. 36 – 47.

Габуния Л.К., Векуа А.К., Юсугс А. О нижней челюсти ископаемого человека из позднего виллафранка Дманиси // Изв. АН Грузии. Сер. биол. – 1992. – Т. 18, № 6. – С. 418 – 427.

Alexeev V.P. The origin of the Human Race. – Moscow: Progress, 1986. – 318 p.

Begun D., Walker A. The endocast // The Nariokotome Homo erectus skeleton / Ed. by A. Walker, R. Leakey. – Harvard: University Press, 1993. – P. 326 – 358.

Brauer G., Henke W., Schultz M. Der hominide Unterkiefer von Dmanisi: Morphologie, Pathologie und Analysen zur klassifikation // JRGZ. – 1995. – Vol. 42. – S. 183 – 203.

Brauer G., Mbua E. Homo erectus features used in cladistics and their variability in Asian and African hominids // J. Hum. Evol. – 1992. – Vol. 22. – P. 79 – 108.

Brauer G., Schultz M. The morphological affinities of the Plio-Pleistocene mandible from Dmanisi, Georgia // J. Hum. Evol. – 1996. – Vol. 30. – P. 445 – 481.

Braun B., Walker A. The dentition // The Nariokotome Homo erectus skeleton / Ed. by A. Walker, R. Leakey. – Harvard: University Press, 1993. – P. 161 – 192.

Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianishvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Maisuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenishvili E., Schmincke H., Sologashvili D., Tushabramishvili D., Tvalcrelidze M., Vekua A. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // JRGZ. – 1991. – Vol. 36. – S. 67 – 116.

Gabunia L.K. Der menschliche Unterkiefer von Dmanisi (Georgien, Kaukasus) // JRGZ. – 1992. – Vol. 39. – S. 185 – 208.

Gabunia L., Vekua A. La mandibule de L'Homme fossile du Villafranchien supérieur de Dmanissi (Georgie orientale) // L'Anthropologie. – 1995a. – Vol. 99, N 1. – P. 29 – 41.

Gabunia L., Vekua A. A Plio-Pleistocene hominid from Dmanisi, East Georgia // Nature. – 1995b. – Vol. 373. – P. 309 – 312.

Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D. A hominid metatarsal from Dmanisi, East Georgia // Anthropologie. – 1999. – Vol. 37, N 1. – P. 45 – 48.

Grimaud D. Le parietal de l'homme de Tautavel // Congrès international de Paléontologie humaine. L'homme erectus et la place de l'homme de Tautavel parmi les hominides fossiles. – Préirage. – 1982. – T. 1. – P. 62 – 88.

Groves C.P., Mazak V. An approach to the taxonomy of the Hominidae: gracile Villafranchian hominids of Africa // Cas. Miner. Geol. – 1975. – Vol. 20. – P. 225 – 247.

Kvavadze E., Vekua A. Vegetation and climate of the Dmanisi man period (East Georgia) from palinological data // Acta Palaeobotanica. – 1993. – N 33(2). – P. 343 – 355.

Leakey R.E.F. Evidence for an advanced Plio-Pleistocene hominid from East Rudolf, Kenya // Nature. – 1973. – Vol. 242. – P. 447 – 450.

Lumley M.-A. de, Sonakia A. Première découverte d'un Homo erectus sur le continent indien à Hathnora, dans moyenne Vallée de la Narmada // L'Anthropologie. – 1985. – T. 89, N 1. – P. 13 – 61.

Maisuradze G. Geologisch-geomorphologisch Untersuchungen im Masavera-Becken (Südost-Georgien) // JRGZ. – 1995. – Vol. 42. – S. 25 – 49.

Muskchelishvili A. Die Kleinfafauna von Dmanisi // JRGZ. – 1995. – Vol. 42. – S. 181 – 182.

Picq P. L'articulation temporo-mandibulaire des Hominidés fossiles: anatomie comparée, biomécanique, évolution, biométrie: Ph. D. Dissertation. – P.: L'Université, Pierre et Marie Curie, 1983. – 173 p.

Rak Y., Howell F.C. Cranium of a juvenile Australopithecus boisei from the Lower Omo Basin, Ethiopia // Amer. J. Phys. Anthropol. – 1978. – Vol. 48. – P. 344 – 366.

Rightmire G.P. The Evolution of Homo erectus. – Cambridge: University Press, 1990. – 669 p.

Rosas A., Bermudez de Castro J.M. On the taxonomic Affinities of the Dmanisi Mandible (Georgia) // Amer. J. Phys. Anthropol. – 1998. – Vol. 107. – P. 145 – 162.

Schmincke H.-U., Bogaard P. Die Datierung des Masavera-Basaltlavastroms // JRGZ. – 1995. – Vol. 42. – S. 75 – 76.

Smith B.H. The physiological age of KNM-WT-15000 // The Nariokotome Homo erectus skeleton / Ed. by A. Walker, R. Leakey. – Harvard: University Press, 1993. – P. 195 – 220.

Sologashvili D., Pavlenishvili E., Gogichajshvili A. Zur Frage der paläomagnetischen Stratigraphie einiger junger Vulkanite und Sedimentgesteine im Masavera-Becken // JRGZ. – 1995. – Vol. 42. – S. 51 – 74.

Stringer C.B. The definition of Homo erectus and the existence of the species in Africa and Europe // Courier Forschung: Institut Senckenberg. – 1984. – Vol. 69. – P. 131 – 143.

Tattersall I. Out of Africa Again... and Again? // Scientific American. – 1997. – April. – P. 60 – 67.

Tobias P.V. The cranium and maxillary dentition of Australopithecus (Zinjanthropus) boisei // Olduvai Gorge / Ed. by L.S.B. Leakey. – Cambridge: University Press, 1967. – Vol. 2. – P. 299 – 311.

Vekua A. Die Wirbeltierfauna des Villafranchium von Dmanisi und ihre biostratigraphische Bedeutung // JRGZ. – 1995. – Vol. 42. – S. 77 – 180.

Walker A., Leakey R. The skull // The Nariokotome Homo erectus skeleton / Ed. by A. Walker, R. Leakey. – Harvard: University Press, 1993. – P. 63 – 94.

Weidenreich F. The dentition of Sinantropus pekinensis. A comparative odontography of the hominids // Paleont. Sinica. N.S., D. – 1937. – Vol. 1. – P. 1 – 121.

Weidenreich F. The skull of Sinantropus pekinensis: a comparative study on a primitive hominid skull // Paleont. Sinica. N.S., D. – 1943. – Vol. 10. – 484 p.

Wood B.A. Koobi Fora Research Project. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – Vol. 4: Hominid Cranial Remains From Koobi Fora. – 492 p.

Wood B.A. Early hominid species and speciation // J. Hum. Evol. – 1992a. – Vol. 22. – P. 351 – 365.

Wood B.A. Origin and evolution of genus Homo // Nature. – 1992b. – Vol. 355. – P. 783 – 790.

Wood B.A. Taxonomy and evolutionary relationships of Homo erectus // Courier Forschung: Institut Senckenberg. – 1994. – Vol. 171. – P. 159 – 165.

Материал поступил в редколлегию 13.07.2000 г.

УДК 903.5 (571.15)

Е.Г. Шпакова*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ СО СТОЯНКИ КАМЕНКА II

В 1997 г. на территории Республики Саха (р. Каменка, правый приток Колымы) В.А. Кашиным найдено тройное детское погребение, датируемое автором раскопок III – II тыс. до н.э. Палеоантропологический материал в этом же году был передан в лабораторию антропологии ИАЭТ СО РАН для дальнейшего анализа.

Новые антропологические находки периода позднего неолита из северо-восточных районов Якутии вызывают большой научный интерес, ввиду того, что из-за специфики климатических условий сохранность костного материала очень плохая и количество древних образцов невелико. Несомненна информационная ценность неолитических краниологических материалов, обусловленная ключевой позицией этого временного периода в формировании и закреплении основных морфологических особенностей крупных расовых комплексов [Бунак, 1956]. Кроме того, очень важной представляется также возможность получения дополнительных одонтологических характеристик новых палеоантропологических находок в одной из северо-восточных провинций Сибири.

Основное количество древних черепов в Сибирском регионе было найдено в его южных районах, при этом наиболее крупные краниологические серии получены из могильников Прибайкалья и Забайкалья, а остальные территории отмечены только единичными находками.

Два крупных географических региона – Западная и Восточная Сибирь характеризуются разным антропологическим составом местного населения. Так, в западносибирских неолитических группах присутствуют смешанный и своеобразный протоморфный комплексы расовых особенностей. При этом, если в южносибирских и североалтайских популяциях домини-

рующим фактором формирования рас выступал, по-видимому, процесс смешения монголоидных и европеоидных элементов, то в более северных районах Западной Сибири распределение расовых комплексов позволяет отметить более сложный характер расогенеза – метисационные процессы на фоне сохранения древней протоморфной недифференцированности [Багашев, 1998]. Палеоантропологический материал Восточной Сибири демонстрирует иной набор расовых признаков, отражающих принадлежность неолитического населения этого региона в основном к монголоидным представителям североазиатской и арктической рас [Рогинский, Левин, 1978].

Самыми древними (эпохи неолита) антропологическими находками на территории Якутии являются единичные черепа из погребений Туой-Хая на верхнем Вилюе [Дебеч, 1956], Джикинда на р. Олекме, Оннес на р. Амге [Томтосова, 1977; 1980], Родинка II на нижней Колыме [Гохман, Томтосова, 1992] и пять черепов из Диринг-Юряхского могильника в Центральной Якутии [Гохман, Томтосова, 1983, 1992]. В низовьях Лены на р. Бугачан около Полярного круга [Якимов, 1950] был найден череп человека бронзового времени. Все находки демонстрируют несомненную монголоидность древних представителей местного населения и отсутствие гомогенности их расового состава. Авторы исследования диринг-юряхской серии отмечают своеобразие монголоидной комбинации признаков, не позволяющее сделать четкий вывод о генезисе группы. По некоторым параметрам эти черепа сближаются с североазиатскими группами, по другим признакам – с арктическими. Краниометрические особенности остальных якутских черепов эпохи неолита позволяют определить их принадлежность к

центральноазиатскому и байкальскому типам, а также к метисному байкальско-арктическому варианту. Бугачанский череп, по мнению В.П. Алексеева [Алексеев, Гохман, 1984], не может считаться чисто монголоидным, однако М.Г. Левин [1956, с. 317] придерживался на этот счет иной точки зрения, не признавая в его облике европеоидной примеси и протоморфных особенностей и считая его морфологические признаки характерными для черепов северных монголоидов.

Географическое распределение расодифференцирующих краниологических признаков палеонаселения Якутского региона выявляет определенную закономерность: западный образец (Туой-Хая) относится к катангскому варианту североазиатской расы (отличительной особенностью которого являются небольшая высота глазниц и лица); черепа из Центральной Якутии демонстрируют сохранение определенной промежуточности или недифференцированности монголоидных признаков, проявляющихся как сочетание краниологических особенностей байкальских, центральноазиатских и арктических расовых комплексов; находка с северо-восточной территории республики (Родинка II) характеризуется усилением и преобладанием признаков арктической расы – череп очень близок по ряду показателей к усть-бельскому черепу с Чукотки, отличающемуся отчетливым проявлением черт арктической расы в сочетании с некоторыми особенностями байкальской [Гохман, Томтосова, 1992]; а череп с юга Якутии (Оннес) бесспорно относится к байкальскому антропологическому типу и морфологически близок неолитическому черепу из Шилкинской пещеры [Левин, 1953; Томтосова, 1980].

Перечисленные могильники Якутии входят в круг памятников белькачинской культуры, при этом некоторые археологи считают, что белькачинские погребения обнаруживают определенные элементы сходства с серовскими погребениями в Прибайкалье [Алексеев, 1996, с. 51].

Новые краниологические материалы пополняют банк данных и могут быть использованы для уточнения отдельных моментов расогенетической ситуации в одном из северных регионов Восточной Сибири в период позднего неолита.

В тройном погребении Каменка II были найдены два частично разрушенных детских черепа с набором зубов и кости посткраниальных скелетов со следами посмертных разрушений и повреждений. От скелета третьего ребенка, погребенного в ногах старших детей, сохранились лишь мелкие фрагменты. Анализ представленного антропологического материала был проведен на основании полученных краниологических и одонтологических характеристик. В данном случае детский зубной материал позволил определить измерительные и описательные признаки на коронках постоянной смены, так как сохранность зубов хоро-

шая и эмаль жевательной поверхности на них почти не стерта.

Для проведения дальнейшего сравнения с имеющимися в научной литературе краниологическими параметрами древнего населения Восточной Сибири метрические данные детских черепов из Якутии были видоизменены до “взрослых” размеров. Для этого была использована методика Н.С. Сысака [1960]. На основании исследования 236 детских черепов, различных по половозрастной и этнической принадлежности, автором была составлена таблица возрастных изменений краниометрических параметров от периода внутриутробного развития до взрослого состояния. Процентные соотношения между “детскими” и “взрослыми” размерами позволили определить предположительные параметры черепов из Каменки II, которые они приобрели бы после окончания роста. На основании подсчитанных коэффициентов соотношений индивидуальные “детские” размеры были преобразованы во “взрослые”. Учитывая несомненную условность подобного приема, необходимо все же отметить его значительно большую объективность по сравнению с визуальной оценкой морфологических особенностей детских черепов.

Краниологические исследования

Краниологический материал, пригодный для изучения, состоит из двух детских черепов (старших детей), представленных разрозненными костями мозгового и лицевого отделов. После реставрации оказалось, что оба черепа характеризуются однотипными повреждениями основания, свода и лицевого отдела. Индивидуальные измерения черепов и условные “взрослые” размеры представлены в табл. 1.

Череп 1 (рис. 1, а, б). Биологический возраст погребенного 8 – 9 лет $\pm$ 2 года. Отсутствуют основание и латеральные отделы свода. Радиально расходящиеся трещины отмечают следы от ударов в районе левых лобного и теменного бугров. Нет левой верхнечелюстной кости и носовых косточек, повреждения имеют правая верхнечелюстная кость и обе скуловые кости. Внутренние отделы глазниц разрушены, отсутствуют также суставные отростки нижней челюсти. На обеих челюстях повреждены наружные стенки альвеол в области нахождения коронок постоянных клыков и прилегающих к ним резцов.

Форма черепа пентагоноидная, сбоку – плавное соединение костей, в окципитальной норме свод крышевидный. Лоб прямой, затылок выступающий. В верхней половине лобной кости сформирован крупный сагиттальный валик – архаический признак строения черепа. Рельеф надбровья и надпереносья выражен очень слабо. Хорошо развиты надглазничные вырезки (справа значительно крупнее), которые также

Таблица 1. Соотношение “детских” и “взрослых” размеров черепов
из неолитического погребения Каменка II

Признаки	Череп 1 8 – 9 лет	% (увеличение, уменьшение)	"Взрослые" размеры	Череп 2 6 – 7 лет	% (увеличение, уменьшение)	"Взрослые" размеры
1. Продольный диаметр	175	106,8	186,8	157?	108,8	170,8?
8. Поперечный диаметр	130?	104,0	135,2?	130?	104,0	135,2?
17. Высотный диаметр от базиона	121?	103,6	125,4?	—	—	—
20. Высотный диаметр от порионов	—	—	—	94?	113,4	106,6?
8:1. Черепной указатель	74,3	—	72,3	82,8	—	79,2
17:1. Высотно-продольный указатель (от базиона)	69,1	—	67,1	—	—	—
20: 1. Высотно-продольный указатель (от порионов)	—	—	—	60,0	—	62,4
17: 8. Высотно-поперечный указатель	93,1	—	92,8	—	—	—
5. Длина основания черепа	96?	110,0	105,6?	—	—	—
9. Наменьшая ширина лба	92	103,9	95,6	85	106,7	90,7
9: 8. Лобно-поперечный указатель	70,8	—	70,7	—	—	—
10. Наибольшая ширина лба	—	—	—	111	102,6	113,9
9: 10. Широтный лобный указатель	—	—	—	76,6	—	79,6
h. Высота продольного изгиба лба	28,4	90,8	25,8	27,8	98,1	27,3
25. Сагиттальная дуга	349	104,1	363,3	331	103,1	341,3
26. Лобная дуга	127	102,7	130,4	119	102,8	122,3
27. Теменная дуга	117	103,5	121,1	111	105,2	116,8
28. Затылочная дуга	105?	107,3	112,6?	101	103,8	104,8
29. Лобная хорда	111	104,4	115,9	101	105,8	106,9
30. Теменная хорда	106	102,9	109,1	100	104,7	104,7
31. Затылочная хорда	—	—	—	87	102,2	88,9
26: 25. Лобно-сагиттальный указатель	36,4	—	35,9	36	—	35,8
27: 25. Теменно-сагиттальный указатель	33,5	—	33,3	33,5	—	34,2
28: 25. Затылочно-сагиттальный указатель	30,1	—	31,0	30,5	—	30,7
28: 27. Затылочно-теменной указатель	89,7	—	93,0	91	—	89,7
40. Длина основания лица	89	113,6	101,1	—	—	—
43. Верхняя ширина лица	98?	109,7	107,5?	87	115	100,1
45. Скуловой диаметр	—	—	—	107?	118	126,3?
46. Средняя ширина лица	—	—	—	78	120,4	93,9
47. Полная высота лица	101	124,0	125,2	—	—	—
48. Верхняя высота лица	64	123,0	78,7	60?	127,3	76,4?
77. Назомаллярный угол	138,8?	99,9	140?	147	100,8	147,7
51. Ширина орбиты от mf.	38	109,1	41,5	33	111,9	36,9
52. Высота орбиты	33?	106,4	35,1?	32	104,6	33,5
52: 51. Орбитный указатель	86,8	—	84,6	97	—	90,7
54. Ширина носа	22?	112,6	24,8?	21?	117,4	24,7?
55. Высота носа	49?	118,2	57,9?	42	127,2	53,4
54: 55. Носовой указатель	44,9?	—	42,8?	50	—	46,3
FC. Глубина клыковой ямки	4,1	—	—	0,7	—	—
(48-55): 55. Указатель альвеолярного отростка	—	—	38,0	—	—	45,3
40: 5. Указатель выступания лица	92,7	—	92,5	—	—	—
48: 17. Фацио-церебральный указатель	55,5	—	62,8	—	—	—
48: 9. Фацио-фронтальный указатель	69,6	—	83,6	70,6	—	84,2
Форма нижнего края грушевидного отверстия	anthr.	—	—	—	—	—
Форма черепа сверху	pentag.	—	—	ovoid	—	—
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	95?	—	—	83	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	128	—	—	131	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	69	122,9	84,8	59	129,8	76,6
70. Высота ветви	40	132,5	53,0	40	136,2	54,5
71a. Наименьшая ширина ветви	34	117,2	39,9	29	117,2	34
66. Угловая ширина	91	115,6	105,2	88	120,6	106,1
67. Передняя ширина	47	108,6	51,0	42	112,8	47,4
69. Высота симфиза	25	136,3	34,1	27	143,6	38,8
69(1). Высота тела	26	139,3	34,1	24	138	33,1
69(3). Толщина тела	13	98,3	12,8	12	104,6	12,6

могут рассматриваться как древний морфологический признак. В правой половине нижней челюсти расположены два небольших питательных отверстия, слева — одно очень крупное (обе эти особенности также подчеркивают древность черепа). Углы тела нижней челюсти развернуты внутрь — аналогичные признаки отмечены на челюстях сунгирских детей (возможно, это также является одной из архаических краниологических особенностей строения).

Череп 2 (рис. 1, в, г). Биологический возраст погребенного 6 – 7 лет $\pm$ 2 года. Сохранность мозговой капсулы лучше, чем у черепа 1: повреждены внутренние отделы глазниц, передний отдел верхней челюсти и большая часть основания. Отмечены небольшие повреждения нижелатеральных отделов теменных костей.

На черепе также имеются следы преднамеренных повреждений костей различного характера: две трещины надпереносья и разрушенный участок центрального отдела лобной кости указывают на то, что часть лицевого отдела была разрушена в результате сильного удара тупым предметом; две крупные радиально расходящиеся трещины в области птериона левой стороны и отсутствие левого большого крыла клиновидной кости и небольших фрагментов прилегающих к нему костей отмечают место еще одного удара, который, в отличие от фронтального, был нанесен, возможно, при жизни ребенка — в нижелатеральных отделах лобной и теменной костей вблизи образованного отверстия имеется небольшой участок видоизмененной костной ткани (нарушение компакты и порозность), отражающей протекание сильного воспалительного процесса, затронувшего и костную ткань. Процесс заживления, вероятно, был непродолжительным, так как внутренняя поверхность трещин закруглена и сглажена, но на них нет следов срастания — костных “мостиков”. На основании перечисленного можно предположить, что после ранения в левую височную область ребенок мог прожить, по крайней мере, в течение нескольких дней.

Задняя часть свода значительно деформирована в результате воздействия грунта. На затылочной и в большей степени на теменных костях вблизи ламбды имеется порозность, которая рассматривается как один из признаков анемии. Форма черепа овоидная, сзади — крышевидная, в латеральной норме — плавное соединение костей. Лоб прямой, выпуклый; орбиты округлые, с заостренными краями, надглазничные вырезки небольшие; грушевидное отверстие, визуально, узкое и высокое; лицо — мезогнатное, в среднем отделе значительно уплощенное, скуловые кости развернуты наружу нижним краем. Рельеф черепа развит слабо, лобные бугры средние, на лобной кости крупный сагиттальный валик. Костная стенка слухового прохода еще полностью не заросла (обычно у

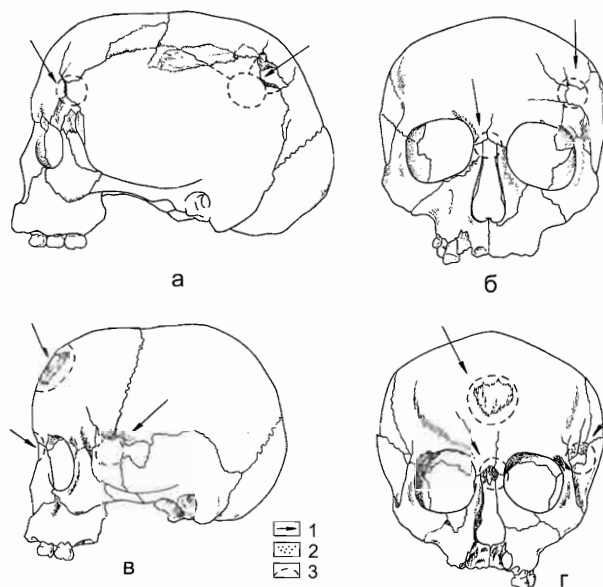

Рис. 1. Черепа 1 (а, б) и 2 (в, г) из погребения Каменка II. 1 — место нанесения удара, 2 — порозность костей; 3 — локализация наибольших повреждений черепа в результате удара.

большинства детей этот процесс завершается примерно к пяти годам). Хорошо просматривается резцовый шов. Нижняя челюсть без видимого наружного рельефа подбородочного треугольника, по сагиттальной линии проходит даже слабая вогнутость костной поверхности, в правой половине челюсти два питательных отверстия, слева — одно.

Костяк 3 (предположительно, новорожденный $\pm$ 2 мес.). Сохранились диафизы длинных костей, ключицы, ребра, части позвонков, мелкие фрагменты черепной коробки, левый лобный отросток верхней челюсти, две поврежденные половинки нижней челюсти, ушные косточки и четыре коронки молочных зубов.

На основании определяемых размеров ключиц (единственных костей относительно неплохой сохранности), при использовании способа В.А. Беца (см. [Алексеев, 1966, с. 217]), была вычислена приблизительная длина тела третьего погребенного — 46 см. Подобная величина близка показателям новорожденного.

Общими морфологическими особенностями, характерными для обоих детских черепов (1 и 2), являются: наличие хорошо выраженного лобно-теменного сагиттального валика, загнутые внутрь углы нижней челюсти и два питательных отверстия в ее правой половине, крышевидная форма черепа в окципитальной норме и вырезки в верхних краях глазниц. Все перечисленные признаки достаточно архаичны, но помимо древности они отмечают также и генетическую близость старших детей, которые вполне могли быть близкими родственниками. О единой социальной среде, в которой существовали эти дети, позволяет

Таблица 2. Размах изменчивости общих размеров мозгового и лицевого отделов черепа у современных народов Сибири (мужчины) [Мамонова, 1980]

Группа	(1+8): 2
Арктический тип	161,3 – 163,5
Центральноазиатский тип	162,7 – 165,1
Байкальский тип	165,5 – 168,3
Уральский тип	161,7 – 163,2

говорить наличие однотипных повреждений черепа – радиальные трещины в левой височной области, в области надпереносья, значительные повреждения левой половины лицевого отдела и разрушение внутренних отделов глазниц и основания, поскольку наличие подобных травм могло быть обусловлено определенным набором ритуальных действий.

Помимо родства двух старших детей, можно предположить также и наличие близких генетических связей между средним и младшим ребенком. Подтверждают это проявления редукции центральных нижних резцов, отмеченные в обеих зубных генерациях. Данная особенность, в сочетании с некоторыми одонтологическими специфическими признаками, о которых будет сказано далее, позволяет считать, что старший ребенок был мальчиком, остальные – девочками.

По некоторым краниологическим признакам, несмотря на их слабую выраженность на детских черепах, визуально определяется принадлежность детей к древним представителям арктической расы. Убеждает в этом крышевидная форма черепа в окципитальной норме, кажущийся высоким свод, удлиненная форма головы (особенно у старшего ребенка), малая абсолютная и относительная ширина носа, широкие и низкие ветви челюстей и массивность нижней челюсти.

Вычисленные по методике Н.С. Сыса краниометрические размеры “взрослых” демонстрируют несколько иную картину (табл. 1). “Мужской” череп 1 имеет большой продольный диаметр в сочетании с малой шириной и очень малой высотой, по указателю он резко долихокранный. Лобная кость средней ширины, соотношение сагиттальных дуг мозговой капсулы определяет очень большое значение лобно-сагиттального индекса и очень низкий высотно-продольный указатель. Общие размеры мозгового отдела черепа – (1+8):2 (160,0) – наиболее близки к размаху изменчивости арктической расы и максимально отдаляются от показателей у представителей центральноазиатской и байкальской групп [Мамонова, 1980, с. 77] (табл. 2). Величина фацио-фронтального указателя (48:9), хорошо дифференцирующего европеоидные и монголоидные группы, очень большая и

вполне соответствует его значениям в группах сибирских монголоидов [Гохман, 1982, с. 34]. Большой лобно-поперечный указатель наиболее близок к показателям в древних и современных группах арктической расы, в то время как у населения с преобладанием байкальского расового типа он значительно ниже. По данным Г.Ф. Дебеца [1951] и Ю.Д. Беневоленской [1984, с. 45], у древних и современных сибирских монголоидов лобно-поперечный указатель варьирует в пределах 60 – 66, а более высокие значения, проявляющиеся в некоторых монголоидных группах (арктическая раса, айны), Ю.Д. Беневоленская связывает с участием в их расогенезе представителей населения из более южных регионов. Высотный диаметр, напротив, оказался близок размерам синхронных черепов байкальского расового типа.

Крупные размеры ортогнатного лица, среднеуплощенного на верхнем уровне, со значительным вертикальным фацио-церебральным указателем сближают исследуемый череп с байкальскими группами. Однако такие краниометрические признаки, как малый носовой указатель, очень крупные нижние челюсти с очень низкими и очень широкими ветвями, более характерны для арктических монголоидов. Относительная высота альвеолярного отростка – (48-55):55 – невелика (35,9). Этот признак Г.Ф. Дебеч, в частности, использовал при разделении североазиатских и арктических монголоидов, поскольку для представителей арктической расы характерны высокие значения указателя, превышающие 39. У континентальных монголоидов указатель меньше [Дебеч, 1975, с. 199; 1986, с. 22, рис. 3]. В целом череп 1 можно охарактеризовать как сочетающий признаки байкальского варианта североазиатской и арктической рас. Индивидуальные особенности “мужского” черепа не находят прямых аналогий в определенных группах или среди представителей современного и древнего населения Восточной Сибири, однако наиболее близкими к представленному комплексу размеров и индексов являются краниологические показатели усть-бельского черепа и ипиутакцев.

Метрические характеристики и соотношения размеров “женского” черепа 2, несмотря на меньший набор признаков, чем на “мужском” черепе, позволяют говорить об определенной тенденции в проявлении некоторых расовых особенностей (табл. 1). Это малая ушная высота, среднеширокий лоб, большой лобно-сагиттальный индекс и средневыраженный затылочно-теменной указатель, значительная верхняя высота лица с большим орбитным и малым носовым указателями, крупные размеры нижней челюсти с широкими и средневысокими ветвями. Отличиями являются мезокранная мозговая капсула, большая уплощенность верхнего отдела лица и более высокий альвеолярный указатель. При сравнении с некоторыми

Таблица 3. Некоторые размеры постоянных детских зубов из неолитического погребения Каменка II и современных групп

Размер	I ¹			I ²			M ¹			M ²			I ₂			C _n			M ₁			M ₂		
	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.
VI _{cor}	6,7	6,6	7,0	6,5	6,0	6,2	11,4	11,5	11,6	12,1	11,4	11,5	6,2	6,1	6,3	7,4	7,1	7,9	11,0	10,2	10,4	11,5	9,7	10,3
Md _{cor}	7,9	8,4	8,8	6,9	6,6	6,7	10,0	9,5	10,4	9,7	9,6	9,4	5,4	6,2	6,0	6,9	7,0	7,0	11,2	11,2	11,2	12,0	10,1	10,7
H _{cor}	11,3	11,2	10,8	10,1	10,1	9,5	6,1	6,5	7,5	5,6	6,3	7,3	10,0	10,1	9,6	11,0	11,0	10,7	6,9	8,2	7,7	7,0	6,5	7,3
H _r	9,1	—	11,9	—	—	12,3	—	—	12,8	—	—	12,4	12,0	—	11,5	—	—	14,4	13?	—	13,1	—	—	12,2

Примечание. Ориентировочные размеры зубов постоянной смены даны по А.А.Зубову, Н.И.Халдеевой [1993]; ч. 1 – череп 1, ч. 2 – череп 2, совр. – современные.

Таблица 4. Некоторые размеры молочных детских зубов из неолитического погребения Каменка II и современных групп

Размер	j ²		c ^a			m ¹			m ²			i ₁		i ₂		c _n			m ₁			m ₂		
	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.2	совр.	ч.3	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.	ч.1	ч.2	совр.
VI _{cor}	4,7	5,2	5,5	5,6	6,7	8,3	8,6	8,9	9,8	9,9	10,1	3,5	4,2	3,8	4,5	5,6	5,0	5,0	7,1	7,0	7,3	9,0	9,0	9,1
Md _{cor}	5,3	5,6	—	6,6	7,1	6,4	7,3	7,4	8,5	8,6	8,8	4,4	4,5	4,7	4,7	7,0	6,2	5,6	8,1	8,9	8,1	10,1	10,4	10,2
H _{cor}	5,3	6,0	—	6,6	6,8	—	4,9	5,8	5,1	5,5	6,3	5,2	5,8	6,0	5,9	—	6,8	6,7	4,5	5,0	6,6	4,8	5,4	6,2
H _r	9,4	10,2	—	11,5	11,9	11,0	—	8,9	11,8	—	10,5	8,5	9,4	—	9,7	12,0	11,4	10,8	9,5	12,0	9,2	11,0	11,6	11,5

Примечание. Ориентировочные размеры зубов молочной смены даны по А.А.Зубову, Н.И.Халдеевой [1993]; сокращения см. табл. 3.

монголоидными группами Восточной Сибири наиболее близкими к характеристикам “женского” черепа 2 из Каменки II оказались размеры черепа бронзового времени из погребения Онкули (Баргузинский район) и, в меньшей степени, неолитического черепа из Южного Забайкалья (Ара-Киреть). Среди современных групп фенотипическое сходство определяется с представителями арктической расы – оленными чукчами.

Таким образом, мы можем констатировать, что сложная морфологическая комбинация краниологических особенностей двух неолитических черепов из Северной Якутии вобрала в себя признаки, присущие представителям как арктических, так и североазиатских монголоидов. В генезисе представленной группы, скорее всего, могли принимать участие более южные группы неолитического забайкальского населения – носители признаков байкальского типа и представители арктической расы из северо-восточных областей ее распространения. Разновекторная направленность некоторых расодиагностических особенностей “мужского” и “женского” черепов, вероятно, отражает отсутствие расовой гомогенности у метисированного неолитического населения Каменки II.

Одонтологическое исследование детских зубов

Одонтологический материал представлен зачатками зубов новорожденного, коронками и зубами молоч-

ной и постоянной смен двух старших детей (**череп 1** – c^a, m^{1,1}, m^{2,2}, c_n, m₁, m_{2,2}, I^{1,1}, I^{2,2}, C^{a,b}, P¹, P², M^{1,1}, M^{2,2}, I_{1,1}, I_{2,2}, C_{n,n}, M_{1,1}, M₂; **череп 2** – i^{2,2}, c^a, c^b, m^{1,1}, m^{2,2}, i₁, c_{n,n}, m₁, m₂, I_{1,1}, I₂, P₁, P₂, M₁, M_{2,2}; **череп 3** – i², m¹, m₁, m₂). При работе с материалом были использованы методики А.А. Зубова [1968а; 1968б; 1974] и А.А. Зубова, Н.И. Халдеевой [1993]. Одонтологические данные (черепа 1, 2, 3) представлены в табл. 3 – 8.

Все исследуемые зубы имеют хорошую сохранность. К патологическим изменениям можно отнести только слабую гипоплазию эмали на зубах двух старших детей. Следы механических повреждений эмали наблюдаются только на двух молочных молярах.

Следует отметить, что зубочелюстные системы детей, несмотря на значительную схожесть (по два питательных отверстия в правой половине тела челюсти, морфологические особенности зубов), имеют ряд отличий в метрических характеристиках корней и коронок и в строении нижней челюсти – рельеф тела и подбородочного отдела более выражен у старшего ребенка (череп 1). В целом зубная система второго ребенка выглядит значительно более редуцированной – отмечена гиподонтия центральных нижних резцов и правого M¹, сращение корней левого M¹ (эта же тенденция отмечена на несформированных корнях второго моляра), уменьшены диаметры коронок M₂.

Редукция нижних центральных резцов новорожденного (череп 3) аналогична редукции зубов этого класса у среднего ребенка (череп 2), с той только разницей, что у последнего отсутствуют медиальные

Таблица 5. Индивидуальные размеры постоянных детских зубов из неолитического погребения Каменка II (череп 1)

Зубы	VL _{cor}	MD _{cor}	VL _{col}	MD _{col}	H _{cor}	H _r	m _{cor}	m _{cor}	Rb	I _{cor} (MD)	I _{cor} (VL)	I _{cor}	I	2-й стэп-индекс		3-й стэп-индекс		I _{col}	I _r
														VL	MD	VL	MD		
I ¹	6,7	7,9	6	5,4	11,3	9,1	7,3		52,9	1,4	1,7		87,3						
I ²	6,5	6,9	6,1	4,8	10,1	–	6,7		44,9	1,5	1,6								
C ⁸	8	7,7	7,4	5,6	11,4	–	7,9		61,6	1,5	1,4								
P ¹	9,5	7	8,4	5,5	8,8	–	8,3		66,5	1,2	0,9								
P ²	9,3	7	8	4,8	7,3	–	8,2		65,1	1	0,8								
M ¹	11,4	10	11,1	7,8	6,1	–	10,7	10,8	114			114		81,6	70	106,1	97	86,6	–
M ²	12,1	9,7	10,9	8,4	5,6	–	10,9		117,4			124,7							–
I ₁	5,3	5,1	5	3,3	8,8	11,6	5,2		27	1,7	1,7								
I ₂	6,2	5,4	6	4,1	10	12	5,8		33,5	1,9	1,6								
C _H	7,4	6,9	7,1	5	11	–	7,2		51,1	1,6	1,5								
M ₁	11	11,2	9,3	9,3	6,9	13?	11,1	11,5	123,2			98,2		–	–	104,5	107,1		118
M ₂	11,5	12	10	10,7	7	–	11,8		138			95,8						89,2	–

Примечание. $Rb = VL_{cor} \times MD_{cor}$; $I_{cor} (I-P) = H_{cor} : VL_{cor}$; $I_{cor} = VL_{cor} : MD_{cor} \times 100$; $I (I^{1,2}) = MD_{cor} I^2 : MD_{cor} I^1 \times 100$; 2-й стэп-индекс = $MD (VL)_{cor} P_2^2 : MD (VL)_{cor} M_1^1 \times 100$; 3-й стэп-индекс = $MD (VL)_{cor} M_2^2 : MD (VL)_{cor} M_1^1 \times 100$; $I_{col} (M_2^2) = MD_{col} : MD_{cor} \times 100$; $I_r = H_r : VL_{cor} \times 100$.

Таблица 6. Индивидуальные размеры постоянных детских зубов из неолитического погребения Каменка II (череп 2)

Зубы	VL _{cor}	MD _{cor}	VL _{col}	MD _{col}	H _{cor}	m _{cor}	m _{cor}	Rb	I _{cor} (MD)	I _{cor} (VL)	I _{cor}	I	2-й стэп-индекс		3-й стэп-индекс		I _{col}
													VL	MD	VL	MD	
I ¹	6,6	8,4	5,7	5,8	11,2	7,5		55,4	1,3	1,7		78,6					
I ²	6	6,6	5,5	4	10,1	6,3		39,6	1,5	1,7							
M ¹	11,5	9,5	10,7	7,8	6,5	10,5	10,5	109					–	–	99,1	101	
M ²	11,4	9,6	11	7,8	6,3	10,5		109				121,1					81,3
I ₂	6,1	6,2	6	3,6	10,1	6,2		37,8	1,6	1,7		118,8					
C _H	7,1	7	6,7	5,1	11	7,1		49,7	1,6	1,6							
P ₁	7,1	6,6	7	5,2	9	6,9		46,9	1,4	1,3							
P ₂	7,2	6,2	7	5	6,5	6,7		44,6	1,1	0,9		93,9					
M ₁	10,2	11,2	9,1	9,3	8,2	10,7	10,3	114				91,1	70,6	57,1	95,1	90,2	
M ₂	9,7	10,1		9	6,5	9,9		98				96					89,1

Примечание. $Rb = VL_{cor} \times MD_{cor}$; $I_{cor} (I-P) = H_{cor} : VL_{cor}$; $I_{cor} = VL_{cor} : MD_{cor} \times 100$; $I (I^{1,2}) = MD_{cor} I^2 : MD_{cor} I^1 \times 100$; $I (P_{1,2}) = MD_{cor} P_2 : MD_{cor} P_1 \times 100$; 2-й стэп-индекс = $MD (VL)_{cor} P_2^2 : MD (VL)_{cor} M_1^1 \times 100$; 3-й стэп-индекс = $MD (VL)_{cor} M_2^2 : MD (VL)_{cor} M_1^1 \times 100$; $I_{col} (M_2^2) = MD_{col} : MD_{cor} \times 100$.

постоянные резцы, а у новорожденного – центральные резцы молочной смены.

Метрические особенности зубов

Размеры молочных и постоянных зубов, их модули и индексы представлены в табл. 3–6. Неравномерность редукционных процессов в наибольшей степени проявляется на зубах нижней челюсти. Малые размеры коронок молочных зубов сочетаются с сохранением крупных размеров постоянных моляров (в основном у

старшего ребенка). Низкие значения диаметров молочных зубов, возможно, отражают генетические изменения в одонтологическом типе позднеолитического населения, результатом которых, в частности, явилось формирование микродонтного варианта. Одним из факторов усиления редукции зубов в неолите может выступать аутбридинг [Зубов, Халдеева, 1989, с. 207], что вполне согласуется с предположением о метисированности якутского неолитического населения.

На основании метрических характеристик постоянных зубов старших детей (см. табл. 3) были построены

Таблица 7. Сравнительные размеры некоторых постоянных и молочных зубов в разновременных группах

Зубы	Каменка II		Лиственка ^{1*}	Алтай ^{1*}		Самарканд ^{2*}	Сунгирь ^{3*}		Верхний палеолит ^{3*}		Современные расы ^{4*}
	неолит		п.палеолит	ср. палеолит		п.палеолит	п.палеолит		ранний	поздний	
	ч. 1 (м)	ч. 2 (ж)	(м)?	Денисова п.	п.Окладникова	(ж)	ч. 2 (м)	ч. 3 (ж)			
VL_{cor}											
I ¹	6,7	6,6	—	8,6	—	—	8,5	7,6	7,5	7,5	7,0
I ²	6,5	6,0	—	—	—	—	7,9	7,0	6,8	6,6	6,2
C	8,0	—	—	—	—	—	10,4	9,6	9,0	8,8	8,1
P ¹	9,5	—	—	—	—	—	11,0	?	9,6	9,7	9,3
P ²	9,3	—	—	—	—	—	11,0	?	9,6	9,6	9,1
M ¹	11,4	11,5	—	—	—	—	13,4	11,8	12,3	11,8	11,6
M ²	12,1	11,4	—	—	—	—	13,8	11,3	12,3	12,0	11,5
m ¹	8,3	8,6	—	—	—	—	—	9,0	—	—	8,9
m ²	9,8	9,9	—	—	—	—	—	10,0	—	—	10,1
I ₁	5,3	—	6,5	—	—	5,9	7,1	6,7	6,4	6,1	5,8
I ₂	6,2	6,1	—	—	—	6,1	7,3	7,1	7,0	6,5	6,3
C	7,4	7,1	—	—	—	7,7	9,5	8,9	9,0	8,0	7,9
P ₁	—	7,1	—	—	8,6	7,2	9,6	8,7	8,5	8,1	7,8
P ₂	—	7,2	—	—	—	8,7	9,5	8,2	8,7	8,3	8,2
M ₁	11,0	10,2	10,7	—	10,3	10,0	11,8	10,9	11,0	10,9	10,4
M ₂	11,5	9,7	—	—	—	9,3	11,5	9,2	10,8	10,7	10,3
m ₁	7,1	7,0	7,2	—	—	—	—	7,4	—	—	7,3
m ₂	9,0	9,0	9,1	9,3?	8,6	—	—	9,1	—	—	9,1
MD_{cor}											
I ¹	7,9	8,4	—	10,7?	—	—	9,7	9,4	9,3	8,7	8,8
I ²	6,9	6,6	—	—	—	—	8,3	7,7	7,6	7,1	6,7
C	7,7	—	—	—	—	—	7,5	8,5	8,0	8,0	7,8
P ¹	7,0	—	—	—	—	—	7,7	—	7,2	7,0	7,2
P ²	7,0	—	—	—	—	—	7,5	—	7,0	6,8	6,7
M ¹	10,0	9,5	—	—	—	—	11,0	10,7	10,7	10,4	10,4
M ²	9,7	9,6	—	—	—	—	10,6	8,7	10,6	9,7	9,4
m ¹	6,4	6,4	—	—	—	—	—	6,7	—	—	7,4
m ²	8,5	8,5	—	—	—	—	—	8,8	—	—	8,8
I ₁	5,1	—	6,4	—	—	4,6	5,6	5,9	5,8	5,2	5,4
I ₂	5,4	6,2	7,2	—	—	5,6	6,1	6,6	6,4	5,6	6,0
C	6,9	7,0	—	—	—	7,5	7,1	7,4	7,6	6,8	7,0
P ₁	—	6,6	—	—	6,6	6,4	7,1	6,9	7,3	7,0	7,0
P ₂	—	6,2	—	—	—	6,7	8,0	7,1	7,4	6,9	7,1
M ₁	11,2	11,2	12,2	—	11,0	10,7	12,0	11,2	11,6	11,1	11,2
M ₂	12,0	10,1	—	—	—	10,5	11,7	10,3	11,3	10,9	10,7
m ₁	8,1	8,9	8,8	—	—	—	—	8,3	—	—	8,1
m ₂	10,1	10,4	10,9	10,3?	10,0	—	—	9,1	—	—	10,2
H_{cor}											
I ¹	11,3	11,2	—	12?	—	—	11,9	10,1	—	—	10,8
I ²	10,1	10,1	—	—	—	—	11,6	9,9	—	—	9,5
C	11,4	—	—	—	—	—	12,3	12,0	—	—	10,3
P ¹	8,8	—	—	—	—	—	10,6	—	—	—	8,3
P ²	7,3	—	—	—	—	—	9,8	—	—	—	7,6
M ¹	6,1	6,5	—	—	—	—	6,5	6,7	—	—	7,5
M ²	5,6	6,3	—	—	—	—	7,4	—	—	—	7,3
m ¹	—	4,9	—	—	—	—	—	—	—	—	5,8
m ²	5,1	5,5	—	—	—	—	—	—	—	—	6,3
I ₁	8,8	—	10,6	—	—	—	9,6	8,9	—	—	8,9
I ₂	10,0	10,1	—	—	—	—	10,2	9,4	—	—	9,6
C	11,0	11,0	—	—	—	—	12,4	12,3	—	—	10,7
P ₁	—	9,0	—	—	6,7?	—	10,0	8,2	—	—	8,3
P ₂	—	6,5	—	—	—	—	10,4	8,2	—	—	7,9
M ₁	6,1	8,2	7,6	—	6,5	—	7,4	6,5	—	—	7,7
M ₂	5,6	6,5	—	—	—	—	7,7	—	—	—	7,3
m ₁	4,5	5,0	5,2	—	—	—	—	—	—	—	6,6
m ₂	4,8	5,4	6,0	—	4,9	—	—	—	—	—	6,2

^{1*} Данные Е.Г. Шпаковой [2000].^{2*} Данные В.В. Гинзбурга, И.И. Гохмана [1974].^{3*} Данные А.А. Зубова [1984].^{4*} Данные А.А. Зубова [Зубов, Халдесва, 1993].

Таблица 8. Некоторые одонтологические признаки молочных и постоянных нижних моляров в
разновременных группах

Зубы	Форма моляра	Межкорневой затек эмали	Бугорок Карабелли	Протостипид	Коленчатая складка метаконида	Tam1	Дистальный гребень тригонида	Передняя ямка	Трансверсальный гребень, эпикристинд	Дополнительные бугорки	1 eo (pa) (1-3)	2 med	Гипоплазия эмали	Механические повреждения зуба
<i>Каменка II</i>														
m ²		3	2, 1					0	0	+	2		0	+
M ¹	4, 4-	3, 6	1					0	0	+	2, 3		+	0
M ²	4-, 3+	4, 5	1					+	0	+	3		0	0
m ₂	Y6	3		0	0	0	0	0	0	0		III	0	0, +
M ₁	X5	6		P, 0	0, +	0, +	0	0, +	0	+		II, III	0, +	0
M ₂	X6, X5	4		P	0	0	0	0, +	0			II	0	0
<i>Лиственка (Красноярский край)^{1*}</i>														
m ₂	Y5	3		1	0	0	0	+	+	+		III	0	0
M ₁	Y6	3		0, P	0	0	0	0	0	+		III	0	0
<i>Мустье Алтая^{1*}</i>														
m ₂ (Д.п.)		3											0	+
m ₂ (п.Ок.)	Y6	3		0	0	+	0	0	0	+		III	0	0
M ₁₍₂₎	Y6	3		2?	0	+	0	+	0	+		III	+	0
<i>Тешик-Тау^{2*}</i>														
M ¹	4		2											
M ²	4, 4-													
M ₁	Y5, Y6?	3		0	0	+	0	+	+	+		III	0	
M ₂	Y6, Y5?													
<i>Сунгирь^{3*}</i>														
M ¹	4		1, 2, 0								3		0	0
M ²	4-, 3	3									2		0	0
M ₁	Y5, 5+			0, P	0, +	0	0					III	0	0
M ₂	X4								+			II	0	0
<i>Самаркандская стоянка^{4*}</i>														
M ₁	Y5?	3		0	0	0	0		0					
M ₂	4+				0	0	0	+				II		

^{1*} Данные Е.Г. Шпаковой; Д.п. - Денисова пещера, п.Ок. - пещера им. Окладникова.

^{2*} Данные А.А. Зубова [1968б] и Е.Г. Шпаковой.

^{3*} Данные А.А. Зубова [1984] и Е.Г. Шпаковой.

^{4*} Данные В.В. Гинзбурга, И.И. Гохмана [1974].

графики изменений абсолютных размеров коронок в соответствии с позицией зубов (рис. 2). Графическое сопоставление трех основных величин выявляет доминирование по вестибуло-лингвальному диаметру всех зубов старшего ребенка, наиболее выраженное для вторых моляров. Проявление подобных соотношений может быть объяснено половым диморфизмом [Зубов, 1963, 1984]. Таким образом, на основании графической картины распределения метрических признаков можно с большой долей уверенности говорить о том, что погребенные дети были разнополые, при этом старший ребенок, скорее всего, мальчик. Дополнительным подтверждением принадлежности второго ребенка к женскому полу является ряд особенностей, о которых было сказано ранее: значительная редукция зубов и менее выраженный рельеф тела нижней челюсти, в частности, полное отсутствие подбородочного треугольника. Следуя логике этих предположений, новорожденного, учитывая редукцию

резцов, также, по всей видимости, следует считать девочкой.

По значениям модулей двух первых верхних постоянных моляров дети характеризуются мезодонтией (черепок 1) и микродонтией (черепок 2) (см. табл. 5, 6). У “мальчика” абсолютные размеры вторых моляров (особенно нижних) значительно больше первых. Индексы коронок вторых моляров – 124,7 (черепок 1) и 118,8 (черепок 2). Высокий индекс коронки М² “мальчика” не характерен для современных монголоидов, у которых он обычно ниже 120 (у европеоидов – до 125 и выше). Большая величина этого индекса, скорее всего, также отражает незавершенность редукционных процессов, поскольку значительная величина индекса отмечена у верхнепалеолитического и мезолитического населения (до 130 – 150) [Зубов, 1968а, с.125]. Индексы коронок нижних моляров соответствуют средней категории.

Межрезцовый индекс, отражающий уровень редукции I², у “мальчика” равен 87,3, у “девочки” – 78,6.

Большие значения относительных размеров (MD) у первого ребенка намного превосходят высокие показатели, характеризующие современные монголоидные группы (82 – 84). Индекс премоляров ($Md_{cor} P_2 : MD_{cor} P_1 \times 100$) в современных популяциях, за исключением арктических групп, имеет значения более 100. Низкие показатели этого соотношения у второго ребенка (93,9) подтверждают основанное на краниологических данных строения черепов предположение о вероятной принадлежности детей к представителям арктических монголоидов.

Интересной особенностью соотношения размеров верхних моляров, отражающих сохранение ключевой позиции M^2 , является высокое значение третьего стэп-индекса по мезио-дистальному диаметру у второго ребенка – 101,1. В современных популяциях этот показатель не превышает 98. Третий стэп-индекс по вестибуло-лингвальному диаметру (у “мальчика” 106,1, у “девочки” 99,1) также весьма определенно фиксирует сохранение некоторых архаических особенностей в строении моляров. Кроме того, этот индекс, обычно имеющий гораздо более низкие значения у женщин [Зубов, 1963, 1984], в данном случае служит еще одним аргументом, подтверждающим разнополость детей. У современного населения значения этого показателя, превышающие 100, характерны для экваториальных групп.

Размеры корней удалось установить лишь у уже сформированных зубов старшего ребенка. Первый верхний резец имеет короткие корни, на нижних резцах их длина превышает ориентировочные средние размеры, длина корней моляров невелика.

Итак, из перечисленных метрических особенностей к архаическим признакам можно отнести большие значения межрезцового индекса, крупные вестибуло-лингвальные диаметры моляров у старшего ребенка и очень большую высоту коронок верхних зубов ($P_1^{1,2}$, C^B) у обоих детей и нижних первых моляров у “девочки”, а также сохранение последовательности по мезио-дистальному диаметру $M^2 > M^1$ (череп 2). Редукционные процессы, отмеченные на зубах второго ребенка (гиподонтия медиальных нижних резцов, срастание корней, небольшие мезио-дистальные диаметры верхних моляров), и средне-малая высота коронок верхних моляров обоих детей отражают прогрессивные изменения зубочелюстной системы древнего населения Якутии.

Морфологические особенности челюстей и одонтоскопические характеристики

Альвеолярные дуги верхних и нижних челюстей параболоидной формы, но расхождение зубных рядов, особенно у старшего ребенка, очень незначительное. Особенностью строения челюстей среднего ребенка

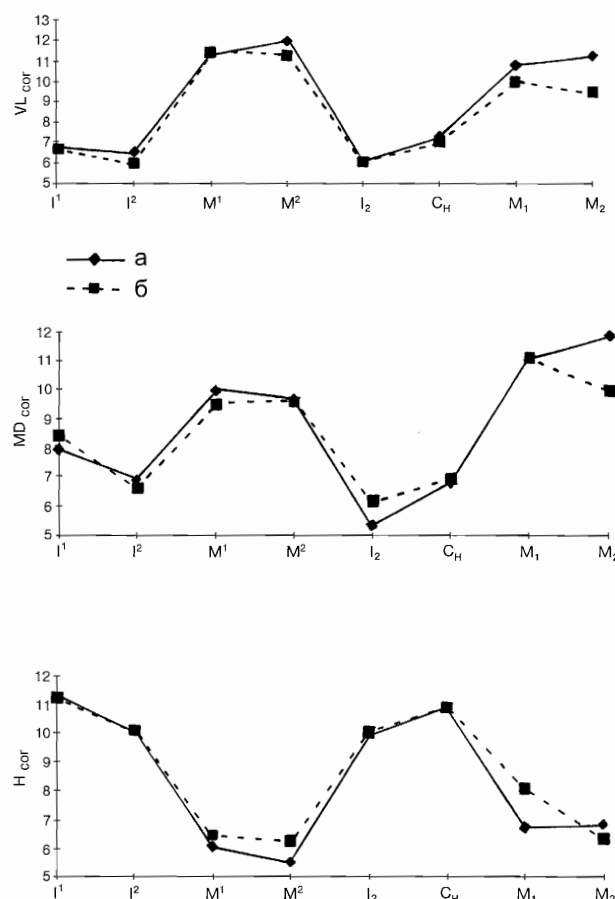

Рис. 2. Вариации размеров постоянных детских зубов (Каменка II).

a – череп 1, б – череп 2.

является заметное уплощение передних отделов челюстных дуг, наиболее сильно выраженное на верхней челюсти. Прикус псалидодонтный. Краудинг и диастемы не отмечены.

Резцы имеют лопатообразную форму лингвальной поверхности (2-3), “двойная лопатообразность” выражена слабо. Значительная редукция гипоконуса (4–, 3+) отмечена на “женских” молярах. Эти же зубы характеризуются выраженным затеком эмали (6). Первая борозда эконуса у старшего ребенка встречается в вариантах (2, 3), у среднего – (3). К важным расодиагностическим признакам нижних зубов относятся дополнительные дистальные гребни клыков, X-узор $M_{1,2}$, отсутствие дистального гребня, наличие коленчатой складки у старшего ребенка и ход 2 med (II, III) у обоих детей. Более подробное описание морфологических особенностей коронок исследуемых зубов дано в Приложении.

На основании анализа представленных особенностей зубочелюстной системы представителей поздне-неолитического населения из северных районов Якутии можно констатировать следующее:

1. Одонтологический тип детей определяется как мезо- и микродонтный.

2. К архаическим признакам строения относятся: два питательных отверстия на нижней челюсти (черепа 1 и 2), U-образная форма альвеолярной дуги (1), преобладание размеров M^2 по VL (1) и MD (2), большие значения межрезцового индекса (1), значительная высота коронок передних зубов постоянной смены (1, 2) и очень длинные корни молочных моляров и нижнего клыка (1, 2); дополнительные бугорки и борозды на лингвальной поверхности I^1 (1, 2), самостоятельный лингвальный бугорок и дополнительные борозды на I^2 (1, 2) и C^3 (1), высокие мезиальные и дистальные краевые гребни коронок и дополнительные бугорки окклюзивной поверхности $P^{1,2}$ (1), “нетипичные” направления главных борозд моляров и наличие дополнительных борозд и бугорков на молярах (1, 2). Зубы “мальчика” имеют больше архаических особенностей, тогда как у “девочки” более выражены прогрессивные изменения (редукция размеров и гиподонтия зубов), у обоих детей отмечается псалидодонтный прикус.

3. Совокупность расодиагностических признаков отражает несомненную принадлежность старших детей к “восточному” расовому одонтологическому стволу (лопатообразность резцов, затек эмали, шестибугорковые формы моляров, коленчатая складка, ход борозд 1 eo (pa) (3) и 2 med (III)). При этом “женские” зубы отличаются не только более широким диапазоном монголоидных особенностей, но и большей выраженностью как “восточных”, так и “западных” одонтологических признаков (бугорок Карабелли, дополнительные бугорки мезиального и дистального краев). Сочетание морфологических особенностей, присутствующих структурам “западного” и “восточного” одонтологических стволов, и некоторая “ослабленность” фенотипа “восточной” ориентации в целом может иметь несколько объяснений – незначительная (и возможно давняя) европеоидная примесь, сохранение изначальной протоморфности, соотношение рассматриваемого одонтологического типа с представителями сундадонтных форм монголоидов. В большей степени на зубах среднего ребенка (“девочка”) отмечаются и особенности, характерные для арктических монголоидов, – невысокий индекс нижних премоляров, тип 1 коронки P^1 , высокая степень редукции гипоконуса. Незначительная редукция me у “мальчика” также является характерной особенностью арктической расы.

4. Слабые проявления гипоплазии, отсутствие кариеза и наличие единичных механических повреждений эмали только на молочных молярах позволяют предположить биологическую устойчивость развития палеопопуляции, к которой относились дети.

5. Можно со значительной долей уверенности говорить о близком родстве всех трех детей.

6. Метрические параметры (см. табл. 7) неолитических зубов из Якутии оказались наиболее близки усредненным данным позднепалеолитических одонтологических образцов Европы [Зубов, 1984]. Морфологические особенности сближают одонтологический тип неолитической группы из Якутии с представителями палеонаселения Сибирского региона (см. табл. 8), подтверждая автономность формирования и развития групп “восточного” одонтологического ствола.

Остеологические находки

Среди костного материала из тройного захоронения на стоянке Каменка II, представленного В.А. Кашиным для антропологического анализа, были найдены фрагменты нижней челюсти жвачного животного, которые в погребении находились у левой плечевой кости старшего ребенка, и три зуба (снежного барана?). Обе половинки челюсти обломаны симметрично, края дистальных отделов зазубрены, верхушки некоторых зубцов сошлифованы. При сравнении половинок отмечается симметрия их разрушений. Конечно, можно было бы предположить, что часть нижней челюсти (предварительно отломленная от головы животного) была положена в могилу при погребении детей в виде сопроводительной пищи. Однако трудность отделения подобным способом срединной части мандибулы, симметричность повреждений передних и задних отделов фрагментов и нетрадиционность использования этой части жертвенного животного вызывают сомнения. Объяснить подобное единообразие краевых повреждений можно только предположением об утилитарном назначении челюстных фрагментов. Возможно, предмету придавались и какие-то магические свойства. Традиция снабжения умерших частями животных (рога, нижние челюсти и пр.) известна еще со времен мус-тьерских погребений [Смирнов, 1991, с. 223]. Во всяком случае, о сакральной значимости этой находки свидетельствует использование ее при погребении и местонахождение в изголовье.

Присутствие трех резцов животного, различных по размеру, вероятно, также может быть связано с определенной смысловой нагрузкой.

Подведение итогов

На основании анализа полученных краниологических и одонтологических особенностей детских черепов из неолитического погребения Каменка II можно говорить о том, что все три ребенка были связаны генетическим родством. Старшие дети, несомненно, принадлежали к древним представителям монголоидной расы, при этом отмечается своеобразное сочетание

краниологических и одонтологических признаков, обусловленное, скорее всего, метисационными процессами. Наибольшая “концентрация” как краниологических, так и одонтологических особенностей арктической расы отмечена на черепе “девочки”. Четкий расовый состав антропологических типов, участвовавших в формировании древнего населения северной части Якутии, выделить трудно, однако определяются характерные особенности арктической расы и континентальных монголоидов. Участие европеоидных групп не бесспорно, но вполне возможно в крайне незначительной степени. Древность находки подтверждается сохранением некоторых архаических признаков на краниологическом и одонтологическом материале.

Характер травматических повреждений указывает на то, что имели место однотипные посмертные преднамеренные разрушения мозговой капсулы у двух старших детей, связанные, скорее всего, с определенным набором ритуальных действий.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Алексеев В.П.** Остеометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Багашев А.Н.** Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – Т. 4. – С. 303 – 327.
- Беневоленская Ю.Д.** К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 37 – 54.
- Бунак В.В.** Человеческие расы и пути их образования // СЭ. – 1956. – № 1. – С. 86 – 105.
- Гинзбург В.В., Гохман И.И.** Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л.: Наука, 1974. – С. 5 – 11.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 5 – 34.
- Гохман И.И.** Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. – Л.: Наука, 1982. – С. 9 – 42.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** О времени формирования арктической расы // Кр. содерж. докл. научной сессии. – Л.: Наука, 1983. – С. 7 – 9.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрх и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: ВО “Наука”, 1992. – С. 105 – 124.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 17).
- Дебец Г.Ф.** Древний череп из Якутии // КСИЭ. – 1956. – Вып. 25. – С. 60 – 63.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – С. 198 – 240.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология древних эскимосов // Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. – М.: Наука, 1986. – С. 6 – 149.
- Зубов А.А.** Половые различия в размерах и строении постоянных коренных зубов человека // Вопр. антропологии. – 1963. – Вып. 15. – С. 71 – 90.
- Зубов А.А.** Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968а. – С. 199.
- Зубов А.А.** Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968б. – С. 5 – 123.
- Зубов А.А.** Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11 – 42.
- Зубов А.А.** Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 162 – 182.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 230 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в антропofенетике. – М.: Наука, 1993. – 221 с.
- Левин М.Г.** Древний череп с реки Шилки // КСИЭ. – 1953. – Вып. 18. – С. 69 – 75.
- Левин М.Г.** Антропологический материал из Верхолеского могильника // ТИЭ. – 1956. – С. 299 – 339.
- Мамонова Н.Н.** Население Ангара и Лены в серовское время по данным палеоантропологии: (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 64 – 87.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.** Основы антропологии. – М.: Высш. шк. – 1978. – 528 с.
- Смирнов Ю.А.** Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 338 с.
- Сысак Н.С.** Материалы для возрастной морфологии черепа человека // Антропологический сборник, II. – 1960. – Т. 50. – С. 29 – 41.
- Томтосова Л.Ф.** Череп человека из древнего погребения на Олекме // СЭ. – 1977. – № 3. – С. 133 – 136.
- Томтосова Л.Ф.** Новые материалы по краниологии современных якутов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 121 – 129.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – № 1. – С. 125 – 138.
- Якимов В.П.** Череп человека бронзового века из Якутии // Ленские древности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1950. – Вып. 3. – С. 189 – 195.

Г¹. На уплощенной вестибулярной поверхности четко выраженные краевые и мезиальный гребни. Лопатообразность определяется хорошо развитыми боковыми гребнями лингвальной поверхности (2 балла – череп 1, 2 – 3 – череп 2). Дистальные гребни расширены в верхнем отделе с образованием небольшого дополнительного бугорка (череп 1). От лингвального бугорка (балл 1) проходит срединный гребень – крупный у старшего и слабо выраженный у среднего ребенка. Режущий край коронки трех-четырёхбугорковый.

Г². Лопатообразность вторых резцов выражена еще более сильно. Крупные лингвальные гребни сходятся в цервикальной трети коронки (вид “фунтика” – череп 1, 2) с образованием лингвального бугорка с самостоятельной вершинкой (2 балла – череп 1), мезиальнее которого расположены бороздки (на левом резце две), рассекающие цервикальный пояс. Режущий край коронки трех-четырёхбугорковый. У зуба мальчика борозда, отделяющая крупный мезиальный бугорок режущего края, далеко заходит на вестибулярную поверхность коронки.

С^а. Форма клыка 1. Строение коронок зубов (череп 1) очень архаичное – имеется значительная выраженность борозд и рельефа. Разлит лингвальный бугорок с самостоятельно оформленной вершинкой (2 балла), крупные боковые гребни с выраженными бугорковыми образованиями в верхних и нижнем отделах.

Р¹. По соотношению бугорков тип коронки 1. Лингвальный бугорок заметно уже вестибулярного, мезиальный и дистальный гребни коронки высокие. Значительно дифференцирован лингвальный бугорок, на нем выражены главный и побочные гребни.

Из основных борозд его наиболее хорошо развита первая, вторая дает мезиальную веточку, вычленившую два бугорка мезиального края. На лингвальном бугорке (rg) четко выражены борозды 2 и 1, те крупнее hy.

Р². Форма коронки ближе к типу 3. Одинаковые по высоте бугорки соединены очень высокими боковыми гребнями. Особенно сильно выражен рельеф вестибулярного бугорка, кроме основных развиты борозды третьего порядка. На rg дифференциация бугорка определяется наличием 2' и бороздой, которую вероятно, можно определить как 2''.

М¹. Типы коронок 4 и 4- (череп 1, 2). Редукция метакона у мальчика соответствует 1 баллу, у девочки – 2, средний балл редукции (1,5) близок к усредненным значениям этого показателя у представителей арктической расы (1,7). Передняя ямка отсутствует, центральная – на обеих коронках глубокая. На мезиальном краевом гребне (череп 2) в зоне эконона и протокона имеются дополнительные бугорки. В дистальном отделе коронки расположен “дополнительный маргинальный бугорок дистального края”, отождествляемый А.А. Зубовым [Зубов, Халдеева, 1993, с. 68] с постэпиконкулюсом. Косой гребень отмечен только на моляре мальчика. Передний трансверсальный гребень – “мостик” эмали, соединяющий эконос с протоконом, не выражен. Из стилоидных бугорков хорошо развита система этностилей на моляре старшего ребенка [Зубов, Халдеева, 1989, с. 58]. Бугорок Карабелли развит слабо (1 – 2). Межкорневой затек эмали 3 и 6 баллов (сильнее выражен у девочки).

Вариации борозд эконона усложнены: на моляре мальчика первая борозда дает веточку в сторону вестибулярной

поверхности, форма ее соответствует второму варианту; на моляре девочки форма первой борозды не поддается принятой типологизации – вогнутый относительно центрального гребня верхний отрезок резко переходит затем в прямую линию. Вероятно, подобная форма все же наиболее близка типу 3 – маркеру “восточной” ориентации. Вторые борозды параконусов имеют в верхних и нижних отделах разветвления, у мальчика не доходящие до I и II борозд, у девочки соединяющиеся с ними.

Борозды *протокона* хорошо выражены, на обеих левых коронках развиты дополнительные бороздки 1'. Первая борозда впадает в II (череп 1) или не доходит до нее (череп 2). Вариант 1rg (II), отмеченный на коронках обоих детей, предположительно является маркером монголоидной расы [Зубов, Халдеева, 1993, с. 114]. Присутствие борозды 1'rg также входит в набор признаков монголоидных групп.

Метакона первых моляров характеризуется Т-радиусом (череп 2) и первой бороздой, впадающей в I. Вторая борозда соединяется с III фиссурой. Такая ориентация осевого гребня чаще встречается у европеоидов. Соотношение точек впадения первых борозд ра и те (вариант 2) характеризует промежуточное положение в расовой ориентации. 2' те отмечена на всех коронках.

Структура дистального отдела коронки отличается повышенной дифференциацией *гипоконуса* – выражены две основные борозды (первая сильнее), а на коронке мальчика имеется также продолжение борозды III. Повышенная частота дробления гипоконуса более характерна для групп палеоэскимосов (до 30%) и чаще встречается у женщин [Зубов, 1968а, с. 161].

М². Основные морфологические и одонтоглифические особенности отмечены на зубах старшего ребенка, поскольку коронки вторых моляров девочки в меньшей степени пригодны для исследования – в связи с гиподонтией М¹ правая коронка М² получила преждевременное развитие, сформировался очень толстый слой эмали, рисунок борозд размыт. На левой коронке в силу возрастных особенностей еще не завершён процесс кальцификации.

Редукция гипоконуса очень сильно выражена на зубах девочки (3+), у мальчика – 4-. Для арктических групп характерна высокая степень редукции hy М²⁻³. Редукция те 2 балла. Затек эмали соответственно 5 и 6 баллов. Структура коронок характеризуется значительным развитием дополнительных бугорков мезиального края в варианте ра (eo) – (rg). Интересно, что аналогичные показатели имеют соответствующие коронки девочки. В этом случае можно отметить, что промежуточное образование между rg и ра вызвано развитием мезиальной веточки 2-й борозды. Мезиальнее основного гребня эконона присутствует небольшой дополнительный бугорок, у девочки выраженный сильнее, чем у мальчика. Передняя ямка – фен “восточной” ориентации – отмечена на всех вторых молярах. Очень крупные дистальные гребни протоконусов присутствуют на зубах обоих детей.

Одонтоглифические особенности отражают направления, характерные для двух больших рас: впадение 1ра (eo) в I на всех четырех коронках, отсутствие триадиусов и только один случай развития элементов третьего порядка – признаки, не характерные для монголоидов. На двух коронках

девочки 1 рг (III) – у монголоидов чаще встречается вариант II. По соотношению точек впадения борозд 1 ра (еод) и 1 ме доминирует вариант 3 (“монголоидный”). Фен IVt отмечен на зубах обоих детей.

I₁. У девочки врожденное отсутствие или значительная задержка развития этих зубов. Резцы мальчика трехбугорковые, мезиальный бугорок большой. Имеется слабая лопатообразность коронки (1 балл).

I₂. Резцы девочки крупнее, на режущем крае всех коронок по три бугорка, лопатообразность 1 балл. Рельеф режущего края и лингвальной поверхности более выражен у зубов девочки. Апикальный отдел корня еще не сформирован полностью (череп 1) или корень развит только наполовину (череп 2).

C₁. Сохранились клыки обоих детей. У мальчика коронка зуба значительно выше и рельефнее – очень сильно развиты главный и мезиальный бугорки. На коронках хорошо выражены дополнительные дистальные гребни (баллы 3, 2). Этот признак на нижних клыках рассматривается как фен “восточного” направления.

Строение коронок нижних премоляров было определено только на основании зубов девочки (череп 2), так как коронки этих зубов старшего ребенка находятся в мандибуле и не могут быть изучены.

P₁. Высокая клыкообразная коронка, ее строение соответствует типу 2. Вестибулярный бугорок имеет округлую вершину, выделяется зона гипоконида в форме дистального бугорка.

P₂. Имеется значительная дифференциация (развитие борозд) мезиального, дистального (end) и лингвального (med) отделов трехбугорковой (тип 5) коронки. Дополнительные бугорки мезиального края относятся к системе eod.

M₁. Стертость зубов не превышает 1 балла, но на зубах мальчика сошлифованность эмали выражена более сильно. В строении первых моляров у обоих детей наблюдается поразительное сходство. Морфологические особенности бугорков почти идентичны – что возможно только при условии очень близкого родства субъектов.

Типы коронок относятся к X-ряду (такое же соединение бугорков имеется на втором молочном моляре старшего ребенка, у девочки на молочном моляре Y-узор). Подобный вариант контакта бугорков с большей частотой отмечен в европеоидных популяциях (более 20%), в монголоидных выборках встречаемость признака не превышает 8%. Бугорков пять, на правой коронке мальчика отмечается тамі в варианте энтокониды, на молочных молярах этого признака нет. Затек эмали выражен сильно – 6 баллов. Дистальный гребень, эпикристин, коленчатая складка и протостилид отсутствуют (у мальчика выражен желобок). Соотношение размеров бугорков асимметрично у обоих детей: на правых коронках – prd > hyd > med > end > hld (череп 1), end > prd > med > hyd > hld (череп 2), на левых – end > prd > med > hyd > hld (череп 1, 2). В целом отмечается сильная редукция гипоконида, сдвинутого вестибулярно. Все зубы двухкорневые.

Главные борозды *протоконида* у мальчика образуют диградиус с впадением во II борозду, у девочки – независимое, но очень близко расположенное впадение в II. 2' рг соединяется с фиссурой I (череп 1) или II (череп 2). Борозда 1 на правых коронках детей дает небольшую мезиальную веточку. Отмечено, что повышенная частота элементов третьего порядка в большей мере присуща монголоидам.

Метаконид моляра мальчика характеризуется наличием диградиусов (II), девочки – трирадиусами, впадающими в III. Имеются 2' и 2'' (у мальчика дифференцированность med больше), соединяющиеся с III фиссурой. Ход второй борозды метаконида (III), отмеченный на трех молярах, более характерен для монголоидных групп, а соотношение точек впадения первых борозд med и prd (тип 1) – для европеоидов. Форма второй борозды метаконида на левых коронках прямая, что характерно для европеоидов, на правых – изогнутая, что часто встречается у монголоидов. Элементы третьего порядка и трирадиусы соответствуют таковым у монголоидных групп.

Вариант 2 end (III), встречающийся на трех коронках, предположительно считается феном “восточной” ориентации. Дополнительные элементы третьего порядка выражены очень слабо.

Борозды *гипоконида* в связи с редукцией этого бугорка также частично редуцированы (на правых коронках). Отмечено два варианта впадения 2 hyd – I и IV; у 1 hyd – IV.

Гипоконулид имеет различные борозды только на левых коронках.

M₂. Вторые моляры разительно различаются не только по размерам, но и по рисунку борозд. Редуцированная коронка девочки имеет очень сглаженный рельеф поверхности бугорков. Различимы: Д-радиус prd, Т-радиус end и t2 hyd.

Очень крупный моляр старшего ребенка имеет значительную складчатость эмали. На нем хорошо выражена передняя ямка, на краевом гребне развиты мезиальные бугорки, тип коронки X6, размеры шестого бугорка очень малы. Однако присутствие этого очень важного одонтологического фена, входящего в “восточный” комплекс расовых признаков, на втором моляре не имеет столь выраженной таксономической ценности, как на M₁. Соотношение бугорков: prd > med > end > hld > hyd > 6 c. Небольшие относительные размеры hyd более характерны для монголоидных выборок. Протостилид, коленчатая складка и дистальный гребень не отмечены. Затек эмали 4 балла.

Наиболее сложным рисунком обладают борозды протоконида, образующие мелкие коленчатые образования за счет развития борозд 3 и 4. Трирадиус метаконида окружен хорошо выраженными бороздами 1' и 2'. Энтоконид характеризуется “свободным” ходом борозд, впадающих в IV интертуберкулярную борозду – подобный тип рисунка в большей степени характерен для монголоидов. На гипоконулиде (дистостилиде) хорошо развиты основные борозды в варианте соп. Шестой бугорок не дифференцирован.

Материал поступил в редакцию 17.05.2000 г.

ДМИТРИЙ ГЛЕБОВИЧ САВИНОВ

20 марта 2001 г. доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой археологии Санкт-Петербургского государственного университета Дмитрию Глебовичу Савинову исполнилось 60 лет.

Он родился в Ленинграде в семье известных художников Глеба Александровича Савинова и Ольги Борисовны Богаевской. Естественно, что после окончания средней школы в 1958 г. Дмитрий Глебович, желая связать свою жизнь с искусством, поступает на факультет истории и теории искусств Института им. И.Е. Репина Академии художеств СССР. Знания, полученные здесь за два года учебы, позже он с успехом использовал в исследованиях по первобытному искусству. В 1959 г., будучи студентом Института им. И.Е. Репина, Д.Г. Савинов принял участие в первой в своей жизни археологической экспедиции. Это была легендарная Байкальская экспедиция под руководством М.П. Грязнова. Затем последовала экспедиция по изучению древнерусских городов (начальник П.А. Раппопорт). Участие в них окончательно определили профессиональный выбор Д.Г. Савинова: он решил заниматься археологией Сибири и Центральной Азии.

В 1961 г. Д.Г. Савинов был переведен для продолжения обучения на кафедру археологии Ленинградского государственного университета. В стенах прославленного российского вуза его научным руководителем был доктор исторических наук, профессор М.И. Артамонов. По рекомендации Михаила Илларионовича дипломная работа Д.Г. Савинова, посвященная общим вопросам изучения петроглифов Тувы и Минусинской котловины, в кратком изложении была опубликована в «Вестнике Ленинградского государственного университета». В студенческие годы Дмитрий Глебович стремился принять участие во многих экспедициях. Наиболее значимыми для него стали возглавляемая С.С. Сорокиным Южноалтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Тувинская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК), начальником которой был А.Д. Грач.

После окончания университета Дмитрий Глебович работает в составе Саяно-Тувинской экспедиции, в 1965 г. возглавляет один из ее отрядов. Сферой его научных интересов становится обширная область Саяно-Алтайского нагорья. В эти годы им опубликован ряд работ по истории древнетюркской культуры.

С 1968 г. Д.Г. Савинов — сотрудник кафедры этнографии и антропологии. Работа на этой кафедре

расширила диапазон его исследований от эпохи бронзы до монгольского времени. В эти годы в ходе изучения памятников в долине Узунтал (Горный Алтай) Д.Г. Савиновым была выделена курайская культура, велись раскопки Осинкинского некрополя в лесостепном Алтае. В течение ряда лет во главе палеоэтнографического отряда он проводил разведки и раскопки памятников на территории Красноярского края и Кемеровской области. Дмитрий Глебович был участником многих экспедиций, в том числе Красноярской под руководством М.П. Грязнова, работал в составе Западно-Сибирского отряда (начальник В.И. Молодин) на территории Барабы. В 1974 г. Дмитрий Глебович успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме «Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X – XII вв.)» по специальности этнография.

В 1984 г. Д.Г. Савинов был приглашен на работу в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Здесь он в течение пяти лет ведет активную научно-исследовательскую, научно-организаторскую и общественную деятельность. Дмитрий Глебович руководит одной из самых крупных в те годы новостроечных экспедиций — Среднеенисейской, исследовавшей памятники археологии в зонах мелиорации на территории Хакасии. В 1987 г. он защищает

докторскую диссертацию по теме “Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири”. В 1990 г. Д.Г. Савинов возвращается в Ленинградский университет, но теперь свою деятельность он связывает с кафедрой археологии. В 1991 г. Д.Г. Савинов получает ученое звание профессора, а в 1995 г. избирается заведующим кафедрой археологии и в этой должности работает до настоящего времени.

Дмитрий Глебович автор более 250 научных работ, в том числе 8 монографий. Привлекают неординарностью идей, глубиной анализа источников, органичным синтезом данных гуманитарных и естественных наук такие его книги, как “Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху” (Л., 1984), “Поселение Торгажак” (СПб., 1994), “Оленные камни в культуре кочевников Евразии” (СПб., 1996) и др. Д.Г. Савинов постоянно генерирует идеи и заражает ими коллег. Он первым поставил проблему необходимости изучения

оленных камней на едином Евразийском историко-культурном пространстве, создания социальных реконструкций обществ эпохи бронзы среднего Енисея. В его работах дана развернутая и аргументированная этнокультурная история Южной Сибири и Центральной Азии в период раннего средневековья. Дмитрия Глебовича отличает оригинальный взгляд на археологические источники, тонкое, изящное их соединение с письменными свидетельствами. Он прекрасный лектор и педагог.

От имени друзей и коллег желаем Дмитрию Глебовичу новых открытий и творческих успехов.

В.В. Бобров

*Кузбасская лаборатория археологии
и этнографии ИАЭт СО РАН – Кемеровский
государственный университет
ул. Красная 6, г. Кемерово, 650043, Россия
E-mail: bobrov@kemsu.ru*

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цаган-Агуй на южном фланге Гобийского Алтая в Монголии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – 37 с. +36 ил. Пер. на англ. яз. – 6 110 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 15 руб., II – 30 руб., III – 50 руб., IV – 50 руб., V – 70 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 15 руб. (без учета почтовых расходов).

Монография посвящена комплексным исследованиям пещеры Цаган-Агуй на самом юге Республики Монголии, проведенным в 1987 - 1989 гг. Памятник характерен своеобразным геоморфологическим положением: он находится в доломитизированных известняках небольшого хребта. Рыхлые отложения пещеры содержат археологические, палеозоологические, палинологические остатки, которые позволяют воссоздать природную обстановку в малоизучаемом районе аридной зоны Евразии. И на этом фоне представляется возможным проследить динамику каменных индустрий на протяжении последних 500 тыс. лет. Материалы пещеры позволяют создать хронологическую шкалу и “привязать” к ней многочисленные местонахождения

каменного века открытого залегания Центральной Азии, а также поставить ряд глобальных проблем, связанных с освоением человеком глубинных районов Азии.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I – III). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – 160 с. + 66 ил. Резюме на англ. яз. – 4 370 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 15 руб., II – 30 руб., III – 50 руб., IV – 50 руб., V – 70 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 15 руб. (без учета почтовых расходов).

Монография впервые обобщает результаты исследований палеолитических местонахождений в долине р. Селемджи (Верхнее Приамурье). В ее основу положены материалы полевых исследований трех многослойных местонахождений в устье р. Ульмы (левый приток Селемджи). В условиях слабой геоморфологической изученности долины предпринята попытка хронологического расчленения покровных отложений на разновысотных гипсометрических уровнях. С учетом геоморфологических наблюдений, данных абсолютного датирования по ¹⁴C и анализа стратиграфических разрезов проводится климатостратиграфическая корреляция литологических горизонтов покровного комплекса Селемджи и сопредельных территорий. Впервые генезис покровных суглинков Приамурья рассматривается с точки зрения эоловой гипотезы форми-

рования отложений. Отчетливая многослойность местонахождений позволила создать рабочую схему по разделению культуросодержащих отложений на несколько культурно-хронологических этапов и проследить динамику развития единой культурной традиции. Данная традиция развивалась предположительно 24 – 10,5 тыс. л.н. Она характеризуется устойчивым сочетанием техники торцового скалывания, двусторонней обработки и пластинчатого расщепления. На основании указанных признаков проводится сопоставление индустрий местонахождений в устье Ульмы с памятниками сопредельных территорий.

Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. / Отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – 736 с. + 129 ил., 7 табл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 60 руб., II – 100 руб., III – 180 руб., IV – 140 руб., V – 220 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 60 руб. (без учета почтовых расходов). ISBN 5-7803-0030-5

Сборник материалов международного симпозиума посвящен актуальным вопросам историко-культурного развития Сибири от древности до нового времени. В статьях ученых из России, стран СНГ, Западной Европы, Японии, Республики Кореи, США рассматривается широкий круг фундаментальных проблем, например, эволюция материальной культуры и технологии жизнеобеспечения как отражение адаптационных моделей взаимодействия природы и человека при изменениях палеоэкологической ситуации в древности и на современном этапе. Публикуются новые материалы по этногенезу аборигенного населения Сибири, дается реконструкция

мировоззренческих представлений сибирских этносов: традиции, новации, инновации. Представлены данные по хронологии, стилистике, семантике образов древнего искусства. Освещены вопросы антропологического изучения древнего и современного населения региона. Особое внимание уделяется использованию естественнонаучных методов исследования к специфике археологических источников. Статьи сборника, включающие фотографии, рисунки, чертежи, значительно расширяют источниковую базу археологии Сибири в широком временном диапазоне.

Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. / Отв. ред. И.Н. Гемуев. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 2. – 544 с. + 38 ил., 5 табл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 50 руб., II – 90 руб., III – 170 руб., IV – 135 руб., V – 215 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 50 руб. (без учета почтовых расходов). ISBN 5-7803-0029-1

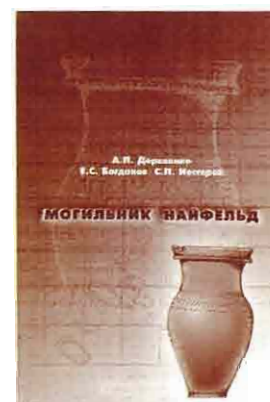
Сборник знакомит с докладами участников международного симпозиума, посвященного 90-летию выдающегося ученого-сибироведа академика А.П. Окладникова. В нем публикуются итоги исследований этнографов, фольклористов, социологов, музыковедов из разных регионов страны по проблемам истории и культуры народов Сибири и сопредельных территорий. Рассматриваются различные аспекты традиционной и современной культуры аборигенного и переселенческого населения Северной Азии. На основе оригинальных этнографических и архивных данных, а также малоизвестных музейных коллекций освещаются, в частности, вопросы этногенеза народов Сибири, их этнической истории, сохранения и развития национальных культур. Раскрывается роль А.П. Окладникова в развитии сибирской этнографии, значение его идей для этносоциальных исследований. В ряде статей поднимаются проблемы этнокультурной адаптации, трансформации, межэтнического взаимодействия пришлого и коренного населения региона. Нашли отражение некоторые стороны культуры русских Сибири (старожилы и старообрядцы), например местная традиция иконотворчества. Поднимаются вопросы истории и современного состояния национальных религий (буддизма, бурханизма) таких народов, как буряты, тувинцы и хакасы. Рассматриваются проблемы теоретического осмысления культовых артефактов аборигенов Сибири. Материалы симпозиума вводят в научный оборот результаты разработок в нетрадиционных для этнографической науки направлениях – визуальной антропологии, этноархеологии, информационных технологиях этнографических исследований. Анализируются жанры фольклора сибиряков, являющиеся ценным источником для научных построений. Материалы сборника содержат большой массив информации о потенциале сибирских народов, позволяющем сохранять их культурное своеобразие.

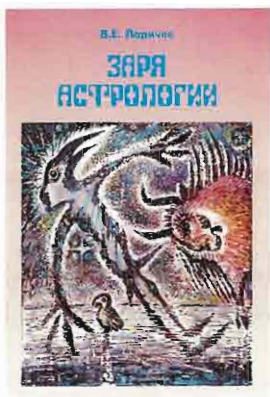

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 96 с. + 47 ил., 2 табл. Пер. на англ. яз. – 794 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 30 руб., II – 45 руб., III – 65 руб., IV – 65 руб., V – 85 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 30 руб. (без учета почтовых расходов). ISBN 5-7803-0048-8

Могильник Найфельд является самым ярким памятником раннего средневековья в своеобразной зоне сосредоточения древних археологических объектов различных эпох, приуроченных к устью р. Икуры (Хабаровский край). Материал из этого некрополя, хранящийся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН, частично публиковался в 1966 г. А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко. В монографии вводятся в научный оборот результаты раскопок в 1960 и 1962 гг., их культурно-хронологическая и этническая интерпретация. Специальный раздел посвящен планиграфии могильника и описанию погребений – рассматривается месторасположение могильника Найфельд и дается подробная характеристика 41 погребения. Впервые публикуются большая часть планов могил, а также многие предметы погребального инвентаря. Определяется погребальный обряд, характеризующийся только вторичными захоронениями умерших. Особое место уделено анализу таких категорий погребального инвентаря, как керамика, оружие, конская упряжь, украшения и бытовые предметы. Предметный комплекс в погребениях довольно стандартен и включает преимущественно керамические сосуды найфельдского типа и предметы вооружения. В разделе «Датировка и этнокультурная принадлежность» на основе новых радиоуглеродных дат уточняется хронология некрополя (V – VI вв. н.э.), определяются его этнокультурная принадлежность и место в ряду средневековых памятников Дальнего Востока. Ареал памятников благословеннинско-найфельдской группы совпадает с территорией, которую в I тыс. занимали племена хэйшуй мохэ. Погребальный обряд найфельдцев хорошо согласуется с сообщениями китайских летописей о погребальном обряде мохэских племен. Материалы свидетельствуют, что могильник Найфельд стоит у истоков формирования найфельдской группы памятников хэйшуй мохэ. В приложении, выполненном канд. ист. наук В.А. Краминцевым, приводятся результаты металлографического анализа 16 железных предметов.

Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и “блуждающие звезды” / Отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 320 с. + 132 ил.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 50 руб., II – 70 руб., III – 110 руб., IV – 100 руб., V – 210 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 50 руб. (без учета почтовых расходов).

Это четвертая книга автора в серии его монографий, посвященных астрономии, календарям и астральной мифологии эпох первобытности и ранних цивилизаций (ранее вышли в свет “Колесо Времени: Солнце, Луна и древние люди” (Новосибирск, 1986); “Мудрость Змеи: первобытный человек, Луна и Солнце” (Новосибирск, 1989); “Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон” (Новосибирск, 1993)). Тема очередного издания – насыщенная драматическими коллизиями история открытий памятников пещерного искусства древнекаменного века в Европе и упорных попыток археологов раскрыть смысл живописных образов животных и человека, запечатленных на стенах подземных святилищ ледниковой эпохи (исследования 1872 – 1994 гг.). Читателю предоставляется редкая возможность проследить ход изучения этого блестящего феномена культуры предков и уяснить причины крупных перемен в оценках искусствоведов значимости древнего художественного творчества. В книгу включены также сюжеты, которые знакомят с такой разновидностью искусства древнекаменного века, как уникальные скульптуры из бивня мамонта, открытые при раскопках Мальты, поселения древнекаменного века Сибири (24 тыс. л.н.). Расшифровка числовых текстов на этих предметах искусства позволила представить во всей наглядности поразительно высокий уровень познания людей, живших десятки тысячелетий назад.

Древности Бурей / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 352 с. + 204 ил., 38 табл. Пер. на англ. яз. – 7 719 слов.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 100 руб., II – 140 руб., III – 220 руб., IV – 185 руб., V – 265 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 100 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0052-6

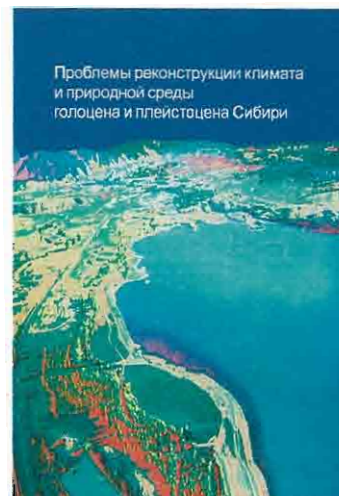
В монографии впервые освещаются результаты комплексного исследования археологических памятников в долине р. Бурей (Приамурье), проводившегося в 1980 – 1990 гг. Хронологические рамки работы – конец верхнего палеолита – X – XII вв. н.э. Основной хронологический диапазон заключается между XI в. до н.э. и X – XII вв. н.э. Ему соответствуют памятники раннего железного века и эпохи средневековья. В книге рассматриваются вопросы физико-географической характеристики долины р. Бурей, прослеживается история заселения и исторического изучения данной территории в XVII – XX вв., на основе палинологических данных реконструируется природная обстановка в конце плейстоцена – голоцене. Большое место уделяется описанию и анализу материалов раскопанных памятников. Результаты их изучения представлены в хронологической последовательности от эпохи палеолита до средневековья. Проводится трасологический анализ каменных артефактов, всесторонне изучается керамика разных эпох, описываются типы конструкций древних жилищ и хозяйственно-бытовой уклад населения. По стратиграфическим наблюдениям и радиоуглеродным датам создана культурно-хронологическая шкала долины р. Бурей, позволившая изученные объекты не только включить в уже существующую археологическую периодизацию древних и средневековых культур дальневосточного региона, но и открыть новые культуры – талаканскую (ранний железный век) и михайловскую (раннее средневековье).

Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Вып. 2. – 472 с. + 199 ил., 57 табл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 120 руб., II – 160 руб., III – 240 руб., IV – 205 руб., V – 285 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 120 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0061-5

Сборник продолжает публикацию статей, подготовленных в рамках реализации интеграционной программы СО РАН “Изменение климата и природной среды Сибири в голоцене и плейстоцене в контексте глобальных изменений”, направленной на изучение региональной динамики природно-климатических ситуаций в Северной Азии за последние 500 тыс. лет. В статьях приведены результаты исследования донных осадков оз. Байкал, в колонках которых зафиксирована непрерывная летопись природной среды и климата, дается сравнительный анализ наземных разрезов Западной Сибири, позволяющий моделировать амплитуду и частоту климатических изменений в плейстоцене и голоцене. Большое внимание уделяется реконструкции состава растительных ассоциаций, длительных изменений годовых температур и осадков по спорово-пыльцевым спектрам и данным палеокарпологии, полученными в отложениях Западной Сибири и Алтая, характеристике эволюционного развития фаун млекопитающих, отражающих климатические и ландшафтные изменения на Алтае, Западной и Восточной Сибири, а также корреляции природных факторов и механизмов культурной адаптации древних человеческих сообществ Северной Азии. Публикуются данные по древесно-кольцевым хронологиям последнего тысячелетия на Алтае и северо-востоке Сибири, оценка палеоклиматических параметров по термограммам скважин в пределах блоков нестационарной мерзлоты, описание создаваемой геоинформационной системы “История климата Сибири”. Материалы исследований дают основание для надежных корреляций региональных североазиатских летописей с высокоразрешающей непрерывной климатической байкальской летописью и эталонной океанической изотопно-кислородной шкалой SPECMAP. Они могут быть использованы при проведении межрегиональных корреляций покровных и озерных отложений антропогена, а также в палеогеографии, палеоэкологии, климатологии, дендрохронологии и археологии.

Дорогие друзья! Предлагаем Вашему вниманию научные издания – монографии и сборники статей, подготовленные сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и выпущенные в свет его издательством. Обращаем Ваше внимание на пять ценовых категорий предлагаемых книг, отражающих стоимость пересылки:

I – для Российской Федерации наземной почтой;

II – для Белоруссии, Узбекистана, Украины наземной почтой;

III – для Армении, Таджикистана только авиапочтой;

IV – для Грузии, Казахстана, Туркмении, Эстонии, Молдовы, Кыргызстана наземной почтой;

V – для Азербайджана только авиапочтой.

Предлагаемые книги могут быть оплачены Вами через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции. Просим учесть, что Сбербанк РФ взимает за проведение платежа 3% от суммы перевода. Вам нужно без ошибок заполнить квитанцию: в графе “Платательщик” напишите фамилию и инициалы, в графе “Адрес” – свой почтовый индекс и полный адрес, в графе “Назначение платежа” – трехзначные коды книг, в графе “Сумма” – общую стоимость заказа. В течение месяца Вы получите заказанную книгу.

Если же по каким-либо причинам Вы не желаете авансировать доставку книг, то заказ можно оформить наложенным платежом, заполнив приведенную форму.

Внимание! К сожалению, граждане и организации в странах СНГ могут оформить заказ на литературу **только** по предоплате. Разница в стоимости изданий для заказчиков на территории РФ и стран СНГ обусловлена разницей в стоимости пересылки.

АГУ – Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯиЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗИН – Зоологический институт РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО АН
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОИГТМ – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН
ОмГУ – Омский государственный университет
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
JRGZ – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (Mainz)